

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

ЧУВАШСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

АРХЕОЛОГИЯ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ
ПРАВОВЕДЕНИЕ
СОЦИОЛОГИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА
ЭТНОЛОГИЯ

Чебоксары — 2007

*Учредитель ГНУ «Чувашский государственный
институт гуманитарных наук»*

Редакционная коллегия

Ю.М. Артемьев, И.И. Бойко, В.С. Григорьев (главный редактор),
В.П. Иванов, М.Г. Кондратьев, Г.А. Николаев (заместитель главного редактора),
Л.П. Петров, А.А. Трофимов (художественный редактор),
В.Г. Харитонова, А.П. Хузангай

Ответственный за выпуск

Г.А. Николаев

Чувашский гуманитарный вестник.
Чебоксары, 2007. № 1 (январь—июнь)

Научный журнал
Основан в феврале 2006 г.
Выходит 2 раза в год

© Чувашский государственный институт
гуманитарных наук, 2007 г.
© Редколлегия журнала
«Чувашский гуманитарный вестник»
(составитель), 2007 г.

ЧГВ, 2007 г., № 1
© Е.П. Погодин

ПОДРЯДЫ И ОТКУПА КУПЦОВ ЧУВАШИИ В XVII — XIX веках

Подрядами люди и богатеют, и разоряются.
В. Даль

С XVII в. в формировании российских купеческих капиталов важную роль стали играть подрядные и откупные операции (поставки вина, соли, рыбы, хлеба, провианта и др., откуп питейной прибыли). М.Д. Чулков считал, что подряды и откупа играли большую роль, чем торговля¹. По мнению В.А. Александрова, авансирование казной хлебных и других подрядов было для купечества XVII в. единственным средством получения кредита². П.А. Хромов пришел к выводу, что «откупа составляли характерную особенность финансовой системы феодально-крепостнической России на протяжении нескольких столетий, и ... являлись важнейшим методом первоначального накопления в России»³. На откупах и подрядах нажили колоссальные состояния Строгановы, Шуваловы, Кокоревы, Злобиновы и др. Крупнейший промышленник Савва Яковлев составил состояние на винных откупах, получая прибыли до 700 тыс. руб. в год⁴. Профессор В.Т. Чунтулов придерживается мнения, что главным источником богатств купцов и разбогатевших крестьян и ремесленников была торговля, прежде всего неэквивалентный обмен с народностями Сибири, носивший ярко выраженный колониальный характер. Определенное значение для первоначального накопления имели также подряды и откупа, которые городская верхушка получала у государства⁵.

По наблюдениям марийского историка А.Г. Иванова, для части козьмодемьянских и царевкокшайских купцов одним из важнейших источников накопления капитала явились казенные подряды по перевозке хлеба и фуража, вина, соли. К ним он добавляет доходы от питейных, таможенных, конских и иных откупов⁶.

В настоящей статье предпринята попытка на конкретно-историческом материале показать основные виды откупов и подрядных работ,

Евгений Петрович Погодин — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой информационно-экскурсионной деятельности филиала Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета в Чебоксарах.

осуществлявшихся купцами на территории Чувашии в XVII—XIX вв. Специального исследования на эту тему не проводилось.

Актуальность темы исследования определяется и тем, что в современных российских условиях подряд, как явление хозяйственной жизни, вновь возрождается и быстро распространяется. «Память о прежнем» важна не сама по себе. Она приобретает особую ценность лишь при ее разумном «вмешательстве» в заботы сегодняшнего и завтрашнего дня. Поэтому попробуем не забывать о минувшем, причем как о его практическом опыте, так и о его идеях.

Данные о подрядах и откупах приходилось собирать по крупицам в различных фондах ведомственных архивов. В обязанность посадских учреждений входила реализация казенных подрядов вина, хлеба и т.п. В посадские учреждения поступали сведения о том, в какие города и в каком количестве требуется вина, в какие казенные магазины нужно поставлять хлеб и т.д. Оформление подрядов производилось через посадские учреждения⁷.

Определенное представление о казенных подрядах в Чувашии на начало XVIII в. дают материалы из фонда Чебоксарской земской избы. С 1721 г. земские избы были заменены городскими магистратами, поэтому материал о казенных подрядах в XVIII — первой половине XIX вв. отложился и в фондах этих учреждений, которые должны были выдавать свидетельства на получение горожанами подрядов. Действующие при магистратах городские сословные суды решали споры, в том числе и о подрядах. По подрядному вопросу магистраты в целом успешно сотрудничали с думами. Переписка центральных, губернских и уездных учреждений между собой по поводу подрядов и откупов дает наиболее богатую по содержанию информацию. Решения думы и магистрата исполняли купеческий и мещанский старосты, которые занимались, помимо прочего, и наймами подрядов на городское строительство.

Согласно закону в городах для записи и регистрации всех договоров и сделок по подрядным работам назначалось особое должностное лицо — маклер. Порядные записи маклерских книг фиксировали заключение подрядов на поставку товаров как с государственными учреждениями, так и с частными лицами. Записи содержат сведения об участниках подрядов и их поручителях, обязанных выполнять подряд в случае невыполнения его подрядчиком. В подрядной записи подробно оговаривается объем поставляемого товара, сумма, выдаваемая купцу авансом, место доставки и срок поставки. Порядными записями оформлялась и работа по заказу, например, строительство казенного соляного магазина.

К записям о заключении подрядов примыкают записи об откупах. Они также составлялись в форме поручительства по главному лицу сделки. Кроме имен, фамилий и сословного происхождения участников указываются сроки откупа, что именно дается на откуп, его сумма и разные дополнительные условия, на которых предоставлялся откуп.

О подрядно-хозяйственной деятельности купцов на территории Чувашии в XVIII—XIX вв. сохранились богатые архивные материалы. На основании их, а также учитывая материалы, введенные в оборот

предшествующими публикациями, можно проследить процесс создания крупного купеческого капитала в Чувашии.

Поставка на государственные нужды товаров за определенную цену широко практиковалась уже в XVII в. и особенно возросла в начале XVIII в. в связи с военными расходами. В 1724 г. из госбюджета страны подрядчикам за провиант и фураж было ассигновано 1210 тыс. руб., винным подрядчикам за поставку вина — 720,1 тыс. руб.⁸

Для купечества Чувашии казенные подряды были важной формой накопления капиталов. Они были выгодны купцам тем, что казна выплачивала подрядчику вперед часть причитавшейся ему за подряд суммы (чаще всего половину). Эти деньги купец-подрядчик мог вложить в любое предприятие или торговлю. Часто желающих получить тот или иной подряд было много. В казенных учреждениях устраивались специальные торги. В итоге обладателем подряда становился тот, кто называл наименьшую подрядную сумму. Подрядчику выдавался специальный документ, в котором указывались условия подряда: поставка тех или иных товаров определенного качества в определенное место и время, порядок оплаты казной услуг подрядчика, выплата им неустойки в случае непоставки товаров и т.д.

Исследователями особо отмечена важность для купечества XVII—XIX вв. винных откупов и подрядов, способствовавших зачастую стремительному росту капиталов подрядчиков⁹. Часто правительство отдавало кабацкие и таможенные доходы на откупа, очень разорительные для населения, но удобные власти, поскольку они сразу обеспечивали поступление денег в казну. Царские кабаки, находившиеся на откупах, процветали, а выражение «в кабаке завалялся» стало синонимом разорения крестьянина и городского ремесленника от пьянства в царских кабаках¹⁰. Перед войной 1632—1634 гг. с Польшей кабацкие откупа были уничтожены, и торговля водкой сделалась казенной монополией. Но финансовые нужды вынудили вновь возвратиться к откупам «для пополнения государственной казны ратным людям на жалованье»¹¹.

В 1681 г. вновь делается попытка уничтожить откупа, которые составляли серьезный источник обогащения откупщиков и одно из средств создания крупных капиталов в России¹². Широко практикуя отдачу торговли вином на откуп, правительство стремилось таким путем выкачать как можно больше средств из тяглого населения и одновременно замаскировать увеличение налогового бремени. Значительное количество вина и пива производилось подрядчиками, в первую очередь купцами, в руках которых до 1754 г. находилась в основном винокурная промышленность. Покупая вино у подрядчиков по 8—10 алтын за ведро, правительство продавало его в кабаках и на кружечных дворах значительно дороже; продажа казенного вина являлась главным источником государственных доходов. В свою очередь плата за поставку вина настолько превышала себестоимость его выкурки, что подряды на поставку вина считались выгодным предприятием. Выгодность подрядов на поставку вина привлекала многих промышленных людей.

В 1693 г. в Чебоксарском уезде на речке Чебоксарке «промышленник» Тимофей Андреев с разрешения Приказа Казанского дворца основал

винокуренный завод, обязавшись платить оброк по 5 руб. с полтиной в год. В том же году Т. Андреев взял подряд на поставку вина в Саратов и Царицын на кружечные дворы по 3500 ведер в год ценою по 10 алт. за ведро, сроком на 5 лет. Через два года он получил такой же подряд на уфимский кружечный двор, также на 5 лет на 5 тыс. ведер в год, по 11 алт. за ведро. За первый год он получил деньги вперед, а за остальные четыре должен был получить по окончании поставки вина. По поводу выдачи ему денег в указе сказано: «А деньги велено ему давать наперед на завод на один год, а в четыре года — по поставке вина...». Однако местные власти проявили необъяснимую инициативу. В результате Тимофей Андреев еще до поставки получил вперед за саратовский и царицынский подряды — за три года и за уфимский подряд — за два года, всего он получил вперед 9600 руб. и на эти деньги построил свой завод. По мнению М.Я. Волкова, столь выгодные для подрядчика условия оплаты подрядного вина сложились вследствие того, что в XVII — начале XVIII вв. винокуренные заведения России еще не могли удовлетворить весь спрос казны¹³.

Для расширения предприятия Андреев завез новый «заторный» котел, еще 30 кубов и трубы к ним, доведя общее количество больших кубов до 83, но делу помешала смерть винопромышленника в 1696 г. Выполнив лишь меньшую часть поставки, Андреев остался должен казне по договору 22160 / ведра вина на сумму 6948 руб. 5 алт. «Досиживать вино» пришлось его сыну Андрею, но он по каким-то причинам прекратил поставку, вследствие чего винокурня и мельница, а также и другие «заводы» его отца, находившиеся в «низовых городах», были «отписаны на государя»¹⁴.

Этим обстоятельством воспользовались нижегородские купцы Калмыковы, которые сумели заполучить чебоксарскую винокурню. Калмыковы начали курить на ней вино в 1698 г. Первоначально работал всего 21 куб, и было выкурено 25 ведер. Вино обходилось дорого — по 10 алт. с лишком ведро. Постепенно число действовавших кубов увеличилось до 50, и соответственно этому росло количество выкуриваемого вина и доходность предприятия. Имея свой винокуренный «завод» в Чебоксарах, Калмыковы путем подрядов, сдававшихся ими более мелким предпринимателям, охватили своей винокуренной промышленностью широкий район¹⁵.

Правительство Екатерины II постепенно отказывается от казенных и частных монополий и отменяет откупа (за исключением винных), что было уступкой растущим буржуазным отношениям. Уничтожение откупной системы во второй половине XVIII в., несомненно, способствовало росту внутреннего рынка. В это время в нем главную роль играли купцы, затем торгующие крестьяне, мещане, однодворцы, казаки.

В 1787 г. алатырский купец 2-й гильдии В.С. Косолапов подрядился на поставку в 1788 г. 64200 ведер вина со ставропольских казенных заводов в Симбирск, Сенгилей, Самару, Сызрань, Алатырь, Курмыш, Ардатов, Буинск¹⁶. Винный бизнес был весьма доходным и позволил Косолапову выйти в купцы 1-й гильдии. Разбогатевший на винных поставках алатырский купец 1-й гильдии М.С. Косолапов одалживает в 1811 г. крестьянину П. Ляхову 2000 руб., а в 1810—1812 гг. самому графу П.И. Салтыкову

довольно высокую по тем временам сумму — 60000 руб.¹⁷ В 1812 г. из 130 купцов уездного города Алатыря в первой гильдии была лишь одна семья Косолаповых, которая к моменту VIII ревизии 1834 г. переходит в мещанство губернского города Симбирска¹⁸.

Чебоксарский казенный водочный завод с пивоварней, располагавшийся в первой половине XIX в. за городом, на выгонной земле, в 1854 г. занимал 1740 кв. саж. и находился в «откупном содержании», т.е. в аренде у разных лиц, в т.ч. у купцов. Пивоваренный завод первоначально принадлежал казанскому купцу Ивану Жаркову. В начале XIX в. он пребывал «в заведывании» у нолинского купца-откупщика И. Севрюгина. В 1809 г. решением 2-го департамента Правительствующего сената велено было чебоксарский пивоваренный завод из казенного ведомства исключить и передать городу. (По Великороссии пивной откуп с 1807 по 1811 г. был сдан за 1273172 руб.¹⁹). Из описи пивоваренного завода, составленной в связи с передачей его от Севрюгина Чебоксарской городской думе, видно, что пивной промысел к моменту перехода его из казенного в городское управление был заброшен. Постройки успели обветшать, оборудование устарело. Тяжелым материальным положением пивоваренного завода воспользовался чебоксарских питейных сборов поверенный И.П. Баташов, который для приумножения своих капиталов заключил контракт с думой об аренде пивзавода на 4 года, с 1 февраля 1811 г. по 1 февраля 1815 г. из оброка в 40 руб. в пользу города ежегодно. Так как завод пришел в ветхость, то подрядчик обязался построить новую крышу, привести все в порядок, «не доводя до разрушения»²⁰.

9 января 1815 г. состоялись открытые торги по отдаче пивоварни на новое 4-летнее откупное содержание. Победил на них казанский купец И. Ососов, который «наддал» к прежней откупной сумме в 40 руб. еще 18 руб. ежегодного оброка²¹ и стал обладателем пивного откупа в самом оживленном городе Чувашии. Жаловаться на тяжесть содержания пивного откупа здесь было грех, потому что в городе, особенно летом, часто останавливались торговые, промышленные и гуляющие люди. Неслучайно же торги 1819 г., начавшиеся с оброка в 60 руб. между чебоксарцами мещанином М.Р. Будаевым и купцом Я.И. Веденисовым, закончились в пользу последнего, предложившего самую высокую сумму — 132 руб. в год²². Как видим, конкуренция за пивную монополию развернулась не шуточная, если цена откупа подскочила в два с лишним раза. Местная администрация, постоянно пытавшаяся увеличить откупные платежи, оказалась на высоте: доходы городской казны заметно пополнились. В 1825 г. пивоваренный завод содержал чебоксарский купец Ф. Богатырев²³.

В Чебоксарах откупными делами ведала питейная контора, в начале XIX в. она возглавлялась управляющим питейными сборами казанским купцом И.П. Баташовым²⁴.

Выгодность подрядов на поставку в казну вина привлекала многих промышленных людей. Так, в 1800 г. симбирский купец-откупщик Макаров имел подряд на поставку 4000 ведер вина с винокуренного завода помещика Н.И. Сатина в д. Водолеево Чебоксарского уезда²⁵. Нам известно, что в конце 1806 г. водолевский винокуренный завод принадлежал уже новому хозяину — корнету Мещерякову, который, в свою очередь, сдавал

его в аренду содержателям питейных сборов поручику С.Н. Нилову и нолинскому 2-й гильдии купцу И.Ф. Севрюгину. Эти господа-откупщики в том году имели откуп на вино в городах Нолинске, Яранске и Уржуме Вятской губернии, а с 1807 г. взяли в монополию выкурку вина в Чебоксарах, Свияжске и Козьмодемьянске с их уездами Казанской губернии²⁶. Выплачивая в казну сразу большую сумму денег, они стремились с лихвой вернуть их за счет потребителя или поставщиков сырья, вздувая цены и уничтожая на корню своих возможных конкурентов.

Купечество, фактически захватив в свои руки государственную монополию на водку в виде откупов, превратило откупную систему в источник своего непрерывного и бесхлопотного обогащения. Благодаря водке купечество стало привыкать не к деятельному соревнованию и жесткой, заставляющей думать и считать каждую копейку конкуренции, а к паразитированию и наживе на основе злоупотреблений, воровства из казны, фальсификации и ухудшении качества продукта, поскольку именно водочные откупа предоставляли все эти «редкие» возможности. По словам потомственного купца П.А. Бурьшкина, два вида деятельности — откупа и ростовщичество — не пользовались уважением у московского купечества²⁷.

В 1819—1827 гг. откупная система была заменена казенной продажей, но затем откупа были введены вновь. И вновь с купцами конкурировали дворяне. Так, с 1850-х гг. Комаровским винокурненным заводом в Чебоксарском уезде завладели знаменитые винные откупщики братья-дворяне Мясниковы, которые проживали в Чебоксарах, содержали там винный склад и трактир. Управлял заводом, по доверенности своих хозяев, Ф.С. Карташев. Во второй половине 1870-х гг. Мясниковы решили производством вина не заниматься и сдали винокурню в аренду за 3 тыс. руб. в год гражданскому купцу В.А. Булычеву, а в 1891 г. и вовсе продали завод купцу С.Т. Забродину²⁸.

Казенные доходы с питейного откупа по Чебоксарскому уезду в 1842 г. составляли 78698 руб. серебром²⁹. Прибыль откупщиков от продажи водки во много раз превышала их платежи в казну. Торговать водкой в чувашских городах нанимались даже казанские жители. Так, 24 июня 1806 г. несколько казанских мещан заключили контракт с откупщиком Н.П. Трофимовым на работу в питейных домах Чебоксар, Цивильска, Ядрина, Козьмодемьянска с их округами³⁰. В откупах тайно принимали участие ряд видных чиновников: губернаторы, чины судебного и полицейского надзора находились на жаловании у откупщиков. Откупщик, умевший найти поддержку у местных властей, опасавшихся недобора откупной суммы и возможных в связи с этим неприятностей, процветал. По свидетельству современника, казанский военный губернатор генерал-лейтенант С.С. Стрекалов, призванный в силу своего положения наблюдать за работой откупщиков, предоставлял им право грабить население губернии, как им хотелось, за что с них получал ежегодную дань, достигавшую нескольких десятков тысяч рублей³¹. Эксплуатация Казанской и других губерний означала возложение на хозяйство страны тяжкого бремени, что никак не отвечало интересам Российской империи. Банкир Блиох признавал, что экономические последствия откупов для народа хорошо известны: это, можно сказать, повторное его закрепощение³². Вот

почему сразу после отмены крепостного права в России в общем русле хозяйственных и социальных реформ была проведена и решительная отмена ненавистной откупной системы. Она была заменена в 1863 г. введением акцизной системы. С тех пор на десятилетия вперед один из источников образования капиталов в стране иссяк.

Важное значение для купечества Чувашии имели подряды на перевозку соли («соляные подряды»). Соль, являясь предметом первой необходимости, была крупной доходной статьей. Потребность в соли была тогда намного выше, чем сегодня. Это было время, когда почти каждый выполнял тяжелую физическую работу, и, следовательно, по законам физиологии, солевой обмен у него был более интенсивным. Мясо можно было консервировать только путем засолки. Овцы, козы, коровы сельского и городского населения также требовали соли. Казна желала полностью контролировать торговлю солью.

Стремясь избежать дефицита в бюджете, правительство Петра I широко вводило монополии государства на торговлю некоторыми товарами (соль, вино, меха, клей, рыбий жир, поташ, смольчуг, ревень, икра, табак, деготь, щетина и др.). С 1 января 1705 г. была введена государственная монополия на торговлю солью, и цена на соль возросла вдвое по сравнению с ценой, по которой доставляли ее в казну подрядчики. Одновременно в целях экономии казенных средств возрастала система откупов и подрядов, разорявших население; причем очередная сдача сборов на откуп сопровождалась повышением их окладов. На откупа сдавалось право на рыбную ловлю³³, сенные покосы, постоянные дворы³⁴, мельницы и мельничные сборы³⁵, бани, мосты и перевозки. За неуплату налогов и долгов неплательщиков, «так и поручиков их» по откупам и подрядам указано было отсылать на работу в Петербург, в Адмиралтейство, на галерную работу. В 1724 г. государственные доходы России от статьи «Оброки и откупы государственного имущества» составили 0,22 млн руб., или 2,6% от всех доходов госбюджета³⁶. Правда, в России, в отличие от Франции и Пруссии, покупка соли и некоторых других продуктов не была обязательной для населения. Сознвая вред государственной монополии для развития экономики России, Петр I к началу 20-х годов XVIII в. отменил большую часть мелких казенных монополий. С 1728 г. разрешена вольная «соляная» продажа, которая, правда, уже в 1731 г. из-за финансовых затруднений правительства вновь была заменена казенной монополией продажи соли³⁷. Государство покупало соль оптом у солепромышленников, а купцы-подрядчики доставляли ее в места, где осуществлялась казенная продажа ее населению. Покупка соли обходилась недешево. В 1721 г. пуд соли в Казани стоил 18 коп., в 1726 г. — 36 коп., в 1756 г. — 50 коп.³⁸

В конце XVII — начале XVIII вв. крупными подрядчиками по доставке соли на территорию Чувашии выступали купцы Благовещенской слободы А.Е. Первов, который в 1691 г. отправил из Астрахани струг с грузом 17625 пудов соли и с командой в 75 человек и второй струг с грузом в 28700 пудов соли и с 230 работными³⁹, А.И. Кораблев, И.А. Кораблев, Т.Я. Кораблев и др.⁴⁰ В XVIII в. только из Астрахани в Чебоксары привозили от 70 тыс. до 150 тыс. пудов соли в год. Для сравнения отметим,

что в апреле 1750 г. в саранских соляных амбарах хранилось эльтонской соли 71509 пудов; соль была доставлена крестьянами по подрядам⁴¹. В 1746 г. в Чебоксарах было возведено каменное здание Соляной конторы, располагавшееся на склоне крутого откоса набережной Волги и благодаря этому имевшее высокий подклетный этаж.

В 1760-е гг. наряду с казенной существовала и свободная торговля солью. По Уставу о соли 1781 г., по уездам открывалась «вольная соляная продажа», но она заключалась в том, что каждый мог брать соль из казенных магазинов, уплатив определенную сумму, и продавать по любой цене⁴². 20 мая 1782 г. в Казанской казенной палате были заключены контракты с подрядчиками (казанскими, нижегородскими и балахнинскими купцами) на четыре (1782—1786) года на поставку эльтонской соли в города Казанской губернии — Казань, Тетюши, Спасск, Цивильск, Чебоксары, Козьмодемьянск, Царевококшайск, Ядрин — из саратовских и камышинских запасных магазинов⁴³. Отметим, что в документах за 1784 г. упоминаются соляные подрядчики московский купец Петр Курочкин, чебоксарский купец Василий Ключев и его поверенный Иван Кулехов, ядринский купец Петр Беляков с поверенным Иваном Недопивцевым⁴⁴, доставлявшие соль в чувашские города и селения.

По правилам, утвержденным 21 апреля 1766 г. Правительствующим сенатом, необходимо было публиковать сведения о предстоящих торгах по вызову откупщиков и винных поставщиков за полсрока до окончания откупа. Руководствуясь этими правилами, Казанская казенная палата 3 июня 1784 г. издала указ для местных (городских и уездных) органов власти (уездных судов, городских магистратов и нижних расправ) о наступившем сроке объявления всем желающим взять подряд на поставку соли в Казанскую губернию «впредь на четыре года», т.е. с 1786 по 1790 гг. Причем в особой ведомости указывалась годовая пропорция соли на каждый город губернии, а именно⁴⁵: из камышинских луговых магазинов эльтонской соли в Казань — 123586 пудов, Свияжск — 27529, Чебоксары — 23447, Козьмодемьянск — 14960, Цивильск — 21642, Тетюши — 18659 пудов 30 фунтов, Арск — 12231 пуд 20 фунтов, Царевококшайск — 17900 пудов 11 фунтов, Ядрин — 18539 пудов 20 фунтов, Спасск — 34258 пудов; с Илецкой Защиты или со Стерлитамакской и Бетинской пристаней илецкой соли: в Мамадыш — 17116 пудов, Чистополь — 25630, Лаишев — 20822 пуда. Итого по Казанской губернии — 376321 пуд 1 фунт.

На первые торги, состоявшиеся в Казани 27 июня 1784 г., никто не явился. На вторые торги также желающих не нашлось, кроме одного человека. Чебоксарское купечество, выслушав указ о торгах, объявило, что «они к поставке с будущего 1786 г. впредь на четыре года во все наместничества города эльтонской и илецкой соли подрядиться не желают, в чем и расписались»; всего «руку приложили» 10 купцов⁴⁶.

Почему при специфических условиях постоянного спроса на соль чебоксарские купцы не приняли участие в соляном подряде в 1784 г.? Сами по себе подряды были выгодны купцам, особенно крупным, но в ряде случаев их подстерегала неудача из-за повышения цен на товар или расходов на транспорт, отсутствия аванса или недобросовестности компаньонов. К тому же в исследуемое время сравнительно медленно

увеличивалась прибыль казны от торговли солью. Резкое повышение цен на нее в 50-х гг. XVIII в. и многочисленные жалобы населения на тяжесть обложения привели к тому, что правительству Екатерины II пришлось несколько снизить цены. В отдельные годы ее правления доход от «соляной» статьи был сравнительно небольшим. В конце 80-х гг. доходы казны от продажи соли резко упали в связи с ростом издержек по добыче и торговле солью. В результате государство несло убыток по этой статье дохода, составивший в 1795 г. около 1,17 млн руб.⁴⁷ По-видимому, из-за низкой прибыли «соляные» подрядчики ответили отказом, просто не объявив соль в подряд.

В Чувашию поставляли и так называемую «илецкую соль» (совр. Соль-Илецкий район Оренбургской области Российской Федерации). В районе рек Илек и Урал добывали каменную соль. Еще в XVII в. на правом берегу р. Илек возникло казачье поселение, которое с постройкой укреплений в середине XVIII в. начало называться Илецкая Защита, в XIX в. — г. Илецк. И.К. Кирилов засвидетельствовал, что в названном районе соледобычи «между сими башкиры много других из внутренних городов татар, чуваш, черемис, мордвы и вотяков российских, збежавших туда, кои живут, поселяся домами, и в хлебопашестве и в другом домостроительстве самих башкир превосходят»⁴⁸.

С 1812 г. введена вольная продажа соли. Но наряду с вольной продажей сохранялась и система казенных магазинов. Купцы-подрядчики осуществляли перевозку соли из Астрахани («эльтонская соль») по Волге на прибрежные пристани, с которых она расходилась по всему Чувашскому краю с помощью мелких базарных торговцев, в т.ч. чувашей. Только в Чебоксары купцы привозили от 15 тыс. до 50 тыс. пудов соли в год. 28 февраля 1828 г. чебоксарский 3-й гильдии купец С.А. Кожевников заключил контракт с крестьянином Ф.И. Шагиным о том, что последний «подрядился внешним временем поставить Волгой рекой из г. Камышин до чебоксарской пристани в своей расшиве соли-бузуну* 13 тыс. пудов»⁴⁹. В 1872 г. на Козловской пристани местными купцами С.Г. Волковым и С.Т. Забродиним куплено соли, соответственно, 18 тыс. и 30 тыс. пудов. В Цивильск соль доставлялась «сухим путем» с Сундырской пристани Чебоксарского уезда. В 1800 г. в Цивильске было 6 казенных соляных магазинов, в которых хранилось 14050 пудов эльтонской соли, в 5 чебоксарских соляных магазинах — 46066 пудов. Это значительные запасы. Поставки соли из камышинских запасных соляных магазинов осуществлялись неравномерно: если, например, в 1798 г. казенными комиссионерами Петровым и Берстелем в Чебоксары было завезено 5500 пудов, то в 1799 г. — 40566 пудов эльтонской соли⁵⁰.

Но, видимо, не всегда соляной промысел автоматически доставлял прибыль, случались и убытки. Иначе не появилась бы такая запись в топографическом описании Алатыря 1805 г.: «Купечество города могло бы прийти в хорошее состояние по положению города при водяной

* **Бузун** — эльтонская, озерная, самосадочная соль; ее отличают от выварной, «пермянки», «балахонки» и от каменной соли // *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 1. С. 137.

коммуникации, ежели б оно не пришло в бедность от *соляных недоимок*» (курсив наш. — *Е.П.*)⁵¹.

Состояние упадка, выразившееся также в большой соляной недоимке алатырских купцов, отмечает историк В.Д. Кочетков для 1770-х гг. К началу 1774 г. она составляла 9293 руб. 99 коп. По указу Главной соляной конторы от 7 мая 1774 г. товарищ воеводы коллежский асессор Готовцев приступил к описи имущества купцов, чтобы затем продать его с аукциона, а если этой суммы не хватит, то пустить в продажу имущество выборщиков, т.е. посадских людей⁵².

Соляной сбор составлял от 7 до 10% доходной части российского бюджета. Удельный вес этого сбора правительство всячески стремилось сохранить, поэтому в 1810 г. цена на соль была резко увеличена — с 40 коп. до 1 руб. В 1810 г. 27 июня чебоксарский купец Жирков снаряжает 2 судна в Камышин для доставки оттуда в Чебоксары поваренной соли. На эти суда нанялось 76 бурлаков чебоксарских мещан⁵³. В 1817 г. чуваш и марицы Казанской губернии жаловались, что «при продаже казенной соли ... соляные приставы делают немалый обвес, да с покупателей берут вынужденным образом за каждый пуд сверх указной цены по 10 коп.». Из рапорта чебоксарского соляного пристава сенатору С.С. Кушникову от 13 октября 1819 г. видно, что на 1 октября 1819 г. в Чебоксарах осталось 3 соляных магазина, где «самосадочной соли состояло для народного продовольствия 15616 пудов». К 13 октября еще поступило 15640 пудов самосадочной соли от поставщика — саратовского купца Саранцева. С 1 по 13 октября было продано 256 пудов соли по цене 1 руб. 20 коп. за пуд, т.е. на 287 руб. 20 коп., каковая сумма поступила в уездное казначейство. Таким образом, к 13 октября в городе налицо осталось 31 тыс. пудов соли⁵⁴.

Последние сообщения о купеческой соляной торговле относятся, возможно, к периоду нэпа, к 1923 году, когда в Чебоксарах на берегу Волги был построен соляной склад в виде огромной круглой юрты. Он был доверху засыпан солью. Только в 1924 г. в Чебоксары доставили 120 тыс. пудов соли. Чтобы достать ее, люди лопатами пробивали тоннели. В памяти старожилов остался случай, когда под обвалившейся солью были погребены несколько человек. На дощатых стенах склада долгие годы сохранялась надпись: «Лабаз купца...»⁵⁵.

В старой Чувашии, где денежное хозяйство не было достаточно развитым (во многих отраслях сельского хозяйства и ремесленного производства), налоги удавалось взимать лишь в натуральной форме. В XVII в. русская колонизация Чувашского края сопровождается усиленным выжиманием московскими правительственными агентами ясака с покоренных националов. Сбор ясака нередко отягощался характерными для московской администрации приемами воеводского управления. Воеводско-приказное хозяйничанье по сбору ясака не могло настраивать поволжские народы мирно пребывать по отношению к Москве. В гражданской войне начала XVII в., так называемой «Смуте», чуваш и мари перестают платить ясак. После ликвидации «Смуты» сборы ясака, составлявших значительную сумму государственных доходов, восстанавливаются. Естественным было желание правительства избавиться от армии

чиновников-грабителей. Правительство начинает принимать меры к более рациональной эксплуатации ясачных нерусских народов, шлет на места предписания о «ласковом» обращении с ними, запрещает посылать писцов для составления описей, предлагает даже самим воеводам не выезжать на места, «чтобы тем черемис (и чувашей. — *Е.П.*) не ожесточать и не разогнать», запрещается взимать ясак правежом⁵⁶, так как все это отражалось основательным ущербом фискальных интересов государства. Москва была весьма заинтересована в исправном поступлении в казну сборов с чувашей. К мерам, стимулирующим ясачные сборы, относилась поставка ясачного хлеба подрядчиками.

Так, в 1683 г. известные нижегородские купцы Калмыковы получили *подряд на сбор ясачного хлеба (ржи и овса) с нерусского населения* (курсив наш. — *Е.П.*) в Казанском, Козьмодемьянском, Симбирском и Чебоксарском уездах. Хлеб или доставлялся в Астрахань в виде зерна, или перемалывался предварительно в муку⁵⁷. Понятно, за право получать ясак бездоимочно и в срок казна расплачивалась тем, что определенная доля ясачного сбора переходила в карман подрядчиков.

С хлебом связан был еще один подряд Калмыковых — на поставку вина сначала на кружечные дворы поволжских городов, а затем преимущественно в армию. Ряд важных правительственных мероприятий второй половины 90-х гг. XVII в. (азовские походы, постройка укреплений при устье Дона, воронежское кораблестроение, приготовления к соединению каналом Волги и Дона) вызывали большое сосредоточение служилых и работных людей и требовали крупных поставок продовольствия и снаряжения. Поэтому конец XVII в. характеризуется обилием подрядов, особенно продовольственных, бравшихся торгово-промышленными людьми как первостатейными, так и более мелкими. (Как тут не вспомнить слова Посошкова: «Купечество и воинству товарищ, воинство воюет, а купечество помогает и всякие потребности им уготовляет»⁵⁸). Среди них немалую роль играли и Калмыковы. Их подряды становились все многочисленнее и крупнее. Они вступали в такие подряды, которых уже не в состоянии были осилить только собственными средствами. Поэтому им приходилось иногда брать к себе «в товарищи» других промышленников. Но чаще они становились на более выгодный путь: получив крупный подряд, сдавали его по частям по более низкой цене мелким предпринимателям. Это давало им значительный доход⁵⁹.

Громадное значение для первоначального накопления имели хлебные подряды и для собственно чувашской национальной буржуазии. Достаточно сказать, что чувашские купцы Ефремовы свое победоносное шествие на купеческой ниве как раз начинали с хлеботорговли. Приведем наиболее яркий пример хлебных поставок Ефремовых. В январе 1847 г. П.Е. Ефремов в числе первых из чебоксарских торговцев заключил контракт с провиантским чиновником из Санкт-Петербурга на поставку в Рыбинск 500 кулей муки и 500 четвертей овса. Условия этого договора были достаточно выгодными — общая сумма сделки составляла почти 2,8 тыс. руб., более трети из которых Ефремов получил уже при оформлении контракта, еще 40% — при «свозе хлеба на пристань ... и по освидетельствовании всего количества», а остальную часть суммы надлежало получить в Рыбинске.

Таким образом, риск неплатежа сводился к минимуму, ибо основную часть денежных средств Ефремов получал наличными на месте, у себя в Чебоксарах⁶⁰.

В подрядных книгах Московской крепостной конторы за 1701—1702 гг. содержатся подробные сведения о скупке русского сырья иностранными купцами. Там зарегистрировано 143 подряда о поставке и вывозе закупленных иностранцами русских товаров. На внутреннем рынке их интересовала прежде всего пенька: о ней идет речь в 114 записях. Они заключали договора на поставку пеньки с местными торговцами (в том числе и из Чувашского края), скупавшими ее у крестьян, непосредственных производителей. Подрядчики обязывались поставить товар в местные крупные села или уездные города. В чувашских уездах Среднего Поволжья для иностранных купцов пеньку, юфть, сало, конский волос, дешевые меха (овчина, зайчина, белки, лисицы и др.), воск и другие ценные и транспортабельные товары покупали чебоксарские купцы гостиной сотни Игумновы, И. Олин и др. Об отправке товара в Архангельск из тех пунктов, куда его поставляли подрядчики, заботились местные же купцы. Для этого они нанимали крестьян-извозчиков, которые перевозили его по зимнему санному пути до Вологды, откуда уже весной груз следовал на судах по Сухоне и Северной Двине в Архангельск для отправки за море. Если местные купцы-поставщики не успевали в течение зимы доставить товар до Вологды на санях, им приходилось ждать летнего пути. Перевоз летом на колесном ходу был намного дороже: например, доставка пуда пеньки из Москвы в Вологду зимой стоила 6 коп., летом — 13 коп. Иногда в летнее время использовался и водный путь — он вел из Москвы вниз по Москве-реке, Оке и вверх по Волге до села Усады Костромского уезда. Провоз стругом от Москвы до Усад стоил всего 3 коп. с пуда, но предстояло еще преодолеть около 200 верст на колесах до Вологды⁶¹.

Далеко не все иноземцы могли развернуть операции по скупке пеньки, юфти, сала и других товаров в местах их производства или получать их в Москве. Некоторые из них заключали договоры на поставку товара в Вологду или прямо в Архангельск. Так, в Архангельск поставляли юфть и сало чебоксарские купцы Игумновы. В Вологде и Архангельске цена на товары была существенно выше, чем в районах их производства. Эти цены окупали расходы по доставке, приносили прибыль русским купцам. Но если товар поставлялся ими по контрактам с иноземцами, то и цены устанавливались ниже ярмарочных. Такие контракты на поставку в Архангельск иностранные купцы заключали иногда в Москве. Прибыль, которую получали русские и чувашские поставщики, зависела и от них самих: чем дешевле им удавалось закупить сырье у крестьян, тем больше денег из выданной наперед иноземцем суммы оставалось у них в кармане. Местные купцы скупали сырые кожи у крестьян, затем выделяли юфть на своих кожевенных заводах, после чего отправляли ее в Архангельск. Сырая кожа стоила примерно 1 руб., готовая юфть — около 4 руб. Суть их деятельности состояла в оперативной и выгодной скупке необходимых товаров, переработке (если это требовалось) и отправке их к Архангельску. Сюда пробивались с товарами самые богатые купцы, которым было под силу преодолеть сложный путь из внутренних районов России.

Торговые подрядные операции купцов Чувашии обеспечивались денежными кредитами иноземцев. Эти кредиты являлись для них важным, нередко самым важным, а иногда и единственным источником оборотных средств. Местные купцы зачастую занимали суммы, во много раз превышавшие их собственные капиталы. Таким образом, Чувашия находилась с Архангельском и иностранными купцами в основном в отношениях эквивалентного обмена (туда — дешевое сырье и продовольствие, оттуда — промышленные товары, капиталы). Торговля, развитие обмена и установление более тесных связей между различными землями Российского государства были важнейшими средствами распространения культуры во всем ее многообразии и «сильнейшим тараном, разрушавшим барьеры, разделявшие Россию и Запад»⁶².

Во время тяжелой Северной войны правительство Петра I не брезговало никакими средствами, чтобы увеличить свои доходы. К числу монополизированных государством товаров в начале XVIII в. относился и воск. Торговля им отдавалась на откуп купцам. «Надзор над воскобойным промыслом» в 20 городах по Волге от Балахны до Самары с 1705 по 1706 г. был отдан сызранскому посадскому человеку Даниле Бородулину, который в свою очередь право вывозить воск из Чебоксарского уезда предоставил в откуп на 1 год чебоксарской гостиной сотни посадским людям Г.А. и М.Ф. Игумновым⁶³.

Чувашия — край лесной, поэтому неудивительно, что подряды на разработку лесов и лесоматериалов здесь были весьма распространены. Лес по подрядам отправлялся (плотами и на специальных судах — белянах) в низовые поволжские города Казань, Симбирск, Самару, Астрахань.

Яркую картину заготовки мочала в казенных лесах Чувашии купцами-подрядчиками оставил полковник Маслов в своем небезызвестном донесении шефу жандармов графу Бенкендорфу от 11 августа 1831 г. Вот что он писал: «Вольные промышленники, торгующие мочалами, приходя из дальних мест, договариваются с лесничими заготавливать в казенных лесах мочалы. Они набирают работников от 500 и до 1000 человек, обязуются заплатить лесничему 25 или 30 руб. с каждого топора с тем, чтобы рубку производить целый месяц или более... Время положено срочное, следовательно, дело идет со всякой поспешностью. Каждый работник срубит в течение месяца по меньшей мере 750 дерев; 1000 человек, следовательно — 750 тысяч дерев (такое количество истребляется в один месяц одним промышленником, который имеет дело с одним только лесничим). Миллион выданных мочал стоит 100 тысяч рублей..., 25 тысяч взяты лесничим. Расходы же на исходатайствование билета и на попенные деньги* едва ли будут 5000 руб., остальные 70 тыс. руб. остаются в пользу промышленника, который если бы и по 20 руб. в месяц нанял работников, то все же останется у него 50 тыс. руб. барыша»⁶⁴.

С появлением пароходов на Волге получили распространение подряды на заготовку топлива для паровых судов. Причем, надо особо

* **Попенные деньги** — плата в казну или владельцу за рубку деревьев, считая по пням или по числу срубленных деревьев.

отметить, что купцы-лесопромышленники жестоко эксплуатировали наемных рабочих, особенно «инородцев». Так, они требовали от рабочих к каждому пятиреку дров лишней прикладки на 1 аршин; без этой «надбавки» не выдавали заработной платы. В тех же случаях, когда рабочий отказывался от исполнения требований, ему грозил приезд приказчика, который в обеспечение денег мог забрать из хозяйства скот и материальные ценности⁶⁵.

Казанская губерния являлась главным центром в России по добыче беличьего меха, в том числе и для нужд казны. В 1662 г. ядринский посадский человек Савка Фомин «с товарищем» привез в «великого государя казну» 5 тыс. беличьих шкурок. Хотя подобные подряды были выгодны для купцов, но в ряде случаев они давались независимо от их воли, в чем проявлялась регламентация торгово-предпринимательской деятельности купечества феодальным государством. К примеру, в конце 1671 г. двое ядринских жителей были направлены в Царевококшайский, Царевосанчурский, Козьмодемьянский и Яранский уезды для закупки по распоряжению Приказа Казанского дворца «на государев обиход» беличьего и горностаевого меха⁶⁶.

Так как подряды на поставки хлеба, соли, вина и других товаров были связаны с перевозкой грузов по Волге, то купцы заводили собственный торговый флот. Суда строились при помощи сдачи на них подрядов плотникам, жителям лесистых местностей, расположенных по течению Волги и ее притоков. Торговые люди, не имевшие судов, подряджали чужие для доставки своих товаров. В роли подряджаемых обычно выступали крестьяне и мещане. Так, в 1714 г. благовещенский крестьянин Е. Горшков подрядился у московского посадского человека доставить в своих лодках вино от реки Суры до Москвы⁶⁷. Подобные ситуации были характерны для всех купцов.

На протяжении всей истории подрядных перевозок была характерна также борьба подрядчиков с бегством бурлаков и наемных работников с транспортируемых судов. Бурлаки, в том числе чуваши, прихватив задаток, много раз убегали с судов, поэтому низовая соляная контора и разные подрядчики ежегодно подавали в органы власти прошения о сыске беглых бурлаков и взыскании с них неотработанных денег. Только в 1788 г. Чебоксарский земский суд по настоянию судовладельцев привлек к ответственности более 900 крестьян Чебоксарского уезда за бегство с различных судов⁶⁸.

Случалось, что транспортные подряды спасали купцов. В частности, в 1704 г. горел город Чебоксары; во время страшного пожара выгорели все Игумновы — их лавки, дворы, амбары с хлебными запасами. Между тем многие из членов семьи были в отъезде, кто с подрядным вином, кто с товарами. А Игумновы были не рядовыми членами гостинной сотни. Это очень крепкие оптовики, торговавшие только в Архангельске на тысячи рублей своих и «должных» денег. При торговле в отъезд товары во время пожара находились в пути, благодаря этому основные операции года могли благополучно закончиться и дать средства для ликвидации причиненного ущерба⁶⁹.

Купцы не брезговали и мелкими откупам, к которым можно отнести всевозможные «оброчные статьи» — аренду перевозов, мостов,

мелких торжков и т.п. Так, чебоксарские купцы Николай и Ананий Ключевы в 1825 г. содержали перевоз через Волгу⁷⁰. Видимо, доходное было место. В 1835 г. цивильский купец П.П. Курбатов намеревался взять с торгов в Казанской казенной палате содержание «почтовых и форпостных* лошадей» с 1836 по 1839 г.⁷¹

И все же транспортные подряды и откупа, видимо, были более свойственны крестьянам, чем купцам. Примеров на этот счет достаточно много. И не только потому, что эти подряды были сами по себе мелки, а просто крестьяне их осуществляли за более низкие цены. К примеру, во второй половине XVIII в. власти решили передать грузоперевозки по Восточной Сибири на откуп иркутским купцам (по цене 1 руб. 25 коп. за пуд груза). Но в дальнейшем они снова были возложены на якутов, так как перевозка грузов иркутскими купцами оказалась вдвое дороже⁷².

Вообще, попутно касаясь крестьянских обязательственных прав, следует отметить, что силою обычая крестьянам было запрещено брать подряды, за исключением подрядов на перевозки⁷³; также за крестьянами было закреплено право участвовать в подрядах, которыми не интересовалось купечество (на исправление печей, на очищение от нечистот и пр.). В 1811 г. этот обычай был санкционирован специальным законом⁷⁴. Но сколько бы крестьянам ни запрещали участвовать в подрядах и откупах, они, тем не менее, умудрялись в них участвовать. Более того, ни купцы, ни российское государство в целом не могли обойтись без крестьян. Если запретить крестьянскую торговлю, писал в 1765 г. статс-секретарь Екатерины II Г.Н. Теплов, то «в подрядах казенных везде делается остановка, потому что по большей части крестьяне в оных обязываются»⁷⁵.

Купцы не ограничивались в своей деятельности одними казенными перевозками и поставками. Нередко они заводили и собственные производства, стоявшие в связи с этими поставками. У них были собственные мельницы и винокурни, суда. Подряды определяли направление торговой деятельности.

В середине XVII в. в России получает повсеместное распространение более прогрессивная, подрядная система производства строительных работ; подряд на строительство дополняется «сметной росписью» и нередко чертежом. На стройке хозяйничает подрядчик⁷⁶. Купечество участвовало в строительных подрядах, особенно в подрядах по строительству общественных зданий. Осуществление такого рода проектов отдавалось как местным, так и иногородним купцам, которые за казенные деньги — и к собственной славе — возводили сооружения во всем их блеске. Так, по-видимому, в конце 70-х гг. XVIII в. (а не в 1782 г.⁷⁷) подряд на возведение казенных каменных соляных амбаров и питейных магазинов в Чебоксарах получил от Главной соляной конторы московский купец С. Климентов, который заключил договоры на изготовление части кирпича, необходимого при строительстве зданий, с местными заводчиками-подрядчиками, а часть кирпича поставил с своего предприятия. Однако чебоксарские завод-

* **Форпост** — караул, пикет, охранные сторожа. Форпостную службу несли в основном казаки.

чики не спешили выполнять договорные условия. Кто же из чебоксарских заводчиков задерживал договорные поставки кирпича? Во-первых, по договорам от 1779 г. пять подрядчиков: 1) мещанин Федор Васильев сын Решетников, умерший в 1781 г., поручителем его был чебоксарский купец Г.И. Решетников, на которого и легла поставка 15840 кирпичей; 2) мещанин Л.В. Решетников и цеховой Д.И. Ушаков, с которых следовало «донять с натачаею» 10164 кирпича; 3) мещанин А.К. Мокин — 16606 кирпичей; 4) мещанин С.К. Усков — 2910 шт., да в 1782 г. он же обязался сделать 5000 шт., всего — 7910 кирпичей; 5) мещанин Я.Е. Мокин — 700 шт.

Во-вторых, по четырем контрактам от 1782 г.: 1) Д. Ушаков — 10000 шт.; 2) К. Копылов — 10000 шт.; 3) мещане Егор и Иван Федоровы, Г.Е. Катенщиков в счет 300 тыс. кирпичей недопоставили 138600 шт.; 4) «да ис принятого козьмодемьянских работников в число 69000 утрачено 20000».

Климентов обратился в магистрат за помощью, в надежде на то, что власть «поднажмет» на субподрядчиков. Действительно, в магистрате «приказали о понуждении сказанных заводчиков кирпичных к выставке по обязательствам их у Климентова кирпича квартеймейстеру Самойлу Петрову дать приказ с приложением на ком сколько оного состоит ... и велеть ... у всех тех заводчиков наличной кирпич и деланой ныне в сараях их освидетельствовать, достаточно онога на ту поставку, и естли паче чаяния у кого обожженого и наделанного вновь окажется недостаточно, о ней и доделке кирпичу и обожженого к доставке на место куда следует прилежно понуждать и употреблять в том самое неусыпное старание с присмотром и того, чтоб кирпич тот был делан и обожжен в рассуждении как оною следует на означенное плановое строение в самой лутчей доброте и не легче против постановленного Климентовым договора...»⁷⁸.

Контроль властей за ходом строительных работ осуществлялся и через институт «смотрителей, выбранных обществом на плановое строение». Они наблюдали за приходом и расходом строительных материалов, их сохранностью и т.п. К примеру, в 1808 г. смотритель в рапорте в Чебоксарскую городскую думу сообщал, что «им от обязавшихся к выставке того материала подрядчиков принято было кирпича 160240, бутового камня 50 сажень, извести 1000 четвертей. Из этого количества отпущено 113900 кирпичей, 17 сажень бутового камня, 995 четвертей извести»⁷⁹.

К сожалению, не все купцы-подрядчики вели себя корректно, были и негативные моменты в их деятельности. Так, депутат 3-й Государственной думы А.Л. Лунин в своем письме к председателю Чебоксарской уездной земской управы Л.В. Эннатскому сообщал, что торговец Яков Варламов, содержатель пивной лавки в Козловке, построил Беловолжскую школу, где «стоит страшный холод, со стен и потолков течет вода так, что дети ноги промачивают на полу и ветром задувает керосиновую лампу». «Затем Варламов, взявши подряд на постройку школьного здания в деревне Масловка, одновременно начал строить для себя подвалы (ледник для пива) и уже без всякого сомнения и ничего не опасаясь брал из земского леса нужный для себя материал: половые доски, жерди, горбыли»⁸⁰.

Помимо поставок хлеба, соли и вина казне, купечество Чувашии участвовало в казенных подрядах на поставку сукна для армии, что было весьма выгодно, поскольку гарантировало сбыт продукции и ее оплату по твердым ценам. Этим, в частности, занимался буинский купец 1-й гильдии В.П. Крылов, открывший свою суконную мануфактуру близ чувашской удельной д. Бичурга-Баишево Буинского уезда в разгар Крымской войны⁸¹.

* * *

Итак, проведенное нами исследование показало, что для купечества Чувашии казенные подряды и откупа были одной из важных форм накопления капитала в XVII—XIX вв. Формирование буржуазии наблюдается и в Чувашии, причем методы накопления капитала (подряды, откупа) аналогичны приемам торговых людей Западной Европы, европейской и сибирской частей России. Система подрядов и откупов, позволившая сосредоточить в руках немногих солидные капиталы, в значительной степени благоприятствовала формированию слоя предпринимателей, капитальные вложения и инновации которых способствовали росту экономической мощи Чувашского края. Зарождавшееся первоначальное накопление капитала являлось основой для возникновения в Чувашии элементов капиталистических производственных отношений.

Подряды представляли центральные и местные государственные учреждения. Купцы заключали подряды на выполнение различных работ: строительство и ремонт частных и общественных зданий, поставку вина, хлеба, соли, кожи, сала, мехов, сукна, строительных материалов, перевозку грузов и др. Часто встречается перепоручение части подряда или наличие компаньонов в деле. Купцы Калмыковы, Игумновы, Олины, Кожины, Ефремовы и др., развернувшие широкую торговую и промышленную деятельность в Чувашии, подряжали местных крестьян, мещан и разбогатели на различных казенных подрядах и откупах. В то же время купцы порой отказывались от подрядов или разорялись на них.

Подрядно-откупные операции купечества сыграли положительную роль в хозяйственном освоении Чувашского края, в процессе нивелирования национальной обособленности этого района. Чувашия уже в XVII в. включилась в орбиту всероссийского рынка и стала районом товарного хлеба (а не в XVIII в., как утверждает Н.Г. Апполова⁸²). Кроме того, эти операции, благодаря присущему им выбору поведения, воспитывали навыки самодействия людей; порождали нужную энергию, инициативу, гибкость.

Наряду с подрядами большой популярностью у купцов пользовались откупа. Для решения важной административной задачи (сбора налогов) органы власти прибегали к помощи откупщиков⁸³, деятельность которых государство не могло в достаточной мере контролировать. Результатом явились коррупция и серьезные злоупотребления властью.

В целом активность (а порой и пассивность) купцов Чувашии в подрядно-откупных операциях свидетельствует о втягивании региона в товарно-денежные отношения.

Литература и источники

- ¹ Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции. М., 1781. Т. 1. Кн. 1. С. 31.
- ² Александров В.А. Сибирские торговые люди Ушаковы в XVII в. // Русское государство в XVII веке. М., 1961. С. 132.
- ³ Хромов П.А. Очерки экономики докапиталистической России. М., 1988. С. 305—306.
- ⁴ Хромов П.А. Указ. соч. С. 306; Очерки русской культуры XVIII века. М., 1985. Ч. 1. С. 243.
- ⁵ Чунтулов В.Т. Экономическая история СССР. М., 1969. С. 55.
- ⁶ Иванов А.Г. Очерки по истории Марийского края XVIII века. Йошкар-Ола, 1995. С. 283.
- ⁷ Димитриев В.Д. История Чувашии XVIII века. Чебоксары, 1959. С. 337.
- ⁸ Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954. С. 393.
- ⁹ Волков М.Я. Очерки истории промыслов России. Вторая половина XVII — первая половина XVIII вв.: Винокурное производство. М., 1979.
- ¹⁰ Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1950. Т. 1. С. 285.
- ¹¹ Цит. по: Милоков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого. СПб., 1905. С. 61.
- ¹² Хромов П.А. Указ. соч. С. 292.
- ¹³ Волков М.Я. Указ. соч. С. 37—38, 216; Бакланова Н.А. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в. М., 1959. С. 98.
- ¹⁴ Бакланова Н.А. Указ. соч. С. 98.
- ¹⁵ Там же. С. 99.
- ¹⁶ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 92. Оп. 2. Д. 26. Л. 530—535.
- ¹⁷ Кочетков В.Д. Алатырь: Краткий исторический очерк. Чебоксары, 1978. С. 37.
- ¹⁸ ГИА ЧР. Ф. 92. Оп. 1. Д. 181. Л. 12—16; ф. 145. Оп. 1. Д. 28. Л. 2—4.
- ¹⁹ Бочагов А.Д. Наша торговля и промышленность в старину и ныне. СПб., 1891. С. 31, 187—188.
- ²⁰ ГИА ЧР. Ф. 81. Оп. 1. Д. 337. Л. 1, 3, 7.
- ²¹ Там же. Д. 394.
- ²² Там же. Д. 443.
- ²³ Там же. Д. 549. Л. 3 об.
- ²⁴ ГИА ЧР. Ф. 94. Оп. 1. Д. 41. Л. 92, 147; Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. 2. Ед. хр. 183. Л. 195.
- ²⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1537. Оп. 1. Д. 34. Л. 181 об.—182.
- ²⁶ ГИА ЧР. Ф. 175. Оп. 1. Д. 27. Л. 24.
- ²⁷ Бурыйшкин П.А. Москва купеческая. М., 1991. С. 13—14.
- ²⁸ Клементьев В.Н. Козловка. Исторический очерк. Чебоксары, 1997. С. 70—71.
- ²⁹ НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 531. Л. 253.
- ³⁰ ГИА ЧР. Ф. 175. Оп. 1. Д. 28. Л. 118.
- ³¹ Софронов М.Г. Реформа управления государственными крестьянами в Казанской губернии // Очерки по истории Поволжья и Приуралья. Казань, 1969. Вып. II—III. С. 46.
- ³² Хромов П.А. Указ. соч. С. 306.
- ³³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1 (ПСЗ—1). Т. IV. № 1956. С. 232; № 1959. С. 240; № 2007. С. 276.
- ³⁴ ПСЗ—1. Т. IV. № 1977. С. 256.
- ³⁵ Там же. № 1959. С. 240; № 1966. С. 245; № 1981. С. 258; № 1993. С. 269.
- ³⁶ Троцкий С.М. Источники доходов в бюджете России в середине XVIII в. (20—60-е гг.) // История СССР, 1957. № 3. С. 196—197.
- ³⁷ Троцкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С. 160.
- ³⁸ Иванов А.Г. Очерки по истории Марийского края XVIII века. С. 331.
- ³⁹ Романов Н.Р. Очерки по истории бурлачества в XVIII веке и первой половине XIX века // Ученые записки ЧНИИ. Чебоксары, 1949. Вып. 2. С. 56—57.
- ⁴⁰ Тарловская В.Р. Торговля России периода позднего феодализма: торговые крестьяне во второй половине XVII — начале XVIII в. М.: МГУ, 1988. С. 97—99.
- ⁴¹ Заварюхин Н.В., Захаров В.И. Неземледельческие занятия жителей Мордовии в XVIII в. // Проблемы дореволюционной истории крестьянства Мордовии. Саранск, 1991. С. 58—59.
- ⁴² Троцкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. С. 160—170; Очерки русской культуры XVIII века. М., 1985. Ч. 1. С. 228.
- ⁴³ ГИА ЧР. Ф. 94. Оп. 2. Д. 194. Л. 1.

- ⁴⁴ Там же. Д. 29. Л. 1, 1 об.
- ⁴⁵ Там же. Д. 194. Л. 2.
- ⁴⁶ Там же. Л. 20.
- ⁴⁷ *Чечулин Н.Д.* Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 200—205; *Троицкий С.М.* Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII и XVIII вв. // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964. С. 314, 318.
- ⁴⁸ *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 226.
- ⁴⁹ ГИА ЧР. Ф. 175. Оп. 1. Д. 35. Л. 13 об.
- ⁵⁰ Архив Российской Академии наук. Санкт-Петербургское отделение (Архив РАН. СПб. отд.). Ф. 142. Оп. 2. Д. 52. Л. 15; НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 204. Л. 1; РГИА. Ф. 1537. Оп. 1. Д. 78. Л. 3; Д. 37. Л. 88—89.
- ⁵¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. Q IV. Ед. хр. 165. Л. 32.
- ⁵² *Кочетков В.Д.* Указ. соч. С. 45.
- ⁵³ *Романов Н.Р.* Указ. соч. С. 86.
- ⁵⁴ *Окунь С.Б.* Очерки истории СССР. Конец XVIII — первая четверть XIX века. Л., 1956. С. 8; *Кузнецов И.Д.* Очерки по истории чувашского крестьянства. Чебоксары, 1957. Ч. 1. С. 215—219; РГИА. Ф. 1553. Оп. 1. Д. 5. Л. 148, 149.
- ⁵⁵ *Терентьев А.И.* Чебоксары и чебоксарцы: Записки краеведа. Изд. 3-е, доп. и перераб. Чебоксары, 2001. С. 127. В начале 1960-х гг. здесь производились съемки кинофильма «Сеспель» Киевской киностудией им. А. Довженко, по сценарию Ю. Збанацкого. В 1965 г. склад сторел // *Терентьев А.И.* Указ. соч. С. 127; *Иванов Е.И.* Старые Чебоксары: Памятники деревянного и каменного зодчества XVI—XX веков. Чебоксары, 1994. С. 127.
- ⁵⁶ *Чаев Н.* Ядринские акты как источник по истории чувашей в XVII в. Обзор материалов // Проблемы источниковедения. М.—Л., 1933. Сб. 1. С. 71—73; Соборное уложение 1649 года. Л., 1987. С. 353.
- ⁵⁷ *Бакланова Н.А.* Указ. соч. С. 26.
- ⁵⁸ *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве. М., 1951. С. 113.
- ⁵⁹ *Бакланова Н.А.* Указ. соч. С. 26—27.
- ⁶⁰ *Орлов В.В.* П.Е.Ефремов: легенды и действительность. Чебоксары, 1997. С. 69.
- ⁶¹ *Захаров В.Н.* Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996. С. 161.
- ⁶² *Аллатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа. XII—XVII вв. М., 1973. С. 317; Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 144.
- ⁶³ ГИА ЧР. Ф. 543. Оп. 1. Д. 4. Л. 1, 7—8.
- ⁶⁴ Восстание чувашского крестьянства в 1842 г. // Красный архив. М., 1938. № 2. С. 96.
- ⁶⁵ *Липтев М.* Материалы для географии и статистики России. СПб., 1861. Т. 14. С. 336.
- ⁶⁶ *Дмитриев С.К.* Город Ядрин в конце XVI—XVII веках // Исследования по истории Чувашии периода феодализма. Чебоксары, 1986. С. 31.
- ⁶⁷ *Тарловская В.Р.* Указ. соч. С. 94.
- ⁶⁸ *Романов Н.Р.* Указ. соч. С. 85.
- ⁶⁹ *Заозерская Е.И.* Торги и промыслы гостиной сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII—XVIII вв. // Петр Великий. М.—Л., 1947. С. 233.
- ⁷⁰ ГИА ЧР. Ф. 81. Оп. 1. Д. 549. Л. 4 об.
- ⁷¹ Там же. Ф. 93. Оп. 1. Д. 60. Л. 103.
- ⁷² *Апполова Н.Г.* К вопросу о политике абсолютизма в национальных районах России в XVIII в. // Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964. С. 381.
- ⁷³ Экономическая история СССР. М., 1967. С. 119.
- ⁷⁴ ПСЗ—1. Т. XXX. № 24777.
- ⁷⁵ Записка члена Комиссии о коммерции Г.Н. Теплова о крестьянской торговле, 4 июня 1765 г. // *Троицкий С.М.* Россия в XVIII веке. М., 1982. С. 248.
- ⁷⁶ *Воронин Н.Н.* Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв. // Известия ГАИИМК. М.—Л., 1934. Вып. 92. С. 72; *Тиц А.А.* Русское каменное жилое зодчество XVII века. М., 1966. С. 27, 41.
- ⁷⁷ *Гаврилова Л.М.* Застройка города Чебоксар в XVIII — первой половине XIX вв. // Вопросы истории и этнографии города. Чебоксары, 1988. С. 40.
- ⁷⁸ ГИА ЧР. Ф. 94. Оп. 2. Д. 95. Л. 1—3.
- ⁷⁹ Там же. Ф. 81. Оп. 1. Д. 262. Л. 3—4 об.
- ⁸⁰ *Ксенофонов Г.Н.* Деловые люди Козловского района конца XIX — начала XX вв. Чебоксары, 2000. С. 43.

⁸¹ Подробнее см.: *Погодин Е.П.* Промышленность Чувашии первой половины XIX в. // Исследования по истории дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1989. С. 60—62.

⁸² *Аполова Н.Г.* Указ. соч. С. 359.

⁸³ Еще в XIII—XV вв. дань с русских земель Золотой Орде (так называемый «ордынский выход») собиралась баскаками и откупщиками-мусульманами (бесермянами).

E. P. Pogodin. Contracting and leasing of Chuvash merchants in XVII—XIX century.

For the merchant class of Chuvashiya contracting and leasing were one of the important forms of capital accumulation in XVII—XIX centuries. Accumulation methods (contracting, leasing) were similar to those of merchant people of the Western Europe, the European and Siberian parts of Russia. The system of contracting and leasing allowed to concentrate solid capitals in the hands of few businessmen and thus favored to forming of a stratum of businessmen, capital investments and innovations of whose promoted the economic growth of the region. Contracting and leasing operations of the merchant class have played a positive role in its economic development. It is the author's opinion that already in XVII century Chuvashia joined in an orbit of the all-Russia market and became an area with commodity production of grain. Due to their inherent behavioral options, contracting and leasing operations made people acquire habits of self-action and gave rise to the necessary energy, initiative and flexibility.

**НАЦИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ НАРОДОВ
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ
В ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД
И АВТОНОМИЗАЦИЯ ЧУВАШЕЙ
(НОЯБРЬ 1917—1920 годы)**

**ЧГВ, 2007 г., № 1
© В.Н. Клементьев**

Начавшийся после февраля 1917 г. процесс национального самоопределения народов России захватил и многочисленные этносы Поволжья — Приуралья. Вплоть до Октябрьской революции 1917 г. основные требования подавляющего большинства национальных движений в этом регионе ограничивались предоставлением расширенной национально-культурной автономии для его народов. Лишь национальное движение башкир поставило на своих первых съездах (лето 1917 г.) вопрос о национально-территориальной автономии¹. Ситуация изменилась в конце 1917 г., когда лидерами татар и башкир был выдвинут план областной автономии Среднего Поволжья и Приуралья. Этот проект имел различные названия: Идель-Урал штат, Урало-Волжский штат, Средне-Волжский и Южно-Уральский штат, Волжско-Камский штат, Приволжско-Приуральская федерация, Волжско-Уральская советская республика, Татаро-Башкирская советская республика (последняя в 1918 г. органами управления РСФСР была официально утверждена формой национально-территориального самоопределения народов, населяющих территорию между Волгой и Уралом).

В историографии сложилась довольно обширная литература, посвященная изучению данного вопроса. Основными его разработчиками выступили татарские и башкирские исследователи, поскольку лидеры этих народов явились инициаторами проекта и стояли во главе процесса национально-территориального устройства Волжско-Уральского региона. Однако в трудах этой группы историков заметна тенденция к игнорированию многообразия национальных движений в Среднем Поволжье и Приуралье, представленного не только татарским и башкирским, но и чувашским, марийским, удмуртским и мордовским, имевшими и отстаивавшими свои специфические интересы в ходе попыток реализации названного проекта². В то же время в работах чувашских исследователей проявилась другая крайность — замыкаться сугубо в рамках анализа чувашского нацио-

Владимир Николаевич Клементьев — кандидат исторических наук, заведующий отделом истории Чувашского государственного института гуманитарных наук.

нального проекта³. Задачей настоящей статьи является рассмотрение процесса национального самоопределения чувашей в связи с общим потоком этнических движений в послеоктябрьский период в Поволжско-Приуральском регионе и влияния последних на ход автономизации чувашского этноса.

Первыми в регионе в послеоктябрьский период вопрос о самоопределении в форме национально-территориальной автономии вновь подняли башкиры. 11 ноября 1917 г. руководители Башкирского областного (центрального) совета (БОС) издали в Оренбурге фирман (приказ) № 1, в котором было заявлено: «Мы стремимся к тому, чтобы получить территориальную автономию...»⁴. 15 ноября БОС провозгласил автономию башкир⁵. Газета «Правда» сообщила 22 ноября: «Башкирский областной совет при поддержке Оренбургского мусульманского гарнизона объявил башкирскую территорию Оренбургской, Уфимской, Пермской, Самарской губерний автономной частью Российской республики и приступил к осуществлению автономии в пределах территории Оренбургской губернии»⁶. Но практически одновременно в Уфе 20 ноября 1917 г. открылось Национальное собрание мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири, которое, исходя из принципа религиозной, культурно-языковой общности, приняло решение о создании территориальной автономии татар и башкир в виде Идель-Урал (Волжско-Уральского) штата. Согласно принятой резолюции, речь шла об образовании в числе российских субъектов «тюрко-татарского штата, включающего в себя Южный Урал и Среднее Поволжье», причем в нем не должно быть других образований⁷. В намечаемый штат Идель-Урал полностью входили территории Казанской и Уфимской губерний, а также отдельные территории Оренбургской, Пермской, Самарской, Симбирской и Вятской губерний с преимущественно тюрко-татарским населением⁸. Это было бы весьма крупное образование с населением около 8,4 млн чел., включая почти 3 млн 700 тыс. татар и башкир, более 3 млн русских, около 1 млн чувашей и 400 тыс. мари и 300 тыс. чел. других национальностей⁹.

Позиции сторонников создания одной территориальной автономии для мусульман Среднего Поволжья и Приуралья возобладали на Втором Всероссийском мусульманском военном съезде, проходившем 8 января — 3 марта 1918 г. в Казани¹⁰, который постановил: «Образовать Южно-Уральский и Средневожский штаты как федеративную часть Российской народной советской республики под названием «Волжско-Уральская Советская республика»¹¹. Избранная ранее еще в Уфе для практической организации штата Коллегия по осуществлению Урало-Волжского штата (КУВШ) в лице ее председателя Г.Ш. Шарафа в январе 1918 г. разослала национальным организациям чувашей и мари обращение, в котором извещалось о решении образовать автономный Волжско-Уральский штат в границах «наибольшего включения территории с тюрко-татарским, чувашским, черемисским населением и наименьшего включения территории с другими народностями». В нем также говорилось, что в штате должно осуществляться «полное, последовательно проведенное равенство наций, языков, религий; общее государственное устройство

России должно представлять федерацию областей и федерацию наций; коллегия совместно с представителями заинтересованных народов созывает «общую конференцию для объявления осуществления автономии штата»¹².

Проходивший параллельно с мусульманским военным конгрессом в Казани Всероссийский чувашский военный съезд (10 (12) января — 2 февраля 1918 г.) — широкий общечувашский форум — принял к рассмотрению послание КУВШ. К началу 1918 г. программным положением в национальном движении чувашей, как и других нетюрко-татарских народов Поволжья и Приуралья, являлся принцип экстерриториальной национально-культурной автономии. С учетом этого принципиального положения на чувашском военном съезде было проведено обсуждение и принято решение, касающееся обращения тюрко-татарских лидеров. Для рассмотрения их предложения на съезде была образована специальная, так называемая национальная комиссия. 19 января съезд заслушал подготовленный комиссией доклад (докладчик И.В. Васильев). Комиссии виделись три возможные перспективы в сфере национального самоопределения чувашей: пассивное ожидание общегосударственной административно-территориальной реформы; образование чувашского национального территориального штата; вхождение в проектируемый мусульманами штат. С точки зрения комиссии, практическая реализация первых двух вариантов не представлялась возможной, ибо центральная власть, несмотря на принимаемые ею декларации, против национального самоопределения народов. Она констатировала, что организовать чувашский национальный штат «мы не в силах: нет материальных и культурных сил и инициативы, нет ясного осознания в чувашских массах необходимости штата». Комиссия считала, что придется соглашаться на включение в образуемый Средне-Волжский и Южно-Уральский штат, который «при нашем отказе войти в этот штат мусульмане все равно создадут, но уже без чуваш»¹³. Согласие на включение территории с чувашским населением в планируемую административно-территориальную единицу И.В. Васильев предложил дать на определенных условиях. По его мнению, в декларации о провозглашении штата необходимо указать, что вновь образуемый субъект входит в Всероссийскую Федеративную республику «как часть в целое»; в штате все народы должны быть равными, суверенными, обладать культурно-национальной автономией; его границы должны быть существенно изменены в целях увеличения доли нетюрко-татарского населения и включения крупных экономических и культурных центров; весь природный, экономический и культурный потенциал в пределах штата должен быть в пользовании всех его народов. (И.В. Васильев специально подчеркнул, что выдвижение этого условия стало главной причиной, определившей отказ от идеи отдельного национально-территориального чувашского штата). Срок провозглашения штата, он предложил, не позже 1 февраля 1918 г. (В этот день в Казани должен был состояться областной съезд Советов Поволжья и Приуралья по вопросу федерирования региона, и лидеры национальных движений опасались, что в силу преобладания на областном съезде влияния большевиков и русских делегатов форум выступит против провозглашения Средне-Волжского и Южно-Уральского штата¹⁴.)

Прозвучавший на съезде доклад вызвал прения. Д.П. Петров предложил к уже выдвинутым условиям добавить еще одно: изменить границы штата с тем, чтобы включить в него большее число русского населения, городов, судоходных рек, Ядринский уезд, мордву и вотяков (удмуртов). Г.Т. Титов предложил провести «национализацию» в пределах штата, т.е. каждый народ остается суверенным, и, на его взгляд, «в будущем ... чуваш и другие нации могут требовать устроить свою судьбу как хочется...». Диссонансом на общем фоне прозвучало выступление В.Н. Абрамова-Иревли, который высказался за создание отдельного чувашского и других национальных штатов¹⁵.

Итоги дискуссии первого дня обсуждения подвел И.В. Васильев. В своей речи он указал, что позиция Абрамова-Иревли имела бы резон, если бы у чувашей «было все»: заводы, средства, войско, учреждения. Всем этим они будут обладать, по его мнению, лишь войдя в Татарский штат. Съезд поддержал предложение И.В. Васильева подавляющим большинством голосов при 4 воздержавшихся¹⁶. Он единогласно принял решения: объявить образование штата до созыва областного съезда Советов Поволжья и Приуралья — 25 января 1918 г., приняв на этот счет совместную декларацию с татарами и башкирами; для взаимодействия с татарами и башкирами сформировать контактную комиссию. Последняя была избрана в составе И.В. Васильева, Г.Ф. Алюнова, Г.Т. Титова, Д.П. Петрова, И.Л. Лукоянова и двух кандидатов — А.С. Блинова и А.Д. Краснова¹⁷.

На следующий день, 21 января, с докладом «По вопросу об образовании штатов и пересмотру границ» выступил И.К. Лукоянов (встречается написание и Лукьянов). Он конкретизировал план изменения границ и территории штата, приняв во внимание внесенные поправки: округлить границы, уравновесить этнические группы, сохранить непрерывность путей сообщения. Докладчиком было предложено включить в штат 10 городов: Екатеринбург, Челябинск, Сарапул, Алатырь, Ардатов, Красноуфимск, Уржум, Малмыж, Бугуруслан и Яранск. По его мнению, вместе с названными экономическими и культурными центрами край вберет в себя три больших плодородных и 2—3 с огромными лесными массивами уезды, жизненно важные железнодорожные линии Казань — Сарапул — Красноуфимск — Екатеринбург, Самара — Уфа — Челябинск, Ардатов — Казань, Симбирск — Уфа, Челябинск — Екатеринбург, а также водные сообщения по Волге (от Васильурска до Сенгилея), по Каме (от Устья до Саранска), по Суре (до Алатыря), по Белой и по Уфе. Иными бы стали соответственно, по его расчетам, численность и этнический состав населения административно-территориального субъекта. Здесь проживали бы почти 10 млн чел., в том числе: турки-мусульмане — 3 млн 769 тыс. чел. (38%), русские — 3 млн 695 тыс. (37 — 38%), другие народы — 2 млн 355 тыс. чел. (23 — 24%)¹⁸. Тем самым было бы достигнуто относительное этническое равновесие и исключено значительное численное преобладание какой-либо одной национальной группы. Кроме того, докладчик высказал рекомендации о желательности изменить название штата на «Волжско-Камский» и объявить о его образовании только с согласия всех народов, проживающих в его пределах, привлечь в последующем в штат «пограничные этнические группы», обеспечить

каждой народности полную культурно-национальную и религиозную автономию; политическую платформу штата утвердить Всероссийским Учредительным собранием, а органы его управления сконструировать с соблюдением принципа национально-пропорционального представительства¹⁹.

Оценивая возможные последствия вступления чувашей в Волжско-Уральский штат, И.К. Лукоянов выделил позитивные и негативные стороны такого шага. По его мнению, вступив в федерацию, чувашский народ получит возможность сформировать собственное автономное управление из чувашей и на родном языке. Но вместе с тем, на его взгляд, в штате будут доминировать мусульмане, и остаются спорными вопросы: даст ли согласие на образование штата русская группа? Признают ли штат Советы и СНК?²⁰

29 января прения по вопросу о предстоящем объявлении Волжско-Камского штата продолжились. Прозвучало предложение (А.Д. Краснов) сыграть на противоречиях татар и башкир и войти в соглашение с последними на предмет изменения границ штата²¹. Военный съезд признал необходимым созыв Чувашского [общечувашского] Учредительного собрания для решения основных вопросов политического и национально-культурного самоопределения этноса, утверждения условий включения населенной чувашами территории в Средне-Волжский и Южно-Уральский штат и детальной разработки конституции штата. Съезд также высказался за созыв Областного Учредительного собрания, которое было бы сформировано из представителей всех входящих в территорию штата народов и решало бы все основные задачи по устройству штата²².

Прозвучавшие на Общечувашском военном съезде предложения и поправки к проекту штата были обсуждены на встречах делегации контактной комиссии с членами Коллегии по учреждению Урало-Волжского штата. Все они, за исключением решения объявить образование штата до 1 февраля, были отвергнуты ими²³. Представители КУВШ выступили категорически против изменения границ и расширения территории штата и ультимативно потребовали согласиться на их условия вхождения в штат и предложенный ими состав Коллегии по учреждению штата: 8 мусульман, 5 русских, 2 чуваша, 1 мариец²⁴.

Отсутствие консенсуса по вопросу территориального формата поволжско-приуральской федерации не помешало Второму Всероссийскому мусульманскому съезду принять следующую резолюцию: «Образовать, согласно представленного проекта, Южно-Уральский и Средне-Волжский штат, как федеративную часть Российской Народно-Советской Республики под названием Волжско-Уральская Советская Республика»; созвать Законодательное собрание республики на основе всеобщего, равного, тайного и прямого голосования, руководствуясь принципом национально-пропорционального представительства «в ближайший срок»²⁵.

Однако в развернувшееся в регионе национальное движение активно вмешалась Москва, которую встревожила независимая деятельность разделявших политическую платформу Всероссийского Учредительного собрания мусульманских политиков. Находя подобную ситуацию

неприемлемой, большевистский центр считал необходимым взять под свою эгиду процесс национального самоопределения народов Поволжья. Еще 9 декабря 1917 г., выступая на общем собрании депутатов Казанского губернского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, его председатель Я.С. Шейнкман заявил, что принимаются меры для решения вопроса самоопределения народов, населяющих Казанскую губернию и Поволжье²⁶. 11 декабря в Казани было созвано совещание по национальному вопросу комитетов социалистических партий и национальных организаций, стоящих на платформе Второго Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. В работе совещания приняли участие представители казанских большевиков, Мусульманского социалистического комитета, Чувашского социалистического комитета, Казанского чувашского военно-окружного комитета и других организаций. Основная цель проведения совещания, как отметил в своем выступлении делегат Мусульманского социалистического комитета М.Х. Султан-Галиев, — необходимость «локализовать национальное движение мусульман» и не допустить к власти в Поволжско-Приуральской области буржуазии.

На совещании развернулись споры. Часть его участников (А.И. Карпов и др.) выступила за созыв областного съезда Советов Поволжья и Приуралья, который «выяснит свою позицию по национальному вопросу о территориальной автономии области». Представители национальных организаций (чувашский делегат А.Д. Краснов, М.Х. Султан-Галиев, и др.) находили необходимым созвать Учредительное собрание народов Поволжья и Приуралья²⁷. Председательствующий на совещании Я.С. Шейнкман заявил, что большевики не будут чинить препятствия в вопросе о самоопределении народов, и высказался за созыв Учредительного собрания, «в котором как в фокусе отразились бы все народности, входящие в состав Поволжья». Но такое Учредительное собрание, по его мнению, прерогатива только областного съезда Советов и «безусловно при соблюдении всех демократических принципов». В результате совещание единогласно постановило созвать областной съезд Советов Поволжья и Приуралья для обсуждения проблем национального строительства и по вопросу проведения Поволжско-Приуральского Учредительного собрания «с приглашением на съезд представителей национально-социалистических организаций, стоящих на платформе 2-го Всероссийского съезда Советов»²⁸.

14 декабря 1917 г. заседание Казанского губернского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов приняло решение созвать Областной съезд Советов Поволжья и Южного Приуралья для обсуждения проблем национально-государственного строительства²⁹. На съезд приглашались делегаты от 11 губерний: Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской, Астраханской, Оренбургской, Уфимской, Пермской, Вятской и Пензенской (избранные Советами депутатов), а также «по одному представителю от всякой национальной организации каждой народности указанных губерний»³⁰. Таким образом, представительство на съезде предполагало более широкий территориальный формат областной федерации, нежели проект Урало-Волжской республики (7 губерний), и на четко определенной платформе — сторонников Советов.

Областной съезд Советов Поволжья и Приуралья состоялся 21—22 февраля 1918 г. в Казани. В его работе приняли участие 144 делегата от 11 губерний. Областной форум избрал комиссию для выработки конкретных мероприятий по созыву Учредительного съезда советской автономной республики³¹. На съезде председательствовал Я.С. Шейнкман, его заместителем был избран М.Х. Султан-Галиев, секретарями — Ф. Мухамедьяров, Виноградов, А.Д. Краснов, М.С. Слюбкин (последние двое от чувашей)³². В ходе работы форума выявились три основных подхода относительно формы национального самоопределения народов Волжско-Камского бассейна. Так называемая фракция «сторонников Урало-Волжского штата» из мусульманских делегатов (И. Казаков, И. Хансуваров, Г. Шараф, Г. Енбаев, С. Атнагулов и др.) отстаивала проект образования «Идель-Урала», который, по их мнению, был должен вобрать в себя максимальное количество мусульман, а немусульманские народы по возможности оставить за пределами штата³³. Казанский делегат большевик К.Я. Грасис противопоставил этому плану формулу, что «теперь каждая губерния, представляя собой советскую республику, будет самостоятельно решать национальный вопрос»³⁴, т.е. выступил против какого-либо федерирования Поволжско-Приуральского региона. В итоговой резолюции съезда была зафиксирована третья точка зрения. Форум нашел возможным образовать областную федерацию Поволжья и Приуралья и предложил всесторонне обсудить вопрос о национальной и краевой федерации на местах³⁵.

7 марта 1918 г. Казанский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов вынес решение: принять «срочные меры к организации Урало-Волжской республики, каковая организуется во главе с Советом народных комиссаров на пропорционально-национальных классовых началах». Он поручил Президиуму исполкома «снестись с Уфимским и Оренбургским Советами по вопросу о срочном провозглашении Урало-Волжской республики»³⁶. 10 марта 1918 г. председатель КУВШ Г. Шараф разослал телеграмму на места, в которой информировал, что в предстоящем объявлении территории Поволжья и Приуралья автономной частью РСФСР «участвуют исключительно мусульманские организации, стоящие на платформе Советов». В ней также указывалось, что «в штат Идель-Урала входит вся Башкирия плюс мусульманская часть Казанской губернии с городом Казанью», и что в новом образовании мусульмане составят 55%³⁷. Как видим, решение Областного съезда Советов Поволжья и Южного Приуралья об образовании широкой областной федерации народов этого региона в ходе последующей его организационной проработки подверглось ревизии, ибо реальные действия были сделаны в направлении сужения ее территориального формата при доминировании тюрок-мусульман.

Впрочем, дальнейшего развития проект Волжско-Уральской советской республики не получил: не было проявлено достаточных усилий для его реализации, поскольку руководители Казанского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и Казанского партийного комитета большевиков на деле были против немедленного введения областного или национального самоопределения и тем более против «татаро-

башкирского штата» в любой форме³⁸. Свою роль также сыграли противоречия между федералистами и башкирскими суверенистами³⁹, КУВШ и Национальным собранием мусульман⁴⁰, критическое отношение к нему не только чувашских, но и других национальных организаций Среднего Поволжья и Приуралья⁴¹. А самое главное — весь этот проект, являясь продуктом независимых от центрального большевистского правительства мусульманских политиков, уже в силу этого был неприемлем для Москвы, несмотря на провозглашенную советскую платформу Урало-Волжской советской республики⁴².

В противовес проекту Волжско-Уральской советской республики весной 1918 г. группа деятелей Комиссариата по делам мусульман и Народного комиссариата по делам национальностей выдвинула план образования Татаро-Башкирской советской республики. Будучи результатом сепаратного соглашения мусульманских большевиков (М.М. Ва-хитова и М.Х. Султан-Галиева) и наркома по делам национальностей РСФСР И.В. Сталина (последний руководствовался не только декретами Советской власти о праве каждого народа на самоопределение, но и сугубо прагматическими соображениями — необходимостью считаться с приверженцами ислама как с реальной политической силой), он во многом воспроизводил конструкцию прежнего Урало-Волжского штата. В то же время данный план усиливал тюрко-татарскую направленность нового образования, что следовало из самого названия республики и ее территориального формата. Согласно декрету Народного комиссариата по делам национальностей от 22 марта 1918 г. о Татаро-Башкирской Советской Республике, территория Южного Урала и Среднего Поволжья объявлялась Татаро-Башкирской Советской Республикой РСФСР. При определении ее границ в основу был положен проект, разработанный башкирскими и татарскими революционными организациями (вся Уфимская губерния; башкирская часть Оренбургской губернии; Казанская губерния, за исключением чувашско-марийской части; прилегающие мусульманские части Пермской, Вятской, Симбирской и Самарской губерний). Окончательное установление границ республики предоставлялось учредительному съезду Советов этой республики. Им же определялись политические и экономические взаимоотношения западной части республики и Башкортостана. Организация комиссии по созыву учредительного съезда Советов поручалась Комиссариату по делам мусульман Средней России⁴³. Таким образом, согласно декрету, Татаро-Башкирская республика должна была быть образованием в принципе двухнациональным, строиться по строго проведенному национальному признаку. Для этого прежние административно-территориальные единицы должны были быть перекроены, чтобы выделить из них и объединить в одно целое районы, населенные татарами и башкирами⁴⁴.

Соответственно этому замыслу планировался и состав организационной комиссии по Татаро-Башкирской республике. 28 марта 1918 г. Комиссариат по делам мусульман при Наркомнаце телеграммой информировал Уфимский, Казанский, Оренбургский губернские Советы и Уфимское Чувашское национальное общество о представительстве в Комиссии по созыву учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской

республики: Казанский Совет — 1 представитель, Казанский мусульманский комиссариат — 1, Уфимский Совет — 1, Уфимский башкирский комиссариат — 1, Уфимский татарский комиссариат — 1, Оренбургский Совет — 1, Оренбургский башкирский комиссариат — 1, Уфимское чувашское национальное общество — 1 представитель. Как видим, в ее состав вообще не включались представители немусульманских национальных организаций, перечисленных в декрете губерний, и чувашских национальных организаций Казанской губернии. Предусматривалось, что Комиссия приступит к работе 10 апреля⁴⁵.

Когда эта информация стала известна руководству чувашского национального движения, А.Д. Краснов, комиссар по делам чувашей исполкома Казанского губернского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов (тогда головного чувашского советского учреждения по национальным делам), в начале апреля 1918 г. вошел в сношение с Уфимским чувашским национальным обществом. Им были высказаны просьбы: телеграфировать ему, кто командирован в Комиссию по созыву Учредительного собрания об образовании Татаро-Башкирской республики; сообщить, имеется ли «подходящий человек стойкого умелого отстаивания национальных интересов». И, наконец, была высказана рекомендация выразить протест «против проекта, разделяющего чувашский народ на части»⁴⁶. 3 апреля 1918 г. в Казани по инициативе данного комиссариата состоялось объединенное заседание комиссариатов по чувашским делам и делам мари и представителей кряшен (крещеных татар), на котором была выработана солидарная позиция. Первое: выразить протест против провозглашения, «помимо воли и согласия местных Советов и национальных организаций чувашей, черемис, вотяков, крещеных татар и пр.», Татаро-Башкирской республики, против тенденции к установлению мусульманской гегемонии в пределах республики, в ущерб малым народам, «что видно из самого названия республики и намечаемых границ». Второе: декрет признать не имеющим обязательной силы, пока он не будет утвержден областным съездом Советов, которому предстоит разработать Конституцию областной автономии для района Среднего Поволжья, Прикамья и Приуралья. Третье: заявить, что новая административно-территориальная единица «тогда только будет жизненна», когда при определении ее границ первенствующее значение будет придано экономическим факторам, и она будет приемлема для всех народов региона, будет представлять из себя штаты, объединяющие «равноправные народы на началах федерации»⁴⁷.

7 апреля 1918 г. вопрос о Татаро-Башкирской Советской республике был обсужден на совещании ведущих чувашских советских учреждений — Чувашского левого социалистического комитета, Чувашской фракции Казанского губернского исполкома Советов крестьянских депутатов и Комиссариата по чувашским делам Казанского губернского исполкома Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Совещание подтвердило резолюцию объединенного заседания от 3 апреля: факт объявления Советским правительством Татаро-Башкирской республики без согласия местных Советов и национальных организаций «считать досадным недоразумением, не имеющим обязательной силы для чуваш»;

никакой Татаро-Башкирской республики быть не может, а «возможно создание объединяющих многие народности штатов»; новая республика должна охватывать всю обширную территорию Волжско-Камского района; при определении ее границ экономические факторы играют первенствующую роль, и нужно, «по возможности, стремиться к включению каждой национальности в целом»; национальный состав административно-территориальной единицы, «по возможности, должен приближаться к тому идеалу, чтобы ни одна национальность не превалировала над другими, т.е. не достигала 50%». Резолюция совещания исходила из того, что все народы республики должны представлять из себя штаты, управляемые Советами; в основу республиканской конституции должны быть положены принципы: полная автономия каждого народа в вопросах культуры, равенство языков, организация всех учреждений на основе национально-пропорционального представительства, установление административных единиц и их границ «преимущественно по этнографическому признаку»; сам Основной закон республики должен быть разработан и утвержден областным учредительным съездом Советов и национальных организаций. Совместное заседание признало проект автономии, разработанный татаро-башкирскими деятелями и поддержанный Наркомнацем, как отличающийся «тенденцией установления в ней мусульманской гегемонии» и вдохновленный «идеями пантюркизма и панисла-мизма»⁴⁸.

Таким образом, решения, принятые совещаниями от 3 и 7 апреля свидетельствовали, что в вопросе организации областной автономии Среднего Поволжья и Приуралья их участники придерживались точки зрения, что это образование не должно быть только татаро-башкирским, а объединяющим все народы региона; сконструировано и утверждено широким представительным форумом; строиться на принципах национального равноправия и советской демократии с учетом приоритета экономической целесообразности.

Тем временем советское правительство начало предпринимать реальные шаги по созданию автономии. 13—18 апреля 1918 г. при Татаро-Башкирском комиссариате (так с 31 марта стал называться Комиссариат по делам мусульман внутренней России, а с 27 апреля 1918 г. было установлено новое название — Центральный мусульманский комиссариат) состоялось совещание по вопросу организации Татаро-Башкирской Советской республики с участием татарских, башкирских и русских представителей, чувашских, марийских и ряда других национальных организаций. На совещание в качестве чувашских делегатов были командированы Д.С. Эльмень, А.Д. Краснов и И.С. Максимов-Кошкинский⁴⁹. Главными обсуждаемыми вопросами на нем стали территория, границы, состав учредителей и принципы организации республики. По результатам обсуждения совещание постановило: «Остановиться на границах, указанных в положении Народного комиссариата по национальным делам о Татаро-Башкирской республике. Окончательную же границу республики должен установить учредительный съезд Советов республики»⁵⁰. В состав комиссии по созыву учредительного съезда включались с правом решающего голоса и представители чувашей, мари, удмуртов и мордвы

отдельно «как от входящих в республику, так и остающихся за ее пределами». Помимо организационной комиссии по созыву съезда предполагалось учредить «комиссию по научному обследованию» создаваемой республики и прилегающих к ней губерний и областей «в этнографическом, географическом, геологическом, историческом и культурно-промышленном отношении и разработке имеющихся по этим вопросам материалов»⁵¹.

Обмен мнениями происходил не только на официальных заседаниях совещания, но и в узком кругу лиц. И.С. Максимов-Кошкинский в своих воспоминаниях сообщает о таком факте. Будучи в приемной И.В. Сталина, он, благодаря приоткрытой двери, стал свидетелем разговора, участниками которого были сам Сталин, М.М. Вахитов, М.Х. Султан-Галиев, Д.С. Эльмень и башкирский представитель, чью фамилию мемуарист не указал:

— Сталин: «Если не хотите войти в Татаро-Башкирскую республику (имелись в виду Д.С. Эльмень и башкирский представитель. — *В.К.*), то создавайте свои Автономные Советские республики».

— Д.С. Эльмень: «У нас для столицы пригодного города даже нет».

— Сталин: «Вашингтон 100 лет назад каким городом был, знаете?.. Насчет столицы не надо печалиться, создадим новый город»⁵².

Следовательно, если опираться на воспоминания Максимова-Кошкинского, центром еще на организационной стадии проекта образования широкой областной Поволжско-Приуральской федерации отнюдь не исключалась возможность создания вместо нее группы однопациональных советских автономий в регионе.

21 апреля 1918 г. коллегия Наркомнаца утвердила решение совещания и постановила созвать в двухнедельный срок совещание по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской республики. В ее резолюции было указано на необходимость привлечения к работе совещания всех заинтересованных в организации Татаро-Башкирской автономии представителей губерний и городских Советов, мусульманских комиссариатов как из местностей, включаемых в формируемую республику, так и смежных с ней⁵³. На следующий день за подписью Председателя СНК РСФСР В.И. Ленина было направлено Советам и мусульманским комиссариатам Симбирска, Казани, Перми, Уфы, Оренбурга, Вятки и Екатеринбурга соответствующее предписание. Оно содержало указание прислать своих представителей в Москву на назначенное на 5 мая совещание в целях организации комиссии по созыву Учредительного съезда для объединения границ и компетенции Татаро-Башкирской Советской республики⁵⁴.

Указанные директивы Совнаркома, Наркомнаца и итоги апрельского совещания в Москве свидетельствовали о том, что авторами проекта Татаро-Башкирской республики в определенной мере были приняты во внимание запросы и интересы народов, оказавшихся за ее пределами. Было решено, что их официальные представители привлекаются к участию в организационных работах по созданию советской автономии в регионе Среднего Поволжья и Приуралья, а ее территориальный формат выносится на обсуждение всех заинтересованных сторон.

Учитывая важность для чувашского этноса вопроса об областной автономии Поволжья и Приуралья, предусматривалось вынести его на

рассмотрение широкого форума чувашского народа — общечувашского рабоче-крестьянского съезда. 25 апреля 1918 г. на заседании организационного бюро были обсуждены сроки его созыва. В ходе развернувшейся дискуссии М.С. Слюбкин высказался за то, чтобы общечувашский, а также съезды других народов предшествовали созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской советской республики, который должен быть проведен только после того, «как эти съезды выскажутся за созыв Учредительного съезда». А.Д. Краснов указал, что вопрос о сроке созыва общечувашского съезда нужно отложить до «личных переговоров» с участниками московского совещания. Д.П. Петров рекомендовал для решения вопроса о сроке созыва общечувашского съезда и «вообще съездов» устроить совместное совещание представителей национальных чувашских и марийских организаций. Г.Ф. Алюнов заявил, чтобы общечувашский съезд прошел раньше Учредительного съезда Татаро-Башкирской советской республики — условно 25 мая 1918 г. по старому стилю. В итоге единогласно утвердили предложения Г.Ф. Алюнова и Д.П. Петрова⁵⁵.

Назначенное на 5 мая в Москве совещание по подготовке к созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской республики состоялось 10—16 мая 1918 г. под председательством И.В. Сталина. Незадолго до начала работы совещания, 7 мая, прошло заседание коллегии Наркомнаца с участием представителей от Казанского губернского, Уральского областного Советов и представителей народа мари и других народностей Поволжья, заслушавшее вопрос о совещании по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской республики. В своей резолюции руководящий орган наркомата указал: «Коллегия исходит, что Совет Народных Комиссаров в вопросе об этой республике должен действовать прежде всего солидарно с местными Советами»⁵⁶. Данное заключение означало не что иное, как готовность к компромиссу, возможность внесения центром поправок с учетом мнения аутсайдеров в совместный проект Народного Комиссариата по делам национальностей РСФСР и Центрального мусульманского комиссариата.

Всего в работе совещания приняли участие 30 чел. Были представлены областной Совет Урала, Советы Казани, Уфы, Оренбурга, Перми, Симбирска и соответствующие национальные комиссариаты этих исполкомов губернских Советов. С правом решающего голоса присутствовали: от Народного Комиссариата по делам национальностей И.В. Сталин и С.С. Пестковский; от Центрального комиссариата по делам мусульман — Ф.К. Сайфи, Ш.А. Манатов и Г. Янбаев; от Казани — К.Л. Якубов и К.Я. Грасис; от Оренбурга — Филиппов и Г.К. Шамигулов; от Уфы — В.И. Егошин и Г.А. Давлетшин; от Перми — Динмухаметов; от Симбирска — Х. Рамеев и С.С. Гафуров; от Екатеринбургского областного исполнительного комитета Советов — Ф.Ф. Сыромолотов и И.Я. Тунтул; представитель чувашей — А.Д. Краснов, мари — В.А. Мухин, всего 18 чел.⁵⁷ Открывая встречу, И.В. Сталин так определил ее задачи и программу работы: цель совещания — сформировать комиссию по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской республики; задачи будущего съезда — определить границы и характер татаро-башкирской

автономии. Совещание заслушивает доклады с мест для того, чтобы получить общую картину требований национальностей данной области. Затем оно намечает общую предварительную схему территории, численность трудового населения, которое привлекается к выборам в Учредительный съезд. Причем право выбора предоставляется организованным в Советы трудовым массам не только проектируемого автономного образования, но и смежных районов. Наконец, совещание выбирает комиссию, на которую возлагается задача созыва Учредительного съезда Советов Татаро-Башкирской республики. Решение же вопроса об автономии, определение ее статуса и окончательное установление границ предоставляется Учредительному съезду⁵⁸. После речи Сталина была принята повестка дня совещания: 1. Выступление представителей с мест. 2. О территориальном принципе созыва представителей и нормах представительства на Учредительный съезд Татаро-Башкирской Советской республики. 3. Создание комиссии по созыву съезда, определение места работы, времени созыва съезда и др.⁵⁹

В ходе работы совещания выявились острые разногласия вокруг проекта образования Татаро-Башкирской республики. Группа делегатов (Г.К. Шамигулов, И.Я. Тунтул, Ф.Ф. Сыромолотов, К.Я. Грасис и ряд других) выступила против всего проекта, полагая, что сам принцип национального самоопределения вообще и, в частности, его реализация в Поволжско-Приуральском регионе приведут к нарушению целостности экономики страны, ослабят классовую борьбу, усилят «буржуазный и мелкобуржуазный национализм»⁶⁰. Образовав особую фракцию, они покинули совещание и подали заявление с протестом в ЦК РКП(б). (Однако ни руководящий партийный орган, ни лично В.И. Ленин не одобрили их позиции, указав, что все члены партии должны поддерживать шаги Народного комиссариата по делам национальностей, направленные на созыв Учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской республики, «поскольку Центральным Комитетом не отменена линия поведения Наркомнаца»⁶¹.)

Согласно официальному постановлению, принятому совещанием, представители чувашей и мари, ознакомив его участников с отношением своих народов к проекту, а также резолюциями национальных организаций на этот счет, заявили, что они в принципе не против образования Татаро-Башкирской Советской республики, но желают расширить ее границы и высказывают пожелание быть представленными на Учредительном съезде⁶². Однако тексты выступлений на съезде чувашского и марийского представителей не согласуются с положениями официальной резолюции. Так, А.Д. Краснов в своей речи, в частности, указал, что объявление Положения о Татаро-Башкирской Советской республике для чувашских организаций оказалось полной неожиданностью, что рамки ее слишком узки, «ибо она выкидывает за борт тесно связанные с ней мелкие народности». Странным нашел чувашский представитель и само название образования — «Татаро-Башкирская республика»: в нее, кроме татар и башкир, входит еще ряд других народов; речь должна идти об областной автономии, образованной в первую очередь по экономическому принципу⁶³. В.А. Мухин огласил на совещании наказ, в котором говорилось: Комиссариат народа

мари признает желательным образование Урало-Волжского штата со включением в него всех мелких народностей Поволжья и Приуралья; при его образовании весь народ мари должен войти в состав штата (Казанская, Вятская, Уфимская, Пермская, Нижегородская, Костромская губернии)⁶⁴.

Выступившие делегаты от Уфимской губернии (В. Егошин), Уфы, Симбирска, Перми, Казани (К. Якубов), мусульманских комиссариатов и Центрального мусульманского комиссариата (М.М. Вахитов) высказались за необходимость образования Татаро-Башкирской Советской республики. Причем, М.М. Вахитов в своей речи подчеркнул, что на Учредительном съезде Татаро-Башкирской республики должны быть представлены Советы только «той территории, границы которой начертаны в Положении [о] Татаро-Башкирской Советской Республики»⁶⁵, тем самым выступив против изменения ее границ.

Итогами работы майского совещания стало решение о расширении территории учреждаемой Татаро-Башкирской Советской республики «с включением в нее мелких народностей (чуваши, мари и пр.)». Оно также постановило привлечь к выборам на Учредительный съезд Советы всех «прямо или косвенно заинтересованных губерний»; избрало комиссию по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской республики в составе М.М. Вахитова (от Наркомнаца), Г. Янбаева (от Центрального мусульманского комиссариата), Г.А. Давлетшина (от башкир), К.Л. Якубова (от татар), Д.С. Эльменя (от чувашей), В.А. Мухина (от мари), В.И. Егошина (от русских). Собрание назначило местом съезда Уфу; определение срока его созыва предоставило Народному комиссариату по делам национальностей с условием его согласования «с местными Совдепами»⁶⁶.

Хотя в официальных решениях майского совещания нашел отражение ряд принципиальных требований чувашского и марийского этносов, касающихся включения их представителей в организационную работу по учреждению республики и определению ее территориальных границ, их национальные лидеры имели все основания предполагать, что данное образование не будет равноправным объединением народов Среднего Поволжья и Приуралья. В полной мере эти опасения были высказаны на Первом Общечувашском рабоче-крестьянском съезде, состоявшемся 9—15 июня 1918 г. в Казани, где вопросы об отношении к предполагаемому объявлению Татаро-Башкирской Советской республики и этнополитического самоопределения чувашей, его форм и фактического осуществления были главными. Основным доклад «Татаро-Башкирская республика» зачитал Д.П. Петров, с содокладами выступили Д.С. Эльмень и А.Д. Краснов, в прениях выступил М.С. Слобкин. Все они высказали негативное отношение к образованию Татаро-Башкирской республики и вхождению в ее состав чувашей⁶⁷. Подавляющим большинством голосов (70 — за, 14 — против, 1 — воздержался) съезд принял резолюцию, в которой заявил, что не признает необходимости создания и не верит в возможность существования Татаро-Башкирской республики. Он выступил против включения в нее чувашского населения, поскольку нашел, что ее границы намечаются вопреки исторически сложившимся неразрывным экономическим и культурным связям; что в пределах проектируемой

республики больше всех проживает русских и, кроме татар и башкир, в значительном количестве также чуваш, черемисы, мордва и др.; что создание новой республики под названием «Татаро-Башкирская» обострит межнациональные конфликты; что трудящиеся массы татарского и башкирского народов, «в особенности в лице сельского населения, и сами не проявляют стремления к созданию обособленной государственной единицы». Как альтернативу Татаро-Башкирской республике съезд предложил учредить «по взаимному соглашению» областную автономию народов Поволжья и Прикамья⁶⁸.

Заслушав доклады «Самоопределение чувашского народа и формы его осуществления» (выступил Г.Ф. Алюнов), «О культурном самоопределении» (Г.Т. Титов), «О зачатках политического самоопределения и органы власти среди чуваш» (А.Д. Краснов), съезд признал, что чуваш по политическим, этническим, историческим условиям не могут образовать ни самостоятельного, ни независимого государства, ни отдельных штатов России; они должны добиваться культурно-национальной автономии с зачатками политической автономии⁶⁹.

Во время работы общечувашского рабоче-крестьянского форума 13 июня в Казани состоялось объединенное заседание представителей мелких народностей Поволжья и Приуралья, обсудившее вопрос о Татаро-Башкирской республике. Это было очень представительное совещание. На нем присутствовали делегаты от мари (90 чел.), чувашей (61 чел.), удмуртов (4 чел.), татар-кряшен (8 чел.), эстов (1 чел.). Председательствовал на совещании мариец Л.Я. Мендияров. Первым выступил с большим докладом представитель чувашей Д.П. Петров, который информировал присутствующих о решении Общечувашского рабоче-крестьянского съезда не входить в состав Татаро-Башкирской республики. Попытки ее организации он назвал авантюрой. При этом Петров отметил, что чуваш не против создать вместо нее областную федерацию равноправных народов Поволжья и Приуралья. Отрицательное отношение к проекту Татаро-Башкирской республики высказали и представители кряшен, удмуртов и марийский делегат С.Г. Гаврилов. Последний заявил, что народ мари отрицательно относится к идее образования Татаро-Башкирской республики, но согласен образовать областную федеративную республику мелких народностей «при условии сохранения единства России». С обстоятельными речами на совещании выступили А.Д. Краснов, Лялюков, А.А. Порк, Н.В. Никольский. Они также дали негативную оценку плану, выдвинутому тюркистами-федералистами⁷⁰. В поддержку создания республики на совещании выступил представитель Центрального мусульманского комиссариата Г.Ш. Шараф. Суть его выступления свелась к следующему: образуя республику, мусульмане «не собираются поработить кого-либо»; все народы будут равноправны; господства татар и башкир опасаться не стоит: их будет только 44%; название «Татаро-Башкирское» не является окончательным, это во власти Учредительного съезда; если какая-либо народность не будет согласна войти в состав республики, то такая территория исключается из ее состава⁷¹.

По результатам обсуждения объединенное заседание представителей чувашей, мари, кряшен и удмуртов вынесло резолюцию. Первое: отказаться

от участия в попытках создания Татаро-Башкирской республики по проектам, выработанным на татаро-башкирских съездах и совещаниях при центральном правительстве. Второе: при реализации принципа национального самоопределения и при утверждении федеративных начал в общероссийском масштабе признать желательным создание в районе Среднего Поволжья и Приуралья автономной государственной единицы Российской Федерации, учрежденной по взаимному соглашению всех его народов и «исключающей возможность расчленения последних, каковые по возможности в полном своем составе должны принадлежать к одной автономной области»⁷².

Вследствие отрицательного отношения к образованию Татаро-Башкирской республики Общечувашиского рабоче-крестьянского съезда и объединенного заседания народов Поволжья и Приуралья, совместным решением Комиссариата по чувашским делам при Казанском губернском исполкоме Советов, ЧЛСК и чувашской фракции исполкома Казанского губернского Совета крестьянских депутатов 20 июня 1918 г. представитель от чувашского народа из Комиссии по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской республики был отозван⁷³. Тем не менее Комиссия на своем заседании в конце июня 1918 г. утвердила нормы представительства на предстоящий Учредительный съезд в рамках следующей территории: вся Казанская, Уфимская, Оренбургская губернии; Вятская губерния: части Елабужского, Малмыжского, Яранского, Ур-жумского и Сарапульского уездов; Симбирская губерния: Буинский уезд, части Симбирского и Курмышского уездов; Самарская губерния: части Бугульминского, Бугурусланского и Бузулукского уездов; Пермская губерния: части Шадринского, Осинского, Красноуфимского и Екатеринбургского уездов⁷⁴. А 15 июля 1918 г. Комиссия по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской республики обратилась к народам Поволжья и Приуралья с воззванием, в котором говорилось, что она завершает свою работу и в ближайшее время откроются районные и уездные съезды, которые и пошлют представителей на Учредительный съезд. Датой его созыва была определена 15 сентября 1918 г., местом проведения — г. Уфа⁷⁵.

Эскалация Гражданской войны, в эпицентре которой оказался Поволжско-Приуральский регион, сделала невозможной проведение Учредительного республиканского съезда. Но план образования Татаро-Башкирской Советской республики не состоялся не только по этой причине. Изначально весь каркас этого проекта создавался исходя из доминирующей роли лишь двух этносов в многонациональном регионе — татар и башкир. И, как писал в аналитической записке в 1918 г. сотрудник Наркомнаца Э. Булбулович (по происхождению боснийский мусульманин), Татаро-Башкирская республика «есть авантюра», «есть утопия, которую нельзя осуществить», так как в таких границах она является «диктатурой 40% над 60% населения этой территории»⁷⁶. К тому же этот проект вступил в противоречие со стремлением значительной части деятелей башкирского национального движения создать свою отдельную автономию⁷⁷.

Замыслу группы татарских и башкирских большевиков с пантюркистскими устремлениями (М.М. Вахитов, М.Х. Султан-Галиев, Б.А. Шафиев и др.) не суждено было сбыться и по другой причине. План

образования Татаро-Башкирской Советской республики с некоторого времени перестал пользоваться поддержкой Москвы, наркома по делам национальностей И.В. Сталина, так как ситуация на фронтах Гражданской войны постепенно стала изменяться в пользу большевиков, их власть укрепилась, и поддержка мусульман Волги и Урала становилась менее необходимой⁷⁸. Изменился общий подход Советского правительства к решению проблемы административно-территориального устройства России. Если где-то до 1919 г. ведущим направлением в практике национально-государственного строительства в Советской стране являлось образование крупных многонациональных областных федераций (например, Теркская, Кубано-Черноморская, Северо-Кавказская, Донская Советские республики), то в последующий период возобладал курс на организацию однонациональных автономий. Со второй половины 1918 г. и лидеры чувашского национального движения стали склоняться к идее образования отдельной национально-территориальной единицы. И.С. Максимов-Кошкинский указывал, что замысел возник в сентябре 1918 г. Осенью 1918 г. появился проект «Чувашской Республики» Г.Ф. Алюнова. По мнению Г.Т. Титова, эта идея вызрела летом 1919 г. Летом 1919 г. возник план Козьмодемьянского уездного исполкома Советов образования национально-территориальной губернии из частей Казанской, Нижегородской и Симбирской губерний⁷⁹. Идея образования Советских национально-территориальных единиц обсуждалась и в национальном движении восточно-финских народов. Так, I Всероссийский национальный съезд удмуртов в Елабуге в июне 1918 г. высказался против присоединения к Татаро-Башкирской Советской республике. Вместе с тем съезд положительно отнесся к идее образования особой Прикамской губернии с центром в Сарапуле, мотивируя это тем, что в нее войдут целиком почти все удмурты, населяющие пять губерний⁸⁰. В октябре 1919 г. совещание актива коммунистов-татар в Казани и состоявшаяся вскоре после него первая конференция коммунистов-мусульман Казанской губернии пришли к выводу о необходимости выделения татар в самостоятельный субъект России⁸¹.

Первыми из народов Волго-Камского региона собственную автономию организовали башкиры. 20 марта 1919 г. была провозглашена Автономная Башкирская Советская Республика. В такой обстановке попытка некоторых тюрко-татарских деятелей (М.Х. Султан-Галиев, М.Ю. Бурндуков, И.К. Фирдевс) провести в жизнь хотя и вновь подтвержденное в Москве на II съезде Всероссийских коммунистических организаций народов Востока (22 ноября—3 декабря 1919 г.) Положение о Татаро-Башкирской республике не имела успеха⁸². 13 декабря 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б), заслушав вопрос «О Татаро-Башкирской республике», приняло решение: «Ввиду того, что значительная часть Всероссийского съезда коммунистических организаций народов Востока и, в частности, все представители коммунистов Башкирии против создания Татаро-Башкирской республики, таковой не создавать и декрет Народного Комиссариата по национальным делам от 22 марта 1918 г. о Татаро-Башкирской Советской Республике отменить. Предложить членам партии не вести в дальнейшем агитации за Татаро-Башкирскую республику»⁸³.

28 декабря 1919 г. в Симбирске состоялся съезд чувашей — представителей коммунистических ячеек Симбирской губернии, который, обсудив вопрос об отношении к Татаро-Башкирской республике, постановил, что «чувашки категорически отказываются входить в нее». По докладу М.Ф. Акимова форум решил через предстоящий съезд чувашских коммунистов в Казани возбудить ходатайство о создании чувашской административно-территориальной единицы⁸⁴. 3 января 1920 г. в Наркомнац Чувашским отделом был представлен «Краткий доклад о выделении чувашского народа в особую административную единицу». Согласно ему планировалось образовать на территории с чувашским населением Казанской и Симбирской губерний самостоятельную административную единицу на правах губернии — Чувашскую трудовую коммуну. Проект ее создания был рассмотрен и одобрен I Всероссийским съездом чувашских коммунистов (4—9 февраля 1918 г.). 7 февраля на съезде был заслушан доклад А.Д. Краснова «О Татаро-Башкирской республике», который вызвал оживленные дискуссии. От съезда требовалось принятие чисто формальной резолюции в поддержку образования Татаро-Башкирской советской республики (уже планируемой лишь в составе территорий Татарской и Башкирской автономий). С этим предложением к форуму обратился М.Ю. Бурундуков. Однако ряд его делегатов, в основном от чувашей Симбирской губернской организации РКП(б) (М.Ф. Акимов, Г.С. Савандеев, А.Т. Дергунов и др.) выступил против создания названной республики. Аргумент следующий: появление подобного образования приведет к росту татарского национализма, «национальному порабощению и угнетению» других народностей Татаро-Башкирской республики; его создание не вызывается экономической целесообразностью⁸⁵. В результате прений, продолжавшихся два дня (7—8 февраля), съезд 32 голосами «за», при 16 «против» и 5 «воздержавшихся» одобрил проект резолюции, предложенный А.Д. Красновым: «Поддержать и приветствовать организацию Татаро-Башкирской Советской Республики»⁸⁶. Однако съезд уже не мыслил чувашей в составе этой республики.

В послеоктябрьский период процесс национального самоопределения чувашей подчинялся общему ходу развития национального движения в России, проделавшего эволюцию от лозунгов национально-культурной к национально-территориальной автономии. Для многих народов России, в том числе и Поволжско-Приуральского региона, неизбежным этапом на этом пути стала модель областной федерации. Понадобилось время, опыт дискуссий и скрупулезных исканий, прежде чем лидеры национальных движений и Центр пришли к выводу, что наиболее оптимальной формой реализации этнополитического самоопределения народов региона является выделение их в самостоятельные национальные административно-территориальные единицы. Необходимые предпосылки для этого в целом сложились уже ко второй половине 1918 г. Сдерживающую роль сыграл субъективный фактор: пантюркизм (в большей мере татарских и в меньшей мере башкирских) советских национальных деятелей, поддержка их устремлений руководством Народного комиссариата по делам национальностей во главе с И.В. Сталиным; отсутствие политической воли у чувашских лидеров, их неверие в политический потенциал этноса⁸⁷.

Фактор географической распыленности чувашского этноса на территориях нескольких губерний также сыграл свою роль. По этим причинам идея национально-территориальной автономии вызревала среди чувашских вождей сравнительно долго, противоречиво, и подогревалась башкирским и татарским национальными движениями.

Литература и источники

¹ *Любимов В.Н., Юлдашбаев Б.Х.* Ленин и самоопределение наций (На примере народов Среднего Поволжья и Приуралья). Чебоксары, 1967. С. 87; *Кульшарипов М.М.* А.З. Валиди и российский федерализм // *Российская цивилизация в условиях трансформации: региональный аспект.* Чебоксары, 2003. С. 157.

² *Тагиров И.* В борьбе за власть Советов (Октябрь и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале. Июль 1917 — март 1918 гг.). Казань, 1977; *Хайрутдинов Р.Г.* Осуществление Коммунистической партией ленинской программы по национальному вопросу в 1917—1920 гг. (По материалам Поволжья и Приуралья). Казань, 1976; *Абдуллин М.* Борьба без компромиссов (Критика буржуазных концепций разрешения национального вопроса в республиках Поволжья и Урала). Казань, 1982; *Алпатова И.Е.* Осуществление Коммунистической партией национальной политики в республиках Среднего Поволжья в 1917—1929 годах (Анализ советской исторической литературы). Казань, 1990; *Гаяз Исхаки.* Идель-Урал. Набережные Челны, 1993; *Нафигов Р.И.* К истории одной республики // *Национальный вопрос: теория, история, реальность. Материалы межвузовской научно-теоретической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения В.И. Ленина.* Казань, 1995. С. 11—15; *Яльчин А.* Национальное пробуждение тюркских народов // *Панорама-форум.* Казань, 1997. № 1. С. 156—160; *Гаямов Э.Т.* Межнациональные отношения в Среднем Поволжье и Приуралье в период революционных преобразований 1917—1920 гг.: Дисс. канд. ист. наук. Казань, 2000; *Халилов Т.В.* Региональное лидерство и политическая культура (На материалах Казанской губернии). Февраль 1917 г. — июль 1918: Дисс. канд. ист. наук. Казань, 2000; *Исхаков С.* История народов Поволжья и Урала: проблемы и перспективы «национализации» // *Национальные истории в Советском и постсоветских государствах.* М., 2003. С. 273—295; и др.

³ *Кузнецов И.Д.* Очерки по истории и историографии Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 81—90; *Изоркин А.В.* От зарождения идеи самоопределения до образования автономии // *Проблемы национального в развитии чувашского народа.* Сб. ст. / ЧГИГН. Чебоксары, 1999. С. 20—37; *он же.* Чувашские военные организации и их роль в национальном самоопределении этноса (Апрель 1917 — февраль 1918 г.) // *Исследования социально-политической истории Чувашии XX столетия.* Сб. ст. / ЧГИГН. Чебоксары, 2002. С. 17—46; *Немцева Т.В.* Роль чувашского национального движения в истории образования Татаро-Башкирской республики // *Вестник чувашского государственного педагогического университета. История и право.* Чебоксары, 2001. Вып. 4. С. 57—60.

⁴ *Исхаков С.М.* Октябрьская революция и борьба мусульманских лидеров за власть в Поволжье и на Урале (Октябрь 1917 г. — лето 1918 г.) // *Отечественная история,* 1999. № 1. С. 51.

⁵ С.М. Исхаков считает, что БОС провозгласил автономию Башкирии не 15 ноября, а 17 ноября 1917 г. Подробнее см.: *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (Весна 1917 — лето 1918). М., 2004. С. 394—395.

⁶ *Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической республики.* Сб. док. и материалов. Уфа, 1959. С. 82.

⁷ *Исхаков С.М.* Октябрьская революция и борьба мусульманских лидеров за власть... С. 51.

⁸ *Национально-государственное устройство Башкортостана (1917—1925 гг.).* Документы и материалы. Уфа, 2002. Т. 1. С. 269.

⁹ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. II. Ед. хр. 117. Инв. 250. Л. 165.

¹⁰ Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГАИПД РТ). Ф. 36. Оп. 1. Д. 256. Л. 40.

¹¹ Цит по: *Исхаков С.М.* Октябрьская революция и борьба мусульманских лидеров за власть... С. 54.

¹² НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 414. Инв. 1060. Л. 113.

¹³ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 499. Оп. 1. Д. 10. Л. 21.

- ¹⁴ Там же. Л. 22.
- ¹⁵ Там же. Л. 22—24.
- ¹⁶ Среди воздержавшихся были и делегаты от солдат-чувашей Симбирского гарнизона Н.Т. Кузьмин и Т.К. Крылов. На съезде они высказались против включения территорий с чувашским населением в состав Средне-Волжского и Южно-Уральского штата // Там же. Л. 43.
- ¹⁷ Там же. Л. 24—25.
- ¹⁸ *Изоркин А.В.* От зарождения идеи самоопределения до образования автономии... С. 23.
- ¹⁹ ГИА ЧР. Ф. 499. Оп. 1. Д. 10. Л. 31, 31 об.
- ²⁰ Там же. Л. 31.
- ²¹ Там же. Л. 52.
- ²² Там же. Д. 26. Л. 25—27.
- ²³ ЦГА ИПД ТР. Ф. 36. Оп. 1. Д. 256. Л. 33.
- ²⁴ ГИА ЧР. Ф. 499. Оп. 1. Д. 10. Л. 60.
- ²⁵ *Крестьян-оглы.* Урало-Волжская республика // Известия Всероссийского мусульманского военного Шуро, 1918. № 14. С. 1—2.
- ²⁶ Образование Татарской АССР. Сборник документов и материалов. Казань, 1963. С. 6.
- ²⁷ Свою позицию А.Д. Краснов мотивировал тем, что в Советах национальности представлены неполно: «...Как например в Чебоксарах, в столице чуваш, едва ли в Совете есть хоть один чуваш». Поэтому, по его мнению, областной съезд Советов «может решить национальный вопрос неправильно» и защитить на съезде Советов «интересы отдельных малых народностей будет некому»; необходим созыв Учредительного собрания народов Поволжья // Знамя революции, 1917. 15 декабря (Совещание комитетов социалистических партий и организаций, стоящих на платформе 2-го Всероссийского съезда Советов по национальному вопросу).
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Образование Татарской АССР... С. 7.
- ³⁰ Образование Башкирской АССР... С. 128.
- ³¹ *Мухарямов М.К.* Октябрь и национально-государственное строительство в Татарии (октябрь 1917 г. — 1920 г.). М., 1969. С. 94—95.
- ³² *Усманова Д.М.* Вопросы национально-государственного самоопределения на страницах татарской периодической печати (1917—апрель 1918). Дисс. канд. ист. наук. Казань, 1994. Л. 144.
- ³³ Там же. Л. 146.
- ³⁴ Казанский областной съезд // Знамя революции, 1918. 8 марта.
- ³⁵ Образование Башкирской АССР... С. 35—36.
- ³⁶ Протокол общего собрания Казанского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 7 марта 1918 г. // Знамя революции, 1918. 9 марта.
- ³⁷ Образование Башкирской АССР... С. 132—133.
- ³⁸ *Стариков С.В.* Казанский левосоциалистический блок и вопрос об Урало-Поволжском штате в начале 1918 // Межэтнические отношения, национальные проблемы и движения в Среднем Поволжье и Приуралье в XVIII—XX веках. Тезисы докладов региональной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора И.Д. Кузнецова. 27—28 мая 1996. Чебоксары, 1996. С. 51.
- ³⁹ Сторонники башкирского суверенитета в лице Временного революционного Совета Башкортостана дали отрицательный ответ на телеграмму председателя КУВШ Г. Шарафа от 10 марта 1918 г. о предстоящем объявлении Урало-Волжского штата. Подробнее см.: *Любимов В.Н., Юлдашбаев Б.Х.* Указ. соч. С. 73; Образование Башкирской АССР... С. 135.
- ⁴⁰ Руководители Национального собрания мусульман С. Максудов и И. Ахтямов были против советизации проекта Урало-Волжского штата КУВШ. Подробнее см.: *Любимов В.Н., Юлдашбаев Б.Х.* Указ. соч. С. 69.
- ⁴¹ Подробнее об этом см.: *Сануков К.Н.* Марийская автономия. Йошкар-Ола, 2005. С. 37—38, 42, 46; *Чузаев Р.И.* Марийское национальное движение в 1917—1918 годах. Дисс. канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 1998. Л. 110—112.
- ⁴² *Исхаков С.М.* Октябрьская революция и борьба мусульманских лидеров за власть в Поволжье и Приуралье... С. 57.
- ⁴³ Образование Башкирской АССР... С. 138.
- ⁴⁴ *Чистяков О.И.* Становление Российской Федерации (1917—1922). М., 1966. С. 107.
- ⁴⁵ Образование Башкирской АССР... С. 139.
- ⁴⁶ ГИА ЧР. Ф. 493. Оп. 1. Д. 17. Л. 32.
- ⁴⁷ Там же. Л. 37—38.

- ⁴⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1318. Оп. 1. Д. 29. Л. 39.
- ⁴⁹ ГИА ЧР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 306. Л. 72 об.
- ⁵⁰ Образование Татарской АССР... С. 48.
- ⁵¹ *Мирсаид Султан Галиев*. Избранные труды. Казань, 1998. С. 121.
- ⁵² *Максимов-Кошкинский И.С.* Такър сул // Ялав, 1960. № 4. С. 20. (На чуваш. языке).
- Автор настоящей работы в одной из своих статей (см.: *Клементьев В.Н.* Образование Чувашской автономной области: этнотерриториальный аспект // И.Д. Кузнецов — ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30—40-х годов XX в. Сб. ст. Всероссийской научной конференции историков (Чебоксары 15—16 июля 2006 г.). Чебоксары, 2006. С. 360, не располагая точными сведениями о дате события, предполагал, что оно имело место быть во время работы второго совещания в Москве по подготовке к созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской Республики, т.е. 10—15 мая 1918 г. Уточненные данные и ряд косвенных свидетельств позволяют предположить, что данная встреча состоялась в период работы в Москве первого совещания по вопросу организации названной республики, т.е. в апреле 1918 г.
- ⁵³ Образование Татарской АССР... С. 49—50.
- ⁵⁴ Там же. С. 50.
- ⁵⁵ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 416. Инв. 1061. Л. 79—80.
- ⁵⁶ Образование Татарской АССР... С. 53—54.
- ⁵⁷ *Сайдашева М.А.* Ленин и социалистическое строительство в Татарии. 1918—1923. М., 1969. С. 63—64.
- ⁵⁸ Образование Башкирской АССР... С. 157—158.
- ⁵⁹ Там же. С. 163.
- ⁶⁰ *Сайдашева М.А.* Указ. соч. С. 64—65; ЦГА ИПД РТ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 256. Л. 80.
- ⁶¹ Ленин и Чувашия. Документы. Материалы. Воспоминания. Чебоксары, 1980. С. 344.
- ⁶² Образование Башкирской АССР... С. 164.
- ⁶³ Совещание по созыву Учредительного съезда Татаро-Башкирской Советской Республики // Правда, 1918. 19 (6) мая.
- ⁶⁴ *Грасис К. Я.* Вопрос о Татаро-Башкирской Республике // Знамя революции, 1918. 16 июня; НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 438. Инв. 1117. Л. 216.
- ⁶⁵ *Мулланур Вахитов*. Избранное. Статьи, речи, письма, документы. Казань, 1967. С. 62.
- ⁶⁶ Образование Башкирской АССР... С. 159.
- ⁶⁷ ГИА ЧР. Ф. 499. Оп. 1. Д. 27. Л. 4—7.
- ⁶⁸ Общечувашский рабоче-крестьянский съезд. Резолюция о Татаро-Башкирской республике // Знамя революции, 1918. 28 (15) июня.
- ⁶⁹ ГИА ЧР. Ф. 499. Оп. 1. Д. 27. Л. 3—3 об., 8—8 об., 13 об., 48; *Изоркин А.В.* От зарождения идеи самоопределения до образования автономии... С. 28.
- ⁷⁰ Образование Татарской АССР... С. 69—71.
- ⁷¹ Там же. С. 70—71.
- ⁷² Там же. С. 71.
- ⁷³ *Немцева Т.В.* Указ. соч. С. 60.
- ⁷⁴ Образование Татарской АССР... С. 80.
- ⁷⁵ Там же. С. 83, 87.
- ⁷⁶ Политическая «бомба» Эдгема Булбуловича // Эхо веков, 1997. № 3—4. С. 81.
- ⁷⁷ См., например: *Абдуллин М.* Указ. соч. С. 118—136, 137—139; *Исхаков С.М.* Октябрьская революция и борьба мусульманских лидеров за власть... С. 50—56; *Кульшарипов М.М.* 3. Валидов и образование Башкирской Автономной Советской республики (1917—1920 гг.). Уфа, 1992. С. 54—55.
- ⁷⁸ *Абдуллин М.* Указ. соч. С. 136—137; *Сайдашева М.А.* Указ. соч. С. 44.
- ⁷⁹ *Клементьев В.Н.* Указ. соч. С. 353—354.
- ⁸⁰ Гражданская война в Поволжье 1918—1920. Казань, 1974. С. 386.
- ⁸¹ *Абдуллин М.* Указ. соч. С. 118.
- ⁸² *Сайдашева М.А.* Указ. соч. С. 72—76.
- ⁸³ Образование Татарской АССР... С. 160—161. Пытаясь опротестовать резолюцию Политбюро ЦК РКП(б), один из самых активных поборников создания Татаро-Башкирской Советской республики М. Султан-Галиев направил письмо В.И. Ленину с анализом мнений ее противников. Подробнее об этом см.: *Мирсаид Султан-Галиев*. Указ. соч. С. 245, 259; *Таги-ров И.Р.* История национальной государственности татарского народа и Татарстана. Казань, 2000. С. 186.
- ⁸⁴ *Любимов В.Н., Юлдашбаев Б.Х.* Указ. соч. С. 182.

⁸⁵ Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 26—41.

⁸⁶ Там же. Л. 41; Резолюции 1-го Всероссийского съезда чувашских секций и ячеек и активных чуваш-коммунистов (4—9 февраля 1920 г.). Казань, 1920. С. 22—23.

⁸⁷ Активный деятель чувашского национального движения послеоктябрьского периода Д.П. Петров (Юман) по этому поводу высказался следующим образом: «Следует отметить, что чувашские работники этого времени, несмотря на огромную работу, проделанную ими в области национального строительства и несмотря на создание определенного политического центра для управления чувашами (Чувашского отдела при Наркомнаце. — В.К.), все еще не решались поднимать вопрос о создании чувашской автономной единицы..., когда весной 1918 г. при Наркомнаце обсуждались на особых совещаниях вопросы о создании Татарской и Башкирской республик (имеется в виду проект Татари-Башкирской Советской республики. — В.К.), чувашские делегаты неизменно заявляли протест не только против включения в них чувашей, но и вообще высказывались против образования национальных республик в Среднем Поволжье». (Петров Д.П. Чувашия. Историко-политический и социально-экономический очерк. М.—Л., 1926. С. 69.)

V.N. Klementyev. National self-determination of Middle Povolzhye and Priuralye nations in the Post-revolutionary period and the period of the Chuvash autonomisation (november 1917—1920).

In post-revolutionary period the process of national self-determination of the Chuvash flowed in the mainstream of ethnic movements in the region of Povolzhye-Priuralye, who evolved from national-cultural slogans to national territorial autonomy. The model of regional federation in the form Ural-Volga state, later transformed into Tatar-Bashkir Republic was an unavoidable stage in the course of development. Time and discussions showed that the most suitable form of ethno-political self-determination of the Chuvash nation was its detachment into a national independent administrative and territorial unit. The necessary prerequisites for this process appeared in the second half of 1918. Human factor was a deterrent: panturkism of tatar and some bashkir officials, supported by Stalin's aspirations, lack of political will among Chuvash leaders, lack of faith in political potential of the nation and georgaphical scattering of the nation as well.

**ЧУВАШСКАЯ ОБЛАСТНАЯ (РЕСПУБЛИКАНСКАЯ)
ОРГАНИЗАЦИЯ КПСС (КП РСФСР) В УСЛОВИЯХ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ:
ОПЫТ И УРОКИ 1985—1991 годов**

ЧГВ, 2007 г., № 1
© И.И. Бойко

История Коммунистической партии Советского Союза как научная дисциплина практически прекратила свое существование одновременно с уходом с политической арены самого объекта исследований. Место современной КППРФ совсем иное — она является лишь одной из нескольких политических партий парламентского типа, которая в борьбе с оппонентами борется за голоса избирателей. Историография КПСС огромна, в то же время, в силу известных условий, абсолютное большинство исследований, посвященных различным сторонам деятельности партии, пронизано политической и идеологической конъюнктурой, хотя это и не отрицает насыщенности многих трудов значительным фактическим материалом, интересными наблюдениями. В современных условиях место и роль КПСС анализируются в основном в обобщающих исторических трудах применительно к политическим изменениям в конце XX столетия, региональные же организации партии остаются вне внимания. В немногочисленных работах историков и политологов, посвященных событиям второй половины 1980-х — первой половины 1990-х гг. в Чувашской Республике, деятельность КПСС освещена фрагментарно, в силу решения поставленных авторами задач¹. На наш взгляд, изучение последних лет деятельности правящей партии весьма поучительно и представляет практический и научный интерес.

Цель предлагаемой статьи — дать общую характеристику деятельности областной партийной организации в последние годы ее функционирования в условиях зарождения и нарастания идеологической конкуренции в лице различных «неформальных» движений и объединений. В силу ограниченного объема статьи, вне нашего внимания остались такие важные и актуальные вопросы, как участие партии в хозяйственной жизни, ее взаимодействие с Советами, профсоюзными и комсомольскими организациями, многие вопросы внутренней жизни партийной организации,

Иван Иванович Бойко — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом чувашской энциклопедии Чувашского государственного института гуманитарных наук.

отношение рядовых членов партии и руководителей разного уровня к изменениям в стране и др. Источники выявлены в основном в Государственном архиве современной истории Чувашской Республики. В первую очередь, это документы, находящиеся в фондах Чувашского обкома (рескома) КПСС: материалы партийных пленумов, конференций, заседаний бюро обкома, справки, подготовленные к этим мероприятиям, различная переписка и др.

Обновление общества, провозглашенное руководством страны в 1985 г., предполагало некоторые изменения и в политической жизни, в принципах организации и деятельности партии. Но если в экономике декларировались достаточно понятные, хотя реально неосуществимые приоритеты, то перспективы идеологических перемен на начальном этапе перестройки не были обозначены. Призывы «начать перестройку с себя» в повседневной практике привели лишь к отчетам рядовых членов партии и руководителей разного уровня на партийных собраниях, бюро первичных организаций, райкомов, горкомов и обкомов КПСС, на которых они докладывали о собственной «перестройке», которая дальше производственных проблем обычно не выходила. Определенные надежды связывались с XXVII съездом КПСС, работа которого началась 25 февраля 1986 г. Впервые не только участники этого форума, но и весь мир услышали от первого лица в партии признание проблем и недостатков в этой организации, действия которой отставали от требований времени и самой жизни. Стремление улучшить дело, ничего не меняя, слишком дорого обходилось стране, констатировал М.С. Горбачев². На съезде говорилось о важности совершенствования социализма, и одним из рычагов этого представлялась гласность, с помощью которой должна была расширяться демократия, политическое творчество масс. Разрыв между ожиданиями людей и реальным положением дел практически во всех сферах жизни привел к решению о необходимости пересмотра принципов партийной работы, которая должна была стать примером для общества. В январе 1987 г. состоялся пленум ЦК КПСС «О перестройке и кадровой политике». Генеральный секретарь предложил, по сути, новую идеологию и стратегию реформ. Он говорил о механизме торможения, который сформировался в системе управления еще в 1930-е гг. Устранение его было невозможно без демократизации, поэтому на первый план выдвигался лозунг «Больше демократии, больше социализма!». Было принято решение о переходе в советских и партийных органах к альтернативности выборов ответственных работников, в том числе руководителей. В 1986 г. в Чувашии было избрано около 800 работников, входивших в номенклатуру обкома, горкомов и райкомов КПСС, в том числе и на альтернативной основе. Теперь речь шла и о самих партийных и советских работниках. На пленуме Чувашского обкома КПСС, проходившем в феврале 1987 г., его первый секретарь И.П. Прокопьев говорил, что выборы не подрывают, а укрепляют единоначалие, повышают авторитет руководителей. Основную роль в активизации партийной жизни должны были играть первичные организации КПСС. Эта проблема, так и не решенная за все годы перестройки, лейтмотивом проходит через все обсуждения, посвященные деятельности партии.

Большие надежды возлагались на повышение эффективности механизма обратной связи, то есть учета замечаний и пожеланий рядовых коммунистов и беспартийных, создание системы их учета и реализации. По мнению партийных руководителей среднего звена, высказанному на пленуме, ответственные работники обкома, советских и хозяйственных органов стали чаще бывать в районах, но еще продолжали считать, что на местах должны мыслить и действовать только так, как считает руководство. Постепенно деятельность партийных органов становилась открытее: политика гласности приносила свои плоды. В ноябре 1987 г. на очередном пленуме областного комитета партии был заслушан отчет бюро обкома КПСС по руководству перестройкой. В связи с подготовкой к этому пленуму бюро обкома 11 октября через печать обратилось к гражданам с просьбой высказывать замечания и пожелания в свой адрес. В ответ на это обращение поступило около 400 письменных и устных обращений, из которых 100 было опубликовано. Но в целом партия не имела четких организационных и идеологических ориентиров, политика М.С. Горбачева не находила понимания как у многих рядовых, так и номенклатурных работников.

Часть населения, имевшая свои взгляды на состояние и перспективы развития государства и общества, начала организовывать первые «неформальные» объединения. В Чувашии общественно-политическое движение вне рамок КПСС началось с организации политических клубов. Одним из первых такой клуб был создан в 1987 г. на Чебоксарском заводе промышленных тракторов под названием «Парижская коммуна». Возглавил его В.Г. Павлов — работник комитета комсомола предприятия, избранный в декабре 1988 г. председателем профкома моторного завода. Позднее были организованы политклубы «Гласность» и «Демократия» в чебоксарских объединениях «Элара» и «Росавтоматстром», «Левый поворот» — на Чебоксарском агрегатном заводе и др., которые в августе 1988 г. объединились в общегородской чебоксарский политклуб «Перестройка», президентом которого избрали В.Г. Павлова. В декабре 1988 г. в Доме политического просвещения обкома КПСС состоялось первое заседание дискуссионного клуба под названием «Союз коммунистов и беспартийных в поддержку перестройки», в ходе которого его участники критиковали действия местных властей, говорили об отставании перестроечных процессов в Чувашии. В то же время было высказано много личных обид, сетований на несправедливость к отдельным лицам и т.д. В феврале 1989 г. бюро обкома КПСС была намечена программа работы с неформальными объединениями, в развитие которой было инициировано создание дискуссионного клуба «Диалог» при Доме политического просвещения, а также политклубов в городах и районах, в основном при горкомах и райкомах партии, в сети партийной и комсомольской учебы. Первое заседание клуба «Диалог» прошло 10 апреля 1989 г. с участием всего руководства республики. Совет политклуба возглавил доктор технических наук, профессор Чувашского государственного университета Ю.М. Мионов. На ежемесячные заседания собиралось по 800 чел., но инициативой в идеологических дискуссиях КПСС овладеть не удалось.

Во второй половине 1989 г. ряд политических объединений создал Союз избирателей «Альтернатива», который своей главной целью

определил поддержку перестройки через подготовку и участие в выборах депутатов различных уровней. Лидеры союза журналист А.М. Кряжинов, В.Г. Павлов, научный сотрудник ВНИИР В.А. Алексеев, бухгалтер объединения «Чувашагропромдорстрой» В.Н. Егоров, доцент Чувашского государственного университета В.Д. Данилов, инженер Чебоксарского завода промышленных тракторов В.Г. Трофимов и др. на данном этапе еще не считали необходимым проводить открытое противостояние партийным органам. В состав координационного совета «Альтернативы» входили заведующий идеологическим отделом Чебоксарского горкома Г.Н. Зайцев и второй секретарь Московского райкома КПСС И.Р. Шакуров. Там же состоял протоиерей Чебоксарского собора Введения отца Апполинарий (А.И. Павлов). Но реальные действия «Альтернативы» показали, что представления руководства республики и сторонников демократических перемен о перспективах развития страны и роли в нем различных политических сил имеют разнонаправленные векторы. Крупнейшей акцией союза стал митинг, проведенный 25 февраля 1990 г. на Центральном стадионе Чебоксар, который был частью общероссийской акции в преддверии проведения выборов в Верховные Советы РСФСР и Чувашской АССР, назначенных на 4 марта 1990 г. На стадионе собралось около 9—10 тыс. чел. Участники митинга принесли транспаранты с призывами «Снять атрибуты монопольной власти КПСС», «Есть аппарат страшнее самогонного», «Советы без коммунистов», «Умейте правду говорить, умейте правду слушать» и т.д. Конструктивного диалога митингующих и руководства республики в лице первого секретаря обкома А.П. Петрова не получилось: говорить ему практически не дали. Выступавшие обвиняли власть республики в отсутствии практических действий по проведению перестройки в жизнь, по демократизации общества и самой партии, по отказу от собственных привилегий (дачи Совета Министров, лечение в Республиканской больнице № 2, питание в столовой № 4 и буфете при ней и др.). Негодование вызывали попытка рассмотреть вопрос о строительстве в Чувашии производства по выпуску поликарбонатов, завоз в республику «чернобыльского» мяса. Участники митинга говорили о необходимости введения многопартийной системы, о предоставлении самостоятельности предприятиям, о повышении статуса Чувашии до статуса союзной республики, призывали избирателей отдать голоса на предстоящих выборах за кандидатов, стоящих на альтернативной КПСС платформе и т.д. В резолюции, принятой на митинге, было выражено недоверие бюро обкома КПСС, Совету Министров республики, областному совету профсоюзов и записано требование об их отставке.

Для руководства партийной организации Чувашии этот митинг стал первым серьезным потрясением и испытанием. Через три дня, 28 февраля, проходил очередной пленум обкома КПСС, на котором рассматривались итоги февральского (1990 г.) пленума ЦК КПСС, текущий момент и задачи коммунистов республики. Для абсолютного большинства участников пленума масштаб и радикализм митинга в Чебоксарах оказались неожиданными. Причины этого знакового для Чувашии события объяснялись по-разному, но многие сходились во мнении, что налицо комплекс причин, среди которых, в первую очередь, назывались агрессивность и

стремление к власти организаторов митинга, отсутствие единства в самой партии, открытого диалога между КПСС и общественными организациями, отсутствие разработанной программы действий у руководства партии как в Москве, так и на местах, занятие многими райкомами и горкомами позиций наблюдателей за происходящими событиями и др. Руководитель республиканской партийной организации А.П. Петров констатировал, что партию разъединяют внутренние противоречия, вызванные несоответствием уставных требований процессу демократизации общественной жизни, плюрализму мнений, поэтому реальностью стал идейный и организационный раскол. Относительно тактики действий также не сложилось единого мнения.

Не поддающееся привычной логике развитие политической жизни вызывало у многих партийных руководителей стремление «дать решительный отпор вдохновителям грязной борьбы за завоевание власти». Лейтмотивом многих выступлений на пленуме звучала мысль о «долге коммунистов — не занимать оборонительную позицию, а вести наступательную борьбу». Первоочередной задачей ставилась активизация деятельности первичных партийных организаций, работающих в трудовых коллективах, вовлечение каждого коммуниста в активную политическую жизнь. Но они были невыполнимыми, поскольку у большинства рядовых членов партии сложилось твердое убеждение о глубоком разрыве между интересами руководства партии и ее рядовых членов, а развитие повседневной ситуации лишь подтверждало, что дистанция между решениями и жизнью продолжала увеличиваться. Поэтому все принимаемые в конце 1980-х — начале 1990-х гг. меры по демократизации партии, вполне разумные по своей сути, опаздывали и не имели реального эффекта. Особенно остро это чувствовали молодые члены КПСС. Первый секретарь Чувашского обкома ВЛКСМ В.А. Петров утверждал на пленуме, что ЦК КПСС, Политбюро, начавшие перестройку, отстают от тех процессов, которые происходят в обществе. Он считал также, что партия, не учитывая происходящее, может оказаться без своей молодежной организации. Он был среди тех участников пленума, которые предостерегали своих соратников от навешивания ярлыков на участников и организаторов митинга, обвинения их в аморальности, бытовом разложении, стремлении только к захвату власти и т.п. Первый секретарь Красночетайского райкома КПСС В.Н. Петьков обратил внимание коллег, что партия нередко проигрывает своим оппонентам по той причине, что последние знают, чего хотят, прежде всего, изменения общественного строя, ликвидации КПСС. Он высказывал опасения в связи с потерей партией роли скрепляющего элемента государства. Мнения о необходимости сотрудничества с «неформалами» практически не могли быть реализованы в жизнь, поскольку у них сложилось критическое отношение к партийной идеологии, руководству обкома КПСС и в целом — к партии, хотя, по мнению А.П. Петрова, большинство трудящихся масс, несмотря на все трудности социально-экономической жизни, связывают свои надежды с партией. Дальнейшие события показали ошибочность такой оценки ситуации.

В документах, принятых на пленуме, отмечалась необходимость диалога и сотрудничества с различными общественно-политическими

группами и объединениями, разделяющими идеи гуманного, демократического социализма, другие же «неформальные» движения определялись как деструктивный фактор, раскачивающий политическую и социальную ситуацию в республике.

Большое влияние на политизацию общества оказывали перемены, происходившие в стране. Всеобщее внимание привлекали заседания первого Съезда народных депутатов СССР, проходившего в мае—июне 1989 г. Благодаря телевизионным трансляциям свидетелями острых дискуссий на съезде стало все население страны. Из среды народных избранников сформировалась политическая оппозиция в виде Межрегиональной депутатской группы, сопредседателями которой были Ю.Н. Афанасьев, Б.Н. Ельцин, В.А. Пальм, Г.Х. Попов, А.Д. Сахаров. В январе 1990 г. был создан избирательный блок «Демократическая Россия». Одной из принципиальных позиций лидеров демократов было требование об отмене 6-й и 7-й статей Конституции СССР о руководящей роли КПСС. В марте 1990 г. третьим съездом народных депутатов СССР соответствующие изменения были внесены в Основной закон страны. Утрата партией интегрирующей государственной функции, неготовность Советов выполнять перешедшие к ним задачи ускорили введение в стране поста президента. На этом же съезде народных депутатов главой государства был избран М.С. Горбачев.

Выборы народных депутатов РСФСР и Чувашской АССР прошли в марте—апреле 1990 г. От республики в российский парламент было избрано 11 чел., в Чувашский — 200 чел. Значительную часть депутатского корпуса в Верховном Совете Чувашской АССР составляли руководители предприятий, партийных органов, учителя, врачи. Достаточно заметной была группа депутатов, отстаивавших демократическое направление реформ, укрепление суверенитета Чувашии, требовавших обращать больше внимания на решение национальных проблем и т.п. Союз «Альтернатива», выполнивший задачу по проведению этих выборов, был преобразован в мае 1990 г. в республиканский союз «Демократическая альтернатива», целью которого были координация совместных действий демократических сил Чувашии; подготовка и проведение демократических выборов; борьба за подлинную гласность и свободу слова; организация отзыва депутатов, не оправдавших доверия избирателей. 20 августа 1990 г. союз был зарегистрирован в Совете Министров республики, его руководителем избран И.П. Тореев. Позднее «Демократическая альтернатива» приняла решение войти в состав «Демократической России» и таким образом представлять в ней силы, оппозиционные КПСС, имеющиеся в Чувашии.

Летом 1990 г. прошел учредительный съезд социал-демократической партии Чувашии (сопредседатели Г.И. Иванов, В.П. Ковалев, А.С. Федоров), Крестьянского союза Чувашской АССР (А.П. Айдак). Были также созданы региональные отделения Республиканской партии России во главе с С.В. Тарасовым, Демократической партии России, которое возглавил Н.А. Максимов. В 1991 г. велась работа по организации партии конституционных демократов и социалистической партии трудящихся. Летом 1991 г. состоялось оформление Движения демократических реформ в Чувашии. Все общественные движения и партии, претендующие на роль

оппозиционных политических сил, не имели серьезной социальной опоры. Среди их руководителей были яркие, неординарные личности, но лидерами массовых организаций они не стали. Деятельность этих в значительной мере аморфных образований в большей мере оказала влияние на формирование и укрепление недоверия к КПСС, протестное голо-сование. Их видение реформ экономики, социальной сферы не опиралось на реальное знание производства и практический опыт управления, к тому же не было подкреплено властными ресурсами.

Коммунистическая партия переживала идеологический и организационный кризис, члены партии стали покидать ее ряды. Впервые партийные билеты сдали 4 чел. в 1987 г., в 1988 г. — 35 чел. и 65 кандидатов в члены партии добровольно отказались от вступления в КПСС. Численность партийной организации республики стала заметно убывать со второй половины 1989 г. При общей численности почти в 75 тыс. чел. она уменьшилась за июль—декабрь 1989 г. на 1197 чел., или на 1,6%. Из них вследствие утраты связи с первичными партийными организациями выбыли 859 чел., кроме того, 391 чел. сдал свои партийные билеты. Уже в первом квартале 1990 г. принесли свои билеты в партийные комитеты 289 чел. Сокращался прием партийного пополнения: в 1989 г. вступили в партию 1143 чел., в 1990 г. — 879 чел. В этих условиях прекратилось регулирование приема по социальному составу. Если в 1987 г. более половины вновь принятых составляли рабочие, то в 1989 г. их доля равнялась 30%, в 1990 г. — чуть более 23%. Среди выбывших в 1989 г. удельный вес рабочих равнялся 53,7%³. Искусственное формирование партийных рядов с надеждой на цементирующее влияние представителей рабочего класса, в условиях кризиса власти, экономики и господствовавшей идеологии, не оправдало надежд функционеров. С осени 1988 г. заметным стало число коммунистов, переставших платить членские взносы. В четвертом квартале 1988 г. задолженность по их уплате за 1 месяц и более имела у 253 чел., в первом квартале 1989 г. — 507 чел., а во втором квартале этого года — 879 чел.⁴, что составляло 1,2% к численности партийной организации.

Постоянными были попытки внутренней демократизации первичных организаций, в ходе которых проводились дискуссии о месте и роли КПСС в условиях обновлявшейся политической системы. На альтернативной основе начали избирать и ответственных партийных работников. В 1988 г. сменилось 24 секретаря горкомов и райкомов партии, из них 9 — с участием альтернативных кандидатур. С 1989 г. такое занятие вакантных должностей стало практически обязательным. Работники более высокого ранга избирались традиционно. 25 октября 1988 г. таким образом на пленуме обкома первым секретарем был избран А.П. Петров, работавший прежде секретарем по идеологии. Всего на начало 1986 г. в республике в партийных органах работало 968 чел., в том числе в аппарате обкома — 104 чел., горкомов и райкомов партии — 514 чел., освобожденных секретарей первичных партийных организаций, их заместителей, заведующих кабинетами политического просвещения насчитывалось 350 чел. Кроме того, 620 чел. были заняты техническим обслуживанием, включая работников транспортного хозяйства⁵. Населению открывались цифры, характеризующие бюджет партийной организации, заработные платы штатных

работников всех уровней. В начале 1989 г. читатели средств массовой информации (СМИ) республики узнали, что оклад первого секретаря обкома партии составлял 550 руб., заведующего отделом — 360 руб., первого секретаря горкома и райкома КПСС — 340 руб., инструктора — 200 руб. Публиковались отчеты о работе обкома, критические пожелания в его адрес и т.п. Развивался институт внештатных лекторов и инструкторов обкома, которых в начале 1989 г. насчитывалось более 150 чел. В октябре 1990 г. руководством партийной организации было принято решение об упразднении номенклатуры должностей республиканского комитета КПСС. Если, например, в 1987 г. в республике насчитывалось 9 должностей, занятие и освобождение которых требовали решения ЦК КПСС, и 428 должностей — обкома КПСС, то с 1991 г. в реском партии должен был утверждаться 101 чел., в основном ответственные партийные работники. В то же время было решено составить перечень должностей органов государственной власти и управления, общественных организаций и творческих союзов, в отношении замещения которых реском будет высказывать свои предложения в рамках политических консультаций и демократических процедур.

Центральные органы партии также находились в кризисе. В августе 1989 г. сторонники более решительных мер по ее реформированию начинают создавать Демократическую платформу в КПСС. Они выступали за многопартийность, отмену 6-й статьи Конституции СССР, превращение КПСС в парламентскую партию и т.д. В Чувашии также был создан оргкомитет «Демократической платформы». Большие надежды связывались с организацией Российской коммунистической партии, которая была создана в июне 1990 г. Но эти шаги еще более раскололи партийные организации, поскольку руководство российских коммунистов имело свои оценки происходящих политических событий и нередко критиковало М.С. Горбачева и его сторонников. Кардинальные изменения в партии произошли на XXVIII съезде КПСС (июль 1990 г.), на котором Программа партии была заменена документом «К гуманному демократическому социализму». Съезд принял решение о возрождении фракционности, в силу укрепления самостоятельности компартий союзных республик. КПСС реально становилась их союзом, а не единой жестко организованной структурой. Это решение сыграло определяющую роль в ослаблении союзного государства. В печати до открытия XXVIII съезда партии было опубликовано открытое письмо ЦК КПСС коммунистам страны, которое призывало их крепить единство, бороться с попытками раскола партии. 10 мая 1990 г. ряд членов партклуба Чебоксарского приборостроительного завода «Элара» в газете «Молодой коммунист» опубликовали обращение, в котором высказали мнение, что это письмо вредит предсъездовской дискуссии, ведет к травле «инакомыслящих» в партии и т.д.

Непреодолимой оказалась для коммунистов задача преодоления народного недоверия. Публикуемые в СМИ статьи о культе личности, репрессиях, дискуссии о типе построенного социализма и т.п. усугубляли эту ситуацию. Ставшие в кратчайшее время необычно популярными литературные журналы «Огонек», «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», а

также «Литературная газета», «Московские новости» и др. публиковали статьи с жесткой критикой основ построенного общества, содержание которых на фоне кризиса экономики, потери управляемости, пустых прилавков и огромных очередей вызывало рост негативных настроений, укрепление убежденности, что страна с 1917 г. шла неверным путем. Публикации художественных произведений отечественных авторов (Е. Замятин, Б. Зайцев, И. Шмелев, М. Булгаков, А. Платонов, А. Бек, А. Рыбаков, А. Приставкин, В. Шаламов и др.), исследований зарубежных историков и политологов (С. Коэн, Р. Конквист, К. Поппер и др.), отечественных публицистов (Г. Попов, Н. Шмелев, И. Клямкин, Ю. Карякин и др.) вызывали у читателей самые противоположные чувства и оценки, способствовали отчуждению власти от большинства населения, расколу самого общества.

Противодействие ортодоксальных коммунистов вызывали попытки «Демократической платформы» в КПСС обновить партию. Действия этой группы квалифицировались как попытка расшатать идейно-теоретические позиции партии, расчленив ее на фракции и группировки и, в конечном итоге, основать на месте КПСС многопартийную систему, целью которой будет борьба за мандаты в законодательные органы власти⁶. Но регулярные призывы к обновлению партии путем утверждения власти рядовых ее членов не имели реальных механизмов проведения этих идей в жизнь. Например, на 42-й отчетно-выборной конференции (1—2 июня 1990 г.) речь шла о том, что первичные партийные организации должны иметь более широкие права в выработке собственных решений по тем или иным вопросам общепартийной политики, поддерживать при необходимости решения других партийных организаций, вносить для рассмотрения альтернативные проекты. Было высказано пожелание о введении во внутрипартийную жизнь механизма «ратификации» решений партийных комитетов большинством партийных организаций, что сделало бы их более активными и прямыми участниками выработки политики партии⁷. Подобные предложения при их реализации могли привести лишь к дезорганизации и потере полной управляемости партийной организации, что в условиях динамичного и острого противоборства означало окончательную сдачу позиций. Такие метания свидетельствовали о растерянности и практическом бессилии партии, утрате управления на всех уровнях, особенно потере механизма воздействия на рядовых коммунистов. Многие руководители партийной организации Чувашии считали, что в значительной мере они уступают в политической борьбе из-за неспособности руководства соответствовать требованиям времени. К этому времени обострились противоречия с лидерами демократических движений Чувашии, которые становились по отношению к КПСС все более агрессивными. Так, на отчетно-выборной конференции А.П. Петров приводил заявление «Демократической альтернативы», в котором отмечалось, что «заслуга партии, причем печальная, — только в том, что она привела страну, наше общество к кризису»⁸.

В ходе подготовки к 42-й отчетно-выборной конференции в областной партийной организации проходила дискуссия. Отчетный доклад был утвержден пленумом обкома 15 мая 1990 г. и предварительно

опубликован в печати. Выборы делегатов были прямыми и тайными, они избирались по партийным округам на альтернативной основе. На конференции ряд ее участников обвинял обком в разрыве между ним и райкомами, первичными партийными организациями, в потере политической интуиции, неумении прогнозировать события, эпизодичности, в нерегулярности деятельности комиссий и рабочих групп обкома и т.д. Критика была достаточно жесткой, но для многих делегатов было неожиданным, что А.П. Петрову не удалось сохранить свой пост. Руководителем республиканской партийной организации был избран В.С. Шурчанов, работавший до этого вторым секретарем обкома КПСС⁹. Во время выдвижения кандидатов было названо несколько кандидатур, но все они взяли самоотводы за исключением А.П. Петрова и В.С. Шурчанова. За первого проголосовали 186 делегатов из 663, за второго — 457. Такой итог голосования оказался сюрпризом и для представителя отдела партийного строительства и кадровой работы ЦК КПСС, принимавшего участие в работе конференции. Выступая на организационном пленуме после оглашения результатов голосования, он сказал, что их отдел, по его мнению, оказался не готов к такому повороту событий, хотя на то и существует, чтобы знать обстановку в партийных организациях¹⁰.

Определенное влияние на итоги голосования оказала ситуация с демонстрацией делегатам оттиска полосы «Советской Чувашии», на которой еще до оглашения результатов голосования была набрана информация, что первым секретарем избран А.П. Петров. По разъяснению главного редактора газеты И.П. Кириллова, это была рабочая верстка полосы с набранным текстом, который должен был быть уточнен после голосования. Но этот вариант оказался у лидера «Демократической альтернативы» И.П. Тореева, который и ознакомил участников конференции с уже «объявленными» результатами. Бывший лидер коммунистов А.П. Петров на организационном пленуме был избран председателем контрольной комиссии областной партийной организации.

В июле 1990 г. состоялся последний, XXVIII съезд КПСС, который принял Программное заявление, Устав КПСС и ряд резолюций. В соответствии с новым уставом партийным организациям автономных республик придавался статус республиканских организаций КПСС, что и было заявлено на пленуме Чувашского рескома КПСС, проходившем 18 августа 1990 г. С января 1991 г. Чувашская республиканская организация КПСС переименована в Чувашскую республиканскую организацию Компартии РСФСР.

Обсуждение материалов съезда на пленуме Чувашского рескома КПСС свидетельствовало, что и его новое руководство не видело реального выхода из сложившегося положения. Речь на пленуме шла о кризисе старых подходов, которые были выработаны во времена, когда партийная организация была, по существу, машиной государственного управления, теперь же следовало реализовать установки съезда о власти партийных масс, развитии внутрипартийной демократии. По мнению партийных идеологов, ее политика теперь должна была формироваться снизу, на основе изучения и анализа мнений коммунистов и беспартийных о принимаемых решениях и реализации их в конкретных практических

делах¹¹. Новое видение партийной стратегии и тактики и попытки ее реализации на практике не получали массовой поддержки рядовых членов КПСС и не могли вести к содержательным переменам. Вместе с тем у коммунистов оставались реальные командные позиции в органах власти, экономике, социальной сфере республики, хотя перспективы их существования были неопределенными. Оппозиционные движения и объединения не имели серьезного влияния в руководящих органах. В Верховном Совете фракция коммунистов была самой многочисленной, хотя и не все члены партии входили в нее. Председателем законодательного органа был избран А.М. Леонтьев, занимавший до этого пост секретаря обкома КПСС. Большинство директорского корпуса критически относилось к «нефор-малам», поскольку понимало, чем грозит производству потеря управляемости, которая становилась все более явственной.

Одним из документов, принятым съездом, была платформа «О национальной политике в современных условиях», позиции которой были особенно актуальны для республик. Перестроечные процессы сделали возможным легальное обсуждение национальных проблем, хотя официально с высоких трибун неоднократно объявлялось, что в СССР этот вопрос решен. С конца 1980-х гг. идея «возрождения чувашской нации» получила развитие в выступлениях в печати писателя М.Н. Юхмы, филологов Н.И. Егорова, А.П. Хузангая, историка А.В. Изоркина, экономиста С.Р. Малютина и др. При этом часть чувашской интеллигенции упор делала на усиление культурно-просветительской деятельности как в Чувашии, так и в районах компактного проживания чувашей вне пределов республики, другие — за идею государственного суверенитета, который и смог бы обеспечить «национальное возрождение». Лидерами этих направлений были соответственно М.Н. Юхма и А.П. Хузангай. Первая попытка объединения вокруг чувашской национальной идеи была предпринята в 1988 г. Координационным центром творческой молодежи, который был организован при Чувашском обкоме комсомола. Руководителем центра был А.П. Хузангай. В конце этого же года в Чебоксарах группа научной и творческой интеллигенции предложила создать Общество им. И.Я. Яковлева, целью которого было бы возрождение чувашской национальной культуры, повышение социальной, в том числе политической, активности населения¹². Эта инициатива обсуждалась в обкоме КПСС, но активной поддержки не получила. Более того, 21 февраля 1989 г. бюро обкома Коммунистической партии на своем заседании выразило обеспокоенность действиями не только политклуба «Парижская коммуна» и дискуссионного клуба «Союз коммунистов и беспартийных в защиту перестройки», но и оргкомитета Общества И.Я. Яковлева¹³. Но ситуация менялась очень быстро, и уже летом того же года проходило обсуждение платформы КПСС «О национальной политике партии в современных условиях», принятой 20 сентября 1989 г. пленумом ЦК КПСС. В Чувашии обкомом партии были приняты основные направления деятельности партийной организации республики по совершенствованию межнациональных отношений, усилению интернационального воспитания трудящихся. После первого этапа пленума (ноябрь 1989 г.) его материалы были опубликованы и обсуждены на собраниях 1549 первичных, 768

цеховых партийных организаций, пленумах райкомов и горкомов КПСС, в трудовых коллективах и общественных организациях. В результате участниками обсуждений было внесено около 2 тыс. дополнительных предложений. Среди них было немало интересных инициатив, необходимых и реальных мероприятий. В декабре документ был принят и опубликован. Часть из мероприятий, в том числе направленные на углубление контактов с чувашами, проживающими за пределами республики, начала выполняться. Были заключены договоры о творческом сотрудничестве между министерствами культуры Чувашской ССР и соответствующими министерствами Татарской, Башкирской и Марийской республик, управлением культуры Ульяновской области. В библиотеки стало больше поступать книг на чувашском языке, начали печататься на чувашском языке газеты в Башкирии, Ульяновской области. Расширилось изучение чувашского языка в школах: количество нечувашских школ, где стали изучать этот предмет, возросло в 1989/90 учебном году в три раза по сравнению с предыдущим учебным годом. Началась подготовка новых учебников и методической литературы по чувашскому языку и др.¹⁴

В этих условиях партийное руководство республики поддержало создание чувашского общественно-культурного центра (ЧОКЦ), который был организован 20 декабря 1989 г. на Втором всечувашском конгрессе более чем 200 делегатами, прибывшими не только из Чувашии, но и из Башкирии, Татарии, Марийской АССР, Куйбышевской (ныне Самарской), Пензенской, Ульяновской областей, Москвы, регионов Урала, Сибири и республик Прибалтики. Председателем правления организации был избран М.Н. Юхма. ЧОКЦ активизировал культурно-просветительскую деятельность в Чувашии и среди чувашей за ее пределами. Начали издаваться газета «Вучах» (Очаг), журналы «Самана» (Жизнь), «Пике» (Сударыня), «Путене» (Перепелка), создавались фольклорные ансамбли, театральные коллективы. В ряде регионов страны были организованы филиалы и отделения ЧОКЦа. А.П. Хузангай и его сторонники приняли активное участие в выборах депутатов Верховного Совета ЧССР, которые проходили 4 марта 1990 г. В составе законодательного органа оказалось около 30 депутатов, занимавших национально-демократические и демократические позиции.

Стремление к политической институционализации своих идей и отсутствие сотрудничества с ЧОКЦ в этом направлении привело лидеров чувашского национального движения к созданию партии чувашского национального возрождения (Чăваш аталанăвĕн партияĕ — ЧАП). В марте 1991 г. был проведен ее учредительный съезд. По словам одного из организаторов и идейного руководителя А.П. Хузангая партия «старалась развить идеи чувашских социалистов-революционеров, использовать их опыт в современной ситуации и в то же время активно использовать опыт национальных движений Балтии, Татарстана, Башкортостана... и других национальных движений в регионе Урало-Поволжья»¹⁵. Программные установки партии, основу которой составляла научная и творческая интеллигенция, были нацелены на достижение экономического и политического суверенитета Чувашии, развитие самостоятельной чувашской государственности, введение институтов президентства и

гражданства, на заключение двустороннего равноправного договора с российским Центром и др. В начальный период деятельности партии ее возглавляли Ю.Н. Кошелев, затем Н.Е. Лукианов.

С начала 1991 г. в руководстве коммунистической партии крепло стремление сместить с политической арены Б.Н. Ельцина, но попытка подобного рода, предпринятая на III, Внеочередном съезде народных депутатов РСФСР, окончилась неудачей. Наоборот, на съезде выступил депутат А.В. Руцкой, заявивший о неприятии политики, проводимой Российской компартией, и о выходе из фракции «Коммунисты России» и создании своей парламентской группы «Коммунисты за демократию», в которую вошли 95 делегатов съезда. Действия А.В. Руцкого и его сторонников подрывали позиции российской компартии. Острой критике со стороны коллег по партии подвергался М.С. Горбачев, который на пленуме ЦК КПСС, проходившем в апреле 1991 г., заявил, что он намерен сложить с себя обязанности партийного руководителя. Эта позиция немного охладила его оппонентов, и заявление об отставке не было принято.

Политическое противостояние коммунистов и оппозиции активно проявилось и в ходе выборов президента России 12 июня 1991 г. Голосование в условиях экономического кризиса, товарного дефицита, заметного роста цен, коллапса власти и активной работы противостоящих ей сил оказали значительное влияние на безусловный успех Б.Н. Ельцина. В Чувашии за него голосовали менее активно, чем в России: 52,4% и 57,3% соответственно. В городах республики этот показатель (63,8%) был заметно выше, чем на селе (42,1%). Н.И. Рыжков, основной кандидат, поддерживаемый КПСС, набрал в Чувашии 21,9% голосов (в России — 16,8%). В руководстве республиканских коммунистов в связи с выборами президента не было единства. Как отмечалось на бюро Чувашского рескома КПСС, члены республиканского комитета П.П. Давыдов, П.А. Арсентьев, А.И. Кушков, О.А. Волков, член контрольной комиссии Э.А. Кубарев, многие члены горкомов и райкомов партии вели активную агитацию, противоположную той, на которую нацеливала основная часть руководства. На таких же позициях стояли председатель Крестьянского союза А.П. Ай-дак, председатель республиканского комитета профсоюзов агропромышленного комплекса П.В. Ивантаев и др. Вне влияния КПСС находились и такие средства массовой информации, как «Чăваш ен», «Молодой коммунист», «Чебоксарские новости», «Хресчен сасси». Выборы еще раз обнажили кризисную ситуацию в партии и отсутствие реальных шагов по ее преодолению. Тем не менее, на заседании бюро речь шла о необходимости укрепления позиций в трудовых коллективах, о поиске новых подходов в работе с молодежью, с различными социальными группами и т.п. О проблемах в самом руководстве партийной организации республики свидетельствует заседание совместного пленума Чувашского рескома КП РСФСР и контрольной комиссии, состоявшееся 6 июля 1991 г. В его работе из 138 участников рескома присутствовали 92 чел. (66,7%), из 41 члена комиссии — 27 (65,9%). Отсутствие трети партийного руководства на пленуме являлось беспрецедентным случаем для республиканской организации КПСС. В.С. Шурчанов отметил в докладе о текущем моменте и задачах партийной организации, что необходимо признать переход

реальной власти в стране к некоммунистическим силам. Начались разгосударствление объектов народного хозяйства, их приватизация, введется регистрация безработных, что равносильно установлению нового экономического и социального порядка в стране. Говоря об итогах голосования по выборам президента РСФСР, он отметил, что, отдавая предпочтение Б.Н. Ельцину, народ выразил массовое недоверие политике безразмерной и беспринципной перестройки, все проекты которой осуществлялись от имени КПСС, но не дали положительных результатов. Во главе процессов, начатых в 1985 г. правильно и своевременно, оказались крайне правые силы, которые привели Россию к криминально-компрадорскому развитию. Одновременно в условиях утраты управления, дисциплины и вседозволенности у населения возникла тяга к сильной личности и твердой руке, которая могла бы навести порядок в стране¹⁶. По мнению лидера коммунистов и участников объединенного пленума, итоги выборов не должны были деморализовать коммунистов, а, напротив, могли ускорить их сплочение и организованность. Чувашские коммунисты питали надежду на проведение чрезвычайных съездов КПСС и КП РСФСР с целью принятия новой программы и внесения изменений в Устав партии. Они выступали за единство партии, против попыток ее раскола в виде организации различных платформ. Антиконституционным было названо требование Закона РСФСР «О милиции», принятого 17 апреля 1991 г., которым запрещалось создание и деятельность политических партий и их организаций в органах внутренних дел. В то же время на пленуме речь шла о том, что в новых условиях необходимо самое серьезное внимание обращать на укрепление сети территориальных партийных организаций. К лету 1991 г. их всего насчитывалось 40, то есть 2% от общего количества «первичек». При принятии решения на пленуме отдельным пунктом голосовался вопрос о недоверии М.С. Горбачеву, который был принят абсолютным большинством присутствующих при трех голосах против¹⁷. О тяжести положения в партийной организации свидетельствовал и заметный отток из ее рядов рядовых членов, при этом, как отмечалось в выступлениях, уходили и хорошие, честные коммунисты. За первые шесть месяцев 1991 г. из партии вышли около 5 тыс. чел., в то время как вступили в нее 200 чел.¹⁸

Приоритетной становилась для партийной организации работа с коммунистами — депутатами Советов различных уровней, отстаивание реализации через них своей линии. В Верховном Совете Чувашии из 168 членов партии к лету 1991 г. 102 чел. входили в состав партийной группы, в 368 местных Советах насчитывалось 260 партийных групп. Всего среди депутатов районных Советов коммунисты составляли 71%, среди депутатов городских Советов — 61% и среди сельских и поселковых — 40%¹⁹.

Наступившие вскоре события исключили возможность трансформации партии. Во время августовского путча 1991 г. размежевание между политическими силами в Чувашии стало более отчетливым. Демократические и национально-демократические движения организовали выступление против действий Государственного комитета по чрезвычайной ситуации (ГКЧП). 20 августа в Чебоксарах была проведена встреча представителей демократических сил, организован комитет в защиту

Конституции. В Чебоксарах, Новочебоксарске, п. Кугеси прошли митинги, на которых осудили ГКЧП и поддержали Б.Н. Ельцина В.А. Алексеев, Н.Б. Егоров, Э.А. Кубарев, П.С. Краснов, С.В. Тарасов, И.П. Тореев, А.П. Хузангай и др. Против действий ГКЧП выступил и Чебоксарский горсовет. Руководство республиканской организации КП РСФСР и Верховного Совета призывали население республики к спокойствию и выдержке, фактически поддержав инициаторов переворота. После его провала на внеочередной сессии Верховного Совета председателю А.М. Леонтьеву было выражено недоверие, и на этот пост был избран Э.А. Кубарев, до этого работавший первым заместителем председателя.

Деятельность Коммунистической партии РСФСР указом Президента России от 23 августа 1991 г. была приостановлена, а указом от 6 ноября этого же года запрещена деятельность организационных структур КПСС и Компартии РСФСР. Восстановление коммунистической организации, но уже в виде КПРФ произошло в октябре 1992 г.

К середине 1980-х годов в стране сложился комплекс причин, в первую очередь экономического характера, осмысление которых привело руководство страны к необходимости перемен. Начавшиеся по инициативе КПСС попытки обновить социализм, придать ему новый импульс развития, затронули все стороны жизни общества и государства. В центре событий «перестроечного» периода оказались партия и ее лидеры. В условиях нарастания трудностей экономического и социального характера, снятия запретных тем при обсуждении политической истории и идеологии, быстрого развития сепаратистских и националистических тенденций КПСС оказалась в растерянности. Слом хозяйственного механизма, потеря рычагов управления усугубляли экономические трудности, вызывали новые порции критики руководства страны. Утрата партий функций важнейшего элемента государственной конструкции и нарастание критического отношения к ней постепенно сужали ее возможности реально влиять на ситуацию в стране. В этих условиях попытки реформировать КПСС, найти качественно иные доктринальные основы и тактические принципы ее действия не могли достичь желаемого результата.

Литература и источники

¹ См., например: *Шабунин Д.М.* Политическая трансформация региона: Изменение государственных институтов и конституционный процесс в Чувашской Республике. Чебоксары, 1999; *Захаров Д.А.* Власть и общество Чувашии в дни августовского путча 1991 г. // Сборник научных трудов докторантов, научных сотрудников, аспирантов и студентов ЧГПУ. Чебоксары, 2002. Вып. 12. С. 207—210; *Данилов В.Д.* Очерки новейшей политической истории Чувашии. Чебоксары, 2006.

² Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 4.

³ Государственный архив современной истории Чувашской Республики (ГАСИ ЧР). Ф. 1. Оп. 65. Д. 15. Л. 124; д. 16. Л. 58; оп. 69. Д. 913. Л. 16—17, 37.

⁴ Там же. Д. 83. Л. 57.

⁵ Там же. Оп. 60. Д. 216. Л. 2.

⁶ Там же. Оп. 69. Д. 888. Л. 28.

⁷ Там же. Л. 29—30.

⁸ Там же. Л. 35.

⁹ В октябре 1989 г. председатель Совета Министров Чувашской АССР Л.П. Прокопьев был освобожден от должности в связи с утверждением заведующим отделом Президиума Верховного Совета РСФСР. В ЦК КПСС 16 октября было направлено предложение обкома

партии о рекомендации на освободившийся пост двух претендентов на конкурсной основе: Н.А. Зайцева, первого секретаря Канашского горкома КПСС, и В.С. Шурчанова. На отпуске отношения приведено разъяснение, что по рекомендации общего отдела ЦК КПСС письмо переработано, в предложении обкома оставлена кандидатура одного Н.А. Зайцева, но исходящий номер письма сохранен // ГАСИ ЧР. Ф.1. Оп. 65. Д. 83. Л. 151—152, 159.

¹⁰ ГАСИ ЧР. Ф.1. Оп. 65. Д. 904. Л. 13.

¹¹ Там же. Оп. 69. Д. 907. Л. 4—6.

¹² *Краснов П.С.* Власть слова. Анализ. Полемика. Прогноз. Сб. статей, очерков, интервью. Чебоксары, 2006. С. 71.

¹³ Там же. С. 116.

¹⁴ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 69. Д. 1051. Л. 56—59.

¹⁵ Проблемы становления многопартийности в республиках Поволжья и Приуралья. Материалы регионального научно-практического семинара. Чебоксары, 1993. С. 175.

¹⁶ ГАСИ ЧР. Ф. 1. Оп. 69. Д. 1138. Л. 3—4.

¹⁷ Там же. Л. 41.

¹⁸ Там же. Л. 13.

¹⁹ Там же. Л. 45.

I. I. Boiko. Chuvash regional (republican) organisation the CPSU (CP RSFSR) at the conjuncture of political opposition: experience and conclusions of 1985—1991.

The history of the activity of the Chuvash regional (republican) organization of the CPSU (1985—1991) clearly proves that the party which began the reconstruction (perestroika) of economic and social life appeared not to be ready to work under the conditions of ideological competition. In the course of the increasing government crisis, economical difficulties, political opposition and the split in the organization the attempts of renewing forms and methods of political leadership and aspiration for making primary CPSU organizations the centre of political life failed.

ЧГВ, 2007 г., № 1
© В.П. Иванов

ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ВЕХИ ПРОЙДЕННОГО ПУТИ

Этносоциология, возникшая на стыке этнологии и социологии, получила свое активное развитие в основном в последней трети XX в. Как известно, главное внимание названная научная дисциплина уделяет изучению социальной обусловленности этнических черт культуры и быта, семьи и брака, ценностных ориентаций, трудового и досугового поведения, обычаев, обрядов, межличностных этнических отношений, выявлению этнических особенностей таких явлений и процессов, как отраслевая и профессиональная занятость, миграционная и трудовая мобильность, демографическое и социальное воспроизводство и т.д. Историографический обзор того, что уже сделано в области этносоциологических исследований, необходим прежде всего для оценки их научной значимости и практической результативности. Но не менее важен он и для выявления «узких мест» и обозначения актуальных направлений научных поисков в нынешних условиях жизни общества. Цель настоящего сообщения — дать обзор самого общего плана развития этносоциологии Чувашии в XX в.

Этносоциологические исследования в Чувашской Республике имеют давнюю историю. В данном случае под термином «этносоциологические исследования» условно подразумеваем массовые опросно-анкетные обследования, осуществленные в разные годы с целью изучения актуальных вопросов в области социально-этнических и культурно-бытовых процессов, исследования этнических аспектов общественного мнения населения республики и межнационального взаимодействия чувашей с другими этносами.

Следует принять во внимание, что уровень этнографической изученности чувашского народа можно признать довольно высоким. Уже во второй половине XIX — начале XX в. многие стороны культуры и быта чувашей основательно были изучены¹. В советскую эпоху исследование этнографии этноса получило дальнейшее развитие. Поэтому можно считать закономерным этапом тот факт, что уже в 1930-е гг. чувашские ученые

Виталий Петрович Иванов — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнологии и антропологии Чувашского государственного института гуманитарных наук.

обратили внимание на необходимость проведения массовых обследований этносоциологического характера.

В 1930 г. создается Чувашский комплексный научно-исследовательский институт (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук — ЧГИГН). Крупным мероприятием, осуществленным им в первые же годы функционирования, стала комплексная экспедиция по изучению социально-культурного состояния деревень республики (проводилась в ноябре—декабре 1933 г. по заданию областного комитета партии и правительства Чувашской АССР методом анкетного опроса)². Кроме научных работников (фольклористов, лингвистов, этнографов), в состав экспедиции были включены врачи, фотографы, художники, композиторы, писатели, журналисты, партийные и советские работники. В 18 районах обследовалась 21 деревня: 18 чувашских, 1 русская, 1 татарская и 1 мордовская — с населением 23032 чел. (2785 хозяйств колхозников и 2100 хозяйств единоличников). Учитывалась отдаленность селений от городов и райцентров, железнодорожных и речных путей; брались во внимание численность населения сел и деревень, занятия — сельским хозяйством, кустарными промыслами. Обследованием были охвачены все три этнографические группы чувашей. Исследователи фиксировали в анкетных бланках состояние крестьянских хозяйств, бытовые условия (дома, постройки, пищу, одежду и т.д.). Художники сделали свыше 100 портретов колхозников-ударников, зарисовки и этюды из сельской жизни и быта. Был собран богатейший фольклорный и песенный материал. Экспедиция привезла свыше 1200 фотоснимков о культуре и быте села, был заснят киножурнал «Красная Чувашия».

Работа комплексной экспедиции 1933 г. одновременно прошла и как важная политическая и хозяйственная кампания. Ее участники повсеместно проводили агитационно-пропагандистские мероприятия, направленные на повышение культуры села. Кампания проходила под лозунгом «Сделать колхозы большевистскими, колхозников — зажиточными и культурными». Предварительные итоги обследования обобщены в брошюре И.Д. Кузнецова и С.С. Кутяшова «Чувашская колхозная деревня на пути культурного подъема. Очерки по материалам экспедиции 1933 г.» (Чебоксары, 1934).

Материалы массового обследования 1933 г. и по сей день имеют научную ценность. Они послужили впоследствии основой для новых исследований сельского населения республики в 1960, 1970 и 1980 гг. Всеми четырьмя экспедициями (1933, 1960, 1970 и 1980 гг.) руководил известный чувашский историк, доктор исторических наук, профессор И.Д. Кузнецов. Что касается последнего массового обследования 1980 г. из этой серии, то оно было организовано для продолжения изучения культуры и быта сельского населения Чувашии именно в тех же населенных пунктах, что и в 1933, 1960, 1970 гг. Предварительно И.Д. Кузнецов и П.П. Фокин осуществили критический разбор методик, инструментариев предшествовавших обследований. П.П. Фокин составил новый вопросник, который позволял получить сквозные сопоставимые данные. В него также были включены дополнительные блоки вопросов, одновременно исключены вопросы, утратившие актуальность. Было опрошено около 4 тыс. семей.

Статистический материал этих экспедиций послужил основным источником для написания ряда научных работ. В сборниках института вышли статьи о динамике количественных показателей по жилищу, постройкам, интерьеру, одежде, кухонным и столовым принадлежностям крестьянской семьи и т.д.³ К сожалению, систематизированные и обобщенные данные всех четырех экспедиций в виде единой работы до сих пор не опубликованы.

Событием большой научной и практической значимости стало для Чувашии массовое статистико-этнографическое исследование, организованное и осуществленное в республике в 1981—1982 гг. Институтом этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР и НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук) по теме «Современные этнические и культурно-бытовые процессы в Чувашской АССР». Исследование было организовано и осуществлено главным образом по инициативе и под руководством доктора исторических наук В.В. Пименова, заведующего сектором народов Поволжья, Прибалтики, Европейского Севера Института этнографии, имеющего большой опыт организации подобных массовых обследований, осуществленных, в частности, в Удмуртской (1968 г.), Мордовской (1973 г.) и Башкирской (1985 г.) автономных республиках. В исследовании приняли участие специалисты названного сектора, сотрудники Чувашского НИИ, были привлечены студенты и преподаватели Чувашского государственного университета. Серия данных исследований была направлена на системное изучение этноса и функциональный анализ его основных компонентов: языка, фольклора, профессиональной духовной культуры, обрядов и обычаев, традиционной материальной культуры и т.п., на исследование механизма их взаимодействия. Таким образом, поставлена была задача выяснить, как изменяются этнос и его компоненты, каковы факторы и условия, вызывающие эти изменения, и каковы тенденции этого процесса⁴. При этом особое внимание было уделено изучению процессов этнической интеграции, консолидации и межэтнического взаимодействия и разработке на его основе ряда прикладных задач.

Вкратце история этого исследования такова. В 1980 г. Институтом этнографии АН СССР и Чувашским НИИ была достигнута договоренность по вопросам финансирования, материально-технического снабжения полевого обследования и обеспечения его сотрудниками. В основной коллектив сотрудников исследования вошли: из Чувашского НИИ — В.П. Иванов (начальник экспедиции), Г.Б. Матвеев, П.П. Фокин, В.Г. Родионов, Б.В. Каховский; из Института этнографии — А.Е. Пахутов, Р.А. Григорьева, Т.С. Гузенкова, А.Д. Коростелев, В.С. Кондратьев. Исследованию предшествовала основательная подготовительная работа. Осенью 1980 г. группа участников исследования под руководством В.В. Пименова совершила разведочную поездку по целому ряду сельских районов. Участники исследования консультировались также с рядом руководителей республиканских органов власти и ведущих ученых республики. Все это помогло при разработке в период с 1980 г. по апрель 1981 г. программы и инструментария исследования. Так, по сравнению с удмуртским и

мордовским «Вопросниками» в чувашский были внесены новые вопросы, а некоторые из них были сформулированы в несколько иной редакции. Программа, вопросник и инструкция исследования прошли серьезное и детальное обсуждение как в Институте этнографии АН СССР, так и в Чувашском НИИ.

Особое внимание было уделено проекту выборки респондентов. Он был рассчитан известным специалистом в этой области доктором экономических наук, профессором Ленинградского финансово-экономического института Э.К. Васильевой. Согласно проекту выборки было запланировано опросить (и опрошено) методом стандартизированного интервью 4200 чел. в возрасте от 16 лет и старше. Списки лиц, подлежащих обследованию (с резервом), составлялись в селах по хозяйственным книгам местных Советов, а в городах — по картотекам паспортных столов. Надо, однако, заметить, что принятая в исследовании районированная механическая выборка, обеспечивая высокую репрезентативность полученных данных, вместе с тем поставила перед экспедицией весьма сложные проблемы практического плана. Необходимо было опросить жителей 58 сельских населенных пунктов, разбросанных по всему 21 району республики и 7 городам — Чебоксарам, Новочебоксарску, Канашу, Алатырю, Шумерле, Козловке, Ядрину и поселку городского типа — Ибресям. Экспедиционное обследование проводилось в три этапа: в июле 1981 г. опрашивалось сельское население, в ноябре—декабре 1981 г. — городское и в январе—феврале 1982 г. — национальная творческая интеллигенция.

Летняя экспедиция состояла из 4 отрядов. По договоренности с Чувашским государственным университетом им. И.Н. Ульянова, они комплектовались студентами старших курсов исторического факультета, по 15—17 чел. в каждом. Отрядами руководили сотрудники Чувашского НИИ, в качестве консультантов-методистов в них находились сотрудники и аспиранты Института этнографии. Для каждого отряда были разработаны оптимальные маршруты движения из села в село, из района в район.

Большое внимание было уделено обучению студентов методике и технике заполнения вопросников. В течение двух дней до выезда в экспедицию консультанты-методисты информировали их о целях и задачах исследования, учили вести беседу и проверяли контрольные опросы. Интервьюерам вручалась специальная «Инструкция по заполнению вопросника».

Обследование сельского населения заняло в целом 25 дней. Все 4 отряда сумели опросить за это время запланированное число респондентов — 1200 чувашей и 800 русских. Успех летней экспедиции во многом был обусловлен благожелательным отношением самого населения к опросу. Судя по полученным данным, большинство опрошенных — 63% среди чувашей и 65% среди русских — отнеслись к беседе по вопроснику очень серьезно, с полным вниманием и пониманием. С наибольшим интересом и особенно охотно отвечали как чуваше, так и русские, на вопросы об обрядах и обычаях (соответственно 54 и 49%), о языке (34 и 31%).

На втором этапе исследования — опросе 1200 чувашских и 800 русских городских жителей — в качестве интервьюеров работали 18 сотрудников Чувашского НИИ. В Канаше были привлечены к обследованию

около 60 учащихся последнего курса педучилища. В опросе населения Чебоксар участвовали также 40 студентов-историков университета.

В январе—феврале 1982 г. усилиями сотрудников отдела этнографии Чувашского НИИ было осуществлено обследование 200 представителей чувашской творческой интеллигенции. Необходимо заметить, что эта группа информаторов оказалась наиболее сложной для интервьюирования.

Технический и логический анализ заполненных вопросников, а также кодировка (шифровка) содержащейся в них информации осуществлялись в основном чувашскими участниками исследования. Сотрудники Института этнографии АН СССР занимались вторичной, более детальной проверкой вопросников и особенно качества кодировки (шифровки), а также переработкой информации на ЭВМ (выполнил А.Д. Коростелев).

Таким образом, за время менее чем два года удалось осуществить экспедиционное обследование сельского и городского населения, проверить и закодировать 4200 вопросников, переработать информацию на ЭВМ и получить материалы в виде одномерных (безусловных), двумерных и многомерных таблиц распределений значений признаков по всем массивам.

В результате данного исследования в Чувашии впервые был получен как никогда богатый и многогранный этносоциологический материал. Он позволил в последующем воссоздать этнические и социальные процессы в Чувашии во всем их многообразии накануне развертывания процессов либерализации («перестройки») советского общества. Они предоставили возможность для многоплановой разработки применительно к республике разнообразных тем, в том числе таких, как современные социально-демографические процессы; этнические процессы и образ жизни; современные этноязыковые процессы; тенденции изменений в современной материальной и духовной культуре; этнические процессы и семья; религия и обрядность; межэтнические контакты; этнопсихология и др.

Полученные материалы по наиболее актуальным и прикладным проблемам в течение 1982—1984 гг. доводились в виде докладных записок и справок до сведения директивных органов Чувашской АССР. Успешно реализованный проект стал прекрасной школой сочетания теории и практики конкретного этносоциологического исследования и одновременно весьма удачным примером продуктивного сотрудничества центрального академического института и профильного регионального научного учреждения. Следует особо отметить, что инструментарий (программа, вопросники, инструкции, принципы репрезентативной выборки) были опубликованы в виде методических указаний («Современные этнические процессы в Чувашской АССР». Чебоксары, 1984)⁵.

Результаты статистико-этнографического исследования 1981—1982 гг. впервые широко и развернуто были освещены и обобщены на научно-практической конференции «Культурно-бытовые процессы в современном селе Чувашской АССР», состоявшейся 22 ноября 1983 г. в Чувашском НИИ. В последующие годы результаты данного исследования были изложены в целом ряде публикаций, тематических сборников, диссертаций⁶. Своеобразным итогом явилась коллективная монография

«Чуваши: современные этнокультурные процессы», вышедшая в 1988 г. в издательстве «Наука»⁷. Следует отметить, что такая книга — первая, выпущенная ведущим научным издательством страны, в авторский коллектив которой вошел целый ряд чувашских ученых.

Необходимо также отметить, что материалы аналогичных статистико-этнографических исследований, осуществленных в ряде автономных республик под руководством В.В. Пименова, нашли широкое отражение в коллективной монографии «Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье», написанной с участием исследователей из Института этнографии АН СССР, из Башкирии, Марийской, Удмуртской, Чувашской Республик, подготовленной и выпущенной Чувашским НИИ в 1991 г. В ней рассматриваются общие закономерности и местные специфические особенности в этнокультуре народов указанного обширного региона⁸.

Кроме этих двух крупных этносоциологических исследований, Чувашский НИИ по поручению директивных органов республики провел несколько массовых обследований с охватом меньшего количества опрошенных. Так, в 1988 г. для выяснения оценки межнациональных отношений в республике в основном силами опять-таки Чувашского НИИ было проведено анкетирование лиц нетитульных национальностей (русских, татар, мордвы). По этим материалам были представлены в органы власти конкретные рекомендации по оптимизации уже несколько обострившихся межнациональных отношений.

Серия массовых обследований этносоциологического характера была осуществлена в сельских районах Чувашии в период 1982—1983 и 1987—1989 гг. философом В.П. Фоминых. Целью его исследования явился анализ национальных проявлений общественной психологии, выявление объективных факторов и субъективных причин, формирующих духовно-нравственную сферу селян чувашской, русской, мордовской и татарской национальностей. Основные итоги исследования изложены в монографии автора⁹.

Что касается исследований этнолингвистического плана, то следует отметить, что наиболее масштабным и в научном плане добротным организованным было «лингвосоциологическое» исследование 1966—1967 гг., осуществленное сотрудниками Чувашского НИИ под руководством И.А. Андреева. Обследованием в форме анкетирования было охвачено 3669 жителей 18 населенных пунктов разных районов республики. По его материалам был подготовлен весьма обширный и подробный перечень рекомендаций по коренной оптимизации этноязыковой ситуации в республике¹⁰. Следует отметить, что часть из них легла в основу ряда директивных документов. В 1970—1980-е гг. массовые социоллингвистические исследования не проводились, однако одно из важных направлений социологии языка — двуязычие — перманентно изучалось «точечными», адресными мини-опросами.

Экспедиция сотрудников ЧГИГН чисто лингвистического характера состоялась в июле 1996 г. в пяти чувашских деревнях Татарстана и в селениях Самарской и Ульяновской областей под руководством А.П. Хузангая. В ходе экспедиции было осуществлено анкетное обследование селян, материалы которого, к сожалению, до сих пор не опубликованы.

Следует отметить, что всегда большой проблемой было и остается таковой и сегодня изучение этнических процессов среди диаспорных групп чувашей социологическими методами (по данным переписи 2002 г., 45,7% всех чувашей Российской Федерации расселены за пределами территории Чувашии в Поволжье и Приуралье довольно крупными компактными массивами — группами более 100 тыс. чел.). И если, как уже отметили, в начале 1980-х гг. в Чувашии подобное исследование удалось осуществить под руководством ученых Института этнографии АН СССР и, более того, опубликовать его результаты, то касательно чувашской диаспоры такого рода попытки не увенчались успехом. Единственно лишь в ходе проведения исследования по аналогичной же программе в Башкирии в середине 1980-х гг. местное чувашское население было охвачено опросом, однако его итоги появились в единичных публикациях. Впрочем, на их основе И.Г. Петровым в 1990 г. была защищена кандидатская диссертация на тему «Современные этнические процессы среди сельского чувашского населения в Башкирской АССР».

Многообещающий характер в плане получения конкретных данных, позволяющих осуществить сравнительный анализ процессов, происходящих в Чувашии, с одной стороны, и среди диаспорных групп чувашей — с другой, и составить определенное представление об их особенностях и направленности, имело начатое в 1994 г. совместное исследование Министерства культуры и по делам национальностей Чувашской Республики и кафедры этнологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Предполагалось опросить также чувашей Татарстана, Ульяновской и Пензенской областей, однако в связи с нехваткой средств исследованием получены только неполные и предварительные данные (в частности, были собраны некоторые материалы лишь по чувашам Пензенской области)¹¹.

Небольшой по объему, но интересный этносоциологический материал был получен комплексной экспедицией ученых Чувашского государственного института гуманитарных наук в 2002 г., организованной в рамках грантового проекта «Чуваши Приволжского федерального округа». В ходе обследования 15 чувашских селений Татарстана и Ульяновской области удалось опросить 185 респондентов. Их содержательные ответы нашли отражение в опубликованном отчете и других публикациях¹².

Ряд социологических материалов о характере этнических процессов и межэтнического взаимодействия в современной Чувашии получил отражение в работах социолога И.Е. Ильина, написанных по результатам собственных обследований сельского населения последних лет. Следует отметить, прежде всего, его этносоциологические обследования 1995 и 2002 гг. Первым было охвачено 1107, вторым — 528 селян чувашской, русской, татарской и мордовской национальностей. Их материалы получили соответствующую интерпретацию в монографии и других публикациях автора, в которых рассматриваются в частности и национально-культурные аспекты динамики образа жизни многонационального сельского социума в ходе реформ последних лет¹³.

Следует отметить, что из всех осуществленных в Чувашии в XX в. немногих этносоциологических исследований наиболее результативными,

содержательными и полезными в научно-практическом плане были материалы статистико-этнографического исследования 1981—1982 гг. Многогранный и богатый массив данных, полученный накануне «перестройки», позволил демократично мыслящей части республиканских управленцев выработать конструктивные решения по оптимизации проблем, накопившихся в сфере национально-культурной жизни населения республики. Впоследствии данное обстоятельство явно смягчило известные негативные последствия «напрягшихся» в те годы межнациональных отношений в Чувашской Республике.

Таким образом, как научная дисциплина этносоциология Чувашии XX столетия являлась одной из динамично развивающихся отраслей гуманитарных знаний. За указанный отрезок времени ей был присущ достаточно высокий уровень научной результативности. Вместе с тем ряд отдельных проблем до сих пор остается вне внимания этносоциологов. Прежде всего это касается вопросов изучения этнического самосознания чувашей, этнической специфики их психики, а также особенностей межнациональных отношений в Чувашии. Для активизации этносоциологических исследований сегодня необходимы существенные ресурсы — как материальные, так и интеллектуальные. Здесь нелишне констатировать, что заботу об этом должны проявлять прежде всего государственные структуры.

Литература

¹ См.: Археология и этнография Чувашской АССР. Библиографический указатель. Чебоксары, 1986. 288 с.

² Кузнецов И.Д., Фокин П.П. Первая комплексная экспедиция по изучению сельского населения Советской Чувашии // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР. Чебоксары, 1982. С. 139—156.

³ Иванов Л.А., Кузнецов И.Д., Сидоров П.А., Фокин П.П. Изменение материальной культуры сельского населения Чувашии (По материалам экспедиций 1933, 1960, 1970, 1980 гг.) // Вопросы материальной и духовной культуры чувашского периода. Чебоксары, 1986. С. 45—93; и др.

⁴ См. об этом: Пименов В.В., Иванов В.П. К проблеме системно-статистического анализа этноса // Исследования по древней и современной культуре чувашей. Чебоксары, 1987. С. 86—101.

⁵ Современные этнические процессы в Чувашской АССР / Методические указания и рекомендации по программированию, технике и организации статистическо-этнографического исследования. Под ред. В.В. Пименова и В.П. Иванова. Чебоксары, 1984. 164 с.

⁶ Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР / Под ред. В.П. Иванова. Чебоксары, 1984. 164 с.; Иванов В.П., Фокин П.П. Семья у чувашей. Чебоксары, 1991. 100 с.; Иванов В.П. Особенности этнических процессов в Чувашской Республике // Чувашская Республика: проблемы национально-государственного строительства (История и современность). Чебоксары, 2005. С. 76—130; и др.

⁷ Чуваши: современные этнокультурные процессы / Под ред. В.В. Пименова. М.: Наука, 1988. 240 с.

⁸ Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье в советскую эпоху (До середины 1980-х годов). Под ред. В.В. Пименова и В.П. Иванова. Чебоксары, 1991. 236 с.

⁹ Фоминых В.П. Общественная психология сельских жителей Чувашии. Чебоксары, 1990. 214 с.

¹⁰ Андреев И.А. О размерах распространения двуязычия среди сельского населения Чувашской АССР (Опыт изучения языковой ситуации современной чувашской деревни) // Ученые записки НИИ при Совете Министров ЧАССР. Вып. 46. Чебоксары, 1969. С. 3—19.

¹¹ Материал хранится в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук.

¹² Научный отчет по проекту «Чуваши Приволжского федерального округа». Чебоксары, 2002. 192 с.; Вопросы этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашской Республике / Сб. статей. Чебоксары, 2003. 86 с.

¹³ *Ильин И.Е.* Современное состояние этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашской Республике (По материалам социологического исследования 2002 г.) // Вопросы этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашской Республике. Чебоксары, 2003. С. 43—64; *он же.* Аграрная реформа в полиэтническом регионе России. Чебоксары, 2005. 228 с.

V. P. Ivanov. Ethno-sociological researches in the Chuvash Republic: milestones of the traversed path.

The article is devoted to the brief historiographic review of the ethno-sociological studies that have been carried out in Chuvashiya in 1930 — beginning of 2000. Special attention is given to analytical publications of the received materials and to estimation of their scientific and practical importance. The author accentuates a fruitful character of cooperation between Chuvash ethno-sociologists and those from academic centers of Moscow.

**КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ
ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
В 1995—2006 ГОДАХ: ОПЫТ АПРОБАЦИИ
МЕТОДИКИ «СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ
ПОРТРЕТ РЕГИОНА»***

**ЧГВ, 2007 г., № 1
© В.Г. Харитонова**

Социокультурная эволюция российских регионов на современном этапе привлекает внимание исследователей разных научных дисциплин. Сложность, комплексность региона как объекта анализа делает целесообразным использование междисциплинарного подхода, совокупности различных методов (приемов) его изучения и описания.

В 2005 г. Центр изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН, при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, приступил к реализации исследовательской программы «Социокультурная эволюция регионов России». С 2006 г. к реализации программы «Чувашская Республика: социокультурный портрет» приступил творческий исследовательский коллектив в Чувашии. Проект возглавил доктор исторических наук, директор Чувашского государственного института гуманитарных наук В.С. Григорьев. Для реализации проекта создан коллектив межинституционального характера, объединивший специалистов из разных вузов и учреждений республики (в качестве основных исполнителей, интервьюеров и технических работников).

Работа получила поддержку Российского гуманитарного научного фонда и реализуется в рамках регионального конкурса «Волжские земли в истории и культуре России».

Проект направлен на решение актуальной научной проблемы — проведение комплексного исследования в Чувашской Республике с целью создания социокультурного портрета Чувашии на основе ряда экономических, культурных, этнических и иных характеристик. Хронологические рамки исследования охватывают 1995—2006 гг. Портрет содержит описание основных аспектов социальной жизни республики: население, этнокультурные и социальные особенности; уровень жизни и социальное

Валентина Григорьевна Харитонова — кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Чувашского государственного института гуманитарных наук.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 06-03-22304 а/В).

экономическая активность и потенциал ее развития, социальная стратификация и социальная мобильность, инновационный потенциал республики. Исследование опирается на статистические данные, материалы периодической печати, данные социологического опроса (репрезентативная выборка 1000 человек по всей республике), анализ специальной литературы, архивные материалы, мониторинговые обзоры.

В основу исследования положена типовая методика, разработанная Центром изучения социокультурных изменений при Институте философии РАН, что позволит сопоставить полученные данные с другими регионами.

Участники проекта выражают глубокую признательность Н.И. Лапину, разработчикам типовой программы Л.А. Беляевой, С.В. Туманову и А.А. Ионову, оказавшим своевременную методическую и организационную поддержку при подготовке социологического исследования.

При построении выборки применена стратифицированная, многоступенчатая, квотная (пол/возраст) выборка. Объем выборки был определен в количестве 1000 человек. Эта цифра была рекомендована на конференции представителей регионов по проекту в июле 2005 г. Она является наиболее оптимальной, поскольку в этом случае обеспечивается более качественный сбор информации и в более короткие сроки.

По национальной принадлежности абсолютное большинство респондентов представлено чувашами (588 чел.) и русскими (355 чел.). В городах опрошено 610 чел., в том числе в Чебоксарах — 341 чел., в селах — 388 чел. Половой состав респондентов: 438 мужчин и 560 женщин. В процессе сбора анкет осуществлялся их 100-процентный визуальный контроль и 10-процентный телефонный контроль. Для проведения социологического исследования были отобраны 9 административно-территориальных единиц, которые представляют южные: Алатырский, Батыревский, Шумерлинский, центральные: Канашский, Вурнарский, Ибресинский и северные: Чебоксарский с городами Чебоксары и Новочебоксарск, Козловский и Ядринский районы.

В каждом районе опрос проводился в районном центре и в наиболее типичных сельских образованиях. Районные центры были представлены городами, поселками городского типа и крупными селами. Села в районах отбирались с учетом их численности и удаленности от районного центра. В каждом районе были отобраны не менее 4 сел, в которых опрашивалось не менее 10 респондентов.

Для каждого населенного пункта была построена квотная выборка (пол/возраст) и определены точки опроса. Интервьюеры опрашивали респондентов по месту жительства, отбирая квартиры по систематической выборке с шагом 30 квартир в многоэтажных домах. В домах с количеством квартир 4—12 отбор квартир осуществлялся случайным образом. При этом в каждом из последующих домов, номер квартиры предыдущего дома, в котором прошел опрос, из отбора исключался. Направление движения интервьюеров по улице — сначала в сторону увеличения порядковых номеров домов по нечетной стороне, а после того, как улица заканчивалась, или интервьюер выбирал половину выборки — в обратном направлении по четной стороне улицы.

В квартирах интервьюеры опрашивали респондентов в соответствии с

заданными квотами. Все данные о порядке опроса и респондентах интервьюеры записывали в бланк поиска респондентов. В данном бланке они отмечали номер интервью, который должен совпадать с номером анкеты в маршруте, улицу, на которой проводился опрос, номер дома, квартиры и телефона, количество квартир в доме, пол и возраст респондента, дату посещения, а также данные о проведении интервью.

В сельских населенных пунктах опрос проводился на двух центральных улицах. Шаг отбора зависел от количества домов и количества респондентов, которых необходимо было опросить. Организаторы исследования рекомендовали опрашивать каждый пятый дом.

В сельской местности интервьюеры сталкивались с определенными трудностями, в частности, поиска респондентов по заданным квотам. В Чувашской Республике, как и во многих регионах, взрослое население на летний период выезжает на заработки в Москву, на Север и в другие регионы страны. По отчетам интервьюеров, наиболее безлюдными были села Алатырского района, для которого характерны самая низкая плотность населения и преобладание в его составе русских. Вследствие названных причин опрос в возрастной группе мужчин от 30 до 50 лет был затруднен.

Перед началом исследования с интервьюерами был проведен инструктаж, а также выданы все необходимые документы для осуществления опроса: письмо к главам районных и муниципальных образований от Администрации президента Чувашской Республики, удостоверение личности, инструкция интервьюера, бланк поиска респондентов, анкеты и карточки к вопросам. Интервьюерами в основном выступили сотрудники Чувашского государственного института гуманитарных наук, имеющие большой опыт в проведении социологических и этнографических обследований. Кроме них были привлечены интервьюеры социологического агентства «Праксис», неоднократно участвовавшие в подобных исследованиях, и часть интервьюеров из молодежного правительства г. Чебоксары, что позволило обеспечить достаточно качественный сбор информации.

Анкета, состояла из 65 вопросов, дополнительно были включены вопросы, которые, по нашему мнению, учитывают особенности региона. В первую очередь это вопросы, связанные с национальностью и родным языком. На ее заполнение уходило до 1,5 часа. К сожалению, в процессе опроса были случаи, когда респондент, дойдя до середины анкеты, прекращал интервью, ссылаясь на занятость. Наибольшие сложности представляли вопросы табличного типа, особенно те, в которых нужно было оценить высказывания по 10- и 11-балльной шкале¹.

Таким образом, основной задачей и целью проекта стало комплексное исследование республики на основе экономических, культурных, этнических и иных характеристик. По мнению разработчиков и исполнителей проекта, портрет региона должен стать началом социокультурной биографии региона, подготовленной научными методами, предполагая при этом продолжение работы в мониторинговом режиме.

В качестве одной из исследовательских задач при составлении портрета региона было поставлено изучение культурного потенциала (культурного капитала) населения и его использование для инновационного

развития республики. Данная проблема наименее исследована в региональной историографии как в историческом, так и социологическом планах.

Культурный капитал (культурный потенциал населения и его использование) занимает на современном этапе общества ключевое положение в социокультурной эволюции и инновационном развитии российских регионов. Накопление этого капитала и его использование каждое в отдельности трудно поддаются анализу. Исследователями под термином «культурный потенциал» (иногда «социально-культурный потенциал») предусматривается прежде всего сфера культуры как отрасль экономики, в более широком смысле — развитие и культурная организация общества (оценка эффективности работы культурной сферы; описание механизмов действия культурной жизни общества; выявление соотношения обеспеченности и использования ресурсов учреждений культурной сферы). Термин «культурный потенциал» применяется также для оценки уровня развития культурной сферы региона и характера воздействия на общество².

В сохранении культурного уровня общества важную роль играет совокупность материальных и нематериальных активов. К материальным активам относятся: учреждения культуры, средства массовой информации (СМИ), образовательные и научные учреждения. Нематериальные активы: региональная политика и управление в области культуры и образования, языки общения, степень сохранения культурных традиций и обычаев, их функционирование, полиэтничность, конфессиональная политика, межкультурные взаимодействия и т.д. По мнению З.А. Трифионовой, полиэтничность предполагает более богатую культурную инфраструктуру³.

В средствах массовой информации термин «культурный потенциал» употребляется в разных значениях. Наиболее эмоционально обсуждаются характер развития культурного потенциала и его воздействие на общество, так называемые нематериальные активы⁴. Через культурный потенциал выражается духовно интегрирующая функция региона, которая конкретизируется следующими показателями: поддержание порядка на территории региона; сеть коммуникаций (межличностные, транспортные, телефонные, Интернет и др.) между поселениями, домохозяйствами и внутри профессиональных групп со сходными занятиями. В отношении к человеку культурный потенциал предстает как одобряемая большинством жителей данного региона совокупность ценностей и норм, правил и образцов поведения, в отношении развития общества — как легитимизация социетальных ценностей и норм, правил и образцов (формальных и неформальных), развитие позитивных взаимодействий с другими регионами. Коммуникативная структура имеет преимущественно символический характер и в целом характеризуется как культура региона. Но сеть коммуникаций имеет и физические составляющие — транспорт, электронные каналы и др.

При анализе социокультурных функций региона необходимо рассматривать содержание функции; субъекты, структуры и процессы, благодаря которым это содержание становится реальностью; субъекты, которым оно адресовано, объем и уровень доступности этого содержания для адресатов; качество его освоения адресатами, включая оценку данного

качества. Таким образом, культурный потенциал региона представляет взаимосвязь каждой личности, культуры, социальности. Интеграторами культурного потенциала выступают: язык, образование, базовые ценности (традиции, порядок, семья, общительность), либеральные ценности (независимость, инициатива, свобода), религиозная структура населения, уровень толерантности, развитие учреждений светской культуры, тип поведения личности и культура региона по патерналистским и активистским ценностям и нормам поведения: пассивные, активно адаптирующиеся, достижительные слои населения, особенности этнической культуры и т.д.⁵

Актуальность комплексного изучения культурного потенциала населения региона вызвана также тем, что базу перспективного развития Чувашии на основе собственных приоритетов и ориентиров, укрепления его положения в России и мировом сообществе составляет, наряду с инвестиционной и инновационной деятельностью, культурный и интеллектуальный потенциал.

Основные задачи раскрытия потенциала были поставлены еще в конце прошлого и начале нынешнего столетий, в частности, в Указе Президента Чувашии Н.В. Федорова «О дальнейшем развитии общественной инфраструктуры в Чувашской Республике» от 21 мая 2001 г. Они сводились к следующему: формирование эффективной общественной инфраструктуры и концентрация имеющихся ресурсов для ее развития, рациональное использование инвестиционных и интеллектуальных возможностей при размещении производственных и инфраструктурных объектов; формирование взаимосвязи уровня благоустроенности населенных пунктов с возможностями самореализации человека и уровня общественной деятельности; обеспечение условий для быстрого доступа населения к общественным и культурным центрам, месту работы и учебы, в первую очередь, в сельской местности⁶.

Основная цель культурной политики — эффективное использование внутреннего потенциала Чувашии и укрепление ее позиций среди других регионов Российской Федерации, улучшение качества жизни. Государственная политика в области культуры проводилась в едином комплексе с направлениями социальной политики и в целом рассматривалась как ключевой компонент развития. По оценкам экспертов, Чувашская Республика обладает достаточно высоким культурным потенциалом. Основным ресурсом культурного потенциала республики служит экономический рост (с 1999-х гг.).

Одним из интеграторов культурного потенциала является образование. В начале 1990-х годов уровень образования населения Чувашии, особенно чувашского, проживавшего преимущественно в сельской местности, был невысок. В составе населения в возрасте 15 лет и старше доля лиц с высшим и неоконченным высшим образованием у русских (удельный вес горожан — 88%) достигала 21%, у чувашей — 13,7%. Взрослое население республики имело начальное профессиональное и общее среднее образование (35% жителей, в среднем по России — 30%). Помимо высокой доли населения, проживающего в сельской местности, относительно невысокий уровень образования населения был связан и с тем, что Чебоксары

вплоть до середины 90-х годов XX в. не были крупным вузовским центром. Однако в последнее десятилетие высшее и другие формы образования в республике развиваются ускоренно. В столице работают 7 вузов (включая филиалы московских вузов); численность студентов за 1995 — 2005 гг. выросла с 154 до 553 чел. на 10000 населения (9-е место в Российской Федерации)⁷. Получение вузовского и после-вузовского образования является приоритетным для общества региона. Это один из показателей повышения социального статуса и занятия устойчивого положения на рынке труда в социальной сфере. За 1989 — 2002 гг. число специалистов с высшим образованием (включая послеу-зовское) увеличилось на 62,3 тыс. чел. (на 79,4%), с неполным высшим — на 14,7 тыс. чел. (в 2,1 раза), со средним профессиональным — на 104,2 тыс. чел. (64,1%), с начальным профессиональным — на 26,4 тыс. чел. (на 18,7%). На 4,5 тыс. чел. (на 2,2%) увеличилось число граждан, имеющих среднее (полное) образование. Число лиц в возрасте 15 лет и более с основным общим и начальным образованием уменьшилось. Впервые переписью 2002 года зафиксированы лица, имеющие послевузовское образование (1,6 тыс. чел.)⁸. Однако такой количественный скачок неизбежно сопровождается снижением качества обучения.

Уровень образования респондентов социологического опроса оказался выше статистических данных. Так, незаконченное высшее, высшее и послевузовское образование имели 29,6%, среднее специальное образование — 30,4%, начальное специальное и среднее — 28,4%, начальное образование — 2,2%; отказались от ответа — 1%.

Если же вести речь об уровне образования наиболее многочисленных этносов (чуваши, русские, татары, мордва), то русские продолжают опережать представителей других народов по наличию в них групп с высшим и средним профессиональным образованием. Среди сельских жителей республики по наличию лиц с послевузовским и высшим и неполным высшим образованием чуваши опережают три других этноса. Резервы развития человеческого потенциала за счет повышения уровня образования и образованности в подавляющем большинстве регионов России эксперты считают исчерпанными. Уровень грамотности достиг своего предела, дальнейшее повышение охвата обучением невозможно без значительного роста расходов на образование. Этой ситуации способствует снижение численности детей школьного возраста, особенно в сельской местности.

По оценкам Всемирного банка, в середине 1990-х годов 64% мирового богатства составлял человеческий капитал, 21% — физический капитал, 15% — природные ресурсы. В России человеческий потенциал составлял 50% национального богатства. Чувашская Республика, по данным Независимого института социальной политики по индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП), занимала 38 место в Российской Федерации. Основу показателя составили более высокое долголетие и возросший охват образованием молодежи. Индекс развития человеческого потенциала разрабатывается как средняя от трех показателей: доход (душевой ВРП — валовый региональный продукт), долголетие и образование, ежегодно рассчитывается и публикуется в рамках Программы развития ООН (ПРООН). В 2000 г. Чувашия занимала по показателю ИРЧП 45 место в

России⁹. Таким образом, прежде всего высокий уровень образования удерживает и позволяет республике устойчиво занимать среди регионов России данный рейтинг.

Уровень образования оказывает непосредственное влияние на развитие науки и производства. По показателю специального индекса развития интеллектуального потенциала (ИРИП) в 2000 г. Чувашия входила в состав 50 регионов России (от 0,3 до 0,4), занимая положение чуть ниже среднего и имея возможность достичь более высоких результатов.

На развитие культурного потенциала республики оказывали влияние и следующие интегральные индексы. По данным Института Региональной политики, Чувашская Республика характеризуется следующими данными: индекс качества жизни — 42-е место в Российской Федерации; индекс инновативности — середина рейтинга (по мнению экспертов, для региона поздней урбанизации это можно считать достижением). По индексу демократичности Чувашия замыкает первую двадцатку субъектов Российской Федерации, что говорит о реальных преимуществах политического развития в течение длительного времени, отмечаемых экспертами.

При оценке уровня развития человеческого потенциала мнение респондентов социологического опроса совпали с оценкой экспертов: 76,8% опрошенных оценили его как средний (48,5%) и ниже среднего (28,3%); 8,9% — выше среднего; 1,9% — как один из самых высоких; 5,0% — как один из самых низких; 10,9% — не ответили.

При изучении культурного потенциала Чувашской Республики необходимо обратить внимание на ряд значимых факторов, оказывающих влияние на его развитие. По данным переписи 2002 г., в республике проживают представители более 100 народов и 9 этнических групп, но при этом национальный состав населения продолжает сохранять исторически сложившееся соотношение: чуваша составляют большинство населения (889,3 тыс. чел., или 67,7%). Второе место по численности занимают русские (348,5 тыс. чел., или 26,5%), далее следуют татары (36,4 тыс. чел., или 2,7%) и мордва (16,0 тыс. чел., или 1,4%).

С 1989 по 2002 гг., впервые за многолетнюю историю, произошло уменьшение численности чувашей в Российской Федерации — на 136,4 тыс. чел. (7,7%). Несмотря на постоянный рост городского населения, доля сельских жителей остается весьма высокой. Городское население, по данным переписи 2002 г., составило 60,6% всего населения республики, сельское — 39,4%. На 1 января 2007 г. насчитывалось 736,6 тыс. (57,3%) городских и 549,6 тыс. (42,7%) сельских жителей. На существенное сокращение численности городского населения — за год более 50,0 тыс. чел. (по сравнению с 2006 г.) — повлияли административно-территориальные изменения. В их ходе поселки городского типа Новые Лапсары, Сосновка, Вурнары, Ибреси, Буинск, Урмары, Кугеси стали сельскими населенными пунктами. Более половины горожан Чувашии проживает в столице республики — Чебоксарах. Высокая доля чувашей в городском населении — одна из отличительных особенностей этнодемографической ситуации в республике. Перепись 2002 г. зафиксировала превышение численности чувашей-горожан над чувашами-селянами — на 4,0 тыс. чел. Цифра незначительная, но тенденция обозначилась¹⁰.

Наиболее выразительным индикатором культурной политики остается этноязыковая ситуация, сохранение и социальное функционирование родного языка. В республике проводится действенная реализация прав граждан на получение образования на родном языке, удовлетворение запросов национально-культурных обществ посредством развития национальной системы образования. Однако проблема социальных функций языков, как чувашского, так и других, остается ведущей доминантой социально-политического, а также эмоционального самочувствия общества¹¹.

Следующим индикатором культурного потенциала является развитие учреждений светской культуры. По данным статистики, в Чувашской Республике происходит количественный и качественный рост показателей. Достаточно обратиться к материалам республиканской целевой Программы «Культура Чувашии: 2006—2010 годы», чтобы иметь четкое представление об этом процессе. В республике действуют 6 государственных театров, академический ансамбль песни и танца, академическая симфоническая капелла, филармония с 7 творческими коллективами. В 2004 г. создана Республиканская дирекция культурных программ. Творческие союзы и другие профессиональные общественные объединения охватывают более 1200 художников, писателей, композиторов, музыкантов и других деятелей искусства. Проводится активная работа по повышению уровня доступности искусства для населения, активизации культурного обмена. Большой резонанс получили международные фестивали: балетный и оперный, республиканский конкурс театрального искусства «Узорчатый занавес». Театрами и концертными учреждениями проводится в среднем более 2000 спектаклей и концертов в год. Ежегодно творческими коллективами создается до 60 новых постановок и программ. В 2004 г. за постановку спектакля по пьесе чувашского драматурга А. Тарасова «Свет далекого счастья» творческий коллектив Чувашского государственного академического театра им. К.В. Иванова был удостоен Государственной премии Российской Федерации в области литературы и искусства. Вместе с тем в развитии профессионального искусства имеются проблемы. Одной из них является недостаточная доступность услуг театров для сельских жителей республики, необходимость усиления государственной поддержки деятелей искусств по всем направлениям. Остается низкой техническая оснащенность театральных и концертно-зрелищных учреждений.

Сельские культурно-досуговые учреждения являются одними из главных институтов сохранения нематериального культурного наследия. В Чувашии действуют 946 учреждений культурно-досугового типа. В почти 6 тыс. клубных формирований занимаются более 74 тыс. чел. Сложилась система традиционных творческих акций по всем жанрам любительского искусства, таких, как Всероссийский фестиваль народного творчества «Родники России», республиканский праздник «Акатуй», фестивали марийского, мордовского, татарского, русского народного творчества, детские фестивали.

С 1999 г. уменьшилось число зданий муниципальных учреждений культуры, требующих капитального ремонта. По данным паспортизации, проведенной в 2003 г., из 912 зданий 34 построены до 1930 г. и 86 зданий —

до 1950 г. Техническое оснащение сельских культурно-досуговых учреждений, обновление сценических костюмов, музыкальных инструментов не соответствуют требованиям времени. Доля специалистов с высшим и средним специальным образованием, занятых в сельских культурных учреждениях, составляет 68% (в целом по России — 57,2%, в Приволжском федеральном округе — 47,6%). Объем средств, полученных муниципальными учреждениями культуры от оказания платных услуг населению, в 2004 г. составил 26,3 млн рублей, или 9,6% к бюджетному финансированию (в регионах Приволжского федерального округа — 8,7%).

Пользователями библиотек в республике в 2004 г. были более 700,0 тыс. чел., в 1999 г. — 677,0 тыс. чел., количество документов выдано составило более 16 млн документов в год, в 1999 г. — 15 млн. Создание сети сельских модельных библиотек позволило обеспечить значительную часть сельского населения Чувашской Республики качественными информационными услугами. На начало 2005 г. на 10 тыс. человек сельского населения приходилось 2,32 модельные библиотеки, в целом по республике — 1,06. Чувашия занимает 23 место среди субъектов Российской Федерации по поступлению новых книг в сельские библиотеки в среднем на 100 жителей и первое место — по уровню комплектования фондов сельских библиотек электронными изданиями. 15% электронных изданий, представленных в сельских библиотеках России, сосредоточены в Чувашии.

На территории Чувашской Республики находятся 655 объектов, представляющих историко-культурную ценность и находящихся под охраной государства. Многие из них федерального значения: Введенский собор (1657 г.), Свято-Троицкий мужской монастырь (1566 г.), Соляная контора, дома известных купцов Зелейшикова, Соловцова, отца и братьев Ефремовых (XVIII — XIX вв.) в Чебоксарах, дом Толмачевых и Троицкий собор (XVIII в.) в г. Цивильск, дом Бурашникова в г. Ядрин. Объем реставрационных работ составил в 2001—2004 гг. 29,0 млн рублей, в том числе 11,9 млн рублей — за счет средств федерального бюджета, 5,2 млн рублей — за счет средств республиканского бюджета, 11,9 млн рублей за счет внебюджетных источников финансирования. В 2005 г. реставрационные работы выполнены на 10 объектах.

Интенсивность пользования услугами государственных и муниципальных музеев находилось на достаточно высоком уровне. Количество посещений музеев в год на 100 человек на единицу персонала музея в 2001—2005 гг. в Чувашии составило 10 чел. В числе посетителей удельный вес туристов из регионов Российской Федерации составляет 18%.

В 2003 г. Чебоксары присвоен статус «Культурной столицы Поволжья». Экспертами программы ПФО были высоко оценены такие характеристики культурной политики Чувашской Республики, как внедрение новых управленческих механизмов, разнообразие форм культурной деятельности, опыт проведения межрегиональных культурных акций. Указом Президента Чувашской Республики от 15 декабря 2003 г. «О реализации инновационных программ и мероприятий в сфере культуры» поставлена задача инновационного развития отрасли, расширения международных культурных связей и поддержки инновационных проектов. Инновационное развитие отрасли предполагает оптимизацию соотно-

шения между традициями и обновлениями различными типами и видами культур. Сохраняя традиции, важно формирование новых подходов и решений развития культуры.

Культура Чувашии обладает развитой отраслевой образовательной системой, включающей 54 школы дополнительного образования, 3 образовательных учреждения среднего профессионального образования, Чувашский государственный институт культуры и искусств. Однако музыковед М.Г. Кондратьев, ведущий эксперт в области художественной культуры и истории развития культуры чувашей, отмечает, что как в системе образования, так и культуры складывается непростая ситуация, связанная с утратой и невостребованностью в нашем обществе традиционного отношения к культурным ценностям и традициям, а также необходимостью адаптации к новым условиям развития. В данной культурной ситуации, по его мнению, необходимо обратить на это основное внимание, учитывая, что «именно слой людей, не утративших веры в идеалы, обеспечивает нравственную и духовную стабильность в обществе»¹².

Система кинопроката и кинообслуживания населения Чувашской Республики включает 132 действующие киноустановки (в 2001 г. — 152). Передача киноустановок в введение муниципалитетов привела к полному прекращению их функционирования в Алатырском, Аликовском, Поречском, Урмарском, Чебоксарском и Канашском районах. Реконструкция и техническое переоснащение кинотеатров при передаче зданий в долгосрочную аренду позволили улучшить качество киноуслуг в кинотеатрах «Сеспель» и «Луксор» (г. Чебоксары), «Атӑл» (г. Новочебоксарск), «Мир» (г. Канаш).

Консолидированный бюджет отрасли культуры составил в 2001 г. 163,1 млн рублей, в 2002 г. — 271,8, в 2003 г. — 262,0, в 2004 г. — 285,2, в 2005 г. — 398,7 млн рублей. Объем платных услуг, предоставляемых учреждениями культуры и искусства, в 2004 г. составил 49,5 млн рублей, или 18,3 % по отношению к консолидированному бюджету отрасли (в 2001 г. — 16,1%).

Осуществлены реконструкции зданий Государственного русского драматического театра, Чувашского национального музея, Чувашского государственного академического драматического театра им. К.В. Иванова. Завершено строительство Музея Космонавтики, Яльчикской и Вурнарской школ искусств. В планах: реконструкция здания Чувашского государственного академического драматического театра им. К.В. Иванова, Чувашской государственной филармонии, Чувашского государственного театра оперы и балета, Чебоксарского музыкального училища им. Ф. Павлова, Чувашского государственного художественного музея, Национальной библиотеки Чувашской Республики, 12 сельских учреждений культуры.

Проводится активная работа по информатизации отрасли культуры. В учреждениях культуры и искусства созданы локальные компьютерные сети; большая их часть имеет выход в Интернет. Проводится всеобщая модернизация библиотек Чувашии посредством оснащения компьютерной техникой и программным обеспечением. Электронные каталоги и краеведческие базы данных созданы в Национальной библиотеке Чувашской

Республики, в Чувашском государственном художественном музее, Чувашском национальном музее, архивах Чувашии. В республике достигнут самый высокий в ПФО показатель внесенных в электронный каталог сведений по отношению к объему музейных фондов — 17% (в ПФО в среднем — 3,9%). Начата работа по оцифровке наиболее ценных документов культурного наследия Чувашии, к 2010 г. планируется оцифровать 65,0 тыс. документов и изображений музейных предметов¹³. Материалы статистических данных 2006 г. показывают: по численности зрителей театров на 1000 чел. населения Чувашская Республика занимает 9 место в Российской Федерации; по числу посещений музеев — 70-е место; по количеству экземпляров библиотечного фонда — 27-е место; по выпуску газет (разовый тираж в экз.) — 17 место; по наличию квартирных теле-фонов в городах — 40 место; по наличию квартирных телефонов в сельской местности на 1000 чел. населения — 72 место. Охват населения теле- и радиовещанием составляет (в процентах от общей численности населения) по телевизионным программам 100%; по радиопрограммам — 98,9%. По информационным и коммуникативным технологиям все показатели растут¹⁴.

Культура выступает в качестве важнейшего фактора управления человеческими ресурсами, одним из способов социализации и социальной интеграции. Необходимое для этого накопление социокультурного опыта происходит в рамках соответствующих традиций, сохраняющих и развивающих знания и ценности общества. В отношении к населению региона и каждому человеку необходимо рассматривать совокупность ценностей и норм, правил и образцов поведения¹⁵. Структура ценностей жителей республики начиная с 1990-х гг. менялась достаточно быстро. Анализ материалов республиканских СМИ показывает, что растет поддержка современных и либеральных ценностей: свобода, независимость, уверенность в себе и т.д. Наибольшую поддержку, как в целом и у россиян, получают общечеловеческие ценности. В таблице приведены данные социологического опроса жителей Чувашии, проведенного в 2006 г. в рамках исследовательского проекта «Чувашская Республика: социокультурный портрет». Респондентам было предложено оценить по 11-балльной шкале следующие суждения («11» означает, что с этим высказыванием полностью согласны. Остальные цифры шкалы отражают различную степень согласия или несогласия с этим высказыванием).

Таблица 1

Ценностные ориентации населения республики

Суждения	Баллы
1	2
В любых условиях красота делает человека лучше и чище	8,25
Главное в жизни — забота о своем здоровье и благополучии	9,22
Бывают обстоятельства, когда человек сам, по своей воле, может посягнуть на жизнь другого человека	3,87
Свобода человека — это то, без чего его жизнь теряет смысл	8,32
1	2
Только содержательная, интересная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею как основным делом жизни	8,73

Личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами	9,37
В жизни главное внимание нужно уделять тому, чтобы установить хорошие семейные и дружеские отношения	9,50
Люди и государство должны больше всего заботиться о детях	9,80
Я стал таким, какой я есть, главным образом благодаря собственным усилиям	8,36
Человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была власть, возможность оказывать влияние на других	5,15
Нравственный, совестливый человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится отрывать что-то от себя	7,77
Главное — это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	7,60
Самое ценное на свете — это человеческая жизнь и никто не вправе лишать человека жизни ни при каких обстоятельствах	9,80
Главное — это уважение к сложившимся обычаям, традициям	7,93

Оказалось, что большинство населения республики поддерживают традиционные ценности: жизнь, дети, здоровье, правопорядок, работа, семья, уважение к сложившимся обычаям и традициям (см. табл. 1).

Об уровне культурного потенциала населения республики свидетельствует информация о посещении учреждений культуры и культурных мероприятий.

Таблица 2

Частота посещаемости культурно-досуговых учреждений (в %)

	Раз в неделю	Раз в месяц	Раз в полгода	Реже чем раз в год	Затрудняюсь ответить	Отказ от ответа	Всего
Библиотеку	7,4	7,9	12,8	49,1	14,7	8,0	100
Театр	0,2	1,0	14,1	59,4	16,3	9,0	100
Цирк	0,0	0,0	6,3	62,7	20,9	10,2	100
Музей	0,0	1,7	9,5	61,1	16,9	10,8	100
Стадион	3,6	6,2	10,9	50,7	17,8	10,9	100
Клуб по интересам	2,5	3,0	5,9	54,8	20,1	13,7	100
Дискотеку	3,3	10,6	2,2	53,6	17,3	13,1	100
Кинотеатр	1,0	10,8	14,6	46,2	16,6	10,8	100
Город							
Библиотеку	6,2	7,5	13,0	52,8	12,3	8,2	100
Театр	0,3	1,1	13,1	61,1	15,9	8,4	100
Цирк	0,0	0,0	7,0	64,6	18,2	10,2	100
Музей	0,0	1,8	11,5	63,3	13,3	10,2	100
Стадион	4,4	6,2	12,0	53,0	14,6	9,7	100
Клуб по интересам	2,6	3,0	4,8	58,6	17,6	13,3	100
Дискотеку	3,0	11,5	2,7	56,3	13,3	13,3	100
Кинотеатр	1,3	15,2	17,9	42,0	12,5	11,1	100
Село							
Библиотеку	9,3	8,5	12,6	43,3	18,6	7,7	100
Театр	0,0	0,8	15,7	56,7	17,0	9,9	100
Цирк	0,0	0,0	5,0	59,7	25,1	10,2	100
Музей	0,0	1,6	6,3	57,7	22,7	11,7	100
Стадион	2,4	6,0	9,2	46,9	22,8	12,8	100
Клуб по интересам	2,4	3,1	7,6	48,7	24,1	14,1	100
Дискотеку	3,7	9,2	1,6	49,2	23,6	12,8	100
Кинотеатр	0,5	3,7	9,4	53,0	23,2	10,2	100

Сельские жители в отличие от городского населения более активно пользовались услугами библиотек — наиболее доступных для них культурных учреждений. Более активно пользуются услугами культурных учреждений молодые люди. Так, среди респондентов в возрасте от 18 до 24 лет еженедельно посещали: библиотеку — 15,7%, стадионы — 10,3%, клубы по интересам — 8,7%, дискотеки — 12,0%, кинотеатры — 3,2%; в возрасте от 25 до 34 лет соответственно — 4,8%, 3,6%, 1,2%, 2,4%, 1,2%; в возрасте от 35 до 44 лет — 5,2%, 3,1%, 1,6%, 1,6%, 0,5%; в возрасте от 45 до 54 лет — 7,0%, 0,5%, 1,1%, 1,1%, 0,5%; в возрасте от 55 до 64 лет — 6,9%, 2,8%, 1,4%, 0,7%, кинотеатры не посещали; от 65 и старше — 3,2%, другие учреждения не посещали. На втором месте по количеству посещений как для городских, так и для сельских жителей оказались стадионы (см. табл. 2).

В 2005 г. в ходе исследовательского проекта «Реформа системы образования» учителям и директорам школ республики задавался вопрос: насколько часто они посещают театры, музеи, выставки, концерты кинотеатры (и т.д.)? Оказалось, что за последние 12 месяцев на момент опроса не были в театре 28% учителей и 19,9 % директоров школ, в кинотеатрах соответственно — 65,8 и 58,3, на концертах — 18,2 и 7,7, в музеях и на выставках — 26,6 и 13,5%. По данным социологического опроса 2006 г., реже чем раз в год посещали библиотеку 49,1% жителей республики, театр — 59,4%, цирк — 62,7%, музей — 61,1%, стадион — 50,7%, клуб по интересам — 54,8%, дискотеку — 53,6%, кинотеатр — 46,2%. Таким образом, более половины населения недостаточно активно пользуются услугами культурных учреждений республики. Причины подобного состояния необходимо изучать дополнительно. В целом это комплекс проблем, связанных с социализацией культуры и социальной интеграцией.

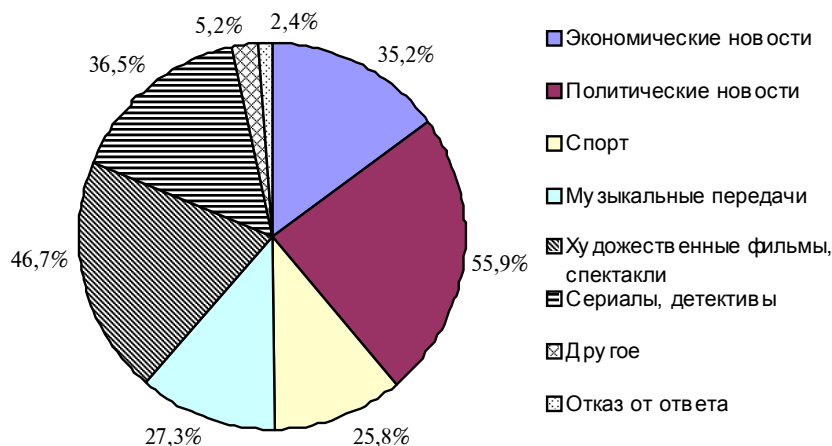
Большинство респондентов — 28,2% — предпочитают знакомиться, прежде всего, с республиканской, местной прессой; 39,4% читают и центральную, и республиканскую прессу; 17,1% не читают газет, в том числе городские жители соответственно — 25,3%, 39,4% и 18,2%; сельские жители — 32,7%, 40,5%, 15,2%.

Среди телевизионных передач как местного, так и центрального вещания большинство опрошенных, 55,9%, интересуются политическими новостями, 46,7% смотрят художественные фильмы и спектакли, 36,5% — сериалы и детективы, 35,2% интересуются экономическими новостями, 27,3% — музыкальными передачами и ток-шоу, 25,8% — спортом, 5,2% — другими; 2,4% отказались от ответа (см. диаграмму).

Использование современных информационных технологий во всех сферах жизни общества стало реальностью. По данным исследования 2006 г., 62,6% респондентов использовали в своей деятельности мобильный телефон, 31,6% — компьютер и 19,0% — Интернет. Мобильным телефоном пользовались более половины опрошенных в возрасте от 18 и до 55 лет, а также 32,6% жителей от 55 до 65 лет и 18,4% старше 65 лет. Компьютером пользуются 57,8% респондентов в возрасте от 18 до 24 лет, от 25 до 34 лет — 47,0%, от 35 до 44 лет — 37,4%, от 45 до 54 лет — 22,5%, от 55 до 64 лет — 9,7 %; 65 и старше — 2,4%; Интернетом — соответственно 36,8%, 31,9%, 18,4%, 11,2%, 6,9%, 1,6%.

Диаграмма 1

Что Вас больше всего интересует на ТВ?

Изучение уровня владения компьютерными технологиями и степени их использования показывает, что они недостаточно используются всеми потенциальными пользователями. Однако опыт их развития в республике фиксирует, что они имеют тенденцию развиваться очень быстро, поэтому важно предусмотреть создание эффективных ресурсных центров и обобщенных баз данных для их использования в инновационном развитии общества.

Таким образом, предварительный анализ материалов исследования «Чувашская Республика: социокультурный портрет» позволяет выявить достижения и недостатки в развитии ряда областей культуры и культурного потенциала Чувашии. Эксперты подчеркивают следующие преимущества социокультурной политики Чувашии: хорошо проработанная программа реформ, опирающаяся на международные проекты; настроенность органов управления на реформы, управленческая модернизация «сверху». Основными недостатками, по мнению экспертов, являются: неразвитость структур гражданского общества, бизнеса, традиционный сельский образ жизни населения (данный тезис, по нашему мнению, нуждается в дополнительной аргументации и научных исследованиях).

Литература

¹ Шабунин Д.М. Опыт проведения социологического исследования по проекту «Социокультурный портрет Чувашской Республики» // Опыт апробации типовой методики «Социологический портрет региона»: Сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. С. 196—199.

² Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». Москва, 27 июня — 1 июля 2005 г. / Под ред. Н.И. Лапина, Л.А. Беляевой. М., ИФРАН, 2006.

³ Трифонова З.А. Особенности расселения и демографические процессы в полиэтничных регионах и городах // Опыт апробации типовой методики «Социологический портрет региона»: Сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2006. С. 184—196.

⁴ Контент-анализ публикаций по данной теме в республиканских СМИ за 2000—2006; Лик, 2006. № 1. Январь—март.

⁵ *Лапин Н.И.* О подготовке социокультурного портрета региона по типовой программе и методике // Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». Москва, 27 июня — 1 июля 2005 г. С. 107—141.

⁶ Собрание законодательств Чувашской Республики, 2001. № 5—6. С. 210—212.

⁷ Регионы России. М., 2007. С. 284—285.

⁸ Для сопоставимости данных переписей 1989 и 2002 гг. итоги переписи населения 1989 г. пересчитаны по уровням образования, установленным федеральными законами: «Об образовании» от 13 января 1996 г. и «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 г.; Сборник научных публикаций. Чебоксары, 2007. С. 141.

⁹ Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика. Материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских регионов». Москва, 27 июня — 1 июля 2005 г. С. 166—169.

¹⁰ Статистический ежегодник Чувашской Республики. 2007. Статистический сборник. Чебоксары: Чувашстат, 2007. С. 61—63.

¹¹ *Бойко И.И., Марков Ю.К., Харитонова В.Г.* Перепись 2002 года в Чувашской Республике: организация, этническая идентичность, родной язык. Чебоксары, 2006.

¹² Музыкальное образование в культуре Чувашии. Посвящается В.М. Кривоносову (1904—1941). Чебоксары: ЧГИГН, 2007. С. 5—13.

¹³ Республиканская целевая программа «Культура Чувашии: 2006—2010 годы». Чебоксары, 2005. 104 с.; Статистический ежегодник Чувашской Республики. 2006. Статистический сборник. Чебоксары: Чувашстат, 2006. С. 163—165.

¹⁴ Регионы России. М., 2007. С. 686—700.

¹⁵ *Лапин Н.И.* Указ соч. С. 127; История и традиция в современной культуре, политике и средствах массовой информации. Сб. статей. М., 2005. С. 5.

V.G. Kharitonova. Cultural potential of the Chuvash Republic population in 1995—2006: approbation experience of method «sociological portrait of the region».

The study of socio-cultural portrait of the Chuvash Republic is held in the framework of research programm realisation «Socio-cultural evolution of the refions in Russia», which was developed in the Research Centre of Socio-cultural changes (RCSC) of the Philosophy Institute of RAS. Data of the public opinion poll were used as a base for research (1000 people on the territory of the Chuvash Republic), as well as statistical data and other sources. Along with investment and innovation sphere, cultural potential and its implementation hold key point in the development of the Republic. The Chuvash Republic has high cultural potential. The main intergrators of cultural potential are education, language situation, multinationality, traditions and innovations, culture organistaions net, etc. Correlation of cultural potential and cultural capital in the Chuvash Republic are stable. It is worth mentioning, that there is deffirentiation of citizen on the principle of cumulated cultural potential structure.

ЧГВ, 2007 г., № 1
© Т.Н. Вязовская

**ИПОТЕЧНОЕ ЖИЛИЩНОЕ КРЕДИТОВАНИЕ
В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ:
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
И МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ**

Формирование системы ипотечного жилищного кредитования является одним из приоритетных направлений государственной жилищной политики, которая является показателем социально-экономического и политического состояния общества, поскольку должна обеспечить комфортную среду обитания для всех своих граждан. Сегодня по социологическим опросам более 80% населения страны в той или иной мере нуждается в улучшении жилищных условий.

Жилищная политика государства в дореформенный период заключалась в централизованном распределении бюджетных ресурсов для строительства государственного жилья и его бесплатном предоставлении гражданам, стоящим в очереди на улучшение жилищных условий. За время реформ в сфере жилищного финансирования произошли серьезные изменения: государство перестало быть основным участником на рынке жилья. В результате проводимой политики бесплатной приватизации жилья и снятия ограничений на количество и размер жилых помещений, находящихся в частной собственности граждан, изменилась структура жилищного фонда по формам собственности. В условиях недостаточной платежеспособности большей части населения на вновь построенное жилье, а также отсутствия кредитов на строительство и приобретение готового жилья произошло сокращение объемов жилищного строительства. В результате созданный в первые годы реформ рынок жилья оказался не обеспеченным необходимыми кредитно-финансовыми механизмами, которые могли бы восполнить сокращение бюджетных ассигнований в строительство.

Современная государственная жилищная политика должна, наряду с прежней ориентацией на нужды социально не защищенных групп населения, сделать новый акцент на решение жилищных проблем основной части работающего населения, располагающего средними доходами, накоплениями и имеющего жилье в собственности в результате бесплатной приватизации. Основным способом решения жилищной

Татьяна Николаевна Вязовская — кандидат юридических наук, декан юридического факультета Чувашского филиала Московского гуманитарно-экономического института.

проблемы для этой части населения, по нашему мнению, является долгосрочное ипотечное жилищное кредитование. За государством, безусловно, остается функция обеспечения жильем на условиях социального найма тех граждан, которые по уровню дохода не в состоянии приобрести жилье в собственность даже с помощью долгосрочного кредита и безвозмездных субсидий, покрывающих часть стоимости жилья.

Цель настоящей статьи — анализ нормативного правового регулирования ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации и в Чувашской Республике и механизма его реализации.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи, преследуемые автором: характеристика зарубежного опыта ипотечного жилищного кредитования; анализ Концепции развития системы ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации и Программы ипотечного жилищного кредитования в Чувашской Республике; показ правового статуса Ипотечной корпорации Чувашской Республики; определение факторов, сдерживающих развитие ипотечного жилищного кредитования в Чувашской Республике; определение первоочередных мер, которые необходимо принять для развития ипотечного жилищного кредитования в Чувашской Республике.

Во всем мире технология инвестирования в жилищную сферу строится на трех основных принципах: контрактные сбережения; ипотечное кредитование; государственная поддержка. До окончания Второй мировой войны ипотечные банки являлись наиболее развивающейся формой организации ипотечного кредитования. Такие банки самостоятельно эмитировали ипотечные ценные бумаги с целью привлечения долгосрочных финансовых ресурсов. Деятельность ипотечных банков лежит в основе так называемой одноуровневой системы ипотечного кредитования. Такие системы доминируют в Дании, Швеции и Канаде, они хорошо развиты также в Германии, Австрии, Нидерландах, Великобритании и Финляндии. Во Франции и Испании одноуровневая система реализована через монопольные государственные ипотечные банки.

В Германии с 1900 г. существует специальная сеть ипотечных банков: проценты по закладным листам они выплачивали своим вкладчикам даже во время Первой и Второй мировых войн.

В Канаде ипотечные банки являются традиционным видом кредитных институтов. Они занимаются главным образом кредитованием операций с недвижимостью, а также инвестициями в долгосрочные ценные бумаги государства и корпораций. Вначале объектом их деятельности было кредитование сельского хозяйства под залог земли, впоследствии — кредитование жилищного строительства. В то же время ключевыми участниками канадской системы ипотечного кредитования являются государственные жилищные корпорации, организующие жилищное строительство, подбор заемщиков и страхование кредитных рисков.

В Дании реализована система ипотечного кредитования, в которой 100% ипотечных кредитных обязательств преобразуется в ценные бумаги, реализуемые на рынке с целью привлечения долгосрочных кредитных ресурсов. Поэтому по объемам ипотечных ценных бумаг Дания занимает 29% от общего объема их оборота в Европе (впереди только Германия — 44%).

В Аргентине эффективная система ипотечного кредитования реализована при помощи Всемирного Банка в рамках программ поддержки развивающихся рынков. Правительство Аргентины создало гарантийный Фонд для облигаций (долговых обязательств), эмитируемых банками-участниками проекта. Мировой Банк для создания Фонда предоставил 15-летний заем (включая 7-летнюю отсрочку платежа) на сумму 500 млн долларов США. Фонд выдает гарантии по ценным бумагам (паям участия в пулах ипотечных кредитов ипотечных банков), эмитируемым субъектами ипотечного рынка. Плата за гарантию — 5% от суммы кредита. Сертификаты паев имеют единый стандарт и номинированы к валюте кредита Всемирного Банка. Гараптийный Фонд создается для того, чтобы выкупить у банков-участников проекта выпущенные ими облигации в случае, если у банков нет возможности поддерживать их курс ввиду спада на рынке. Расчет с Фондом производится во всех случаях, когда банки решают воспользоваться своим правом, зафиксированным в соглашении с Фондом, и продать ему свои ценные бумаги.

В Соединенных Штатах Америки еще во времена Ф. Рузвельта начала складываться разветвленная система ипотечного кредитования жилищного строительства и приобретения жилья в собственность. Сегодня система финансирования жилья в США — это сложный рынок общенационального масштаба, на котором действует огромное число учреждений, включая ипотечные банки, сберегательные и кредитные ассоциации, коммерческие и сберегательные банки, страховые компании, пенсионные фонды и т.п. Решающим фактором успеха в данном направлении оказались мероприятия по формированию вторичного ипотечного рынка, что решило главную проблему жилищного финансирования — проблему кредитных ресурсов. С этой целью в разные годы были созданы специализированные организации: Федеральная национальная ипотечная ассоциация, Корпорация жилищного кредитования и Правительственная национальная ипотечная ассоциация.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 11 января 2000 г. № 28 «О мерах по развитию системы ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации»¹ одобрена Концепция развития системы ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации (в редакции Постановления Правительства РФ от 8 мая 2002 г. № 302). Основой предлагаемой Концепции является создание рыночной системы долгосрочного ипотечного кредитования граждан для приобретения готового жилья на свободном рынке, включая как вновь построенное жилье, так и жилье на вторичном рынке.

Концепция предполагает создание целостной системы ипотечного жилищного кредитования, которая включает в себя предоставление долгосрочных жилищных ипотечных кредитов коммерческими банками и иными кредиторами гражданам-заемщикам, а также механизм обеспечения кредиторов необходимыми долгосрочными ресурсами для кредитования.

Обеспечение финансовыми ресурсами долгосрочных кредитов для населения возможно как за счет средств, привлекаемых кредиторами самостоятельно на первичном рынке (одноуровневая система ипотечного

жилищного кредитования), так и за счет средств, привлекаемых на вторичном рынке через специализированных операторов (двухуровневая система ипотечного жилищного кредитования).

Во исполнение Постановления Правительства Российской Федерации от 11 января 2000 г. № 28 «О мерах по развитию системы ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации» и Указа Президента Чувашской Республики от 4 октября 1999 г. № 70 «О совершенствовании форм и условий оказания государственной поддержки граждан в строительстве и приобретении жилья»² Постановлением Кабинета Министров Чувашской Республики от 25 января 2001 г. № 250 утверждена Программа ипотечного жилищного кредитования в Чувашской Республике на 2002—2010 гг.³ Основные цели программы — разработка универсального организационно-финансового механизма, обеспечивающего автономное функционирование системы ипотечного жилищного кредитования в рыночных условиях; создание инфраструктуры ипотечного жилищного кредитования в Чувашской Республике, подготовка условий для рефинансирования ипотечных кредитов; обеспечение доступности приобретения жилья гражданами республики с различным уровнем доходов за счет получения ипотечных кредитов.

В Программе предусмотрено 4 этапа реализации: I этап (подготовительный) — 2002—2003 гг.; II этап (формирование основной организационной структуры региональной системы ипотечного жилищного кредитования) — 2003—2004 гг.: в рамках I и II этапов происходило формирование нормативно-правовых и организационно-экономических условий для развития в республике первичного рынка ипотечных кредитов; III этап (экстенсивный рост) — 2004—2006 гг.: распространение системы ипотечного жилищного кредитования по всей территории республики; IV этап (интенсивный рост и устойчивое развитие) — 2006—2010 гг.

Согласно Программе на III и IV этапах происходит формирование эффективного рыночного механизма ипотечного кредитования, накопление массы выданных ипотечных кредитов, интеграция региональной системы ипотечного жилищного кредитования в общероссийскую через развитие вторичного рынка ипотечных ценных бумаг.

Участниками Программы являются: органы власти Чувашской Республики: Кабинет Министров Чувашской Республики, органы местного самоуправления, Государственный Совет Чувашской Республики; заемщики: физические лица, граждане Российской Федерации, желающие приобрести жилье в кредит; Ипотечная корпорация Чувашской Республики, которая является оператором первичного рынка ипотечных кредитов; жилищный субсидиарный фонд — некоммерческая организация (отдел, учреждение), учреждаемая Кабинетом Министров Чувашской Республики; страховые компании, осуществляющие имущественное страхование (страхование заложенного жилья), личное страхование заемщиков и страхование гражданско-правовой ответственности участников ипотечного рынка; риэлторские агентства, являющиеся уполномоченными Ипотечной корпорации Чувашской Республики и осуществляющие подбор продавцов жилья, продажу старого жилья; оценочные агентства, являющиеся уполномоченными Ипотечной

корпорации Чувашской Республики и осуществляющие оценку жилья, приобретаемого и (или) продаваемого заемщиками; инфраструктурные звенья системы ипотечного кредитования: нотариат, паспортные службы, юридические консультации и т.д., обеспечивающие необходимое юридическое сопровождение сделок с жилыми помещениями, регистрацию граждан по месту жительства; органы государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, осуществляющие регистрацию сделок купли-продажи жилых помещений, оформление перехода прав собственности к новому собственнику, регистрацию договоров об ипотеке и права ипотеки, хранение и предоставление информации по правам собственности и обременению залогом жилья всем участникам ипотечного рынка; продавцы жилья, которыми могут быть заказчики-застройщики (девелоперы), и собственники жилья; заказчики-застройщики, которыми выступают лицензированные компании, Ипотечная корпорация Чувашской Республики; строительные подрядные организации — лицензированные компании, выигравшие тендер на участие в качестве подрядчиков в ипотечных проектах; первичные кредиторы — банки (кредитные организации) и иные юридические лица, предоставляющие заемщикам в установленном законом порядке ипотечные кредиты и являющиеся уполномоченными организациями Ипотечной корпорации Чувашской Республики. Также в качестве первичных кредиторов могут выступать жилищные ссудосберегательные кооперативы и в перспективе — ипотечные банки; жилищные ссудосберегательные кооперативы — некоммерческая общественная организация, создаваемая гражданами, добровольно объединяющимися для удовлетворения потребностей в финансовой взаимопомощи; операторы вторичного рынка ипотечных кредитов (ипотечные агентства) — специализированные организации, осуществляющие рефинансирование кредиторов, выдающих долгосрочные ипотечные жилищные кредиты населению; инвесторы — юридические и физические лица, приобретающие ценные бумаги, обеспеченные ипотечными ценными кредитами (закладными), эмитируемые кредиторами или операторами вторичного рынка: пенсионные фонды, страховые компании, инвестиционные банки, паевые инвестиционные фонды, предприятия, иностранные инвесторы, граждане, а в период развития системы — Кабинет Министров Чувашской Республики и органы местного самоуправления; инвесторы строительства — юридические и физические лица, вкладывающие денежные средства, а также материальные активы в строительство жилья.

Оператором первичного рынка ипотечных кредитов является Ипотечная корпорация Чувашской Республики. Постановлением Кабинета Министров Чувашской Республики от 25 января 2002 г. № 13 принято решение об участии в учреждении ОАО «Ипотечная корпорация Чувашской Республики» с долей Чувашской Республики в его уставном капитале не менее 51%. Уставный капитал ОАО «Ипотечная корпорация Чувашской Республики» составляет 78430 тыс. руб.

Законом Чувашской Республики от 15 июня 2002 г. № 14 «О внесении изменений и дополнений в Закон Чувашской Республики «О республиканском бюджете Чувашской Республики на 2002 год»⁴ определено

направление 40,0 млн руб. в качестве вноса в уставный капитал организации по ипотечному жилищному кредитованию в пределах ассигнований, предусмотренных в республиканском бюджете Чувашской Республики на 2002 г. на развитие системы ипотечного жилищного кредитования.

В республиканском бюджете на 2004 г. для реализации Программы строительства социального жилья для молодых семей было предусмотрено выделение Ипотечной корпорации Чувашской Республики 45000 тыс. руб. (Приложение 9 «Перечень предоставляемых юридическим лицам государственных гарантий Чувашской Республики для обеспечения исполнения их обязательств перед третьими лицами на сумму, превышающую 0,01% расходов республиканского бюджета Чувашской Республики»). В 2005 г. для обеспечения выполнения условий кредитного договора с Райффейзен Банк (Венгрия) от 13 августа 2004 г. было предусмотрено выделение Ипотечной корпорации Чувашской Республики 143900 тыс. руб. (3974,0 тыс. евро). В республиканском бюджете на 2006 г. для обеспечения исполнения обязательств по договору об открытии невозобновляемой кредитной линии № 3255 от 8 ноября 2005 г. предусмотрено выделение Ипотечной корпорации Чувашской Республики 161260,0 тыс. руб. Таким образом, финансирование Ипотечной корпорации Чувашской Республики из республиканского бюджета увеличивается с каждым годом.

В то же время в республиканском бюджете предусмотрена еще одна статья расходов на ипотечное жилищное кредитование. Согласно приложению 29 к Закону Чувашской Республики «О республиканском бюджете Чувашской Республики на 2004 год» (с изменениями от 14 октября 2004 г.) на ипотечное жилищное кредитование было выделено 145000 тыс. руб. Согласно приложению 33 к Закону Чувашской Республики «О республиканском бюджете Чувашской Республики на 2005 год» (с изменениями от 18 октября 2005 г.) на ипотечное жилищное кредитование было выделено 150000 тыс. руб. А в 2006 г. согласно приложению 20 к Закону Чувашской Республики «О республиканском бюджете Чувашской Республики на 2006 год» (с изменениями от 14 апреля 2006 г.) на ипотечное жилищное кредитование было выделено всего 54923,7 тыс. руб. Однако в названном выше Законе появилось еще одно приложение — 27: «Распределение средств республиканского бюджета Чувашской Республики на строительство и приобретение жилья молодым семьям на 2006 год», согласно которому на 1133 семьи предусмотрено выделение 240000 тыс. руб.

Ипотечная корпорация Чувашской Республики разрабатывает и утверждает в Кабинете Министров Чувашской Республики стандарты системы ипотечного жилищного кредитования, которые определяют условия для всех участников ипотечного рынка, а также осуществляют внедрение этих правил и контролируют их выполнение. К основным функциям Ипотечной корпорации Чувашской Республики относятся информационное и организационное обеспечение первичного рынка ипотечных кредитов, создание его инфраструктуры.

Основными источниками ее доходов являются: вознаграждение за услуги в связи с андеррайтингом и оформлением кредитного дела (уплачивается в момент передачи кредитного дела заемщика в банк или иную

кредитную организацию); плата за поручительство перед кредитором (входит в состав ежемесячных платежей заемщика точно так же, как и страховые взносы); прибыль в строительстве. Данные поступления позволяют Ипотечной корпорации Чувашской Республики функционировать до определенной степени автономно и реинвестировать прибыль в развитие инфраструктуры первичного ипотечного рынка.

Значительная часть средств направляется в строительство. На первом этапе, пока не обеспечен значительный оборот кредитов на первичном рынке на основе рефинансирования, прибыль от строительства должна покрыть наибольшую часть операционных расходов Корпорации.

Вложения в строительство осуществляются на основе инвестиционного договора, по которому Корпорация вступает в долевое участие в совместной деятельности (в форме простого товарищества). Прибыль распределяется пропорционально вкладам участников. В частности, в 2004—2005 гг. ипотечная корпорация принимала участие в долевом строительстве 11 домов.

За каждый выполненный этап процедуры андеррайтинга и оформления кредитного дела заемщика (вплоть до заключения кредитного договора с банком) последний авансом или по факту исполнения обязательств Корпорации уплачивает определенную сумму.

В процессе действия кредитного договора заемщик в составе ежемесячных платежей перечисляет через банк определенную часть процентных выплат по кредиту, за счет которых формируется специальный гарантийный фонд, предназначенный для покрытия операционных расходов, связанных с погашением убытков кредитора и осуществлением процедуры выселения заемщика в случае возникновения основания для обращения взыскания.

По завершении строительного цикла заемщики, приобретающие новое жилье, при участии Ипотечной корпорации Чувашской Республики в режиме «единого окна» одновременно регистрируют переход прав на старое и новое жилье, кредитный договор и залог нового жилья в едином блоке; страхуют сделку, новое жилье и прочие риски.

Вступая в систему ипотечного кредитования, заемщик в зависимости от своей платежеспособности, претензий на жилье и социальных льгот участвует в одной из четырех программ.

Программа 1 — новое жилье. Обеспечение ипотечного кредитования под приобретение нового жилья. В нынешних социально-экономических условиях, чтобы развернуть эту программу и повысить ее популярность, желательно кредитовать население по невысокой ставке, в пределах 10% годовых. При этом рефинансирование из внебюджетных источников возможно лишь в меньшем объеме по сравнению с выдаваемыми кредитами (чтобы обеспечить требуемую доходность реализуемых ипотечных ценных бумаг). Недостающие для развития средства могут привлекаться из прибыли от инвестиционно-строительной деятельности.

Программа 2 — вторичное жилье. Обеспечение ипотечного кредитования под приобретение вторичного жилья. Льготное кредитование в данной программе возможно только за счет дотаций, малодоходные кредиты не позволяют обеспечить 100% рефинансирование на внешнем

рынке. Если же кредитование осуществляется по ставке, приближенной к рыночной, т.е. не менее 10% годовых, то выручка от реализации закладных будет превышать объем вложений, и тогда банк-кредитор становится заинтересованным в расширении масштабов ипотечного жилищного кредитования в данном сегменте.

Программа 3 — социальные субсидии. Ипотечная корпорация Чувашской Республики обеспечивает очередникам-заемщикам кредитование по коммерческой ипотечной процентной ставке (для пилотного проекта — 10% годовых). Кабинет Министров Чувашской Республики через Жилищно-строительный фонд субсидирует очередников-заемщиков путем: субсидирования первоначального взноса. Вместо того чтобы выкупать социальное жилье, Кабинет Министров Чувашской Республики субсидирует первоначальные взносы. Заемщик получает возможность выбрать наиболее подходящую ему квартиру и за свой счет погасить кредит на оставшуюся часть стоимости этого жилья; компенсации фиксированной части процентной ставки; компенсации (частичной) инфляционной составляющей процентных выплат заемщика. Субсидирование может осуществляться комбинированием перечисленных форм. Для ряда категорий заемщиков компенсации процентной ставки и инфляционных издержек могут быть временными (например, для молодых семей не более 5 лет, для иммигрантов — 3 года и т.п.).

В этой программе заемщик заключает стандартный договор ипотечного кредитования. В случае неисполнения Кабинетом Министров Чувашской Республики своих субсидиарных обязательств заемщик несет всю ответственность по кредиту перед кредитором, что защищает инвесторов от неполного обеспечения ипотечных ценных бумаг доходами по ипотечным кредитам, повышает ответственность заемщика, стимулирует его к повышению заработков.

Программа 4 — льготные условия кредитного договора. Заемщик получает субсидию в среднем на 60% от стоимости жилья в качестве части первоначального взноса и кредитуются на оставшуюся часть стоимости жилья по льготной процентной ставке. В этом случае он проходит упрощенную процедуру андеррайтинга. Корпорация не поручается за таких заемщиков. Закладные выкупаются непосредственно Кабинетом Министров Чувашской Республики (или предприятием) по стоимости, равной размеру выданного кредита. Таким образом, государство оплачивает лишь часть стоимости социального жилья и несет убыток ввиду льготной процентной ставки.

В этой программе Кабинет Министров Чувашской Республики сам выступает в роли инвестора, рефинансируя кредиты, но не развивает вторичный рынок ипотечных ценных бумаг.

Функции Ипотечной корпорации Чувашской Республики:

1. Андеррайтинг заемщика Ипотечная корпорация Чувашской Республики осуществляет на основе договора с первичным кредитором, в качестве которого может выступать банк, который осуществляет кредитование заемщиков, жилищный ссудосберегательный кооператив, пайщиками которого являются будущие заемщики. В процессе андеррайтинга Ипотечная корпорация Чувашской Республики определяет ликвидные

активы заемщика (денежные средства; жилая недвижимость, находящаяся в собственности, и прочие ликвидные материальные активы), которые могут быть использованы в качестве первичного взноса, а также совокупный ежемесячный доход семьи заемщика. В итоге происходит отбор и классификация заемщиков с точки зрения первоочередности предоставления ипотечных жилищных кредитов и приобретения жилья.

Ипотечная корпорация Чувашской Республики подбирает жилье для заемщика в соответствии с его доходами и пожеланиями, либо со вторичного рынка жилья на основе агентского договора с риэлторским агентством, либо с первичного рынка жилья на основе договора с заказчиком-застройщиком о соинвестировании в жилищное строительство; проводит независимую оценку жилья на основе агентского договора с оценочным агентством; готовит договор купли-продажи между заемщиком и продавцом жилья.

С целью покрытия индивидуальных рисков заемщика и финансовых рисков кредитора Корпорация в порядке андеррайтинга выдвигает условие страхования заемщиком собственных имущественных интересов, связанных с его здоровьем, владением, пользованием и распоряжением имуществом, находящимся в залоге у кредитора. Наиболее значительными рисками такого рода являются: невозможность заемщика производить ипотечные платежи ввиду утраты трудоспособности; снижение стоимости ипотечного имущества, выступающего в качестве обеспечения.

2. Страхование жилой недвижимости, передаваемой в залог (имущественное страхование).

Отношения между сторонами устанавливаются путем оформления страхового полиса. Договор вступает в силу с 00 часов суток, следующих за днем зачисления страховой премии, уплачиваемой страхователем (заемщиком) на счет (в кассу) страховщика (страховой компании). При этом страхование, обусловленное договором страхования, начинается с момента вступления его в силу либо с момента государственной регистрации перехода права собственности на застрахованное имущество, приобретаемое на средства ипотечного кредита, к страхователю в зависимости от того, что произошло позднее.

Объект страхования — имущественные интересы страхователя, связанные с владением, пользованием, распоряжением жилой недвижимостью, передаваемой в залог.

Страховая сумма устанавливается в размере действительной стоимости жилой недвижимости, которая определяется на основании договора купли-продажи и договора о залоге жилой недвижимости с ежегодным уменьшением страховой суммы в зависимости от графика погашения кредита при возникновении следующих страховых случаев: пожар; воздействие непредвиденных физических сил (удар молнии, взрыв газа, падение летательных объектов либо их обломков и иных предметов); стихийные бедствия (землетрясение, обвалы, оползень, сель, буря, вихрь, ураган, смерч, паводок, наводнение, ливень, град, действие необычных для данной местности морозов, обильный снегопад, выход подпочвенных вод, оседание и просадка грунта, засуха); затопление — аварии водопроводных, отопительных и канализационных систем, проникновение

воды из соседних помещений; противоправные действия третьих лиц. При этом безусловная франшиза (величина убытка, не покрываемого страховой компанией при возмещении ущерба) устанавливается в размере от 5 до 10% от страховой суммы.

Страховая премия уплачивается единовременно либо с рассрочкой платежа (ежемесячно, ежеквартально, ежегодно) в рублях, за предоставленные страховые услуги, где срок страхования равен сроку кредитования.

Выгодоприобретателем является залогодержатель (кредитор).

Выплата страхового возмещения производится в течение 15 суток со дня получения страховой компанией документов из компетентных органов для установления причин и размера убытка, а также определения размера убытка. При урегулировании вопросов по выплате страхового возмещения следует руководствоваться статьей 48, части II Гражданского кодекса Российской Федерации⁵ и соответствующими правилами (программами) страхования.

При наступлении страхового случая страховое возмещение выплачивается выгодоприобретателю в пределах страховой суммы, установленной договором страхования, но не более размера неисполненных на момент выплаты страхового возмещения обязательств заемщика (страхователя) перед кредитором (выгодоприобретателем) по кредитному договору. Под неисполненными обязательствами страхователя понимается сумма основной задолженности по кредитному договору (сумма кредита и процентов по кредиту), в которую не включаются неустойки (штрафы, пени) за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств страхователем (заемщиком) по кредитному договору.

3. Страхование риска утраты недвижимого имущества в результате прекращения права собственности (титульное страхование). В данном случае в отличие от имущественного страхования страховым случаем является вступившее в законную силу решение суда, лишаящее страхователя права собственности на предмет залога в результате: нарушения законодательства Российской Федерации при предыдущих сделках купли-продажи; ошибок при оформлении документов, подтверждающих право собственности (договор, свидетельство и т.п.), или документов, являющихся основанием для совершения сделки (доверенность, справка и т.п.); продажи недвижимости, запрещенной к передаче в личную собственность; приобретения собственности, находящейся под арестом, запретом или залогом.

Страховая сумма устанавливается эквивалентно инфляционному индексу в размере не более 85% от действительной стоимости квартиры, которая определяется на основании договора купли-продажи и договора о залоге квартиры с уменьшением в зависимости от графика погашения кредита.

4. Страхование жизни, здоровья и утраты трудоспособности заемщика. Отношения между сторонами устанавливаются путем оформления договора страхования, который, как правило, заключается без медицинского освидетельствования. Страховая компания вправе назначить медицинское освидетельствование в следующих случаях: смерть застрахованного по любой причине; постоянная утрата застрахованным общей трудоспособности, наступившая в результате несчастного случая, с назначением

инвалидности, установленной не позднее года со дня наступления несчастного случая; постоянная утрата застрахованным общей трудоспособности, наступившая по причинам иным, чем несчастный случай, с назначением инвалидности I группы.

Страховая сумма устанавливается эквивалентно инфляционному индексу в размере кредита плюс 10% с ежегодным уменьшением страховой суммы в зависимости от графика погашения заемщиком (страхователем) кредита; страховой тариф — в зависимости от его возраста, состояния здоровья и вида деятельности. Страховая премия уплачивается единовременно либо с рассрочкой платежа (ежемесячно, ежеквартально, ежегодно) в рублях.

Таким образом, очевидна стратегическая заинтересованность страховых компаний в развитии ипотечного кредитования, которое дает дополнительные возможности расширения клиентской базы за счет относительно малообеспеченных граждан. Это может послужить стимулом для страховых компаний выступать в качестве стратегических инвесторов на вторичном рынке ипотечных ценных бумаг. В этом случае невысокая доходность данного вида долгосрочных активов могла бы компенсироваться укреплением конкурентных позиций на рынке страховых услуг.

5. Накопление первоначального взноса. В случаях, когда денежные активы заемщика составляют меньше 30% стоимости приобретаемой в кредит квартиры либо если документов, предоставленных заемщиком, недостаточно для подтверждения его кредитоспособности, включается механизм накопления заемщиком первоначального взноса одним из следующих способов: аккумуляция средств на банковском депозитном счете. По предварительному согласованию с корпорацией заемщик начинает регулярно вносить на банковский депозит суммы в размере не менее предполагаемого ежемесячного ипотечного взноса. Тем самым косвенно подтверждается способность потенциального заемщика исполнять свои кредитные обязательства, и накопление первоначального взноса становится этапом андеррайтинга; накопительное страхование. Гражданин, желающий улучшить свои жилищные условия, но не имеющий возможности единовременно оплатить всю стоимость жилой недвижимости, заключает со страховой компанией договор накопительного страхования жизни, после чего ежемесячно выплачивает страховой взнос. В тот момент, когда на накопительном счете гражданина собирается 30% всей заявленной суммы, он может обратиться к кредитору и, пройдя андеррайтинг (посредством Ипотечной корпорации Чувашской Республики), получить кредит на оставшиеся 70% для покупки жилой недвижимости. До момента накопления страхователем 30% от стоимости жилой недвижимости страховщик осуществляет выплаты (в момент дожития до определенного возраста), которые капитализируются на счете страхователя и увеличивают страховую сумму. В случае смерти страхователя его родственники получают страховое возмещение в размере страховой суммы; участие в жилищном ссудосберегательном кооперативе. Заемщик, становясь пайщиком кооператива, получает право на получение долгосрочного кредита при условии накопления в течение ряда лет суммы, достаточной для покрытия первоначального ипотечного взноса.

Если заемщик не проходит андеррайтинг в корпорации ввиду отсутствия первоначального взноса или из-за невозможности подтвердить уровень своего дохода, ему может быть предложено начать накапливать средства под невысокую процентную ставку в жилищные ссудосберегательные кооперативы с тем, чтобы получить недорогой ипотечный заем. Ипотечная корпорация участвует в кредитном комитете жилищного ссудосберегательного кооператива и/или возглавляет его, и на основе информации о фактически произведенных накопительных взносах, а также руководствуясь объемом наличных кредитных ресурсов и перспективами рефинансирования, принимает решение о кредитовании того или иного заемщика по взаимно приемлемой схеме. Она также выполняет ряд других функций, связанных с прохождением ряда этапов процедуры ипотечного кредитования, на основе агентского договора с заемщиком.

6. Кредитный договор (договор займа) между заемщиком и первичным кредитором, а также договор об ипотеке (залоге недвижимости).

Объем месячных платежей по ипотечному жилищному кредиту не может превышать трети совокупного дохода семьи заемщика. Величина процентных ставок определяется в конечном итоге доходностью залладных листов, привлекательной для инвесторов.

Процентные ставки по ипотечным жилищным кредитам определяются в рублях с индексацией по уровню инфляции.

Государственная поддержка системы ипотечного жилищного кредитования должна быть направлена на снижение рисков для заемщиков от резких изменений курса рубля. Эта поддержка в рассматриваемых моделях будет осуществляться путем компенсации заемщикам потери при изменении курса рубля за счет предоставления жилищных субсидий.

7. Продажа имеющегося жилья заемщика. Корпорация в случае необходимости может оказать содействие в реализации имеющегося жилья заемщика, а средства от продажи засчитывать в качестве части первоначального взноса. В результате размер кредита и подлежащие к уплате ежемесячные взносы сокращаются пропорционально.

8. Государственная регистрация. Ипотечная корпорация Чувашской Республики на основе агентского договора с заемщиком осуществляет регистрацию в органах юстиции (регистрационной службе) договоров об ипотеке и купле-продаже приобретаемого жилья.

9. Поручительство. Ипотечная корпорация Чувашской Республики является поручителем заемщика перед кредитором. Договор поручительства заключается при каждой переуступке прав требования по кредиту с очередным залогодержателем.

При всем многообразии форм обязательным условием функционирования ипотечного жилищного кредитования является обеспечение рефинансирования кредиторов, участвующих в запуске и реализации ипотечных программ. Основным инструментом рефинансирования являются ипотечные ценные бумаги, которые благодаря их высокой надежности могут стать весьма привлекательными для граждан, а также для предприятий и финансовых институтов, таких, как страховые компании, пенсионные фонды, малые инвестиционные фонды и т.п.

Ипотечные ценные бумаги — облигации с ипотечным покрытием и ипотечные сертификаты участия. Облигация с ипотечным покрытием — облигация, исполнение обязательств по которой обеспечивается залогом ипотечного покрытия. Эмиссия облигаций с ипотечным покрытием может осуществляться только ипотечными агентами и кредитными организациями.

Ипотечный сертификат участия — именная ценная бумага, удостоверяющая долю ее владельца в праве общей собственности на ипотечное покрытие, право требовать от выдавшего ее лица надлежащего доверительного управления ипотечным покрытием, право на получение денежных средств, полученных во исполнение обязательств, требования по которым составляют ипотечное покрытие, а также иные права, предусмотренные Федеральным законом от 11 ноября 2003 г. № 152-ФЗ «Об ипотечных ценных бумагах»⁶. Эмиссия облигаций с ипотечным покрытием может осуществляться только ипотечными агентами и кредитными организациями. Выдача ипотечных сертификатов участия может осуществляться только коммерческими организациями, имеющими лицензии на осуществление деятельности по управлению инвестиционными фондами, паевыми инвестиционными фондами и негосударственными пенсионными фондами, а также кредитными организациями.

При правильной организации рынка ценных бумаг, обеспеченных ипотечными обязательствами, ипотечное кредитование, получив государственную поддержку на этапе внедрения, очень быстро трансформируется в самофинансируемую систему, которая: формирует рынок жилья, обеспечивает его развитие, направлена на стимулирование платежеспособного спроса населения и, в конечном итоге, на более полное удовлетворение потребности граждан в жилье; вовлекает средства граждан в хозяйственный оборот страны; укрепляет кредитно-финансовую систему; способствует оживлению и развитию многих секторов экономики, в целом стабилизирует экономическую ситуацию в стране.

Внедрение системы ипотечного жилищного кредитования реализует стратегически взаимосвязанные социальные, экономические и политические цели общества в целом. При этом она ориентирована на социально и экономически активные слои общества и, следовательно, способствует формированию так называемого среднего класса — его социальной основы; вводит в сферу хозяйственной деятельности универсальный надежный механизм (через залог недвижимости) вовлечения инвестиций в реальный сектор экономики; ориентирована на легальные, надежно оцениваемые и прогнозируемые доходы граждан. Тем самым повышается экономическая и, следовательно, политическая управляемость обществом; формирует в обществе вертикальные (гражданин — власть) и горизонтальные (человек — инвестор — человек-заемщик, общества взаимного страхования и т.п.) связи. Только после массового внедрения системы ипотечного жилищного кредитования общество из людей, объединенных лишь единой территорией, превращается в единый социум, основанный на балансе социально-экономических и политических интересов.

Однако развитие ипотечного жилищного кредитования в России вообще, и в Чувашской Республике в частности, сегодня сдерживается рядом факторов: ограниченный платежеспособный спрос населения. По

оценкам Министерства экономического развития России, даже при самых «либеральных», практически несуществующих параметрах (ипотечный кредит предоставляется на 15 лет в размере 70% от стоимости жилья при цене одного квадратного метра 11200 руб. с кредитной ставкой 10%) максимальная граница доступности для населения России составит не более 10%; недостаточные объемы при невысоком к тому же качестве жилищного строительства; низкие темпы разработки и совершенствования законодательства о недвижимости и несогласованность правовых актов между собой. Действующим российским законодательством, а именно Федеральным законом «Об исполнительном производстве»⁷ и Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации⁸ принцип специальности залога полностью проигнорирован. Так, в соответствии со статьей 49 названного Закона на заложенное имущество может быть обращено взыскание при недостаточности у должника иного имущества для полного удовлетворения предъявленных ему требований, не обеспеченных залогом, с соблюдением установленных гражданским законодательством прав залогодержателя. В результате происходит утрата смысла залога, суть которого состоит в том, что заложенное имущество выделяется из всей массы имущества должника специально для первоочередного удовлетворения требований залогодержателя независимо от наличия или отсутствия у должника иного имущества и иных кредиторов.

Что касается Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, то он устанавливает правило, буквальное и бессистемное толкование которого вообще парализует деятельность по ипотечному жилищному кредитованию. В соответствии со статьей 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации взыскание по исполнительным документам не может быть обращено на жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем ему помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением. Учитывая то, что предоставление кредитов на приобретение жилья направлено на решение жилищной проблемы и для многих заемщиков приобретенное жилье является единственным пригодным для постоянного проживания жилым помещением, можно сделать вывод о том, что нормы о залоге и в указанном случае утрачивают смысл. Также вполне очевидно, какое большое значение для развития рынка жилья имеет земельное законодательство. Между тем Земельный кодекс Российской Федерации⁹ на момент принятия содержал не менее чем в 29 статьях отсылки на законы или нормы, которые еще предстояло создать. За прошедшее время положение мало изменилось. Так, только в конце 2004 г. был принят пакет законов (среди них Жилищный кодекс Российской Федерации), направленных на развитие жилищного строительства, в том числе ипотеки. Кроме того, до настоящего времени многие федеральные законы, содержащие нормы, регулирующие в той или иной мере отношения, связанные с недвижимостью, имеют массу недоработок; неразвитость инфраструктуры рынка жилья и жилищного строительства. Традиционными участниками жилищного рынка являются строительные компании, банки, производители строительных материалов, страховые компании, риэлторские и оценочные агентства.

Но до сих пор не отлажена технологическая схема взаимодействия данных структур, а как следствие — невысока эффективность системы в целом, завышены расходы при совершении сделок; психологические факторы, главным из которых является национальная особенность большинства населения — нежелание жить в долг; неоправданное количество административных барьеров, с которыми сталкиваются заемщики и ипотечные компании. Так, только строительные компании должны получить не менее 40 согласований и разрешений для регистрации нового проекта, что влечет за собой большие издержки; высокие процентные ставки, в результате большинство россиян не может воспользоваться ипотекой для решения своих жилищных проблем; непрозрачные источники доходов граждан; неразвитость организационно-технологической и финансовой инфраструктуры в системе ипотеки. Сбербанк, Ипотечная корпорация Чувашской Респ.-публики, равно как и другие операторы, решают при кредитовании по-купки жилья исключительно свои проблемы, а конечная цель ипотеки — создание эффективного механизма обеспечения доступным жильем населения — остается нереализованной. Об этом свидетельствует статистика ипотечных сделок, размер и структура доходов населения. Так, по состоянию на 1 октября 2003 г. в Ипотечную корпорацию поступило 575 заявлений на получение ипотечного займа, из которых заключен только 41 договор займа по долевому участию в строительстве на общую сумму 9293935 руб. (из которых 625000 руб. рефинансировано региональному оператору — Ипотечной корпорации — путем приобретения ОАО «Агентство по ипотечному жилищному кредитованию», г. Москва, прав по удостоверяемым закладным и денежным обязательствам, обеспеченных ипотекой жилого помещения) и 90 договоров займа по вторичному жилью на общую сумму 18585620 руб. (из них рефинансировано 14936725,21 руб.).

По программе кредитования молодых семей поступило 1159 заявлений, в том числе по Чебоксарам — 414, по Новочебоксарску — 245, по районам — 500. Сформировано и передано в Сбербанк для получения кредитов 233 кредитных дела, в том числе по Чебоксарам — 110 дел, по Новочебоксарску — 58 и по районам — 65 дел на общую сумму 50,5 млн руб.

Анализ выданных кредитов показывает, что основная доля кредитных дел формируется в Чебоксарах — 71%, Новочебоксарске — 26%; на районы Чувашской Республики приходится лишь 3% кредитов.

Таким образом, для развития системы ипотечного жилищного кредитования необходимо предусмотреть решение целого ряда основных задач: совершенствование законодательной и нормативной базы, обеспечивающей исполнение обязательств при ипотечном кредитовании; создание и внедрение универсального механизма обеспечения притока долгосрочных внебюджетных финансовых ресурсов в бюджетную сферу; налоговое стимулирование, с одной стороны, граждан-получателей ипотечных кредитов, с другой стороны, коммерческих банков — ипотечных кредиторов и инвесторов, обеспечивающих рефинансирование коммерческих банков-кредиторов; создание равных условий для свободной конкуренции между субъектами рынка ипотечных кредитов; формирование механизмов социальной защиты заемщиков как от неправомерных действий банков-кредиторов, так и для их социальной адаптации при процедуре выселения

в случае невозможности погашения взятого ранее ипотечного кредита; доработка нормативной базы, регулирующей деятельность кредитных организаций по предоставлению и обслуживанию ипотечных кредитов и их рефинансированию; формирование нормативно-законодательных основ для использования новых финансовых инструментов (ценных бумаг) для привлечения долгосрочных ресурсов в эту сферу; разработка комплексной схемы по реализации ипотеки, которая будет основана не только на интересах чиновников.

Следует помнить, что ипотечное жилищное кредитование — один из самых проверенных в мировой практике и надежных способов привлечения внебюджетных инвестиций в жилищную сферу. Именно ипотека позволяет согласовать интересы населения в улучшении жилищных условий, коммерческих банков в эффективной и прибыльной работе, строительного комплекса — в ритмичной загрузке производства — и, конечно же, государства, заинтересованного в общем экономическом росте, которому будет способствовать широкое распространение ипотечного жилищного кредитования населения.

Примечания

¹ О мерах по развитию системы ипотечного жилищного кредитования в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 11 января 2000 г. № 28 // Собрание законодательства Российской Федерации, 2000. № 3. Ст. 278.

² О совершенствовании форм и условий оказания государственной поддержки граждан в строительстве и приобретении жилья: Указ Президента Чувашской Республики от 4 октября 1999 г. № 70 // Собрание законодательства Чувашской Республики, 1999. № 1112. Ст. 454.

³ Программа ипотечного жилищного кредитования в Чувашской Республике на 2002—2010 годы: Постановление Кабинета Министров Чувашской Республики от 25 января 2001 г. № 250 // Собрание законодательства Чувашской Республики, 2001. № 14. Ст. 231.

⁴ О внесении изменений и дополнений в Закон Чувашской Республики «О республиканском бюджете Чувашской Республики на 2002 год»: Закон Чувашской Республики от 15 июня 2002 г. № 14 // Собрание законодательства Чувашской Республики, 2002. № 7. Ст. 290.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 2 от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 1994. № 32. Ст. 3301.

⁶ Об ипотечных ценных бумагах: Федеральный закон от 11 ноября 2003 г. № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2003. № 46 (ч. 2). Ст. 4448.

⁷ Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 119-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 1997. № 30. Ст. 3591.

⁸ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2002. № 46. Ст. 4532.

⁹ Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 2001. № 44. Ст. 4147.

T. N. Vyazovskaya. Hypothec housing crediting in the Chuvash Republic: legal regulation and the mechanism of realization

Hypothec housing crediting is one of priority directions of the state housing policy and the primary way of solving housing problem for citizens of Russia. Its realization in the Chuvash Republic is today hampered by a number of the following factors: first of all, limited solvency of the population; reluctance of the citizen to live on a credit; unjustified amount of administrative barriers that borrowers and the hypothec companies are confronted with; high interest rates; opaque sources of citizen income; backwardness of an technological-organizational and financial infrastructure in the system of mortgage.

ЧГВ, 2007 г., № 1
© А.И. Мордвинова

ДЕРЕВЯННАЯ ЦЕРКОВНАЯ СКУЛЬПТУРА ЧУВАШИИ (XVIII—XIX века)

Деревянные скульптурные и рельефные иконы, имевшие место в убранстве храмов разных городов и сел Чувашии, до сих пор не изучались и большей частью уже погибли. Несколько произведений сохранилось в фондах Чувашского государственного художественного музея, а древняя статуя Св. Николая Можайского (XVI в.) — в Чебоксарском Свято-Троицком мужском монастыре¹. Это позволило нам предположить, что подобные памятники могли сохраниться в необследованных церквях республики. Их выявление подтвердило бы высказанное нами положение, что это не единичные и случайные факты, а целый пласт церковного искусства, существовавший ранее. Целью настоящего исследования является формирование наиболее полной картины развития и бытования деревянной церковной пластики на территории Чувашии, выявление ее иконографического и качественного состава.

Первоначально нами были изучены архивные материалы, указавшие на действительное присутствие в нашем регионе деревянной скульптуры. Предпринятые в течение 1999—2004 гг. экспедиции в разные районы республики, позволили открыть новые произведения и очертить круг наиболее популярных образов и сюжетов, особенности их почитания. Важные сведения об этой области церковного искусства дала и рукопись известного искусствоведа А.И. Некрасова «Церковно-археологические памятники г. Чебоксар», хранящаяся в нескольких машинописных вариантах в Чебоксарах². Ученый атрибутировал и датировал некоторые чебоксарские скульптуры.

Отметим, что до третьей четверти XVIII в. Чувашия входила в состав Казанской епархии. С 1779 г. ее географические рамки претерпели некоторые изменения. Части Ядринского и Алатырского уездов вошли в состав Нижегородской и Симбирской епархий, где зафиксировано достаточно много произведений церковной скульптуры. По степени изученности можно выделить Арзамасский уезд Нижегородской губернии, где в середине XIX в. работал архимандрит Макарий, выявивший несколько

Антонина Ильинична Мордвинова — кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник отдела искусствоведения Чувашского государственного института гуманитарных наук.

сот произведений, и современную Ульяновскую область, обследованную В.К. Цодиковичем начиная с 1970-х гг. Эти материалы опубликованы авторами³.

В XVIII—XIX вв. число резных рельефных и иконостасных образов в церквях значительно возросло, в то время как доля круглой скульптуры постепенно сокращалась. В начале XX в. А. Яхонтов констатировал: «Употребление резных изображений святых в церквях стало практиковаться все менее и менее. В настоящее время они составляют большую редкость, сохранившуюся только в некоторых часовнях»⁴. Уменьшение числа статуй было обусловлено появлением нескольких запретительных правительственных указов, в которых требовалось оставить в храмах скульптуру только «искусною резьбою учиненных». Действительно, обнаруженные произведения представляют собой образцы достаточно высокого профессионального искусства, грубых поделок почти не встречается, хотя по своим стилистическим признакам они разнохарактерны. Такой состав скульптуры говорит об отсутствии на нашей территории местной школы резчиков. Святые образы создавались, скорее всего, пришлыми мастерами и артелями. Уровень исполнения большинства из обнаруженных памятников равен столичному. Это касается как памятников XVIII в., так и более позднего времени: XIX — начала XX столетий.

Круг сюжетов, использовавшихся при создании скульптуры и рельефной иконы, был близок к иконописному и традиционен для всех регионов России. В круглой скульптуре — это древние изводы Николая Можайского и Параскевы Пятницы, начиная с конца XVII в. — «Спасителя в темнице» и Распятия с предстоящими, утвержденные официальной церковью в 1667 г. Все они представляют собой отдельно стоящие произведения, располагавшиеся в разных местах храма. В иконостасной пластике преобладали фигуры ангелов и херувимов. Разнообразнее были сюжеты в рельефной иконе, где наиболее часто встречаются изображения Богородицы, Спасителя, Св. Николая Чудотворца, Св. Георгия и сюжеты праздничного цикла.

Рассмотрим круглую скульптуру, представленную единичными экземплярами. Кроме статуи Николая Можайского из Свято-Троицкого монастыря Чебоксар и Параскевы Пятницы из Троицкого собора Цивильска, изученных автором настоящей статьи, в Чувашии сохранились две фигуры «Спаса в темнице» и несколько фигур из сцены «Распятия».

Среди скульптурных образов из дерева после Св. Николая Можайского, пожалуй, «Христос в темнице» встречается чаще других сюжетов. По мнению многих специалистов, со второй половины XVII столетия страстной цикл стал особенно популярен в России вслед за утверждением в западноевропейском искусстве⁵. Он получил большое распространение во всех регионах, в том числе и в Поволжье. Немаловажную роль в этом сыграли, вероятно, казанские архиепископы и митрополиты западно-русского и украинского происхождения, аналогично тому, что и в Пермском крае, как писал Н.Н. Соболев, с конца XVII в. и в XVIII в. высшее духовенство состояло исключительно из белорусов и украинцев, что также способствовало проникновению в русское искусство новых сюжетов⁶.

При изучении архивных документов чувашских церквей удалось найти упоминания о трех скульптурах в часовнях городских церквей Алатыря и Мариинского Посада, называемых «Спаситель в терновом венце» или «Христос в темнице». Все эти памятники сегодня утрачены, не осталось даже их описаний. Только одна из скульптур, что была в часовне Троицкого собора Мариинского Посада, как бы воссоздается рассказчиком на своем месте. Обозначен и характер его почитания: «...образ Спасителя в терновом венце, сидящий в особо устроенном ящике и завешанный множеством пелен и крестиков. К этой часовне бывает крестный ход и молебствие совершается специально во время бездождия»⁷. Эта скульптура не раз упоминается и в литературе: «В Сундыре, или иначе Мариинском Посаде, в особой часовне, помещается статуя Спасителя в сидячем положении и с терновым венком на голове, которую местное русское простонародье, так же, как и в Царевококшайске, называет «Истинным Христом»⁸. Однако вследствие того, что эти скульптуры не сохранились, дать им более точную характеристику сегодня не представляется возможным. Датированы все вновь открытые архивные сведения концом XIX в. Статуи упоминаются как почитаемые и древние.

В настоящее время благодаря экспедиционным поездкам удалось обнаружить две сохранившиеся до наших дней скульптуры «Христа в темнице» — во Владимирской церкви с. Малое Чурашево Ядринского района и у жительницы с. Кувакино Алатырского района⁹. Эти скульптуры представляют две линии церковного искусства — профессиональную и народную. Отличающиеся друг от друга мастерством исполнения, типажом, содержанием, они очень выразительны — каждая по-своему. Обе — пример того, как образ, возникший в западноевропейском искусстве, был по-своему переосмыслен русскими мастерами-резчиками.

В первой из них есть то лучшее, что характеризует возвышенные, идеальные образы древнерусского иконописного искусства. Просветление и смирение прочитываются в этом одухотворенном образе: лике с закрытыми глазами, в тонкой хрупкой фигуре и в пластике линий. Размер сидящей фигуры — 104×33×36 см, немного меньше средней величины взрослого человека. Роспись выполнена темперными красками, «телесный», чуть потемневший цвет положен ровно. Длинные волосы разделаны рельефно на пряди и покрашены черной краской. Контур фигуры ломается почти под прямыми углами, только торс немного ушел вперед. Голова опирается на ладонь правой руки, левая рука на груди. Набедренная повязка, оборачиваясь вокруг тела, ниспадает свободными складками по обе стороны. Особенностью Христа из Малого Чурашева являются оковы на ногах, также вырезанные из дерева. Это достаточно редкий извод, получивший название «Христос в оковах», но встречающийся во всех регионах России¹⁰.

Скульптура исполнена в манере, сочетающей в себе условность древнерусского искусства с новым пониманием формы. Мастер создает статую без чрезмерного увлечения анатомией, без лишнего изображения на лице выраженного страдания. Раны намечены очень тактично, без показа кровавых капель и подтеков. Этим рассматриваемый образ отличается от многочисленных изображений Христа данной иконографии, известных

близлежащим регионам Средней Волги — нижегородскому и симбирскому (ульяновскому), из ран которых обильно струится кровь, иногда даже по драпировке и ногам.

Христос сидит почти прямо, ноги, закованные в кандалы, поставлены параллельно. Локти прижаты к туловищу и благодаря этому общий силуэт приобретает цельность, удлиненную стройность. Надо отметить ту свободу и естественность в позе сидящего Христа, которая редко встречается в подобных памятниках. Обычно фигура выглядит очень напряженной и скованной из-за высоты сиденья, на которой она сидит. Подобное впечатление дает полусидящее ее положение, такое, например, как в фигуре Христа страдающего из Арзамасского историко-художественного музея. Или, как это видим в большинстве пермских памятников, при положении фигуры и ног под углом 90° статичность сохраняется.

Очень важно то, как справляется неизвестный мастер с анатомическим построением обнаженной фигуры. В скульптуре из храма в Малом Чурашеве длина ног по отношению к высоте фигуры, длина плеча и предплечья, их соотношение (обычно самое слабое место провинциальных мастеров), посадка головы — все в достаточной степени верно и пропорционально, что позволяет предположить создание ее в хорошей мастерской, руками очень опытного и талантливого мастера. Чувство меры диктовало мастеру и решение мускулатуры, которая выявлена неярко, едва намечены небольшими углублениями ребра, выступами — позвоночник, ключицы, коленные чашечки. Необычайно пластичны руки. Астеническое сложение плеч контрастирует с припухлыми предплечьями. Пальцы рук сложены не параллельно друг другу, как это видим в абсолютном большинстве статуй Христа, а чуть согнуты в разной степени. Эти очень тонко продуманные и исполненные детали как раз позволяют отнести скульптуру к высокохудожественным созданиям церковного искусства.

Достоинством скульптуры является и решение лица — утонченного, хотя и несколько асимметричного. Небольшой наклон головы, легкое касание пальцами лица и закрытые глаза создают впечатление не столько страдающего, сколько просветленного образа. Редкая поэтичность его и хрупкость далеки от народного понимания страдания — физического, а не духовного. Это позволяет отнести Христа из Владимирского храма к какой-либо крупной мастерской, возможно, к монастырскому, московскому кругу памятников. Тем более, что все скульптуры Христа в темнице, известные нам в настоящее время в районе Средней Волги, имеют характерные черты народного искусства, не овладевшего в полной мере наукой построения человеческой фигуры. Хотя и в народном искусстве некоторая наивность трактовки образа и скованность в построении формы не лишают статуарные памятники поэзии и высокого гуманизма. Аналогичный малочурашевскому памятник описан Н.Г. Добрынкиным в конце XIX в., где он, анализируя деревянную скульптуру из г. Муром, выделяет одну из целой группы скульптур «Христа в темнице» — из с. Арефино¹¹. Он приписывает ей московское происхождение, отмечая, что «лик Христа миловиднее, фигура изящнее, чем у муромских скульптур...». Произведения, вышедшие из мастерских Москвы, прежде всего из подмосковных монастырей, имевших давние сложившиеся традиции, сохраняли высокий

строй даже в памятниках позднего происхождения. По своим формальным качествам и внутреннему содержанию скульптура из Малого Чурашева может быть отнесена к московскому кругу XVIII в.

Другое направление в резном искусстве представляет памятник из с. Кувакино Алатырского района, также изображающий «Христа в оковах» (размер 45×20×21 см). Он обнаружен нами у жительницы села, а ранее находился, по словам хозяйки, в местной церкви, разрушенной в 1935 г.

Этот образ имеет простонародный тип: он похож на крестьянина с коренастой фигурой, с круглой головой на крепкой шее, с крупными руками и жилистыми ногами. Посадка его фигуры спокойна, без напряжения в позе. Напротив, он очень прочно сидит на почти кубическом сидении. В этой скульптуре, как и в уже рассмотренной, из Малого Чурашева, очень умеренно изображены страдания Христа. Здесь также нет изображения обильных кровоподтеков, хотя заметно стремление автора к правдоподобию воспроизведению человеческой фигуры: проработаны резцом коленные чашечки, мышц ног, детально обозначены пальцы, где виден каждый ноготь, разделаны пряди волос и бороды. Тщательная отделка противоречит, однако, исполнению фигуры с непропорциональными частями тела, со скошенным вправо плечевым поясом и плоско обработанными кистями рук. Разорванный силуэт, когда локоть руки, подпирающей голову, отставлен в сторону, сильное движение головы вправо, горизонтальное положение левой руки придают фигуре тяжело-весность. Но мастер освоил приемы резьбы круглой скульптуры и, несомненно, обладал опытом. Он уверенно, хотя и несколько грубовато, вырезал лик Христа — лицо молодого крестьянина с широковатым носом, и замечательно — свободными широкими складками — положил багряный набедренник.

Образ обладает достаточно высокими художественными качествами: он реалистичен и в то же время одухотворен. Несколько наивное решение формы не мешает воспринимать переданное мастером сильное душевное переживание Христа, хотя глаза его закрыты. Этот прием не очень распространен в изображении сидящего Христа. В соседней Нижегородской области, например, в Арзамасе, в известных нам памятниках глаза его открыты или полуоткрыты. То же и в Ульяновской области, где преобладают скульптуры с грубоватыми формами и такой же росписью. Возможно, скульптура Христа из с. Кувакина сделана по образцу, отличающемуся высоким уровнем исполнения, такому, как «Христос в оковах» из Малого Чурашева.

Созданный народным мастером убедительный образ Христа-страдальца хорошо вписывается в реалистическое направление церковного искусства, расцветшего в провинции во второй половине XIX столетия. Возникновение собственных небольших артелей и широкое распространение массовой продукции, выходящей из традиционных центров, которая стала образцом подражания для мастеров-одиночек, способствовали появлению скульптуры в самых отдаленных местах России. Н.В. Мальцев пишет, что особое распространение и популярность эти произведения приобрели в земледельческих районах Поволжья и Русского Севера. «С памятниками деревянной скульптуры, их бытования связана сложная эво-

люция религиозных представлений, удивительное сплетение христианской обрядности с язычеством»¹².

Две скульптуры «Христа в темнице», рассмотренные нами, представляют два этапа эволюции. Памятник из Владимирской церкви с. Малое Чурашево, выполненный в XVIII в., выражает идеальное представление о Христе, воплощенном в образе человека. Формальное решение фигуры приближается к реалистическому. Однако в образе есть высокое духовное начало. В искусстве XIX в., представленном скульптурой из Кувакина, мастера чаще всего обращались к реальной жизни и конкретному человеку, которого они стремились изобразить как можно более верно.

Таким образом, церковная статуарная пластика в Чувашии представлена наиболее распространенными по всей России типами — Николаем Можайским, Параскевой Пятницей и «Христом в темнице». Они принадлежат к разным эпохам и разным стилистическим направлениям, отражая закономерное развитие этого вида церковного искусства с XVI по XIX вв. Как часть большого художественного явления представлены две статуи Христа, сидящего в темнице. Активное влияние западноевропейского искусства на художественную культуру России начиная с XVII столетия обогатило ее не только новым содержанием, но и новыми сюжетами, среди которых особенно популярными стали сюжеты страстного цикла. Они стали широко использоваться и в профессиональном искусстве, еще живущем в лоне церкви, и в народном, воспринимающем и светскую, и духовную культуру, но дающем самостоятельную интерпретацию.

Отдельным рядом среди памятников церковной скульптуры стоят Распятia. В архивных документах они чаще всего упоминаются, как неперенные завершения иконостасов, утвержденные официальной церковью в 1667 г. Судя по церковным описям, они устраивались практически над каждым иконостасом, но до нашего времени почти нигде не сохранились. Некоторые из них упоминаются как особо чтимые. Например, в часовне церкви Казанской Божией Матери Мариинского Посада — находилось и почиталось резное Распятие Иисуса Христа. «Спаситель изображен на кресте, выточенный из дерева, с терновым венцом на голове. Крест этот очень древний и почитается прихожанами за величайшую святыню»¹³.

Во время обследования чувашских храмов удалось найти только два больших Распятia и одно напестольное, а также одну фигуру предстоящей Богоматери. Они находятся опять же в Алатырском, Мариинско-Посадском и Порецком районах. Одно из больших Распятий сохранилось в с. Кушниково Мариинско-Посадского района. Оно поставлено перед иконостасом левого придела во имя Святой Троицы и относится к середине XIX в. Находясь чуть выше уровня глаз, оно производит сильное впечатление. Фигура Иисуса Христа чуть вытянута по пропорциям, голова небольшая. Построение фигуры правильное, с проработкой всех мышц, однако здесь нет чрезмерного увлечения анатомией. Мы видим достаточно профессиональный подход. Такого качества Распятий очень много в Поволжье, особенно в Нижегородской области. Голова Христа расположена на средокрестии, как обычно, руки чуть вскинуты вверх. Но есть в его облике то, что отличает его от других

изображений Христа. Черты его лика необычны — они представляют ярко выраженный тюркский тип, к какому относится часть низовой и средненизовой групп чувашей, что дает основание видеть происхождение этого памятника в чувашской или татарской местности, тогда как Кушниково — село с исключительно русским населением.

Храм этот, пришедший в ветхость уже в начале XIX в., заново отстраивался и украшался помещиками Кушниковыми — владельцами села — в течение десятка лет в середине XIX столетия. Документов с упоминаниями о строительстве иконостасов, его стоимости, имен иконостасных мастеров в архивах пока не найдено. Однако известно, что многочисленная семья надворного советника М.С. Кушникова проживала в Москве и Казани. Можно предположить, что именно из Казани и была привезена рассматриваемая скульптура, чей лик несет на себе яркие этнические черты.

Такой же тип лица встречаем вновь в сохранившемся с большими утратами (утрачены обе руки) напестольном Распятии в церкви Рождества Богородицы г. Алатырь. Он также относится к XIX в. и обладает вышепе-речисленными качествами. Однако что касается мастерства исполнения, это Распятие немного уступает предыдущему. В нем больше статичности, маленькая голова несколько несоразмерна туловищу, но о том, что это произведение представляет достаточно хороший уровень работы, можно говорить с полным основанием. Пропорции фигуры определены верно, формы проработаны мягко, складки набедренника уложены очень естественно и пластично.

В церкви д. Выползово (ныне с. Антипинка, Октябрьское) Порецкого района обнаружено единственное сохранившееся на вершине иконостаса Распятие. Деревянный храм был построен в 1864 г., и, вероятно, иконостас и все оформление храма современны ему. Строгие, классицистические формы Распятия с двумя ангелами в рост по сторонам и горельефное изображение в круге под Распятием головки ангелов венчает несколько эклектичный по оформлению высокий иконостас. Симметричность, сдержанность в выражении чувств, академически верно выполненные фигуры, особенно распятого Христа, свидетельствуют о высоком мастерстве резчиков. В архивных документах Порецкого района удалось найти немало упоминаний об иконописцах, но мастеров резного дела здесь не было, за исключением Ардатовского района, бывшего Алатырского уезда, что ныне в Мордовии.

Еще один памятник — фигура Богоматери в рост, является фрагментом композиции «Распятие с предстоящими» из Алатыря (размер 110×38×17 см). Принадлежность ее к этому сюжету выдает сильный поворот головы и плеч в правую сторону и направление взгляда вверх, к предпологаемому кресту с Иисусом Христом. В сцене Распятия обязательным являлось расположение справа от креста Иоанна Богослова, а слева — Богоматери. Это круглая скульптура, она имеет объемную голову и лишь небольшое уплощение фигуры с тыльной стороны. Первоначальная полихромная роспись скульптуры Богоматери осталась, вероятно, под слоем росписи масляными красками, которая, однако, не скрывает очень плохой сохранности дерева, сильно изъеденного жучком-древоточцем.

Форма этой скульптуры, близкая к барочной, решена пластическими средствами, поэтому выразительность ее не утрачена с появлением поздней живописи. Под тяжелыми складками синего мафория фигура кажется хрупкой, а беспомощно сложенные на груди руки делают образ Марии трогательным и одновременно отчужденным от зрителя. Лицо с пухлыми щечками и губами чуть подцвечено розовой краской, однако в нем нет и оттенка слащавости. Выражение лица полно глубокой веры и умиления. Эта скульптура является образцом народного понимания сущности Богородицы — всепрощающей и милостивой. Изображение трактуется достаточно правдоподобно как в отношении внешних деталей, так и внутренних переживаний, переданных очень выразительно. Мастер режет круглящиеся формы фигуры и лика с большой эмоциональностью и прочувствованно: они не бесплотны, а, наоборот, очень осязаемы. Такая деталь, как чуть согнутая коленка, выступающая под складками хитона, выдает наблюдательность резчика и его хорошее чувство материала, хотя можно упрекнуть его в некотором искажении пропорций тела и в неумении передать движение. Аналогов такой трактовки святых образов находим очень много, например, в пермской скульптуре или в произведениях народных мастеров соседней Ульяновской области, опубликованных В.К. Цодиковичем¹⁴. Разница здесь обычно в уровне мастерства, умении более или менее точно передать формы и пропорции тела, а не в понимании образа.

Скульптура эта обнаружена нами в маленькой часовне при алатырской Крестовоздвиженской церкви. Но происходит, очевидно, из какого-то другого храма. Сохранившийся интерьер названной церкви, построенной в эпоху классицизма, кажется очень суровым по стилю для такого яркого барочного памятника. Укажем, что Крестовоздвиженская церковь была построена в 1827 г. Во внешнем ее облике прочитываются ясные, спокойные пропорции и линии этого стиля, и трудно представить в ней существование иконостаса и Распятия, исполненного в барочной манере.

В группу рассматриваемых рельефных образов нами включены не только деревянные, но и каменные, и гипсовые произведения, поскольку они почти без исключения имеют первообраз из дерева. Отличаются все они от круглой скульптуры своими сюжетами. Исключением является лишь Св. Николай Чудотворец. После него самым распространенным образом можно назвать «Усекновенную главу Иоанна Предтечи», встречающуюся и поныне во многих храмах республики. Единственной иконой с много-фигурной сюжетной композицией является пока «Успение Богородицы» из г. Алатырь. Надо отметить, что основная масса перечисленных произведений находится именно в бывшем Алатырском уезде, вошедшем в начале XX столетия в Алатырский и Порецкий районы Чувашии и Ульяновскую область. Алатырь был одним из православных и культурных центров края вплоть до Октябрьской революции. Все сохранившиеся произведения представляют искусство XVIII и XIX вв. и принадлежат к разным стилистическим направлениям. Создавались они не только из дерева, но и из камня, а во второй половине XIX столетия часто отливались в гипсе по одной форме. Почти все расписаны темперными или масляными красками, некоторые позолочены или слегка тонированы. Несколько памятников зафиксировано в Чебоксарах экспедицией А.И. Некрасова,

но большинство обнаружено в разных районах республики автором данной статьи.

Открытием стала группа рельефных изображений Николая Можайского оригинального извода, связанного с чудом явления этого святого образа под Промзино-городищем Алатырского уезда (ныне Ульяновская область). Легенда этого явления схожа с известной можайской историей XIV в.

Значительная часть образов Николая Мирликийского Чудотворца в древнерусской церковной скульптуре представлена типом Николая Можайского. Резные его изображения, явленные и чудотворные, монументальные и в мелкой пластике, появились почти во всех городах, построенных как крепости, начиная с XVI в. История знает также несколько легенд, подобных можайской легенде, когда появление святого образа заставило врага бежать в страхе от стен города. Существует такое предание и в Среднем Поволжье. В Симбирской губернии Иваном Грозным была поставлена крепость Промзино-городище на реке Промзе, где он останавливался со своим войском по дороге на Казань. Именно здесь позднее произошло чудо с отступлением от этой крепости кубанских татар, осадивших его в начале XVII в.¹⁵

Рельефная деревянная, целиком вызолоченная (кроме лика) икона Николая Можайского была выявлена автором настоящей работы в Крестовоздвиженской церкви г. Алатырь. Подобная иконография встретила нас на территории Чувашии впервые. Вопрос об особом, распространенном именно в бывшем Алатырском уезде типе святого встал, когда в этом районе было обнаружено еще несколько рельефных икон данного извода. Упоминание о промзинском Николе Можайском без его воспроизведения находим в книге В.К. Цодиковича об ульяновских (симбирских) памятниках «Иконопись, парсуна, деревянная скульптура XVI—XIX веков»¹⁶. Изучение краеведческой литературы подтвердило наше предположение о том, что вновь открытые иконы Николая Можайского действительно принадлежат к типу так называемых «промзинских Николаев Можайев», восходящих к образу, явившемуся, по преданию, на Белой горе близ Промзина-городища.

Что касается подлинной иконы, то она, по легенде, была вырезана из камня. До настоящего времени она не дошла, но еще в 1877 г. упоминалась на открытии Николаевского братства при церкви с. Промзина¹⁷. В 1622 г. в полуверсте ниже с. Промзина у подошвы Белой горы, на вершине которой явилась промзинская чудотворная икона святителя Николая, была основана старицею Паисиею Никольская женская пустынь. Сейчас в этом месте стоит небольшая каменная часовня.

Знаменитый образ из Промзина-городища явился прототипом выявленных нами шести икон, абсолютно идентичных по композиции, иконографии и типу святого, хотя и выполненных в разном материале и отличающихся друг от друга размерами и исполнением некоторых деталей.

Самая крупная из них, уже упомянутая нами, вырезана из дерева, покрыта левкасом и позолочена по полименту. Личное письмо темперой сильно потемнело, однако рельеф головы и лика проработаны, главным образом, резьбой, а не росписью¹⁸. Для анализа иконографии и стили-

стических особенностей обратимся именно к этой иконе, прекрасно сохранившейся, имеющей размеры 136×94 см. Фигура святого вырезана, как и во всех «промзинских», вместе с фоном. Внутри прямоугольного пространства для фигуры сделано арочное углубление, придающее всей иконе законченный вид.

Пластическая масса этого рельефа организована по принципам ранней традиции древнерусской скульптуры, когда симметрия и статика являлись главным организующим началом. Однако она обрела сильное вертикальное движение, выпукло обозначенное крестчатым омофором и мощными волнообразными движениями складок плаща по сторонам фигуры. Горизонтальное расположение рук святого, которое в более ранних произведениях резко противостояло вертикали, скрыто здесь мягко круглящимися складками на груди, образующими композиционный круг. На осевую линию по вертикали как будто нанизывается несколько кругов: над кругом плаща — большой круг нимба, рельефные круги на митре, сама митра имеет форму почти шара, и все это широко охвачено дугой арки на фоне, которая объединяет всю композицию. В иконе большого размера лучше всего прочитывается красота строго выверенных деталей, пропорций и линий. Композиционная идея и ее воплощение великолепны, хотя манера исполнения несколько суховата.

Есть некоторые недостатки и в художественном решении иконы, например, заметное противоречие в пропорциях и характере головы и рук. Грубоватые по форме большие руки не соответствуют маленькой голове с правильными чертами лица, с аккуратной бородкой. Стопы ног тоже очень маленькие и поставлены на низком постаменте перпендикулярно фону. Они почти не выступают за пределы плоскости иконной доски. Хотя в целом все детали гармонично организованы и не нарушают композиционной цельности.

Суровый внешний облик Николая Можайского и статичность фигуры создают впечатление древности образа, но при внимательном рассмотрении возникают признаки позднего времени, а точнее — не ранее XVIII в. Так, храм в руке именно в этом столетии заменяет «град» с крепостной стеной; меч приобретает необычную, с коротким и кривым лезвием, форму; лучистый нимб, похожий на большой цветок с фигурно вырезанными краями также появляется в XVIII столетии. А самое главное, все формы и орнаментировка одежды: складки плаща, кресты и каймы на омофоре, палица на поясе с кисточкой на конце, украшения митры — все вырезано более или менее высоким рельефом, а не написано красками, как это было в более раннее время.

В целом эта рельефная скульптура еще сохраняет иконный образ с «пониманием мудрости простоты», как охарактеризовал И.Э. Грабарь древние памятники церковной пластики. Элементы нового, противоречащего принципам древнерусского искусства, еще не разрушили внутренней ее сути. Определенная условность в трактовке фигуры, малая расчлененность поверхности сохраняют монументальную красоту иконы. Можно предположить, что она выполнена для нового здания Кресто-воздвиженской церкви, построенной в 1827 г.

Тип лица с выпуклым лбом и узким подбородком один и тот же во всех шести образах, хотя остальные пять «промзинских» икон имеют небольшие размеры — от 17 до 31 см в высоту. Одна из них находится в Алатырском краеведческом музее, еще три — в храме с. Ждамирово (сейчас Октябрьское), входившего раньше в Алатырский уезд. Они предназначались, вероятно, для домашнего пользования, и, возможно, сегодня подобные иконы еще хранятся у жителей Алатырского края.

Среди этих памятников выделяется икона из Алатырского краеведческого музея¹⁹. Изображение святого здесь выполнено невысоким рельефом по гипсовому левкасу, наложенному на иконную доску толстым слоем и слегка затонированному коричневой охрой, что создает впечатление древности. На полях этой иконы есть рельефное изображение растительного орнамента в виде побегов с листьями, направленными в противоположную от движения стебля сторону, что было характерной чертой ростовского орнамента. Появление его в произведениях в других районах Средней Волги не кажется странным, а только подтверждает общепринятое положение о взаимных влияниях в искусстве разных регионов России, тем более — близлежащих.

Все детали этой иконы также проработаны более тщательно, чем на каменных. Хорошо прочитываются параллельные складки одежд, тонкий рисунок нимба. Оформлена узором и митра, дополнительные украшения в виде кругов имеет пол, расчерченный на прямоугольники. Кстати, он сокращается в прямой перспективе, чего нет в других образцах. Здесь также есть полуфигурные изображения в медальонах, как и в большой алатырской иконе из Крестовоздвиженской церкви.

Еще одна икона находится в интерьере церкви с. Алтышево. Она закрыта застекленным киотом и покрашена слоем бронзовой краски. Это не позволяет характеризовать ее художественное качество и определить материал, из которого она выполнена.

Остальные три иконы происходят из Троицкой церкви с. Ждамирово Ульяновской области. Они вырезаны из очень мягкого белого камня, похожего на гипс, с включениями мелкой крошки более твердого камня. Такой состав имеет та Белая гора, где произошло чудо явления иконы. «Синбирские горы, — писал академик И.И. Лепехин, — изобилуют также струйчатым, слоистым и прозрачным гипсом, между коими попадаются и гипсовые хрустали, сросшиеся в одну глыбу»²⁰. Каменные иконы имеют меньше деталей, видимо, из-за непрочности мягкого камня, хотя растительный орнамент одной из них сохраняет очень выразительный рисунок ветки с изогнутыми листьями. В другой иконе этот орнамент превращается в переплетенные «веревочкой» длинные стебли. Медальоны с изображением Христа и Марии по сторонам фигуры в верхней части на большой иконе превращаются в меньших по размеру иконах в упрощенные круги с крестами. Каменные памятники имеют профилированные рамы, вырезанные вместе с полем иконы.

Все шесть икон представляют совершенно одинаковые композиции²¹. Первоначальное предположение о том, что они отлиты из гипса с добавками по одной форме, нами было отвергнуто, так как все они имеют разные размеры и характер обработки мелких деталей.

Причиной этого локального и кратковременного явления, можно предположить, был великий скульптор Степан Эрьзя, родившийся в с. Баево, что в 16 км от Алатыря, а затем живший в городе до 25 лет. В книге В.Н. Кирсанова и Н.П. Головченко «Ахматово», посвященной истории старинного села в Присурье, приведены слова, написанные со слов скульптора: «После окончания начальной школы я решил заняться лепкой скульптур. Километрах в сорока от нашей деревни была довольно высокая гора. На вершине ее стояла часовня в честь Николая Чудотворца. В часовне находилась деревянная скульптура этого святого. На поклонение туда приходило много богомольцев. И вот я задумал одно дело. Снял из глины форму скульптуры святого и начал повторять его в гипсе, раскрашивать статуэтки под дерево, как в часовне, и продавать. Однако платили за них очень дешево, а делать их стоило немало труда. Мое предприятие быстро лопнуло...»²². Можно предположить, что найденные рельефные иконы Св. Николая — это поиски С.Д. Эрьзи оптимального варианта для продажи. Однако это предположение требует дальнейшего исследования.

Упоминаются и живописные иконы с изображением промзинского Николая Можайского. Так, в описи теплого храма с. Сыреси бывшего Алатырского уезда (ныне Порецкого района) упоминается образ Николая Мирликийского Чудотворца, «снимок с Промзинской, живописный», большого размера — 106,72×62,30 см. Еще один образ и сегодня находится в одной из церквей Порецкого района, что подтверждает популярность этого образа в ближайших к Промзину-городищу селениях²³.

Думается, что не только в Алатыре было много произведений мелкой пластики, созданных в XIX в. Однако здесь, как в самой отдаленной части вновь созданной после Октябрьской революции 1917 г. Чувашской Республики, больше всего сохранилось неразоренных храмов и памятников церковного искусства.

В самом Алатыре было множество храмов, два крупных монастыря, мужской и женский, которые украшали старинный город. Многое, конечно, было разрушено, но сегодня церкви возрождаются. Во вновь открываемых храмах появляются произведения, хранившиеся долгое время в семьях горожан. Так, в храме во имя святого Иакова, восстановленном в последние годы, появилась небольшая резная икона «Успение Богородицы» (размер 40×31,5 см), принесенная кем-то из прихожан. К сожалению, она также покрыта толстым слоем «бронзовой» краски, уничтожившей тонкую разделку рельефа и прорисовку лика святых. Об этом можно теперь догадываться по тому, как умело и динамично строит мастер сложную композицию из многих фигур. Диагональная линия ложа, на котором покоится Богородица, усилена наклоном в ту же сторону апостола Петра, всматривающегося в ее лицо, и ангела у правого края переднего плана. Динамика усилена разнообразными движениями и поворотами других апостолов, окруживших ее ложе. Даже крупная фигура Иисуса Христа, венчающая композицию по центральной оси, не гасит этой игры диагоналей.

На иконе представлен извод «Успения Богородицы с чудом святого Авфония», которому ангел отсекает кисти рук за то, что он, не поверив в успение, хочет удостовериться в этом прикосновением к Богоматери.

Движение фигуры Авфония, отпрянувшего в страхе назад, противопоставлено общему движению влево и вверх. Композицию завершают на верхнем поле два высоких здания, расположенных по сторонам от фигуры Христа. Черты классицизма в их оформлении позволяют отнести икону ко второй половине XIX в.: в художественном решении этого рельефа ясно прочитываются черты академизма.

Другая значительная группа произведений на нашей территории представляет собой резное изображение головы Иоанна Крестителя на блюде под названием «Усекновение главы Иоанна Крестителя». Одна из них сохранилась в фондах Художественного музея, другие в церквях Чебоксар, Порецкого, Алатырского и других районов. Большинство подобных икон, сохранившихся в церквях, совершенно недоступны для изучения, так как вложены в застекленные киоты, обильно украшенные жестяными окладами и бумажными цветами. Многие из них утратили первоначальный вид, так как покрыты поздними слоями масляной живописи или, как видим в рельефе из Николаевской церкви с. Туруново Батыревского района, густым слоем «бронзовой» краски, который совершенно скрыл первоначальную красочную поверхность иконы и исказил рельефные черты лица. Чтобы составить полное представление о таких иконах, необходима реставрация.

Почти все эти иконы отлиты из гипса, одного размера, абсолютно идентичны по иконографии, выполнены с хорошим знанием анатомического строения головы человека и выдержаны в строгой академической манере. Отлитые из гипса, они, вероятно, продавались мастерам-иконописцам или живописцам большими партиями, а те, в силу своих способностей, расписывали их по какому-то образцу. Можно сказать, что было налажено широкое их производство. Н. Соболев писал: «...Резное изображение отсеченной главы Иоанна Крестителя на блюде, реально раскрашенное, чтобы придать еще более выразительности... Изваяния эти просуществовали около полутора столетий, вышли из обихода, и в XIX столетии их больше не производили»²⁴. Видимо, отливали эти рельефы по старым образцам, и этот промысел получил широкое распространение, так как встречаются в начале XX в. по всей России. Обилие их именно в бывшем Алатырском уезде Симбирской губернии предполагает их отливку на месте, в Алатыре. Во всяком случае, идентичность живописного исполнения рельефов наводит на мысль о местных мастерах. Здесь в начале XX в. упоминаются иконописные мастерские. Однако конкретных сведений сохранилось немного. Пожар, который случился в Алатыре в 1906 г., уничтожил почти весь архив уезда и города, а также церковный, хранившийся в Свято-Троицком монастыре.

Таким образом, поздний период церковного искусства на территории Чувашской Республики представлен, в большинстве своем, массовой продукцией, и образцы его сохранились в храмах, интерьеры которых не были разрушены в годы Советской власти. Все они имеют достаточно высокое качество исполнения и представляют как архаизирующую линию церковного искусства («Николай Промзинский»), так и академическую («Усекновенная глава Иоанна Предтечи»).

Вторая линия представлена также гипсовыми рельефными отливками и одной головы Иисуса Христа из мрамора. Последняя, с изображением

головы Спасителя в анфас, находится в той же церкви с. Алтышево, что и один из рассмотренных «промзинских» Никол. Она также покрыта очень толстым слоем бронзовой краски, но профессиональное, академическое исполнение хорошо прочитывается. Гипсовый рельеф с изображением Христа в терновом венце принадлежит Чувашскому государственному художественному музею (разбит в настоящее время на несколько частей). Иконография этих произведений восходит к образцам западноевропейского искусства. Нимб похож своей формой на раковину (символ королевской власти), а переключина креста за плечом справа и орнаментированный хитон напоминают детали композиции «Несение Креста», распространенной в живописи Европы. Исполнение в гипсе предполагает и в этом случае массовое производство, однако подобных памятников на нашей территории пока не выявлено.

* * *

Конец XVIII — начало XIX в. стали временем появления наибольшего количества разнообразных сюжетов в резных рельефных иконах. Однако скульптура имела очень много общих черт по всем районам ее распространения, и ее трудно распределить по школам, в отличие от иконописи, особенно когда количество произведений ограничивается единицами.

Скульптурные рельефы, сохранившиеся в фондах музеев и храмах республики, в целом отразили основные этапы и характерные черты культуры Нового времени. Традиции и новации переплелись в ней в самых разнообразных вариантах и имели место как в творчестве профессиональных, так и народных мастеров. В XIX в. их производство контролировалось епархиальными чиновниками, которые в свою очередь повиновались указам Святейшего Синода. Требование определенного профессионального уровня, предъявляемое к мастерам резного дела, заметно повысило и качество массовой продукции, особенно распространенной в провинциях России.

Появление рельефных икон в Чувашии было связано с искусством и художественными центрами Поволжья и среднерусских областей России. Чувашский народ, к этому времени в значительной части своей принявший христианство, воспринимал их с доверием, а почитаемых на нашей территории резных икон известно достаточно много. В селах и городах Чувашии, не считая Чебоксар, обнаружено нами около тридцати произведений круглой скульптуры и рельефов из дерева, камня и гипса. Это лишь незначительная часть того, что было в храмах до их закрытия в 1920—1930-е гг. Тем не менее, полученные данные позволяют утверждать широкое распространение рельефных икон на всей территории республики. Среди них преобладают произведения, формальное решение которых близко к академической школе. Наиболее интересным явлением среди рассмотренных произведений, стала группа «промзинских» икон Николая Можайского оригинального извода, получивших в Алатырском уезде широкое распространение. Кроме того, в архивных документах обнаружено упоминание еще нескольких памятников скульптуры в разных храмах республики, что дает основание говорить о достаточной ее распространенности на территории Чувашии.

Источники и примечания

- ¹ См.: *Мордвинова А.И.* Статуарная пластика XVIII—XIX вв. в собрании ЧГХМ // Художественный музей и культура. Чебоксары, 2001. С. 75—89; *она же.* Св. Николай Можайский (Памятник церковной скульптуры XVI века в Чебоксарах) // Этнология религии чувашей. Чебоксары, 2003. Вып. I. С. 140—155; *она же.* Скульптура Параскевы Пятницы XVIII века из Троицкого собора Цивильска // Чувашское искусство. Вопросы теории и истории. Чебоксары, 2001. С. 60—72.
- ² Опубликовано в сб.: Художественная культура Чувашии. 20-е годы XX века. Чебоксары, 2005. С. 211—254.
- ³ *Макарий* архимандрит. Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния. СПб., 1857. С. 398—406; *Додикович В.К.* Иконопись, парсуна, деревянная скульптура XVI—XIX вв. Ульяновск, 1981. 96 с.; *он же.* Народная деревянная скульптура Ульяновской области XVII—XIX вв. Ульяновск, 1988. 172 с.
- ⁴ *Яхонтов А.* Церковные древности Симбирского исторического музея // Сборник в память 10-летия Симбирской губернской ученой комиссии, 1895—1905. Симбирск, 1906. С. 22—23.
- ⁵ *Некрасов А.И.* Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937. С. 381; *Мальцев Н.В.* Легенды о привозе в Россию скульптур «Христос в темнице» из Польши и Лифляндии в XVII и XVIII веках // Пресновские чтения—II. Сб. статей. СПб., 1994. С. 12.
- ⁶ *Соболев Н.Н.* Русская народная резьба по дереву. М.: Сварог и К., 2000. С. 401.
- ⁷ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 637. Л. 12 (об.).
- ⁸ *Мошков В.А.* Город Царевококшайск // Нива. Литературное приложение. Март. Апрель. Май. М., 1901. С. 559.
- ⁹ Церковь Владимирской Божией Матери в Малом Чурашеве каменная, построена в 1830 г. в стиле классицизма и сохранила свой внешний и внутренний вид почти без изменений.
- ¹⁰ В Воскресенском соборе г. Арзамас, в Архангельской области (Яренский краеведческий музей, КП-861) и др.
- ¹¹ *Сухова О.А.* Памятники культовой деревянной скульптуры. По материалам архива муромского краеведа Н.Г. Добрынкина // Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера. Архангельск, 1995. С. 106.
- ¹² *Мальцев Н.В.* Резные изображения «Христа в темнице» // Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера. Архангельск, 1995. С. 86.
- ¹³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 636. Инв. № 9098. С. 42. Фонд Элье. Историко-статистическое описание Казанской Богородичной церкви 1900 г.
- ¹⁴ *Додикович В.К.* Народная деревянная скульптура Ульяновской области XVII—XIX вв. Ульяновск, 1988. Илл. 41.
- ¹⁵ Симбирск и его прошлое. Хрестоматия краеведческих текстов. Ульяновск: «Лаборатория культурологии», 1993. С. 36.
- ¹⁶ *Додикович В.К.* Иконопись, парсуна, деревянная скульптура XVI—XIX вв. С. 42—43.
- ¹⁷ Симбирские епархиальные ведомости, 1878. № 1. С. 13.
- ¹⁸ Икона эта вновь позолочена в 2001 г. мастерами Чебоксарского Свято-Троицкого монастыря.
- ¹⁹ Алатырский историко-революционный музей. № 6804. 17×12 см.
- ²⁰ *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. СПб., Императорская Академия наук, 1773. С. 245.
- ²¹ Одна из икон имеет большие утраты.
- ²² *Кирсанов В.Н., Головченко Н.П.* Ахматово. Алатырь, 2001.
- ²³ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 134. Оп. 8. Ед. хр. 690. Л. 32.
- ²⁴ *Соболев Н.Н.* Русская народная резьба по дереву. С. 405.

A. I. M o r d v i n o v a. Chuvash wooden church sculpture (XVIII — XIX c.)

The article is a result of long-term researches of the author in the field of Chuvash orthodox art. Church sculpture works of XVIII—XIX centuries that are kept in museum collections and temples of Chuvash Republic represent statuary and relief icons and carved details of iconostas. Their iconographic and qualitative structure is various and traditional for all regions of Russia. Some of the considered works are samples of high church art.

ЧГВ, 2007 г., № 1
© В.А. Ендеров

**ИЗУСТНАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЧУВАШСКОМ
СЛОВЕСНОМ ИСКУССТВЕ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

Современный период развития Российского общества, характеризуемый глубоким реформированием социальных и духовных основ общественной жизни, связан с решительным обновлением взглядов на литературу и фольклор, которые на всех этапах своего развития исходили из цели торжества общегуманных ценностей, являлись неисчерпаемым источником народной художественной мысли. В настоящее время открылись новые возможности для изучения вопросов, которые в прошлом оставались в тени. В их ряду особенно значимой представляется разработка проблем изустной литературы в системе чувашской словесности.

Хотя интерес ученых-литературоведов к теоретическим и практическим вопросам взаимодействия чувашской литературы и фольклорного наследия в последние годы значительно возрос, все же указанные проблемы до сих пор остаются недостаточно изученными. Данная статья — попытка осмыслить особенности, место и роль чувашской изустной литературы в системе чувашского словесного искусства, закономерности развития названной отрасли художественной мысли народа на различных исторических этапах.

Многостороннее воздействие фольклора на литературу общепризнано. Не требует доказательств, что и чувашский фольклор явился одним из важных источников, способствовавших зарождению профессиональной национальной письменной литературы. Как вид искусства фольклор, таким образом, был и остается одним из активных средств обогащения и развития нашей словесной культуры, формой выражения богатейших духовных ценностей этноса.

Причем нужно отметить, что не только фольклор влияет на литературу, но и литературные произведения могут переходить в область фольклора. Вот почему исследование проблем взаимодействия фольклора и литературы — один из ключевых вопросов при системном и научном изучении художественного произведения любого мастера слова. В этом

Вячеслав Александрович Ендеров — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения и фольклористики Чувашского государственного института гуманитарных наук.

плане в литературоведении сделано немало. Например, за последние двадцать лет из печати вышло более 100 научных сборников статей и монографий, посвященных проблемам творческого метода, письменности и культуры, вопросам метода, жанра, стиля в чувашской литературе, взаимодействия письменной художественной литературы с фольклором и другими научными дисциплинами. Отдельные сборники посвящались вопросам истории и теории литературы, исследованию художественного мастерства писателей, раскрытию идейно-эстетического единства художественных произведений и т.д. Очень плодотворно в этом плане работали сотрудники отдела литературоведения и фольклористики Чувашского государственного института гуманитарных наук, преподаватели факультета чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. Свой вклад вносит в данную работу отдел национальной литературы и библиографии Национальной библиотеки Чувашской Республики. Появились добротные диссертационные исследования по указанным проблемам¹.

Выполненные на основе опубликованных материалов и архивных источников новые научные труды подтвердили, что первые образцы художественно-литературных произведений у чувашей стали печататься еще во второй половине XVIII в. Подобные открытия помогли сдвинуть «границы истории развития» чувашской литературы, рассматриваемые ранее только со времени написания Михаилом Федоровым своей знаменитой поэмы «Леший» (1884 г.), который, как утверждали некоторые литературные критики, вошел в историю «как автор первого вполне оригинального литературно-художественного произведения на чувашском языке»².

Чувашская литература прошла большой и сложный путь. Как один из основных видов искусства слова, зародившаяся во второй половине XVIII в. на прогрессивных классических и устно-поэтических традициях чувашского народа, она как самостоятельная форма произведений художественной письменности и часть сокровищницы отечественной художественной культуры оформилась только во второй половине XIX в., с появлением первых грамматик и букварей на чувашском языке. Но и тогда она все еще широко использовала традиционные образы, мотивы и приемы различных жанров народной поэзии, питалась из фольклорных источников и, обогащенная ими, уходила снова в народ. Яркий пример тому — бессмертная поэма Михаила Федорова «*Арсури*» (Леший), баллады и легенды Николая Полоруссова-Шелеби, Николая Шубоссинни и др. Как считает известный литературовед В.Г. Родионов, «период становления чувашской литературы полностью совпал с периодом консолидации этноса, роста национального самосознания, и он теснейшим образом связан с развитием письменной культуры в целом, книжным делом и школьным образованием, формированием национальной интеллигенции»³. По его мнению, чувашская литература уже в 50-е годы XIX в. начинает функционировать как система и, набирая в последующие годы темпы развития, в начале XX в. достигает своего расцвета⁴.

История развития литературы любого народа показывает, что большинство поэтов и писателей систематически обращаются к фольклору как к неисчерпаемому источнику народной художественной мысли.

Мастера слова, используя образы и идеи устно-поэтического наследия, создают высокохудожественные произведения, которые впоследствии становятся неповторимыми примерами творческого использования традиций и поэтики фольклора. Творения таких известных мастеров слова, как М.Ф. Федоров, К.В. Иванов, Н.И. Полоруссов-Шелеби и др., их соплеменников, внесших огромный вклад в развитие чувашской художественной поэзии того времени, как Г.А. Кореньков, М.В. Васильев (Шевле) и др., поистине являются неповторимыми примерами творческого использования традиций и поэтики фольклора и мифологической прозы в своих поэмах, сказках-стихах, балладах и т.д.

Устная поэзия народа всегда отражала и продолжает отражать национальные традиции и народные эстетические и нравственные идеалы, выполняет дидактические и воспитывающие функции. Мастера художественного слова, используя в своих произведениях фольклорные мотивы и образы, отходят от традиционной этнографически-бытовой описательности и акцентируют внимание на раскрытие психологии героев. На первый план выходит человеческая душа во всем ее проявлении, объектом внимания прежде всего становятся душевное состояние и переживания главных героев. Иными словами, произведения фольклора являются колыбелью или школой поэтической фантазии для литераторов.

Таким образом, фольклор, являясь источником национальной самобытности и основой для зарождения чувашской письменной литературы, в то же время указывает мастерам слова строго подходить к решению таких литературоведческих вопросов, как раскрытие сущности национального характера, бережное сохранение и следование эстетике устно-поэтического народного творчества, народным идеалам добра и прекрасного, возвышенного и героического.

Изучая творения мастеров слова, исследователь обязан, прежде всего, находить в созданных ими произведениях творческий облик, индивидуальные особенности, манеры и стиль художественных произведений каждого из них. Как известно, в соответствии со своими творческими наклонностями, поэт или писатель по-своему может наследовать разные художественные традиции, исходить из различных идейно-эстетических и этических взглядов и критериев, сохраняя свой индивидуализм.

В науке словесное искусство авторского импровизаторского творчества обозначается термином «изустная литература». В таком значении впервые его употребил в 30-х годах XX в. академик Н.Я. Марр в статье, посвященной академику С.Ф. Ольденбургу⁵. Как указывает М.Х. Идельбаев, «...в отечественной филологии этот термин получил неравномерное распространение. В литературоведческих словарях и энциклопедиях слово «изустная литература» отсутствует. Исследователи, пишущие о данном явлении в мировом словесном искусстве, обходятся без него, чаще употребляя слово «устное» — «устная литература», «устная поэзия»⁶. Данный термин нами переведен как *«халăх сăмахлăхле литература»*, в значении «народная» или «фольклорная литература» и используется для характеристики изустного авторского творчества представителей чувашской словесности. Таким образом, *халăх сăмахлăхле литература*, как словесное

искусство индивидуального характера, сочинялась и распространялась изустным путем и выражала личное мировоззрение конкретного автора, его этическую оценку действительности. Как видим, изустность приближает ее к фольклору, а индивидуальность — к письменной литературе.

К сожалению, чувашская изустная литература в нашем литературоведении до сегодняшнего дня не стала объектом специального исследования. Правда, некоторые ученые-литературоведы в своих трудах отмечали роль фольклора и его влияние на литературу⁷, но никто из них не рассматривал творения *юрăçă* Тудирека, *такмакă* Хведи Чуваша и Ягура, а также хронологически более близкие к нам *халапă* Николая Шелеби и *юмахă* Кашгара Мигули, других мастеров и импровизаторов художественного слова в контексте самобытной изустной художественной культуры. Таких мастеров-импровизаторов у чувашей зафиксирован не один десяток. Например, в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН) хранятся 108 заполненных анкет чувашских *юмахă* и *юрăçă*, а в единице хранения «Тетради по учету сказителей и певцов» записаны 169 имен мастеров-импровизаторов. К этим анкетам приложены краткие автобиографии⁸. К сожалению, их творчество до сих пор не анализировано и не оценено.

Можно лишь констатировать, что впервые на присутствие в чувашской литературе изустного авторского творчества указал В.Г. Родионов. Подчеркивая роль авторства и авторского сознания в создании художественных произведений, он выделяет три этапа эволюции авторского сознания: неосознанное коллективное авторство, неосознанное индивидуальное авторство и осознанное авторство. По его мнению, в третьем периоде «бывают ситуации, когда он (т.е. автор. — В.Е.) вынужден скрывать свое отношение к тексту. В таких случаях опубликованные без автора тексты обретают статус *осознанного анонимного авторства*» (курсив В.Г. Родионова. — В.Е.)⁹. В.Г. Родионов к таким произведениям относит оригинальные стихотворения первого писателя, этнографа и фольклориста С. Михайлова-Яндуша, опубликованные как народные песни¹⁰.

Надо сказать, что таким образом в XVIII—XX вв. публиковались многие представители национальных литератур Урало-Поволжского региона, как, например, коми и мордвы поэты Иван Куратов, Георгий Лыткин и Макар Евсевьев, удмурты Григорий Верещагин и Кузедуб Герд, башкиры Салават Юлаев и Мухаметша Бурангулов, марийские и татарские поэты Сергей Чавайн, Николай Мухин и Каюм Насыров, Габдулла Тукай, Фатих Амирхан и др.

Е.В. Федотова в книге «Истоки и формирование жанров чувашской литературы XVIII—XIX вв.» характеризует творчество Чуваша Хведи как несущее «в себе элементы индивидуального авторского сознания»¹¹.

Известно, что опубликованные или же фиксированные письменно фольклорные тексты представляют собой народную, то есть безавторскую литературу, и в них присутствует неосознанное коллективное авторство. Как было уже указано, те художественные произведения ранней чувашской письменной культуры, где ярко выражено неосознанное индивидуальное авторство, можно смело отнести к так называемой изустной литературе. Подтверждая данную мысль и исследуя этапы становления чувашской

письменной культуры, В.Г. Родионов пишет: «Чувашская письменная культура XVIII в. развивалась в основном под знаком неосознанного авторства, при этом вся литература на чувашском языке имела коллективное сознание (оды и речи, переводы катехизиса и словари). Лишь ода «Сон» Н. Бичурина, написанная на русском языке, выражала индивидуальное сознание автора текста. Кроме того, многие произведения оставались в рукописях, и они не доходили до читателей»¹².

В указанный период, а С.С. Аверинцев его называет предлитературным, или же периодом «словесности»¹³, чувашская художественная литература не обрела свою сущность. Во-первых, у нее в ту пору не было своей определенной автономности, во-вторых, она еще не образовала свою жанровую систему. По мнению же В.Г. Родионова, «...чувашская литература последней четверти XIX в. достигла более высокого уровня развития, чем в начале и середине века. В ее арсенале уже имелись стихи и поэмы, очерки, рассказы и повести, в ней уже наметились жанровые формы с некоторой типизацией фактов и явлений жизни, появились глубоко обобщенные характеры («Леший» М. Федорова). Обращается внимание и на психологию персонажей (повести И. Юркина). Что касается творческого метода, то его можно назвать просветительским реализмом с элементами сентиментализма и романтизма»¹⁴. Как видим, чувашская национальная литература как система начинает функционировать в 50-е годы XIX в., наибольшего расцвета достигает в конце XIX — начале XX вв.

Таким образом, изустная литература — это самая ранняя историческая форма художественной литературы. Чувашская изустная литература, по нашему убеждению, располагает по меньшей мере 400-летней историей. В нее мы включаем творчество известных и не известных доселе импровизаторов-мастеров, а также знатоков и хранителей чувашского словесного искусства: певцов, сказочников, частушечников и др. В народе знатоков устного народного творчества называли «*йста*» (мастер, знаток, сведущий человек), прибавляя, каким именно видом или жанром владеет умелец: «*юрă йсти*» — человек, владеющий искусством пения, «*такмак йсти*» — человек, знающий частушки, «*юмах йсти*» — человек, умеющий рассказывать сказки и т. д. Есть другое понятие, определяющее не только умение петь и сказывать, но и умение сочинять и слагать новые тексты песен, сказок и т. д. Эти непрофессиональные творцы народного словесного искусства назывались, в зависимости от исполняемых ими произведений, то *юрăçă* (песенник, певец), то *такмакçă* (частушечник), то *халапçă* (сказитель, сказатель), то *юмахçă* (сказочник) и т.п. Не секрет, что большая часть созданных ими произведений причислялась или к фольклору, или к письменным памятникам. О существовании другой части, может быть, вообще и не предполагали. Вот почему восстановление авторства ряда мастеров художественного слова прошлого, ознакомление с их творчеством являются первостепенной задачей исследования.

Нужно отдать должное, например, башкирским исследователям. В своих критико-теоретических публикациях они термин «изустная литература» как научное понятие используют уже с середины 70-х годов XX в.¹⁵, казахи, азербайджанцы, каракалпаки — с первой половины XX столетия¹⁶. Наличие «в китайской, индийской, персидской, арабской, западно-

европейских, скандинавских литературах в определенных исторических этапах изустного авторского творчества отмечалось еще в исследованиях XIX в.»¹⁷. В литературоведении указанных народов изустная литература передается терминами: башк. *ауыс-тел әсәбиәте*; казах. *ауыз әдебиеті, ауызыша әдебиет*; каракалп. *ауыз еки әдебият*¹⁸ и др.

Для характеристики чувашской изустной литературы в книге «Чăваш халăх сăмахлăхĕ», авторами которой являются В.Г. Родионов и В.А. Ендеров, первоначально было предложено использовать термин «*тута-сăвар литературы*»²⁰. Данное выражение явилось буквальным переводом принятого литературоведами других родственных нам народов термина (например, башкирскими, казахскими, каракалпакскими исследователями). Но, как следовало и ожидать, опыт подобного калькирования на чувашский язык, оказался неудачным. Поэтому автором настоящих строк предложен термин «*халăх сăмахлăхĕ литературы*», соответствующий выражению «народная литература» или «фольклорная литература».

У каждого народа были и есть свои мудрые и искусные сказители, певцы-импровизаторы. Эти мастера слова слагали песни и сказки, легенды и предания, создавали яркие образы народных героев. Изучение творчества отдельных исполнителей, сказителей и певцов имеет важное значение для более полного и системного изучения эстетического наследия народа. Эти мастера слова внесли большой вклад в развитие художественной культуры своего народа.

Николай Иванович Полоруссов-Шелеби является одним из талантливых сказителей и создателей высокохудожественных произведений. Его творчество — яркий образец и пример авторского импровизаторского и профессионального творчества в чувашской литературе. Он, используя фольклор как источник национальной самобытности, в то же время строго подходит к раскрытию сущности национального характера, бережно сохраняя и следуя эстетике устно-поэтического народного творчества, народным идеалам добра и прекрасного, возвышенного и героического.

Произведения Н.И. Полоруссова носят следы непосредственной и глубокой связи с фольклором, мифологией и традиционной календарно-обрядовой поэзией. Самого его можно причислить к той плеяде мастеров слова, которые фольклорно-мифологические материалы пересказывают и излагают в стихотворной форме. Подтверждает сказанное и анализ демонологических персонажей, встречающихся в его произведениях. Указанные персонажи автором используются в опоэтизированном и переработанном виде.

Демонологический мир поэта представляют: *сĕлен* — дракон-змея (стихотворение «Змей», легенда «Сказание чувашей об основании города Константинополь»), *вунăр* — вубыр, упырь (легенда «О взятии Аксак Тимуром [города] Биляр»), *усал-шуйттан* — дьявол/черт (легенда «Эссебе»), *киремет* — кереметь (легенда «О Билярском Валеме-хузя*») и др.

* **Хуся** — чуваш. слово; в «Чувашско-русском словаре» (М., 1961) переведено в значении: 1. хозяин; владелец; купец. 2. повелитель (С. 511).

Характеризуя поэзию Николая Полоруссова-Шелеби, М.Я. Сироткин еще в 1956 г. писал, что его поэзия «возросла на художественно-творческом опыте самого чувашского народа, в формировании ее благотворно сказалось влияние передовой культуры и литературного богатства русского народа»²⁰. Действительно, о Шелеби можно говорить как о подлинно народном поэте, все произведения которого непосредственно связаны с миром народного творчества.

Стихотворение «*Сёлен*» (Змей) написано в 1906 г. и опубликовано впервые в газете «Хыпар» 15 апреля 1907 г. под названием «*Тав*» (Спор). В данном произведении Змей — демифологизированный сказочный персонаж, вобравший в себя и отражающий в аллегорическо-иносказательной форме чувашскую действительность в ее конкретно-историческом преломлении, олицетворяющий все гнетущие и темные силы общества. Такого чистого сюжета в чувашских народных сказках нет. Поэт, используя народные представления о Птице Симурге (как трансформированная форма — Светоликкая Птица *Каек*) и мифическом змее (как хтоническом существе, охраняющем водные стихии мироздания и относящемся к нижнему миру), создает своеобразное сатирическое стихотворение, направленное на показ социальной несправедливости в обществе.

Змей-дракон с такими же функциями и качествами выступает у него и в другом произведении более позднего времени — в сказании «*Константинополь хулине тунн сунчен чăваш ваттисем калани*» (Сказание чувашей об основании города Константинополь; 1915 г.): здесь огромный «как большая гора» Змей закрыл своим телом всю площадь, куда константинопольский царь замыслил построить град великий, чтобы увековечить свое имя. Как и в предыдущем произведении происходит жестокая борьба между змеем-драконом и двуголовой среброликой птицей *Каек*: она завершается победой птицы над злым демоническим Змеем. Когда царь спрашивает о значении данной сцены, то ворожеи ему говорят, что сей город, как будет достроен на этом месте, прослышет своей значимостью во всей округе. Змей олицетворяет враждебные силы в лице *тёрёксем*, в чьих руках окажется город, а *Каек* — образ Христа, освобождающий горожан от порабощения племенем тюрков. И все заживут богато и счастливо.

Появлению контрастно-изобличительного и революционно-романтического стиха «Змей» способствовали, во-первых, возникшее в среде чувашской интеллигенции революционно-демократическое движение и формирование на его основе революционно-демократической общественной мысли и, во-вторых, знакомство Шелеби с революционно-романтическими произведениями М. Горького «Буревестник» и «Песнь о Соколе». Но, в отличие от горьковских образов-символов, *Каеку* и Змею Н. Шелеби не достает «соколиного» и «буревестнического» пафоса и страстности, чтобы выйти за сказочные рамки. Его *Сёлен* — представитель самодержавия-кровопийцы. Автор в условно-романтической форме нарисовал два образа-символа, олицетворяющих Тьму и Свет. Огромный Змей, выползший на землю, и Солнцеликая *Каек* схватились в смертельной битве. По мнению автора, господствовать змею-чудовищу остается недолго, скоро придет и его погибель. Поэт верит в победу *Каека* — в торжество Свободы и Света²¹.

Таким образом, в данных произведениях мифонимы *Каек* и *Сёлен* (особенно последний) выступают как антитезные и контрастные персонажи, вобравшие в себя социально-политическую окраску и функции.

К наиболее успешным произведениям, созданным Н. Шелеби на основе фольклорно-мифологических сюжетов, можно отнести легенды «О Билярском Валеме-хузя» и «Сказание чувашей об основании города Константинополь», лиро-эпическую поэму «О взятии Аксак Тимуром [города] Биляр» и балладу «Эссебе» (1925 г.) и др. В этих разножанровых произведениях поэтом умело использован целый спектр демонологических персонажей. Черти, упыри, другие злые духи, хотя и обитают в своей inferнальной среде, но автором они представлены как привычные земные и сценические персонажи, ничем не отличающиеся от будничных героев и образов. Персонификации подвергнуты и неживые предметы окружающего мира.

Упомянутые произведения, исходя из идейного содержания и сюжетов, относятся исследователями к полуисторическим сказочным работам²².

Одной из ранних публикаций дореволюционного периода считается легенда «*Пўлрти Валем-хуҫа ҫинчен*» («О Билярском Валеме-хузя»). Она анализируется в статье И.И. Одюкова достаточно глубоко²³. Наша задача состоит лишь в том, чтобы подчеркнуть использование поэтом в легендестихе народных преданий и сказаний о Валеме-хузя как о киремете, как о демонониме-персонаже из чувашского пандемониума.

В основу своего произведения Н. Шелеби положил чувашские мифы и предания о *киреметах*, названия которых происходят от фамилий или имен мусульманских духовных лиц. Они, по чувашским поверьям, после смерти причислялись к святым и добрым силам, а впоследствии превращались в киреметей. Первоначально киреметам поклонялись как месту пребывания духов этих святых людей, а затем, в результате трансформации и наслоения отрицательных свойств и качеств, указанные святыни заменяются местом жертвоприношения злым духам. В легенде Валем-хузя выступает в облике седобородого, седовласого старика, ему приписывают колдунские качества: он незаметно проникает в церковь (которая находится в Иерусалиме), моментально исчезает и появляется, как сказочные пери или джинны у тюркских народов, в один миг доставляет на себе рассказчика²⁴ из Иерусалима в болгарский город Биляр (ныне Билярск). Исторические документы и летописи в действительности рассказывают об одном из великих святых — шейхе Волжской Булгарии и миссионере-проповеднике магометанской веры — Ма'люм-Ходже, который за свои заслуги после смерти был похоронен на вершине горы в Билярске²⁵. Имя соответствует чувашскому *Валем*, *Валём*, *Малём-хузя*²⁶. В легенде говорится, что Валем-хузя считал себя посланником Всевышнего, что после смерти его следует похоронить со всеми почестями на горе под Билярском, куда будут ходить люди со всей округи, чтобы поклониться ему, так как ему предрешиено оберегать род людской от всякой нечисти и злых сил. Со временем место захоронения проповедника-миссионера ислама перешло сначала в разряд святого места, а затем закрепилось как место поклонения духу злобы — киремета²⁷. В таком толковании легенды о Валеме-хузя дошли и до нас, которые Н. Шелеби и расписал в своей

легенде. Она свидетельствует о богатстве и разнообразии чувашской устной несказочной прозы о киреметах сначала как о добром божестве, а затем и как о злом духе-силе.

К числу так называемых «исторических сказок», описывающих путем художественного воспроизведения отдельных событий из истории чувашского народа на основе материалов устно-поэтического творчества, рассказов устной несказочной прозы и мифологии, относится и лиро-эпическая поэма «*Уксак Тимёр Пулере илли синчен*» («О взятии Аксак Тимуром [города] Биляр»)²⁸. Данное произведение частично анализировано М.Я. Сироткиным²⁹, более подробно — И.И. Одюковым³⁰.

Из поэмы нами будет рассмотрен один из персонажей «мира людей», но имеющий непосредственную связь с «потусторонним миром, миром царства смерти и зла». Это — колдунья и ведьма-старуха, выступающая и в роли вубыра: она во время сна людей «петлей их души», «И клюкой своею бьет...», «Говорят, она ночами Варит зелено вино, Говорят она с чертями Хороводит заодно; До рассвета пляшет, скачет, Точно ведьма, с помелом; Как сова, хохочет, плачет У неверных под окном»³¹ и т.д.

В основу сказания поэт положил распространенные у чувашей мифы и легенды о бедствиях, принесенных их предкам монгольским нашествием: город Биляр, осажденный неприятелем, не сдается врагам, но по совету ведьмы-старухи Аксак-Тимуру удается устроить невиданный пожар в крепости, взять город и уничтожить все булгарское население. Сюжет одного из памятников литературы Киевской Руси «Повести временных лет» (XII в.), известный как «Хитрость княгини Ольги», в своей легенде Н. Шелеби использует в качестве основного мотива. Эта вубыр-колдунья, как и подобает ее природным функциям и социальному статусу, — единственная виновница всех бед и несчастий булгарского народа. Сама поэма композиционно построена на мифосюжетах, объединенных в единую стройную систему, и состоит из двух частей:

Первая. Описание в стихотворной форме сведений о булгарском государстве: восхваление одного из главных городов Волжской Булгарии — Биляра; использование в легенде народных сказаний и преданий о разгроме и уничтожении великого города булгар монголо-татарскими завоевателями. (Как утверждают историки, город Биляр в первый раз разрушен в 1236 г. войсками Батыя, затем — золотоордынскими ханами и эмирами Булат Тимуром (1361 г.) и Аксак Тимуром (1395 г.), после этого город не сумели восстановить³²; упоминание о булгарском царе и его детях; упоминание о курганах-могильниках.

Вторая. Собственно народные мифы, легенды и предания, переложенные в стихотворной форме, использованы автором для художественного и поэтического воспроизводства событий тех лет, создания на их основе эпического авторского произведения. В легенде Николаем Шелеби использованы мифы и предания, легенды и устные сказы: о ведьмах-вубырах, которые давят человека; об использовании птиц с целью устройства пожара (о военной хитрости): из фольклора сюжет вошел в литературу, а затем через литературные источники — в фольклор; о превращении дочек булгарского царя в лебедей; о волшебной шапке царя булгар. Налицо использование русского варианта о шапке царя Мономаха.

Таким образом, хотя поэма написана в лирико-эпическом жанре и на основе традиций и сюжетики фольклорных источников, она представляет ценность как попытка историко-художественного описания поэтом части истории чувашского народа.

«*Эссене*» (Эссебе) — баллада, написанная Н. Шелеби на основе чувашских народных преданий и сказочных сюжетов. По мнению фольклориста И.И. Одюкова, анализировавшего данное произведение, в балладе отразились образы родоначальниц матриархальной формы правления исторической общности людей (ср. представления о вубырах-женщинах), разные формы брачной нормы, начиная от коммунальной общности или семьи (гетеризм) через *эндогамию*— *полигамию*— *экзогамию* до моногамных союзов женщины с мужчиной³³ (курсив И.И. Одюкова. — В.Е.).

По своей композиции и сюжету баллада напоминает «Красавицу Чегесь» Н. Шубоссинни и «Змея-соблазнителя» М. Данилова и состоит из описательной части (I), собственно мифопреданий и легенд (II), а также сказочных сюжетов и мотивов (III).

В первой части рассказывается о достоинствах и героических (мудрых, житейских) поступках Эссебе.

Вторая часть включает следующие мифы, предания и легенды:

1) космогонические, в которых запечатлены трансформированные образы и персонажи обитателей подземного царства — духов (*усалов*, *шуйтанов*) и мотивы оборотничества, упоминания о душах. В легенде таковым является прибытие героя в «лесной дом», который огорожен железным забором. Оборотничество свойственно представителям «нижнего мира» в качестве связующего звена верхнего, земного и нижнего миров; 2) этиологические, связывающие Эссебе со свойствами растений, деревьев и рощ, которые по появлению героя приобретают более культурные признаки. Сюда же относятся поверья-рассказы о происхождении девушек-духов (пери); 3) культовые, рассказывающие об обрядах и обычаях, таковыми в легенде выступают брачные нормы-поведения Эссебе в подземном царстве 41 девушки; 4) тотемические, знакомящие с более поздними вариантами: об охоте Эссебе на животных, о знании им языка птиц и зверей, что благоприятствует удачной охоте; 5) генеалогические, повествующие о родоначальниках человеческого общества, в легенде ими выступает Яснолунноликая дева — «царица душ мертвых всей страны», — предводитель матриархальной формы управления человеческим родом, племенем или фратрией; 6) легенды, связанные с шаманскими мифами. Мотивы указанных мифов сохранены в упоминаниях о преследовании Девой-царицей героя своими сексуальными притязаниями, об избрании Эссебе в качестве будущего своего супруга и будущего главы семейства; 7) героические, фиксирующие жизнь и приключения Эссебе: испытание его злыми духами и силами в образе грозных туч и вихря, брачные отношения с царицей 40 девушек, обитающих в царстве мертвых.

Третья часть представлена следующими сюжетами и мотивами:

1) сюжет о чудесном противнике (Андреев, 300—399)³⁴, присутствуют мотивы: мужчина (парень) живет у жены (подруги), герой насильно уведен девушкой (злым духом) и находится у нее дома; 2) сюжет о полете на летучих змеях. Такие мотивы встречаются в сказках типа «Чудесная

сила или знание (уменье)» (Андреев, 650—699); 3) сюжет «Язык животных», входит в разряд волшебных сказок под названием «Чудесная сила или знание (уменье)»: юноша (герой) знает язык животных, птиц и зверей, что помогает ему в жизни; 4) сюжет «Чудесный помощник» (Андреев, 500—559), где соединены подсюжеты: о трех царствах с мотивами — герой ищет приключения (выходит на охоту), теряет дорогу домой, встречает в лесу золотой (серебряный, медный) замок (дворец, дом); об Иване-царевиче и сером волке с мотивами — благодаря своему коню Эссебе попадает в сказочный дом, он использует *саламат* (нагайку), коня пожирают львы; о подводном мире (царстве) в соединении с сюжетом «Аленький цветочек» (Андреев, 677, 425 С) с мотивами — герой в волшебном доме (дворце), знакомство с обитателями дома, удивляется изобилию и гармонии в помещении, герой узнает о судьбе 40 и 1 девушки, любовная связь Эссебе с Девой-царицей, ее действия по заполучению Эссебе для соединения душ, свадьба и совместная жизнь.

Как видим, баллада насыщена сюжетами и мотивами как устной сказочной, так и несказочной прозы. Принципы использования их схожи и одинаково выдержаны. Они подчеркивают высокий уровень художественного мастерства поэта, обогащают созданное им произведение, делают его более привлекательным и поэтичным.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать ряд выводов:

I. Чувашская изустная литература является малоизученной областью чувашского литературоведения. Она представляет собой словесное импровизаторское творчество профессиональных мастеров-сочинителей, где находят отражение не только народно-художественные традиции, но также мировосприятие и морально-этические и эстетические идеалы художника слова, его художественно-творческий опыт и индивидуальные особенности, манеры и стиль художественных произведений.

II. Чувашская изустная литература насчитывает более чем 400-летнюю историю. Она представлена творчеством *юрăçă*, *такмакçă*, *халаңçă*, *юмахçă* и других импровизаторов чувашского словесного искусства.

III. Как первая историческая форма чувашской художественной литературы изустное авторское творчество сыграло большую роль в становлении и развитии чувашской письменной словесности. В этом ключе Н.И. Полоруссов-Шелеби является не только известным народным поэтом, но и выдающимся мастером изустного слова. Творчество великого *халаңçă* и *юрăçă* многогранно. В его произведениях со всей ясностью и реальностью проявилось умелое использование присущих народному творчеству сюжетов и образов. Связь с народно-поэтическими традициями осуществляется через: пересказ фольклорных жанров (мифы, предания, сказки, песни, малые жанры), использование фольклорных образов и сюжетов (мифических, эпических, песенных, афористических), преобразования, аналогии фольклорным образам, мотивам и элементам поэтики, что говорит о разностороннем, творческом и глубинном восприятии народным поэтом Николаем Шелеби наследия чувашского устного народного творчества.

IV. Благодаря мастерству Николая Шелеби широкую известность получили такие жанры изустной литературы, как *юрă* (песня), *халап*

(предание, сказание), *эпосла поэма* (эпическая поэма), *юмах* (сказка). Он не только собирал тексты большинства фольклорных жанров, но и занимался их изучением и обработкой, пересказыванием и изложением в стихотворной форме. Известный поэт и сказитель приложил много усилий для развития песенного жанра чувашской изустной поэзии.

Примечания

¹ *Родионов В.Г.* Генезис и эволюция чувашского стиха: Дис. докт. филол. наук. М., 1992; *Артемьев Ю.М.* Просветительство и развитие чувашской литературы: Дис. докт. филол. наук. М., 1993; *Федоров Г.И.* Своеобразие художественного мира чувашской прозы 1950—1990-х годов: Дис. докт. филол. наук. Казань, 1997; *Метин П.Н.* Историко-жанровое развитие комического в чувашской литературе: Дис. докт. филол. наук. Чебоксары, 2001; *Ермакова Г.А.* Эстетические основы художественного мира Г.Н.Айги: Дис. докт. филол. наук. Чебоксары, 2004; *Романов В.Н.* Идеино-художественное своеобразие чувашской литературы конца XIX—начала XX вв.: Дис. канд. филол. наук. Чебоксары, 1998; *Ендеров В.А.* Функциональное многообразие демонологических персонажей в чувашской словесной культуре конца XIX—начала XX веков: Дис. канд. филол. наук. Чебоксары, 2000; *Васильева Л.А.* Становление и развитие художественного повествования в чувашской прозе XVIII—начала XX веков: Дис. канд. филол. наук. Чебоксары, 2000; *Мышкина А.Ф.* Внутренний мир чувашской художественно-публицистической повести 50—90-х годов: Дис. канд. филол. наук. Чебоксары, 2002; *Ильина Н.Г.* Поэтический мир современной чувашской лирики: Дис. канд. филол. наук. Чебоксары, 2002; *Никифорова В.В.* Особенности художественной прозы Юрия Скворцова: Дис. канд. филол. наук. Чебоксары, 2002; *Абрамов В.А.* Становление и развитие чувашской повести: Дис. канд. филол. наук. Чебоксары, 2002; *Игнатьева Е.А.* Формирование и развитие жанров чувашской эпической поэзии: Дис. канд. филол. наук. Чебоксары, 2003; *Ермилова Е.В.* Истоки и формирование жанров чувашской литературы XVIII—XIX вв.: Дис. канд. филол. наук. Чебоксары, 2003; и др.

² *Васильев Н.* Краткий очерк истории чувашской литературы. М., 1930. С. 15; *Сироткин М.Я.* Очерки дореволюционной чувашской литературы. Чебоксары, 1967. С. 66; и др.

³ *Родионов В.Г.* Виктор Вишневский и этапы становления чувашской письменной культуры. Чебоксары, 2004. С. 40.

⁴ Там же.

⁵ *Марр Н.Я.* Академик С.Ф.Ольденбург и проблемы культурного наследия // Сергею Федоровичу Ольденбургу: К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1881—1931: Сб. статей. Л., 1934. С. 11.

⁶ *Идельбаев М.Х.* Изустная литература в системе башкирской словесности: Автореф. дисс. докт. филол. наук. Уфа, 2001. С. 11.

⁷ *Сироткин М.Я.* Очерки дореволюционной чувашской литературы. Чебоксары, 1967; *Иванов И.И.* Литературоведение и фольклористика в Чувашской АССР // Развитие общественных наук Чувашии за годы советской власти: Труды ЧНИИ, вып. 100. Чебоксары, 1980. С. 99—111; *Канюков В.Я.* От фольклора к письменности (Ранняя чувашская литература и народное творчество). Очерк литературно-фольклорных отношений. Чебоксары, 1971; *он же.* Развитие литературы и народные художественные традиции: Проблемы литературно-фольклорных отношений. Чебоксары, 1979; *Одюков И.И.* Фольклорные традиции в творчестве М. Сеспеля // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 51. Чебоксары, 1971. С. 196—205; *Артемьев Ю.М.* Чувашская литература: Учебник для X—XI классов русскоязычных школ. Чебоксары, 2003. С. 4—21; и др.

⁸ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. III. Ед. хр. 44. Инв. № 414. Папка «Учет сказителей».

⁹ *Родионов В.Г.* Виктор Вишневский и этапы... С. 11.

¹⁰ Там же. С. 44. Сноска 26.

¹¹ *Федотова Е.В.* Истоки и формирование жанров чувашской литературы XVIII—XIX вв. Чебоксары, 2006. С. 17.

¹² *Родионов В.Г.* Указ. раб. С. 11.

¹³ *Аверинцев С.С.* Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. М., 1986. С. 104—116.

¹⁴ *Родионов В.Г.* Чувашская литература XVIII—XIX вв. // *Родионов В.Г.* Чаваш литератури. XVIII—XIX ёмёрсем. Вёренĕ пособийĕ. Шупашкар, 2006. С. 460.

¹⁵ Хусаинов Г.В. Проблемы изучения башкирской литературы // Из истории башкирской литературы. Уфа, 1975. С. 8—42; Идельбаев М.Х. Изустная литература в зеркале истории: Монография. Уфа, 1999; он же: Башкирская изустная литература: Монография. Уфа, 2000; он же: Изустная и рукописная башкирская литература второй половины XVIII в. // Учитель Башкирии. 1979. № 11; он же: Башкирская проза второй половины XVIII в. // Проблемы изучения башкирских литературно-публицистических и фольклорных источников. Уфа, 1987; и др.

¹⁶ Стеблева И.В. Поэтика древнетюркской литературы и ее трансформация в раннеклассический период. М., 1976; Габдуллин М. Изустная литература казахского народа. Алма-Ата, 1974; Турсунов Е. Представители создателей казахской изустной литературы. Алма-Ата, 1976; Гаджиев А. Реализм в литературах советского Востока. Баку, 1978; Максегов К. Фольклор и литература. Нукус, 1975; и др.

¹⁷ Цит. по автореферату: Идельбаев М.Х. Изустная литература в системе башкирской словесности... С. 3.

¹⁸ Там же. С. 11.

¹⁹ Родионов В.Г., Ендеров В.А. Чăваш халăх сăмахлăхĕ: Лекцисен курсĕ. Шупашкар, 2004. 210 с.

²⁰ Сироткин М.Я. Николай Иванович Полоруссов (Шелеби) (Критико-библиографический очерк). Чебоксары, 1956. С. 41.

²¹ Революйичченхи чăваш литератури. Текстсем. II том, 1 кĕнеке. Шупашкар, 1988. 210—211 с.

²² Одюков И.И. Поэт-фольклорист пултарулăхĕ // Чăваш халăх поэчĕ Николай Иванович Полоруссов (Шелепи): Ст. пуххи. Шупашкар, 1982. 65—99 с.

²³ Там же. С. 86—99.

²⁴ Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1991. С. 185—186; Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 томах. Второе изд. Том 2. М., 2000. С. 374.

²⁵ Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен / Сост. Н.И.Золотницкий. Казань, 1875. Приложение III. С. 151. Сноска 43.

²⁶ Ашмарин Н.И. Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш // Ашмарин Н.И. Чувашская народная словесность: Исследования. Автобиография, воспоминания. Письма / Сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары, 2003. С. 177.

²⁷ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. V. Чебоксары, 1930. С. 162; Вып. X. Чебоксары, 1936. С. 79; Дмитриев В.Д. Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. Второе, доп. изд. Чебоксары, 1993. С. 64.

²⁸ Шелеби Н.И. Чувашская песня. Стихи. Чебоксары, 1955. С. 80—94.

²⁹ Сироткин М.Я. Николай Иванович Полоруссов ... С. 20.

³⁰ Одюков И.И. Поэт-фольклорист пултарулăхĕ... С. 77—86.

³¹ Шелеби Н.И. Чувашская песня... С. 81.

³² Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа. 3-е изд., перераб. Чебоксары, 2003. С. 308—313; Дмитриев В.Д. О волжско-камском и казанском этапах этногенеза чувашей // Дмитриев В.Д. Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа: Сб. статей. Чебоксары, 2004. С. 75—110; он же: Опустошение Болгарской земли в конце XIV— начале XV вв. // Известия НАНИ ЧР, 1996. № 2. С. 45—76. Вот как описывает события 1361 г. В.Д. Дмитриев: «...в 1361 г. ордынский князь Булат-Тимур занял Болгарскую землю, провозгласив ее самостоятельным княжеством. Начались разорительные нападения на нее ханских войск» (С. 78).

³³ Одюков И.И. Поэт-фольклорист пултарулăхĕ... С. 68—74.

³⁴ Сказочные сюжеты даются по книге: Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.

V.A. Enderov. Oral literature in Chuvash verbal art: to problem statement.

The present article is an attempt to perceive features, place and role of Chuvash oral literature in the system of verbal art, regularity of its development as a branch of Chuvash people art thinking at various historical stages. The term «oral literature» corresponds to Chuvash «халăх сăмахлăхĕ литература» where the type of literature is indicated. Authors of Chuvash oral literature were юрăçă, такмакçă, халаçă, юмахçă and other masters of verbal improvisation.

Речевой этикет языков народов России до 60-х гг. XX в. не был объектом специального изучения. К тому же термин «речевой этикет» в русистике появился только в 1967 г. Его ввел В.Г. Костомаров (в тюркологии и финно-угроведении соответствующие термины появились значительно позже). Научное изучение системы речевого этикета в языке и речи было начато в СССР с 60-х гг. XX в. (с работ Н.И. Формановской, А.А. Акишиной, В.Е. Гольдина). В данное время проблемы речевого этикета изучаются в рамках социолингвистики, этнолингвистики, культуры речи, стилистики¹, семиотики, этнологии, лингвострановедения, лингвокультурологии и т.д.

Речевой этикет, в узком смысле, представляет собой систему формул, обеспечивающую принятое в данной среде, среди данных людей и в данном случае включение в речевой контакт, поддержание общения в избранной тональности. В широком смысле он — совокупность правил речевого поведения, речевых разрешений и запретов, связанных с социальными признаками говорящих, обстановкой и стилистическими ресурсами языка. Речевой этикет задает коммуникантам рамки речевых правил, определяющих пределы проходящего общения². При исследовании вербальных средств этикетного общения (далее ВСЭО) чувашского языка следует исходить из понимания термина «речевой этикет» в широком смысле, т.к. только при таком подходе появляется возможность выявления наиболее характерных черт, этикетных особенностей межличностного общения. В данной статье автор преследует цель выявить и описать функции и типы широкоупотребительных в языке и речи, но малоизученных в чувашском языкознании (и в тюркологии в целом) ВСЭО.

При межличностной коммуникации людям свойственно употреблять разные формулы речевого этикета (далее ФРЭ). Употребляемые в процессе общения вербальные средства этикетного общения, независимо от того, какой стиль: нейтральный (повседневный, обыденный), или высокий (официальный, торжественный, деловой), или сниженный (шутливый,

Александр Валерьянович Кузнецов — кандидат филологических наук, ученый секретарь Чувашского государственного института гуманитарных наук.

фамильярный) общения придерживается, в зависимости от социолингвистического, стилистического или иного подхода к исследованию, а также в зависимости от выполняемых *функций*, целесообразно разделить на двадцать (возможно, и более) видов ВСЭО: 1) «Обращения и привлечения внимания»; 2) «Приветствия»; 3) «Знакомства»; 4) «Приглашения»; 5) «Просьбы»; 6) «Совета и предложения»; 7) «Согласия или отказа в ответ на просьбу»; 8) «Согласия или несогласия с мнением собеседника»; 9) «Извинения»; 10) «Жалобы»; 11) «Утешения, сочувствия, соболезнования»; 12) «Комплимента, одобрения»; 13) «Упрека, неодобрения»; 14) «Поздравления»; 15) «Пожелания»; 16) «Благодарности»; 17) «Проклятия»; 18) «Прощания»; 19) «Запрета, табу» и 20) «Тоста, застольных речей, здравиц». ВСЭО, выражающие проклятие, также необходимо рассматривать в рамках этикетного общения, т.к. они, в определенном смысле, выполняют те же функции в общении, что и ВСЭО с положительной коннотацией, т.е. служат для установления контакта между двумя или более коммуникантами; регулируют стиль общения; выражают волеизъявление коммуникантов; побуждают общающихся к определенным действиям; служат для привлечения внимания; выражают отношение (и чувства) к адресату; выражают отношения к обстановке общения и т.д.

В статье «О типологии речи» А.А. Холодович указывает на то, что область поведения человека, «в которой доминирующую роль играет язык, можно назвать языковым поведением. В лингвистической литературе ряда стран принято говорить в этом случае о языковом существовании»³. Исследователь в данной работе приводит пять признаков идентификации (*средство выражения; коммуникативность; ориентированность; квантифика-тивность (потенциал); контактность*) речевого поведения, которые, на его взгляд, являются самыми первыми «вопросами» анкеты, совокупность которых можно интерпретировать как сумму дифференциальных признаков, позволяющих при надлежащем наборе их идентифицировать любой акт речевого поведения. А.А. Холодович отмечает, что он имел цель привлечь внимание к вопросу языкового поведения, «предложив в самом общем виде <...> типологию форм языкового существования. Используя накопленный в нашем языкознании опыт, можно разработать для этого случая типологическую анкету, каждый вопрос (= признак идентификации) которой имеет минимум два альтернативных ответа (= значения, принимаемые признаком)»⁴.

Из пяти признаков идентификации речевого поведения человека первым является средство выражения речевого акта. «Этот признак принимает три значения: звук, письменный знак, жест»⁵. Но если считать, что жест супraseгментный элемент (лишь в некоторых случаях приобретает автономную роль), то данный признак является двужначным, причем звук и письменный знак без особых трудностей перекодируются друг в друга⁶ (ср.: *сас’па вулани* «чтение вслух», *каланине сырса хуни* (или *пыни*) «записывание сказанного»). В результате этого мы произнесенную кем-нибудь формулу **извинения** (*Ай’ап ан тусам’р!* «В вину не ставьте!»), **благодарности** (*Сёре сити тайма ну’сана!* «Сердечно благодарю тебя!» (букв. «до земли преклоненная голова тебе»)), **утешения, сочувствия, соболезнования** (*Мён тай’ан ёнтё!* «Что поделаешь!») и т.д. можем записать

на бумагу, внести в компьютер и т.п. Это относится не только к формулам речевого этикета. При этикетном общении, кроме жеста (в широком смысле, включая движение руками, телодвижения, мимику), большое значение имеет другая суперсегментная единица — интонация. Но при перекодировании звука (произнесенной в потоке речи формулы речевого этикета) в письменный знак данный элемент обычно не фиксируется. При обратном перекодировании (чтении записанного) на достаточном уровне владеющие данным языком читатели без всяких трудностей правильно подбирают необходимую интонацию, т.к. с детства знакомы с правилами этикетного общения, хотя никто с ними не проводил специальных занятий по этикету. Знакомство с основами традиционного этикета происходит автоматически, в повседневной жизни, при общении со старшими родственниками, соседями и пр. Только при необходимости соблюдения (и освоении) правил современного европейского этикета при возвышенном (официальном, деловом) стиле общения указывают на особенности поведения, ввиду того, что в сельской чувашской среде соблюдаются совсем иные критерии поведения.

Следующим признаком идентификации речевого поведения человека является коммуникативность речевого акта. Данный признак имеет два уровня и на каждом из уровней принимает два значения: на первом уровне выделяют наличие коммуникативности и отсутствие коммуникативности; на втором уровне всякий речевой акт, направленный на партнера, может быть непосредственным или опосредованным.

В свою очередь наличие коммуникативности само представлено двумя⁷ или же тремя⁸ случаями. При «первом случае речевой акт осуществляется, но отсутствует партнер и его присутствие не предполагается. Во втором случае партнер налично, и, таким образом, имеет место «говорение (написание)» и «слушание (чтение)»⁹. Третью, особую ситуацию представляет речевой акт, при котором имеется псевдопартнер (наблюдается при обращениях к Богу, божествам, силам природы, душам умерших и т.д.).

По укоренившимся правилам, должны соблюдаться условия, делающие единицы речи этикетными, наличие адресата и адресанта и речевое действие, происходящее в данное время, на данном месте, т.е. при этикетном общении должны соблюдаться следующие прагматические координаты: «я — ты — здесь — сейчас». Из приведенных ситуаций нас интересуют второй и третий случаи. Хотя в третьем случае координата «ты» вроде бы отсутствует, но обращающийся **к Богу** (*Эй, Сўлти Турă!* «Эй, Всевышний Боже!»), **к душам умерших** (*Эп пёлни, эп пёлменни; ватăлса вилни, самрăклах вилни, сарăмсăр вилни, вăрçара вилни... Тутă сўрёр! Вăхăтра килсе, вăхăтра кайăр!..* «Известные мне, неизвестные мне; состарившись умершие, молодыми умершие, внезапно умершие, на войне погибшие... Сытыми ходите! Вовремя приходя, вовремя уходите!..») и т.д. искренне верит в существование невидимого, неосязаемого партнера; верит, что его слышат. В данном случае на первый план выступает магическая функция языка.

Переходя к ситуации, при которой «всякий речевой акт, имеющий партнера, может быть либо непосредственным, либо опосредованным»¹⁰, необходимо отметить, что при непосредственной коммуникации имеются говорящий и партнер (два «конца» — ● — ●), а при

опосредованной коммуникации — говорящий, посредник и партнер (три «конца» — ● — ● — ●). Первую ситуацию мы наблюдаем в большинстве ситуаций этикетного общения, при **обращении и привлечении внимания** (*Люда! Энэ кунта!* «Люда! Я здесь!»), **приветствии** (*Сывах-и?* «Здоров ли?»), **знакомстве** (— *Эсэ Иван Волочён ывайлэ марччэ-и-ха?..* — *Савй.* — *Энэ инкун иккёмёи сыпакри шайлэ пулатан...* *Ольош ятли...* *Астумастан пулэ мана...* «— Ты не сын Владимира Ивановича?.. — Да. — Я младший из двоюродных братьев твоей тёти... Алёша... Меня не помнишь, наверное...»), **приглашении** (*Пирён пата сйра ёсмейкён пымалла!* «К нам надо прийти пиво пить!»), **поздравлении** (*Суралнй кун ячёе чунтан-чёререн саламлатан!* «От всей души поздравляю с Днем рождения!»), **проклятии** (*Сёр сйттар сана!* «Пусть тебя земля проглотит!») и т.д. При этикетном общении ситуация, при которой имеются три «конца», главным образом встречается при передаче **просьбы** (*Асуна кала-ха, май пулсан, Хёветёр патёиче выртакан вйрам савана илсе килтёр...* «Скажи отцу, если у него будет возможность, пусть принесет фуганок, лежащий у Федора...»), **благодарности** (*Куккуна ман ятран тав ту...* *Пысак пулайу кучё вай ман хёрёме...* «Дядю поблагодари от моего имени... Большую помощь оказал он моей дочери...») и т.п.

Что касается ориентированности речевого акта, то она принимает два значения: переходность и взаимность. В первом случае участвует только одна сторона [(один только говорит (пишет), второй только слушает (читает)], а во втором случае в речевом акте участвуют две стороны попеременно. В рассматриваемых нами разных этикетных ситуациях всегда участвуют обе стороны (вторая ситуация) попеременно. Этот признак речевого акта можно показать в виде следующего графа: ● ⇄ ●¹¹.

Данный признак (двунаправленность речи) особенно ярко проявляется в ситуации приветствия по правилам традиционного восточного этикета. В научной литературе достаточно хорошо освещена ситуация приветствия в монгольском языке. Исследователь традиционной культуры монголов Н.Л. Жуковская пишет, что «форма приветствия агинских бурят, пожалуй, сохранила более архаическую форму, которая в прошлом, вероятно, встречалась и у монголов. Диалог гостя и хозяина, приводимый ниже, наглядно показывает, как древний обмен магическими формулами приветствий превращается в монотонную и скучную <...> (по современным понятиям. — А.К.) повинность.

Гость: *Здорово!*

Хозяин: *Здорово!*

Гость: *Здоровы ли и благополучно ли живете?*

Хозяин: *Здорово и хорошо.*

Гость: *Вы здоровы и благополучны?*

Хозяин: *Ничего, хорошо живем.*

Гость: *Стадо здорово и хорошо ли?*

Хозяин: *Здорово.*

Гость: *Ваше стадо здорово ли и хорошо ли?*

Хозяин: *Вполне хорошо.*

Гость: *Что нового есть?*

Хозяин: *Ничего нового нет...*»¹² и т.д.

Аналогичные монгольскому пространные тексты приветствия (и прощания) в недавнем прошлом, вероятнее всего, были широко распространены у всех тюркских, монгольских, иранских и др. народов Востока, в эллиптированном виде они сохранились во многих этнических традициях. Диалогическая форма приветствия существует и в настоящее время, но мы их оставляем без внимания, и в лингвистических исследованиях прибегаем лишь к усеченным формам типа «сывай-и?», «салам», хотя за ними скрывается целый пласт духовной культуры народа.

Но полные формы вполне можно реконструировать по фрагментам, выявив общую для фольклора Востока закономерность сужения образов при приветствии:

Гость: *Аван-и?* «Как поживаете?»

Хозяин: *Чиперех-ха, аванах...* «Пока благополучно, хорошо..»

Гость: *Брй-сывах-и?* «Здорово ли поживаете?»

Хозяин: *Антрамасть, лайахах пурянтпйр-ха...* «Не страдаем, хорошо живем пока...»

Гость: *Мён сённи пур?* «Что нового?»

Хозяин: *Эй, мён сённи пултйр пирён? Пурнатпйр-ха пёр тикёс...* «Эй, что нового может быть у нас? Живем все так же без изменений...»

Гость: *Сёнё хыпар пур-и?* «Есть новости?»

Хозяин: *Тавах Турра! Хыпар-хйнар сук...* «Слава Богу! Каких-либо вестей нет...» и т.д.

При освещении вопросов, связанных с формами диалогов-приветствий следует иметь в виду, что необходимо отличать ситуации, при которых происходит приветствие: одно дело в повседневной, обиходной жизни, при мимо-летней встрече (краткий вариант), другое — при специальном визите посидеть, побеседовать, третье — когда приходят в гости (или звать в гости и т.п.). В последних двух случаях ритуал приветствия наиболее полный, детальный.

Переходя к четвертому признаку идентификации речевого поведения человека — *квантификативности* (или *потенциалу*) — следует упомянуть о том, что данный «признак принимает два количественных значения: один и много. Дело в том, что число участников речевого общения может быть практически сколь угодно большим; при наличии радиосвязи и спутниковой связи участником одного речевого акта может стать все человечество. Но <...> в каждый данный момент относительно данного акта общения они (участники речевого общения. — А.К.) распадаются на два подмножества, группу, состоящую из одного человека, и группу, состоящую из всех остальных (1 и $n-1$)», но на говорящем (пишущем) «конце канала связи может быть только один человек, а на воспринимающем <...> конце канала связи — любое число людей»¹³. При этом, если учитывать число лиц на воспринимающем конце канала связи, можем говорить об *индивидуальном характере* речевого акта ($\bullet_1 \rightleftharpoons \bullet_1$), который может перейти в массовый, если кто-либо из присутствующих вмешается в разговор двоих людей, или же о его *массовом характере* ($\bullet_1 \rightleftharpoons \bullet_{n-1}$) или ($\bullet_{n-1} \rightleftharpoons \bullet_1$). Как индивидуальный, так и массовый характер речевого акта присущ практически всем ситуациям этикетного общения.

Пятым признаком идентификации речевого поведения является принимающая два значения (**наличие контактности и отсутствие**

контактности (или наличие дистантности)) *контактность* речевого акта. При первом значении речевого акта «партнер» находится «в поле зрения говорящего. В противном случае речевой акт дистантен. Примером дистантного речевого акта может служить беседа по телефону, переписка <...> в области массовой коммуникации, речь по радио (и по телевидению. — А.К.) типа обращения к народу. Примером контактного речевого акта может служить беседа по видеотелефону, обмен записками на собрании, а в области массовой коммуникации — пресс-конференция»¹⁴. Являющиеся предметом нашего исследования формулы речевого этикета одинаково активно употребляются как при контактном, так и дистантном характере речевого акта. Правда, при дистантном значении речевого акта, особенно в области массовой коммуникации, присущая традиционному чувашскому речевому этикету диалогичность приветствия, прощания и т.п. не может соблюдаться.

Если рассмотренные нами признаки идентификации речевого акта (средства выражения, коммуникативность, ориентированность, квантификативность (потенциал), контактность) «логически независимы, то их можно считать дифференциальными признаками речевого акта и на их основе построить типологию речи», что дает нам тридцать два «типа речевого поведения, каждый из которых будет характеризоваться своим набором дифференциальных признаков»¹⁵. Таким образом, мы имеем тридцать два типа речевого поведения, которые имеют место в межличностной коммуникации и, в частности, при этикетном общении.

Кроме этого, ФРЭ чувашского языка, как и многих языков разных систем, бывают двух **типов**: в форме вопроса и директивы. Формулы в виде повествовательных предложений распространены при ответах на вопрос-приветствие, а также в ситуациях знакомства, приглашения, обращения и привлечения внимания, просьбы, совета и предложения, согласия или отказа в ответ на просьбу, согласия или несогласия с мнением собеседника, извинения, жалобы. Чувашами, например, для приветствия, ежедневно употребляются ВСЭО, имеющие как форму *вопросительного предложения (с частицей -и «ли»*: *Юр хыратан-и?* «Снег убираешь ли?»; *Каяс-и?* «Уходишь ли?» и т.д.; **без частицы -и «ли»** (характерно для носителей низового диалекта): *Ёслетён?* «Работаешь?»; *Унталла?* «Туда?» и т.д.), так и *побудительного предложения (Ырă каç пултăр!* «Добрый вечер пусть будет!», *Аллу сăмăл пултăр!* «Рука твоя легкой пусть будет!» и т.п.).

ВСЭО в директивной форме, употребляемые для приветствия, не характерны как для чувашского языка, так и других тюркских, а также монгольских. Подавляющее большинство ВСЭО данной группы является приветствиями-вопросами, а традиционно — пожелания — это ВСЭО, употребляемые при прощании, *Чипер юл(ăр)!* «Счастливо оставайтесь/оставайтесь!», *Телейлĕ сул пултăр!* «Счастливая дорога пусть будет!», *Манса ан кай(ăр)!* «Не забывай(те)!» и т.д.

Как и в большинстве языков разных семей, ВСЭО в современных исследуемых языках подвергаются стилистической дифференциации. Но, ввиду исторически сложившихся обстоятельств, выделяются лишь возвышенный стиль официального и делового общения; нейтральный стиль повседневного общения; сниженный стиль шутливого и фамильяр-

ного общения. Традиционные ФРЭ языков Урало-Поволжского региона в основном нейтральны, так как не было особых социальных условий для их стилистической дифференциации. Нейтральный стиль общения соблюдается практически во всех семьях и при общении родственников, друзей, хороших знакомых (в общении данных категорий коммуникантов может соблюдаться даже высокий стиль), соседей, коллег по работе и т.д. В данной ситуации, независимо от возраста и социального положения коммуникантов, в сельской местности распространена *ты* — форма обращения (исключениями являются обращения учащихся к учителям в школах, редко — подчиненных к начальнику и т.д.).

Следует отметить, что большинство ФРЭ официального, делового, научного и повседневного стилей совпадают. Основное их отличие от стиля повседневного общения заключается в том, что при приветствии и прощании в официальной обстановке чаще употребляются кальки (напр., чув. *Ырă кун!* «Добрый день!», *Ырă сунса кĕтетпĕр!* «Добро пожаловать!», *Телейлĕ сун!* «Счастливого пути!» и т.д.), а также прямые заимствования из русского (*Здравствуйте! До свидания!*).

В ходе исследования было замечено, что выбор ВСЭО зависит от речевых ситуаций, выработанных обществом при установлении и поддержании контакта с другими людьми. Люди с детства приучаются пользоваться необходимыми, уместными в данной ситуации формулами приветствия, прощания, извинения и т.п.

При рассматривании речевого этикета с социолингвистической точки зрения становится очевидным факт объединения носителей языка в группы пользующихся определенным набором общеупотребительных или стилистически ограниченных выражений. Представители разных социальных групп имеют постоянные социальные признаки, среди которых выделяются возраст, социальная принадлежность, уровень образования и др. Вступающие в контакт могут отличаться по национальности, полу, возрасту, вероисповеданию и т.д. В зависимости от этих и др. обстоятельств и ситуаций меняется характер общения. ВСЭО регулируют отношения коммуникантов по шкале «равный — старший — младший», поэтому под ними следует понимать совокупность специальных слов, выражений и предложений, с помощью которых выявляются, поддерживаются и обыгрываются коммуникативные статусы партнеров по общению. ВСЭО сопоставимы с системой культурного сдерживания, т.к. призваны обеспечить вежливое общение неравных партнеров¹⁶.

В русской традиции существует функциональная и стилистическая градация ФРЭ, причем довольно дробная и существенно зависящая от официальности/неофициальности обстановки общения. В традиции народов Урало-Поволжья, в силу определенных социально-политических обстоятельств (ввиду социальной однородности этноса, социальные группы в обществе появились относительно недавно, да и те, которые «вышли в люди», большим числом «обрусели»), такая градация не развилась. Анализ ВСЭО во многих языках указывает на их несущественную зависимость от официальности/неофициальности обстановки общения. Исключения составляют примеры употребления ВСЭО в виде побудительных предложений при высоком стиле общения (*Хисепĕм те сумĕм*

çittĕr sire! «Почет и уважение [мое] пусть будет вам!» и *Хисепĕмĕрсем те чысăмăрсем çитчĕсĕринчĕ!* «Почтения наши и чествования наши пусть будут вам!», *Каçарсамăринчĕ!* «Извините!», *Айăп тумăсăринчĕ!* «В вину да не обратите!», *Айăпа ан хăварăсăринчĕ!* «В виновных да не оставьте!» и т.д., при которых важное место занимают аффиксальные средства (-ăм/-ĕм (афф. принадл. 1 л., ед. ч.); -ăр/-ĕр (афф. 1 и 2 л., мн. ч.); -ин и -ăсă/-ĕсĕ (афф. уступит. накл.); -(ч)чĕ (в тюркологии считают формой недостаточного глагола *и*¹⁷; -сам/-сем (афф., выражающий совет или приказ в вежливой форме, просьбу что-либо сделать) и др.) образования ВСЭО высокого стиля (ср. ВСЭО нейтрального стиля — *Каçар(ăр)!* «Извини(те)!\», *Айăп ан тăвăр!* «В вину не обратите!\», *Айăпа ан хăвар(ăр)!* «В виновных не оставь(те)!\» и т.д.), калек и заимствований (*Ырă кун!* «Добрый день!\», *Ырă каç!* «Добрый вечер!\», *Здравствуйте!* и др.). При неофициальной обстановке общения чувашаи чаще употребляют ВСЭО в форме вопросительного предложения: *Ларас-и?* «Сидеть ли?», *Мĕнле чупатăр?* (букв. «Как носитесь (или бегаєте)?»), «Как здоровье?» и т.д.

В современном чувашском языке встречается употребление эллиптических ВСЭО: *Ну, чипер!* «Ну, счастливо!»; *Салам!* «Привет!» и т.п. при неофициальном общении и синтаксически полные ВСЭО: *Турри сана нумай çул ырă курса пурайма патăринчĕ!* «Пусть Бог ниспошлет тебе долгие годы благополучной жизни!»; *Санăн ĕмĕр тăршиĕпе паянхи пек ырă-сывă пулмалла пултăрчĕ!* «Пусть тебе в течение всей жизни, как сегодня, благополучным и здоровым быть доведется!» и т.д. при возвышенном стиле общения.

Структура социокультурного взаимодействия имеет три аспекта, неотделимых друг от друга: 1) личность как субъект взаимодействия; 2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами и 3) культура как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения. ВСЭО являются одними из зон, испытывающих на себе влияние социальных факторов, регулирующих использование языковых средств. На других участках языковой системы это влияние имеет относительно скрытые и сложные формы. Социальная структура и зависящие от нее принципы взаимоотношений вступающих в коммуникацию людей знакомы всем из практики повседневного общения. Носители языка не должны знать основы социологии, чтобы не нарушать их¹⁸.

Рассматриваемые нами ВСЭО являются системой устойчивых выражений, применяемых при установлении, поддержании и прерывании контакта, и охватывают практически все, что подразумевает доброжелательное отношение к собеседнику, создает преимущественно благоприятную тональность общения. Выбор наиболее уместного ВСЭО составляет правила вступления в речевую коммуникацию.

В современных языках можно выделить до двадцати видов ВСЭО, зависящих от социального положения коммуникантов, их пола и возраста, характера взаимоотношений, места и времени встречи, ситуации вступления в контакт и т.д.

Как известно, речевое поведение представителей той или иной лингвокультурной общности во многих случаях зависит от возраста людей. К

тому же «традиционные и специфические черты наиболее отчетливо и в относительно чистом виде выступают у людей старшего поколения»¹⁹. Под влиянием русского языка в языках Урало-Поволжья распространены такие кальки, как мар. *Поро эр!*, башк. *Хэйерле иртэ!*, чув. *Ырă ир!*, соотв. рус. *Доброе утро!*; мар. *Поро кас!*, тат. *Хәерле кич!*, чув. *Ырă кас!*, соотв. рус. *Добрый вечер!* и т.д. Русские формулы, в свою очередь, скорее всего, являются кальками нем. *Guten Tag!* «Добрый день!», *Guten Abend!* «Добрый вечер!» и т.д.

Влияние русского языка наблюдается в синтаксической структуре устойчивых выражений речевого этикета языков региона. Выражения типа *Ырă кун!* «Добрый день!», *Ырă кас!* «Добрый вечер!», *Телейлĕ сун!* «Счастливого пути!» не характерны для тюркских языков. Для чувашского, татарского, башкирского и др. языков тюркской группы характерно употребление зависящих от ситуации ВСЭО, типа чувашских *Вутă сурас-и?* «Дрова колете ли?»; *Ларатнăр-и?* «Сидите?» и т.д.

Анализ ВСЭО языков Урало-Поволжья показывает, что в данном регионе образовался общий пласт ВСЭО, характерных и тюркским, и финно-угорским, вне зависимости от конфессиональной принадлежности их носителей. В последнее столетие, под влиянием русского языка, наблюдается тенденция к образованию нового пласта ВСЭО.

Сопоставительное изучение ФРЭ ряда народов евразийского культурно-исторического и этнокультурологического региона позволяет выделить, по крайней мере, два самобытных региона распространения форм речевого ЭО — восточный и западный. Так, например, в восточном регионе этикетные приветствия, как правило, носят диалогическую структуру, вопрос — ответ; встречный вопрос — ответ и т.д. При этом, в зависимости от реальной ситуации, текст этикетного приветствия может быть предельно стяженным или же предельно растянутым. Диалог, как правило, строится по схеме так называемого «ступенчатого сужения образов». В западной традиции (франц., нем. и др.) формулы приветствия, как правило, носят директивный и лаконичный характер (ср., напр.: русск. *Здравствуйте!* *Будь здоров!* и т.п.). Между тем русская традиция ЭО в определенном смысле носит как бы промежуточный характер, в ней явно просматриваются как довольно ранние восточные (*Как здоровье? Как поживаете? Как дела? — Хорошо!.. Ничего!.. — А как вы сами?..* и т.п.), так и относительно поздние западные веяния (этот интересный вопрос не входит в круг наших интересов, мы его оставляем славистам).

Не имея возможности непосредственно изучить труды Дж. Остина (J.L. Austin), обратимся к работе Е.А. Падучевой «Высказывание и его связь с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений)» (М.: Наука, 1985. 272 с.), согласно которой американский ученый впервые привлек внимание к тому, что произнесение высказывания может представлять собой и сообщение информации, и совершение других действий. В процессе общения люди не просто строят предложения, а используют их для совершения таких действий, как приказание, обещание, выражение благодарности и т.д., являющихся речевыми актами. Дж. Остин обнаружил существование перформативных предложений, что положило начало теории речевых актов. Перформативными являются предложения, повествовательные по структуре, но обладающие тем свойством, что высказывание,

в составе которого они употреблены, не описывает действие, а равносильно осуществлению этого действия²⁰. Так, высказывание *Кёнеке парър-ха* «Дайте-ка книгу» — просьба, *Бірă кун пултър!* «Добрый день пусть будет!» — приветствие, *Сёт сүлëне кайса пыл сүлëне таврән!* «По молочной дороге отправляясь, по медовой дороге вернись» — пожелание и т.д.

С точки зрения теории речевых актов, произнесение ВСЭО представляет собой речевое действие, или речевой акт, т.е. выполнение конкретного дела с помощью речи. Таким образом, чув. *Тав тăватăн!* (букв. «Благодарность делаю!»), *Тавтануç!* (букв. «Благодарность и поклон!»), *Тав та сире, пуç та сире!* (букв. «И благодарность вам, и поклон вам!»), *Мёлле сăмахсем каласа тав тумаллине те пълместп!* (букв. «Какие слова говоря благодарить тебя, даже не знаю»), *Ёрехмет!* «Спасибо» и т.д. представляют собой небольшую часть системно организованной коммуникативно-семантической группы «Благодарность» чувашского языка и, так как выполняют конкретное дело, являются речевыми актами.

Высказывания, подобные *Я клянусь!* являются актами принятия на себя обязательства, а не описаниями выполняемого акта²¹. Данному высказыванию соответствуют чув. *Туна тăватăн!* (букв. «Клятву делаю»), *Сăмах паратăн!* (букв. «Слово даю») и т.д.

Языковой знак является производимой в целях коммуникации речевой смысловой единицей. Если же языковая смысловая единица производится, например, как средство мыслительной деятельности во внутренней речи, она не является языковым знаком²², т.к. ими могут быть слова, предложения и т.п., являющиеся знаками повседневного языка, производимыми людьми для общения с другими членами общества. Обслуживание коммуникации — основная функция языковых знаковых систем. Но в данном случае выступает другая проблема. Коммуниканты, заговорившие на языках, непонятных друг другу, разрушают структуру диалога, не могут ответить на вопросы, не следуют правилам общения, выполняемым остальными участниками коммуникативного акта. Поэтому речевой этикет исключает подобные тексты из ситуации общения.

Аналогичное утверждение встречается и у зарубежных исследователей знаковых систем. Они предлагают ввести одно уточнение, языковой знак должен быть таким, чтобы его можно было намеренно употреблять в функции коммуникации. В таком случае говорят, что человек «знал, что он делает», что он «намеренно использовал (или не использовал) определенный знак в общении с другими», что он «учел других». Из этих словоупотреблений делается обобщение, «иметь намерение» или «осознавать нечто» эквивалентно «употреблению языковых знаков». Благодаря таким знакам человек способен действовать с учетом последствий для себя и для других и, таким образом, в известной степени контролировать свое поведение. Возможность представить вероятные последствия действия посредством производства языковых знаков становится важным фактором для осуществления или неосуществления действия²³.

Человек живет в обществе и тесно связан с другими членами общества, без общения с которыми не может существовать. Основными средствами общения выступают языковые знаки. Человек сознательно преследует определенные цели, претворяет в жизнь свои намерения.

Общаясь с другими, он употребляет языковые знаки, путем подбора которых добивается от собеседника желаемых результатов. ВСЭО являются знаками повседневного языка, т.к. воспроизводятся десятки раз в сутки (зависит от числа актов коммуникации) и служат для общения людей друг с другом и поддержания общения в нужной тональности.

В зависимости от обстановки общения, цели, поставленной перед собой, адресант обращается к адресату с информацией, с просьбой, с вопросом и т.п. Говорящий специально избирает ту форму предложения (повествовательную, побудительную или вопросительную), которая позволяет достичь намеченного коммуникативного эффекта, воздействия на слушателя в нужном направлении. ВСЭО тематической группы «Извинение», например, позволяют сгладить обострившиеся отношения между людьми. Извинившись за проступок (напр., в автобусе случайно наступил на ногу), один из коммуникантов («провинившийся») может, произнеся одно слово *Каҫарӑр!* «Извините!», предотвратить ругательные высказывания, а то и рукоприкладство со стороны «потерпевшего».

ВСЭО допустимо рассматривать как близкие с условными сигналами знаки. Но основное количество свойств делает их подлинными единицами языка. ВСЭО не произвольны. Они возникли не вследствие искусственного договора между группой лиц, а появились, развились и продолжают развиваться естественно и постепенно на базе существующего языка как вторичные образования²⁴.

Исследования зарубежных ученых показывают, что выражения, подобные чувашскому *Сулу телейӗ пултӑр!* «Дорога твоя счастливой пусть будет!» встречаются только в определенных условиях у пользующихся языком. Так как условия, при которых употребляются подобные слова, невозможно сформулировать в терминах синтаксических и семантических правил, то для данных слов устанавливаются прагматические правила, при которых знаковое средство для людей, разъясняющих смысл выражения, является знаком²⁵.

ВСЭО представляют собой употребление устойчивых формул вежливости, относящихся к знаковой системе этикета, но не порывающих и с речью. К тому же этимология формул легко выявляема. Значения ВСЭО в большинстве случаев основываются на пожелании добра (за исключением пожеланий-проклятий), на других актах доброжелательности (пожеланий-благословений, благодарностей за добрые дела и т.д.). Так, *Тавтануҫ!* (букв. «благодарность и поклон») «Спасибо!» является благодарностью, *Чинер юӑр!* «Благополучно оставайтесь!» — пожелания благополучия при прощании, *Каҫарсамӑр!* «Извините!» — просьба снять вину и т.д.

Как видим, в ВСЭО мотивированность выступает ярко, но для современного употребления первоначальная мотивировка выражений не актуальна. Поэтому ВСЭО допустимо считать системой единиц, привязанных к этикетным ситуациям и примыкающих и к условным сигналам, и к свободно производимым предложениям.

В чувашском языке к условным сигналам примыкают такие выражения, как *Сывӑ-и?* (букв. «здоров(ы) ли?») «Здравствуй(те)», *Салам!* «Привет!» и т.д. и / или рукопожатие, приподнимание руки и взмахи им, кивок головой и т.д. К свободно производимым предложениям близки такие

чуваши́ские приветственные ВСЭО, как *Хисепём те сумам ситтёр сире!* «Почет и уважение [мое] пусть будут вам!» и *Хисепёмёрсем те чысáймáрсем ситчёрёсинччё!* «Почтения наши и чествования наши пусть будут вам!» и т.д.

Ученые указывают на то, что в процессе функционирования и частого применения устойчиво закрепленные за ситуациями единицы фразеологизировались, стали «синтаксическими окаменелостями», но, несмотря на это, ВСЭО как незамкнутая, открытая микросистема ситуативных тематических групп постоянно пополняется из фонда «свободных» высказываний и сама питает «свободную» область единиц собственными модельными образованиями²⁶.

В чувашском языке *Сёнь сул ячёпе саламлатп!* «Поздравляю с Новым годом!» — *Сёнь сул ячёпе!* «С Новым годом!», *Экзамен тытнá ятна!* «Со сдачей экзамена!» и т.п. ВСЭО как подлинны́е знаки языка образуют богатые синонимические ряды в тематических группах. ВСЭО тематической группы «Извинение», например, подвержены стилистической и социолингвистической дифференциации: *Касар!* «Извини!», *Касарсамáр!* «Извините [вы]!», *Айáп ан тумáсáринччё!* «В вину не ставьте!» и т.д.

Семиотическая классификация выделяет дейктические знаки, которые, не являясь названиями лиц, предметов, выделяют и дифференцируют факты, явления, предметы, лица относительно координат речевого акта, актуального момента речепроизводства, участников акта общения (адресанта, адресата), местоположения лиц, предметов в конкретной ситуации и относительно субъекта речи, и относительно друг друга. Данные координаты являются главными при определении свойств ВСЭО. Принцип антропоцентризма имплицитно содержится в концепциях, основанных на центральной роли синтаксиса, т.к. их подлинной основой является не синтаксис вообще, а синтаксис высказывания, анализируемого в конкретной ситуации. Этот принцип эксплицитно выражен в концепции семиотического устройства языка, где обоснована центральная роль указателей «я-ты-здесь-сейчас»²⁷.

Таким образом, формулы речевого этикета в чувашском языке, как и в других, главным образом выполняют функцию установления контакта между людьми, поддержания его и прерывания в соответствии с установившимися в обществе правилами. В чувашском языке в неравном соотношении представлены ВСЭО двух типов: 1) в форме вопросительного предложения и 2) в форме повелительного предложения. ФРЭ первого типа преобладают в ситуации **приветствия**, частично встречаются в ситуации **просьбы** (*Пулáшаймáр-ши?* «Не сможете ли помочь?»), **знакомства** (*Сан ятна пёлме пулатъ-ши?* «Можно ли узнать твое имя?»), **приглашения** (*Кёрсе тухмас-тáн-и?* «Не зайдешь ли?»), во время произношения **тоста** (*Алáк панчи алтасем! Хуá ятлá курка сáвáрчё. Сире тиврё-и, тивмерё-и? Хуá калатъ, ман пусланá пичке те нур, пуáламанни те нур, тет. Тивмен пулсан хамáн куркана сёнетёп, тет.* «Сидящее у двери мужское племя! Хозяин по кругу угостил всех именным ковшом. Вам достался или нет? Хозяин говорит, что у него есть и початые бочки, и непчатые бочки. Если ковш пива кому-либо не достался, хозяин говорит, что преподнесет свой ковш») и т.д., а в других ситуациях распространены ВСЭО второго типа.

Литература

- ¹ Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. *В.Н. Ярцева*. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 413—414.
- ² *Формановская Н.И.* Вы сказали «Здравствуйте!»: Речевой этикет в нашем общении. М.: Знание, 1982. С. 60.
- ³ *Холодович А.А.* О типологии речи // Проблемы грамматической теории. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979. С. 269.
- ⁴ *Там же*. С. 270.
- ⁵ *Там же*.
- ⁶ *Там же*. С. 270—271.
- ⁷ *Там же*. С. 271.
- ⁸ *Там же*.
- ⁹ *Там же*.
- ¹⁰ *Там же*. С. 272.
- ¹¹ *Там же*. С. 273.
- ¹² *Жуковская Н.Л.* Категория и символика традиционной культуры монголов / Отв. ред. *А.П. Деревянко*. М.: Наука, 1988. С. 113.
- ¹³ *Холодович А.А.* Указ.соч. С. 274.
- ¹⁴ *Там же*. С. 276.
- ¹⁵ *Там же*.
- ¹⁶ *Кравченко А.И.* Культурология: Учеб. пособие для вузов. 3-е изд. М.: Академический Проект, 2002. С. 98; *Аршавская Е.А.* Речевой этикет современных американцев США (на материале приветствий) // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 270.
- ¹⁷ См. подробнее: *Павлов И.П.* Современный чувашский литературный язык: Морфология / Под. ред. *Н.П. Петрова*. Чебоксары: Кн. изд-во Чуваш. АССР, 1965. С. 244—247.
- ¹⁸ См. подробнее: *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие. М.: Слово / Slovo, 2000. С. 28-30; *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд., стер. М.: Академический проект, 2001. С. 17; *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социолингвистика: Учебник для вузов. М.: Российский государственный гуманитарный ун-т, 2001. С. 163—174.
- ¹⁹ *Сафиуллина Ф.С., Галиуллин К.Р.* Русско-татарский разговорник. Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. С. 271.
- ²⁰ *Падучева Е.В.* Высказывание и его связь с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений) / Отв. ред. Успенский В.А. М.: Наука, 1985. С. 19—20.
- ²¹ *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Пер. с фр. / Под ред., с вступ. ст. и коммент. Степанова Ю.С. М.: Прогресс, 1974. С. 299.
- ²² *Ветров А.А.* Семиотика и ее основные проблемы. М.: Политиздат, 1968. С. 78; *Соломоник А.* Язык как знаковая система. М.: Наука, 1992. С. 217.
- ²³ *Моррис Ч.У.* Основания теории знаков // Семиотика / Сост., вступ. статья и общ. ред. *Ю.С. Степанова*. М.: Радуга, 1983. С. 68—69.
- ²⁴ *Бенвенист Э.* Указ. соч. С. 75.
- ²⁵ *Моррис Ч.У.* Указ.соч. С. 67.
- ²⁶ *Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.: Русский язык, 1982. С. 25.
- ²⁷ См. *Уфимцева А.А.* Типы словесных знаков. М.: Наука, 1974. С. 166; *Формановская Н.И.* Указ. соч. С. 25—26.

A. V. Kuznetsov. On types and functions of speech etiquette formulae in the Chuvash language.

Verbal means of etiquette communication (VMEC) is a system of fixed phrases, which are used when making contacts, maintaining contacts and breaking contacts. They include almost everything when we speak about benevolent attitude to the interlocutor and create benevolent colouring of communication. There are two types of VMEC in the chuvash language, which are presented unequally: 1) in the form of interrogative sentence; 2) in the form of imperative sentence. First type forms prevail in the situation of greetings. But also they can be met in the situation of request, meeting someone, invitation, proposing a toast. In some situations prevail VMEC of the second type. Depending on the approach to the research and functions, fulfilled by VMEC it seems to be worth to divide them into twenty and more types.

ЧГВ, 2007 г., № 1
© Ю.В. Гусаров

АННА ЕФИМОВНА АЛФИМОВА
(АНАТОЛИЯ)

В истории русской литературы немало деятелей, биографии которых мало известны или вообще неизвестны. К числу первых принадлежит писательница-переводчица первой половины XIX в. Анна Ефимовна Алфимова, чья жизнь была тесно связана с Алатырем. Алфимовой посвящена статья в Русском биографическом словаре¹, которая имеет характер библиографической справки о переведенной ею книге французского проповедника XVIII в. Ж.Б. Массийона². Единственным литературным источником биографических сведений о переводчице служат воспоминания самарского литератора И.А. Второва (1772—1844), опубликованные его биографом М.Ф. Де-Пуле³. Между тем, хранящиеся в Государственном историческом архиве Чувашской Республики фонды Киево-Николаевского женского (Ф. 244) и Свято-Троицкого мужского (Ф. 245) монастырей г. Алатырь содержат документы, проливающие свет на отдельные факты жизни и деятельности писательницы-переводчицы и религиозного деятеля Чувашского края.

А.Е. Алфимова происходила из дворянского рода Алфимовых, выслужившегося из дьячества. Первые сведения о московском роде Алфимовых восходят к Ивану Михайловичу Алфимову, который был убит при взятии Казани 2 октября 1552 г. Представители рода служили воеводами, послами, приказными дьяками, чиновниками центральных государственных учреждений. В истории Среднего Поволжья XVII—XVIII вв. известны имена: воеводы Ядрина в 1661—1662 гг. Д.И. Алфимова⁴, воеводы Самары Ивана Михайловича Алфимова, убитого разинцами в 1667 г.⁵, капитанши Прасковьи Алфимовой, помещицы Ногайской дороги Казанской провинции второй половины XVIII в.⁶, инженер-поручика Алфимова, в 1761 г. командированного из Казани в Чебоксары для наблюдения за экологией р. Чебоксарка⁷, секунд-майора, товарища (заместителя) воеводы г. Курмыш в годы Крестьянской войны 1773—1775 гг. Николая Алфимова⁸, саратовской дворянки Марьи Алфимовой, овдовевшей в ту же пору⁹, квартирмейстера кирасирского Казанского полка Алексея Ивановича Алфимова, избранного депутатом Уложенной комиссии от дворян

Юрий Владимирович Гусаров — кандидат исторических наук, доцент Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

Курмышского уезда Симбирской губернии, курмышского дворянина, капитана Ивана Алфимова, а также нижегородского помещика, надворного советника Евсевия Алфимова, подписавших сословные указы в Уложенную комиссию¹⁰.

Алфимова родилась в 1772 или 1773 г. Судя по воспоминаниям И.А. Второва, Анна Ефимовна была уроженкой Самары, так как в его дневнике за 1814 г. она упомянута в числе девушек-дворянок, общавшихся с пленными солдатами и офицерами наполеоновской армии на их родном языке¹¹. Алфимова была помещицей с. Родники Сенгилеевского уезда Симбирской губернии, где владела восемнадцатью крестьянами мужского пола¹². Известно, что в Симбирске проживала ее родственница капитанша М.Е. Таушева¹³. В круг знакомых Алфимовой входили ее земляки: губернский секретарь А. Патрикеев и врач Сенгилеевского уезда Г. Водов, которые по ее поручению вносили рекрутские и другие сборы за крепостных крестьян Алфимовой¹⁴.

Семейная жизнь у Алфимовой не сложилась, поэтому по традиции своего времени она выбрала путь монашеского служения. Весной 1822 г. Алфимова подала прошение о поступлении в Киево-Николаевский женский монастырь Алатыря «с надеждой пострижения в монашество», приложив свидетельство о своем дворянском происхождении из Казанского дворянского депутатского собрания и была зачислена в послушницы¹⁵ сверх штата¹⁶. В апреле 1822 г. новая послушница подала заявление о желании на свой счет построить в монастыре на месте ветхих и пустующих келий «дом призрения» для престарелых и размещения вновь поступающих послушниц монастыря, представив письменное обязательство¹⁷. История с богадельней не вполне ясна. Известно, что «с пользой для всей обители» она была построена к лету 1823 г.¹⁸, однако финансовые и юридические отношения между монастырем и благотворительницей, по видимому, не были урегулированы. В пользу этого говорит затянувшаяся переписка о праве собственности на здание. В частности, Алфимова настаивала на оформлении в уездном суде акта о постройке дома¹⁹, затем возбудила дело о признании государством понесенных ею расходов²⁰, как можно думать, ради их компенсации. В 1826 г. Симбирская духовная консистория потребовала от игуменьи оформить документы на право владения монастыря богадельным домом, на что Алфимова ответила отказом. В феврале 1827 г., руководствуясь принципом, что «ни к каким пожертвованиям никого принуждать не можно», симбирский архиепископ постановил закрыть дело о богадельне и сдать его в архив²¹. Идея открытия богадельни не умерла: через семь лет после смерти Алфимовой монастырь вновь инициировал ее строительство²².

И.А. Второву принадлежит характеристика Алфимовой периода ее послушничества. В декабре 1822 г. по пути из Симбирска в Москву он на сутки заехал в гости к семье Ивановых в Алатырь и здесь встретился с Алфимовой. В письме к жене И.А. Второв такими словами описывал перемены в характере своей знакомой, готовившейся к пострижению: «Она, кажется, стала добрее, любезнее и святее. Она надала мне несколько тетрадей своего перевода Массильионовых проповедей. Всех помнит, любит и прощает за огорчение. Молится о[бо] всех, особливо,

говорит, за меня, чтоб обратить меня (т.е. укрепить в православии, ибо И.А. Второв был масоном. — Ю.Г.). Так же весела и даже шутлива»²³. Как видим, рукопись перевода книги Ж.Б. Массийона существовала к концу 1822 г. Учитывая ее значительный объем, можно предположить, что Алфимова занялась переводом задолго до поступления в монастырь.

Это был не первый перевод на русский язык популярной книги религиозных бесед знаменитого французского проповедника XVIII в. В 1808 г. в Московской Синодальной типографии был издан перевод священника А. Иванова «Дух Массильона, епископа Клермонского, или Мысли, избранные из его творений о различных предметах нравственности и благочестия». Тогда же сочинения проповедника были переведены канцеляристом Синода И.И. Ястребцовым (1776—1839). Перевод был признан полезным, а его автор обласкан властями, получив царское «благоволение», чин коллежского асессора и членство в Российской Академии (1818 г.). Труд И.И. Ястребцова «Избранные слова Массильона, епископа Клермонского, говоренные в присутствии Людовиков XIV и XV, королей французских» (М., 1809. 3 ч.), был напечатан за счет Кабинета министров²⁴. Эта книга была известна Алфимовой, поскольку в 1810 г. Киево-Николаевский монастырь купил ее для своей библиотеки по предложению Казанской духовной консистории²⁵.

Перевод Алфимовой долго проходил «все мытарства духовной цензуры»²⁶, что заставляло переводчицу предпринимать меры по его (прохождения) ускорению. В мае 1823 г. она получила разрешение на поездку в Киев для поклонения святым угодникам по личному обету, а также в Москву «для произведения в порядок всех своих дел» (во втором департаменте Сената решалось ее дело о получении «суммы относительно построенной ею в монастыре богадельни») ²⁷. Судя по всему, истинной целью поездки были цензурные хлопоты Алфимовой, о чем говорит изменение маршрута. Игуменье Уалентине Алфимова сообщила, что обстоятельства не позволили ей поехать в Киев, тогда как личные дела потребовали «немедленного личного присутствия» в столице, куда она отправилась в июне²⁸. Позже, в январе 1824 г. Алфимовой был выписан новый паспорт сроком на четыре месяца для проезда в Петербург, Киев и обратно в Алатырь. Организационно-финансовые вопросы по изданию и продаже книги требовали больших хлопот и времени, поэтому в мае Алфимовой пришлось продлить паспорт для пребывания в Петербурге еще на четыре месяца²⁹. Наконец, 14 ноября 1824 г. цензор, инспектор Петербургской духовной академии архимандрит Иоанн выдал разрешение на издание книги.

В 1824—1825 гг. она была напечатана в семи частях (без указания имени переводчицы) на средства Алфимовой в Петербурге в типографии Императорской Российской Академии под названием «Беседы Массильона, епископа Клермонского, славного французского проповедника. Собранные и расположенные в систематическом порядке»³⁰. По-видимому, большую часть тиража Алфимова передала на комиссию известному московскому купцу-книготорговцу А.С. Ширяеву (?—1841) для продажи в пользу Алатырского монастыря³¹. Судя по тому, что после смерти купца оставались нераспроданными 330 экз. книги³², ее тираж мог составлять 600 экз., т.е. объем, типичный для той эпохи.

К сожалению, о жизни Алфимовой в Петербурге известно немного. Мы знаем, что она имела широкий круг общения, куда входили особы из высшего света. Так, в августе 1825 г. переводчица подарила свою книгу членам императорской семьи, проявившим живой интерес к искусству и благотворительности: вдовствующей императрице Марии Федоровне (1759—1828), жене Александра I Елизавете Алексеевне (1779—1826), жене великого князя Михаила Павловича великой княгине Елене Павловне (1807—1873). В качестве ответного дара названные особы, а также близкая к ним фрейлина Елизавета Собакина передали Алфимовой церковные предметы для Киево-Николаевского монастыря. В сентябре того же года еще несколько петербургских знакомых Алфимовой подарили монастырю церковную утварь.

14 октября 1825 г. Алфимова вернулась в Алатырь. Итоги ее поездки подведены в рапорте игуменьи, в котором были перечислены подарки членов царской семьи³³. Тогда же Алфимова передала в монастырь и другие подарки, привезенные из столицы: два посеребренных блюда с изображением распятия Христа от девицы Раздерингиной и купчихи Жадмировской (вероятно, Елизаветы Степановны Жадемировской (1808—1870) — жены крупного фридрихсгамского купца П.А. Жадемировского³⁴), покров тонкой турецкой материи, расшитый шелками разных цветов, серебряный фриз, золотой позумент «с городками весом 135 золотников», подаренные надворным советником Собакиным, а также «покров и два воздуха голубые, бархатные, шитые по канве в середине золотые крестики», пожертвованные дочерью бывшего польского посла Деболь³⁵.

Инвентарные описи монастырского имущества сохранили подробное описание подарков монарших особ: «Евангелие в лист большого формата, напечатанное в 1821 г., обложенное малиновым бархатом, с верхней доской серебряной, чеканной, богато позолоченной, с таковым же на нижней доске средником и наугольниками с двумя застежками, звездой малинового бархата, унизанной жемчугом и украшенной стразами. Подарено монастырю императрицей Елизаветой Алексеевной в августе 1825 г. [...] Крест напестольный, серебряный, богато позолоченный, с шестью финифтяными изображениями, осыпанный стразами и разными мелкими камешками весом в 164 золотника (подарен императрицей Марией Федоровной 20 августа 1825 г.³⁶) [...] Потир, при нем доска, звезда, ижица и два блюда серебряные, богато позолоченные, 84 пробы, весом в 212 золотников, копье (подарки Великой княгини Елены Павловны. — Ю.Г.)»³⁷. Перечень и описание царских подарков можно найти и в трудах по истории Киево-Николаевского монастыря дореволюционных историков-краеведов В.Э. Красовского и А.С. Балашова³⁸.

Документы сохранили сведения о личных подарках, сделанных Алфимовой алатырским монастырем: в ноябре 1825 г. она передала Киево-Николаевскому монастырю свою книгу в корешковом переплете, а в 1826 г. — чашу из белого железа для водоосвящения с четырьмя жестяными подсвечниками³⁹. В 1840-е гг. непереплетенный экземпляр ее книги имелся в библиотеке Свято-Троицкого мужского монастыря⁴⁰, возможно, также дар автора. В 1829 г. она пожертвовала 21 руб. на строительство церкви Во имя сошествия св. Духа и И. Воина в Свято-Духовой пустыни, принадлежавшей тому же монастырю⁴¹.

М.Ф. Де-Пуле, изучивший обширный личный архив И.А. Второва, называл Алфимову «бойкой особой», «женщиной весьма умной и приятной»⁴². В монастырской ведомости за 1826 г. ей дана следующая характеристика: «Девушка Анна Ефимова. [По национальности] природная российская. Из дворян. Читать и писать умеет. В монашество еще не пострижена... Состоит сверх штата и числится в числе сестер. Дел до нее никаких не касалось (т.е. не находилась под следствием. — Ю.Г.). Состояния хорошего. [Возраст] 54 года. Разные монастырские послушания исправляет охотно и впредь благонадежна»⁴³. По словам подруги, Алфимова-монахиня отличалась «строгими правилами и уединенной жизнью»⁴⁴. Став игуменьей, она без сожаления изгоняла из обители послушниц, нарушавших монастырские порядки⁴⁵. Как глубоко верующего человека, ее отличала тяга к миссионерству: при ее участии крестилась родственница И.А. Второва генеральша Э.А. Пяткина; она прилагала массу усилий, пытаясь повлиять на мировоззрение И.А. Второва⁴⁶.

Положение послушницы не мешало Алфимовой часто и надолго отлучаться в Казань и Петербург по личным делам, что ввело в заблуждение М.Ф. Де-Пуле, высказавшего предположение, что она отказалась от иноческой жизни. Известно, что в январе 1826 г. Алфимова проживала в Казани. Здесь на протяжении месяца она встречалась с И.А. Второвым, который познакомил ее со своими друзьями: хозяйкой дома, где он гостил, Анной Васильевной Пановой (урожденной Чемезовой) и Екатериной Петровной Геркен (урожденной Есиповой) — женой бывшего предводителя дворянства Казанской губернии Ф.Ф. Геркен (1756—1849). В Казани Алфимова познакомилась и подружилась с попечителем Казанского учебного округа М.Л. Магницким (1778—1844), Казанским архиепископом Амвросием (А.И. Протасовым) (1762—1831), архимандритом Казанского Спасо-Преображенского монастыря, ректором Казанской духовной академии и церковным композитором Феофаном (Федором Александровым) (1785—1852). Второв писал, что Алфимова делилась с ним «любопытными» подробностями знакомства с императорской семьей: Александром I, Марией Федоровной и Елизаветой Алексеевной и пока-зывала их подарки. К сожалению, он не записал эти рассказы, по поводу чего М.Ф. Де-Пуле заметил: «Можно догадываться только, что ее рассказы о Фотии и гр[афине] А.А. Орловой не лишены были комического характера»⁴⁷.

Речь идет об архимандрите Новгородского Юрьевского монастыря Фотии (П.Н. Спасском) (1792—1838) и его духовной последовательнице графине А.А. Орловой-Чесменской (1785—1848), чья связь была излюбленным объектом светских сплетен для современников. Фотий прославился борьбой с мистицизмом и масонством. В 1824 г. при поддержке всесильного графа А.А. Аракчеева, Петербургского и Новгородского митрополита Серафима (С.В. Глаголевского) (1757—1843) и их союзников, ему удалось отстранить от руководства Министерством народного просвещения и духовных дел влиятельного графа А.Н. Голицына, а в 1826 г. с подачи Серафима было распущено Российское Библейское общество⁴⁸. Алфимова была свидетелем ожесточенной борьбы политических группировок, влиявшей на культурную жизнь страны.

Со слов И.А. Второва известно, что осенью 1827 — весной 1828 г. Алфимова проживала в Петербурге, где вела светский образ жизни: «Принимала у себя гостей и часто выезжала сама»⁴⁹. В сентябре 1835 г. вместе с подругой по монастырю, монахиней из дворян Анфисой, Алфимова получила паспорт для «путешествия»⁵⁰ в Москву, где в марте 1836 г. продлила паспорт на пребывание в ней на три месяца⁵¹.

Проведя в ранге послушницы восемь лет, 26 ноября 1830 г. Алфимова подала прошение на имя Казанского и Симбирского архиепископа Филарета (Ф.Г. Амфитеатрова) (1779—1857) о желании принять монашеский постриг, в ответ на которое было запрошено мнение игуменьи. В феврале 1831 г., игуменья Уалентина высказала общее с монахинями отрицательное мнение о постриге Алфимовой (ее признали неспособной к монашеской жизни), а также сообщила об отсутствии в штате свободной монашеской вакансии. Ее рапорт стал основанием для отказа Алфимовой, датированного маем того же года⁵². Возможно, позиция игуменьи, которая в ежегодных ведомостях давала Алфимовой положительную характеристику, основывалась на неодобрении ее светской деятельности. Известно, например, что в 1823 г. Уалентина противилась поездке переводчицы в Киев и Москву⁵³. Однако, по иронии судьбы, именно Алфимовой было суждено стать преемницей старой игуменьи⁵⁴.

Получив отказ, Алфимова подала прошение о переводе на штатную монашескую вакансию в Спасский женский монастырь г. Симбирск, куда была зачислена указом консистории от 20 октября 1831 г.⁵⁵ 18 ноября 1831 г. она заключила соглашение со своей родственницей капитаншей М.Е. Таушевой, по которому та (а в случае смерти — ее наследники) обязывалась ежегодно, начиная с октября 1832 г., пожизненно (даже в случае принятия монашества), выделять ей «на пропитание» 150 руб. ассигнациями (судя по распискам, Алфимова получала деньги вплоть до 1838 г.)⁵⁶. Вскоре Алфимова была пострижена в монахини иеромонахом Германом, получив имя Анатолии и в том же 1831 г. перевелась в Алатырь «впредь до открытия монашеской вакансии». Ожидание затянулось. Только в декабре 1834 г. освободилось место в штате и в феврале следующего года Анатолии было разрешено занять вакантное место⁵⁷. В монастырской ведомости за 1835 г. отмечено неважное состояние ее здоровья, что не позволяло ей исполнять монастырские послушания⁵⁸.

У епархиальных властей Алфимова пользовалась репутацией «ученой монахини». Судя по документам, она проявляла интерес к строительным работам. В 1833 г. ею был подготовлен проект пристроек к летней Покровской церкви монастыря, который архиепископ Симбирский и Сызранский Анатолий (Андрей Максимович) (1767—1844) оценил как «весьма замысловатый и много служащий к внутреннему и внешнему благолепию». Он распорядился подготовить чертежи и смету, а автору идеи поручил курировать эту деятельность, представив соображения по организации работ⁵⁹. Судя по документам, в 1833—1835 гг. Анатолия возглавляла строительный комитет по ремонту церкви во имя Покрова Богородицы: она выдавала зарплату крестьянам-подрядчикам, которые в своих расписках называли ее «строительницей»⁶⁰. Неудивительно, что когда встал вопрос о преемнице

Уалентины, епархиальные власти остановились на кандидатуре монахини-переводчицы.

Уалентина еще в 1836 г. подала прошение об отставке по старости и слабости здоровья. Тогда же было решено оставить ее в монастыре за штатом, выплачивая пенсию по 100 руб. в год, а до назначения преемницы возложить руководство на монахиню Евпраксию, исполнявшую благочинническую должность по монастырю⁶¹. 22 марта 1837 г. появился указ Симбирской духовной консистории о выходе Уалентины на пенсию и назначении на ее место Анатолии. Новая настоятельница получила наказ руководить монастырем, «придерживаясь порядка до нее введенного опытными и благоразумными ее предшественницами, а ежели усмотрит в чем-либо нужным изменение или признает за благо сделать какое-либо новое учреждение или строительство, то, во-первых, советовалась бы с[о] старейшими и опытными сестрами, а потом испрашивала бы разрешения от епархиального начальства»⁶². 1 апреля 1837 г. она вступила в должность игуменьи и вскоре приняла монастырское имущество⁶³.

По документам, Алфимовой был чужд дух карьеризма. 17 февраля 1837 г. она отказалась явиться в Алатырское духовное правление для выслушивания указа консистории о своей новой должности, потребовав предоставить его письменную копию, в чем получила отказ (отчет правления с осуждением ее поведения был сообщен наверх)⁶⁴. Неизвестно, что скрывалось за этим конфликтом, однако со слов близкой подруги Алфимовой В.А. Поповой, мы знаем, что Анатолия имела недоброжелателей среди местного духовенства, в число которых входили: благочинный Алатыря, протоиерей Троицко-Рождественского собора Иоанн Неофитов, архимандрит Свято-Троицкого мужского монастыря Иоанн, священник Георгий Грановский. По их тяжбам с Анатолией о факте неприязненных отношений между ними было известно и консистории⁶⁵.

Новая игуменья активизировала строительные работы, в которых нуждался обветшавший монастырь. В январе 1838 г., после ее рапорта об аварийном состоянии колокольни Киево-Николаевской церкви, грозившем обвалом, консистория направила в Алатырь для оценки ситуации на месте архитектора губернской строительной комиссии прапорщика Есакова⁶⁶. Основываясь на его выводах, уже после смерти Анатолии было решено колокольню не разбирать, как предлагала она, а ограничиться ремонтом: усилить просевший фундамент двумя контрфорсами, перевесить колокола на противоположную от наклона сторону и др., что должно было законсервировать состояние колокольни на несколько лет, не выходя при этом из рамок монастырского бюджета⁶⁷.

В 1838 г. по инициативе Алфимовой проводился капитальный ремонт, а фактически — строительство нового здания Покровского храма («его возобновляемого и совокупно вновь великолепно сооружаемого»)⁶⁸. В ее планах значился снос ветхих монашеских келий с возведением на их месте нового корпуса под больницу на собственные средства, для чего были заготовлены строительные материалы⁶⁹. Перед кончиной Алфимова завещала своей душеприказнице завершить строительство церкви и построить больничный корпус. Волокита с утверждением завещания помешала выполнить волю покойной, и новая церковь с приделом была

достроена уже силами монастыря (в 1843 г. была освящена в честь Покрова Богородицы)⁷⁰.

Алфимова умерла 7 апреля 1838 г. в светлую неделю после Пасхи, что почитается верующими за свидетельство праведности человека. О ее кончине, сопровождавшейся грязной возней у незакрытого гроба, узнаем из прошения душеприказчицы, «девицы из дворян» В.А. Поповой на имя Симбирского архиепископа. Она сообщала, что, предчувствуя свой смертный час, Алфимова оформила завещание и успела опечатать монастырский сейф. При ее кончине присутствовал архимандрит Алатырского Троицкого монастыря Иоанн, исполнявший должность благочинного по монастырям⁷¹. После рокового часа вместо того, чтобы отслужить панихиду по покойной, он приступил к расспросам о ее деньгах и, поставив на монастырский сейф собственные печати, в 11 часов ночи уехал домой. На следующий день В.А. Попова передала Иоанну и протоиерею И. Неофитову просьбу монахинь о похоронах игуменьи рядом с Покровской церковью, на что получила отказ, мотивированный отсутствием на этот счет прямых указаний от епархиальных властей. По распоряжению Иоанна и Неофитова могила была подготовлена на общем городском кладбище.

Днем того же дня Попова была приглашена в келью игуменьи, куда явилась с личными подарками, полученными от покойной: Библией и авторской рукописью перевода бесед Массийона. Здесь она застала Иоанна, И. Неофитова, исполняющего должность городничего Семенова и столоначальника Алатырского духовного правления С. Хрусталева. По приказу Неофитова у нее отобрали книгу и рукописи, затем должностные лица приступили к осмотру имущества покойной. Неофитов сорвал печать с ящика, который предназначался для Поповой и вынул из него деньги и документы: 160 руб. личных денег Анатолии, 10 руб., присланных на помин души одного из прихожан, а также отпускную грамоту на имя служанки игуменьи крестьянки Вассы Ефимовой. По воле покойной, душеприказчица должна была вручить крепостной девушке вольную грамоту (вместе со свободой она должна была получить домашний скот⁷²) после того, как доставит ее на родину, однако Семенов не внял возражениям душеприказчицы и отдал крестьянке документ на месте. Затем мужчины стали рассматривать содержимое ящика, не допуская к нему В.А. Попову. Ей даже не сообщили, какие из хранившихся в нем вещей были переданы монахине-казначее. Напоследок архимандрит разорвал «на мелкие части» какую-то бумагу, возможно, содержащую волеизъявление Алфимовой. Выпроводив Попову, компания в составе упомянутых и присоединившихся к ним лиц (одиндворца Новошина, станового пристава Ширяева), стала распивать чай и найденные в келье игуменьи виноградные вина. По словам В.А. Поповой, гости «составивши веселую беседу, смеялись над найденными у нее (т.е. бывшей игуменьи. — Ю.Г.) бумагами и, просидевши за оной довольно, поздно разошлись». 9 апреля упомянутые духовные лица в том же месте устроили новую попойку, которая длилась недолго из-за отсутствия гостей-мирян.

10 апреля тело Анатолии было установлено в церкви для отпевания. Диакон, который проводил службу, с санкции недоброжелателей Алфимовой из числа духовных руководителей Алатыря нарушил правила,

прочитав на литургии, вместо главы из Евангелия от Иоанна об уверовании Фомы в Бога (день был воскресным и начиналась фомина неделя), двенадцатую главу из Евангелия от Луки с притчей о богатом человеке, что друзья покойной восприняли как скрытый намек на строительные планы Анатолии и глумление над ее памятью. В довершение при похоронах, с позволения казначеи Серафимы, в могилу Алфимовой было положено тело младенца, мирского мальчика Алексея, умершего накануне после вечерни, как будто на кладбище не нашлось другого места⁷³.

После смерти Алфимовой ее крестьяне были куплены и переселены новой помещицей в свое имение⁷⁴. В сентябре 1839 г., принимая во внимание факт вступления завещания в законную силу по утверждению Симбирской палаты гражданского суда, консистория предписала игуменье Иларию выдать В.А. Поповой завещанное ей имущество, а также хранившиеся в монастыре квитанции платежей за крепостных крестьян Алфимовой⁷⁵, что не было исполнено из-за обжалования завещания наследником покойной игуменьи, коллежским советником Мячковым. Дело о наследстве было отправлено на рассмотрение в Сенат, который вынес свое решение только в 1848 г.: претензии Мячкова были отвергнуты, а решение Симбирской судебной палаты оставлено в силе. В соответствии с ним, Попова должна была получить имущество, продолжавшее храниться в монастыре и у духовных лиц. В частности, в ее распоряжение поступал билет Московской сохранной кассы («ломбардный билет») на 5 тыс. руб. ассигнациями, выданный на имя А.Е. Алфимовой в сентябре 1837 г. (за вычетом 994 руб. 62 коп., потраченных монастырем на достройку Покровской церкви)⁷⁶. По неизвестной причине исполнение решения вновь затянулось. В 1849 г. ценная бумага поступила в монастырь на хранение «впредь до усмотрения»⁷⁷, т.е. до выяснения вопроса: займется ли душеприказчица строительством монастырской больницы самостоятельно или доверит это монастырю? Позднее билет был отослан в Московский опекунский совет, а взамен в 1857 г. в монастырь поступил новый билет на 3193 руб. 90 коп. серебром, который был присоединен к 325 руб. ассигнациями, оставшимся не выплаченными разным лицам по завещанию Анатолии. Вместе с ним в монастырь поступили деньги «на удовлетворение» бывшей горничной игуменьи, алатырской мещанки В. Ефимовой⁷⁸.

По решению Сената монастырь получил в свое распоряжение 330 экз. книги Массийона, находившихся в распоряжении конкурсного управления, созданного после смерти купца А.С. Ширяева для погашения его долгов⁷⁹. В 1850 г. все книги были куплены московским купцом С. Васильевым по предложенной им цене 1 руб. серебром за экземпляр⁸⁰ (в 1851 г. деньги поступили на счет монастыря). Небезынтересно отметить тот факт, что в Алатыре книга продавалась в два раза дороже: в 1852 г. монастырь продал «разным лицам» четыре ее экземпляра, выручив восемь руб. серебром⁸¹.

Праведная деятельность игуменьи не могла пройти бесследно. Сохранилось косвенное свидетельство на этот счет: в 1846 г. писарь Алатырского земского суда допустил опisku в документе, адресованном в Киево-Николаевский монастырь, назвав его действующую игуменью Иларию Анатолией⁸². Значит, имя Алфимовой не стерлось из памяти горожан и через восемь лет после ее кончины.

Анатолия пользовалась репутацией «ученой монахини», занималась благотворительностью, а в период руководства Киево-Николаевским монастырем активизировала в нем ремонтные и строительные работы. К сожалению, делопроизводственная документация практически не содержит материалов по ее творческой биографии: об уровне образования, мировоззрении, духовных запросах, что требует целенаправленных архивных поисков. Вместе с тем, даже немногие факты жизни писательницы-переводчицы А.Е. Алфимовой, отразившиеся в архивных документах, дополняют картину литературной жизни Среднего Поволжья и культурных связей между провинцией и столицами в первой половине XIX в.

Литература и источники

- ¹ Алфимова А.Е. // Русский биографический словарь. Т. «Алексинский — Бестужев-Рюмин». СПб., 1900. С. 67.
- ² Массийон (Массильон) Жан Батист (1663—1743) — знаменитый французский проповедник. С 1699 г. выступал с проповедями при дворе в присутствии короля Людовика XIV, в которых избегал лести, рисовал пороки при дворе, не впадая в шарж. В 1714 г. был удален от двора, а в 1717 г. стал епископом Клермонским. Проповеди Массийона отличали «искренность, сила религиозного убеждения, тонкий психологический анализ, правдивость обличений, отсутствие аффектации, ясность и простота, высокая художественность языка». См.: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. Репринтное воспроизведение. М., 1991. Т. 36. С. 767.
- ³ Де-Пуле М.Ф. Отец и сын. Опыт культурно-биографической хроники // Русский вестник, 1875. № 5—8.
- ⁴ Изоркин А.В. Ядрин. 2-е изд. Чебоксары, 2003. С. 25.
- ⁵ Алфимовы // Русский биографический словарь. Т. «Алексинский — Бестужев-Рюмин». С. 67.
- ⁶ Список алфавитный Казанской провинции дворянам и прочим владельцам... // Из-вестия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. 18. Вып. 4—6. Казань, 1908. С. 1.
- ⁷ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 2. Оп.1. Д. 94. Л. 587.
- ⁸ Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. Сб. документов. Чебоксары, 1972. С. 205.
- ⁹ Пугачевщина. М.—Л., 1930. Т. 3. С. 196.
- ¹⁰ Сборник императорского Русского исторического общества. СПб., 1886. Т. 86. С. 664.
- ¹¹ Де-Пуле М.Ф. Указ. соч. // Русский вестник, 1875. № 6. С. 513, 515.
- ¹² ГИА ЧР. Ф. 244. Оп.1. Д. 86. Л. 2 (не нум.).
- ¹³ Там же. Д. 93. Л. 1 (не нум.).
- ¹⁴ Там же. Д. 91. Л. 31; Д. 86. Л. 2 (не нум.).
- ¹⁵ По положению Синода от 29 мая 1832 г., послушницами могли быть женщины всех сословий без ограничения возраста. Послушание предшествовало постригу и продолжалось не менее трех лет (для лиц духовного звания были предусмотрены исключения). Как правило, количество послушниц не могло превышать числа штатных монахинь данного монастыря. Пострижение в монахини допускалось с 40 лет. См.: ГИА ЧР. Ф. 244. Оп.1. Д. 95. Л. (не нум.).
- ¹⁶ Там же. Д. 75. Л. (не нум.).
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. Д. 352. Л. 25 об.
- ¹⁹ Там же. Д. 75. Л. (не нум.).
- ²⁰ Там же. Д. 352. Л. 25, 25 об.
- ²¹ Там же. Д. 86. Л. 15 (не нум.).
- ²² Там же. Д. 130. Л. 46.
- ²³ Де-Пуле М.Ф. Указ. соч. // Русский вестник, 1875. № 8. С. 551.
- ²⁴ Ястребов И.И. // Русский биографический словарь. Т. «Яблонский-Фомин». СПб., 1913. С. 195.

- ²⁵ ГИА ЧР. Ф. 244. Оп.1. Д. 91. Л. 7.
- ²⁶ *Де-Пуле М.Ф.* Указ. соч. // Русский вестник, 1875. № 8. С. 580.
- ²⁷ ГИА ЧР. Ф. 244. Оп.1. Д. 352. Л. 25—25 об., 25 а.
- ²⁸ Там же. Д. 84. Л. (не нум.).
- ²⁹ Там же. Д. 82. Л. (не нум.).
- ³⁰ Выходные данные приведены по экземпляру книги (а именно Ч. 6. СПб., 1825), хранящемуся во вспомогательной библиотеке ГИА ЧР. По другим данным, книга была напечатана в типографии Медицинского Департамента в СПб. См.: *Де-Пуле М.Ф.* Указ. соч. // Русский вестник, 1875. № 8. С. 551.
- ³¹ ГИА ЧР. Ф. 244. Оп.1. Д.143. Л. 8; Д.132. Л. 47.
- ³² Там же. Д.143. Л. 8.
- ³³ Там же. Д. 84. Л. (не нум.).
- ³⁴ *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 154.
- ³⁵ ГИА ЧР. Ф. 244. Оп. 1. Д. 71. Л. 2—8 об.
- ³⁶ Там же. Л. 2—5.
- ³⁷ Там же. Д. 228. Л. 47, 49, 50.
- ³⁸ *Красовский В.Э.* Алатырская старина: Сборник исторических очерков. М., 1995. С. 68—69; *Балаиов А.С.* Историческое описание Алатырского Киево-Николаевского женского монастыря. М., 1913. С. 19—20.
- ³⁹ ГИА ЧР. Ф. 244. Оп.1. Д. 71. Л. 6 об., Л.9.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 245. Оп. 2. Д. 189. Л. 63.
- ⁴¹ Там же. Ф. 224. Оп. 1. Д. 4. Л. 33.
- ⁴² *Де-Пуле М.Ф.* Указ. соч. // Русский вестник, 1875. № 8. С. 551, 596.
- ⁴³ ГИА ЧР. Ф. 244. Оп.1. Д. 85. Л. 7 об.—8.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 245. Оп. 2. Д. 54. Л. 8 об.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 244. Оп.1. Д. 149. Л. 109.
- ⁴⁶ *Де-Пуле М.Ф.* Указ. соч. // Русский вестник, 1875. № 8. С. 580, 596.
- ⁴⁷ Там же. С. 580.
- ⁴⁸ Русский биографический словарь. Т. «Фабер — Цявловский». СПб., 1901. С. 207, 208; Т. «Обезьянинов — Очкин». СПб., 1905. С. 312; Т. «Сабанеев — Смыслов». СПб., 1904. С. 345.
- ⁴⁹ *Де-Пуле М.Ф.* Указ. соч. // Русский вестник, 1875. № 8. С. 596.
- ⁵⁰ ГИА ЧР. Ф. 244. Оп. 2. Д. 9. Л. 41.
- ⁵¹ Там же. Оп. 1. Д. 103. Л. 10.
- ⁵² Там же. Д. 93. Л. 24, 24 об. (не нум.).
- ⁵³ Там же. Д. 352. Л. 25 об.—26.
- ⁵⁴ Игуменья Уалентина (ок. 1763—?) — в миру Устинья Григорьева, вдова протоиерея Благовещенского собора г. Казани. В 1797 г. приняла постриг в Казанском Богородичном девичьем монастыре. В 1802 г. назначена игуменей в Свяжский Иоанно-Предтеченский девичий монастырь, в 1803 г. переведена к той же должности в Алатырь. См.: Там же. Д. 94. Л. 1—1 об.
- ⁵⁵ Там же. Д. 93. Л. (не нум.).
- ⁵⁶ Там же. Л. 1, 1 об. (не нум.).
- ⁵⁷ Там же. Оп. 2. Д. 9. Л. 29.
- ⁵⁸ Там же. Оп.1. Д.100. Л. 4 об.—5.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 245. Оп. 2. Д. 45. Л. 112, 112 об.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 244. Оп. 2. Д. 8. Л. 6; Оп.1. Д. 98. Л. 3—4.
- ⁶¹ Там же. Оп.1. Д.103. Л. 26, 26 об.
- ⁶² Там же. Оп.2. Д.12. Л. 9—9 об.
- ⁶³ Там же. Оп.1. Д. 91. Л. 8 об.
- ⁶⁴ Там же. Оп. 2. Д.12. Л. 5, 5 об.
- ⁶⁵ Там же. Ф. 245. Оп. 2. Д. 54. Л. 9 об.
- ⁶⁶ Там же. Ф. 244. Оп. 2. Д. 12. Л. 1—1 об., 15.
- ⁶⁷ Там же. Л.15, 15 об.
- ⁶⁸ Там же. Ф. 245. Оп. 2. Д. 54. Л. 7 об.
- ⁶⁹ Там же. Л. 9; Оп. 1. Д.143. Л. 24 об.
- ⁷⁰ Там же. Ф. 244. Оп.1. Д.143. Л. 23 об.
- ⁷¹ Там же. Оп. 2. Д. 12. Л.15 об.
- ⁷² Там же. Оп.1. Д.109. Л. (не нум.).
- ⁷³ Там же. Ф. 245. Оп. 2. Д. 54. Л. 7—9 об.
- ⁷⁴ Там же. Ф. 244. Оп. 1. Д.143. Л. 22 об., 23.

⁷⁵ Там же. Д.109. Л. 4 (не нум.).

⁷⁶ Там же. Д.143. Л. 22—24 об.

⁷⁷ Там же. Д. 79. Л. 182 об.

⁷⁸ Там же. Д.151(а). Л. 66, 66 об.

⁷⁹ Там же. Д.143. Л. 8, 8 об.

⁸⁰ Там же. Д.149. Л. 1, 1 об.

⁸¹ Там же. Д.151 (а). Л. 18 об.

⁸² Там же. Д.132. Л. 28.

Y.V. Gusarov. Anna Yefimovna Alfimova (Anatolia).

Anna Yefimovna Alfimova (Anatolia) (1772—1838) — a writer and a translator. She was from the noble family, which owned a small estate in Simbirskaya gubernia. Since 1882 she was a novice and a nun at the Kievo-Nikolskiy convent in Alaty, since 1837 — she was Mother Superior. She translated and published a book by french preacher of XVIII century J.B. Massion (St. Petersburg 1824—25. 7 p.). She met members of the Tsar family on business of publication the book. She took part in cultural life of Kazan, took part in charity, activated construction works in the convent.

ЧГВ, 2007 г., № 1
© Г.А. Николаев

**ОБРЕТЕНИЕ ЧУВАШСКИМИ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ
ВТОРОЙ МАЛОЙ РОДИНЫ
НА БАШКИРСКИХ ЗЕМЛЯХ
В XVIII — НАЧАЛЕ XX веков**

Чувашский народ прошел большой, насыщенный событиями, полный драматизма исторический путь. На всем его протяжении миграции составляли исключительно важную составляющую бытия этноса. Не будет преувеличением, если утверждать, что как прошлое, так и настоящее чувашей вообще не может быть представлено вне данного явления. Этот многогранный социально-экономический и социально-культурный процесс в их истории был и образом жизни, и специфическим способом разрешения критических ситуаций, и обеспечивавшей выживание общности хозяйственно-экономической операцией. Одновременно миграции в истории чувашей стали и своеобразными вехами, разделяющими разные этапы пройденного ими многовекового пути.

Согласно результатам выполненных на сегодня научных исследований, древнейшая прародина далеких предков чувашей находилась в Центральной Азии. Подчиняясь безжалостной воле истории, тюркоязычные предки этноса — огурские (болгарские) и сабирские (суварские, суваз-ские) племена — еще в седой древности вынуждены были оставить места своих постоянных кочевий и двинуться в западном направлении. К VIII в. они оказались в Волго-Камье, где от полукочевового образа жизни постепенно перешли к оседлому. В конце IX — начале X в. на основе союза болгарских племен здесь возникло Болгарское государство. Оно стало колыбелью формирующейся единой болгарской (древнечувашской) народности.

Географическое пространство Волжской Болгарии достаточно активно колонизировалось. Уже в домонгольский период на территории современной Чувашской Республики появились населенные места предков чувашей. Внутренние миграции вызывались в жизнь разными обстоятельствами, в том числе и конфессиональными. Так, принятие ислама в качестве государственной религии вызвал исход части сувар-язычников на запад, на правый берег Волги.

Геннадий Алексеевич Николаев — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Испепеляющее внешнее воздействие — вторжение в начале XIII в. монголо-татар, приведшее к исчезновению с политической карты Европы Волжской Болгарии, открыло череду новых жестоких испытаний болгаро-чувашей. Спасаясь от многочисленных войн, перманентных набегов кочевых орд и произвола золотоордынских ханов, они вынуждены были оставить свои разоренные населенные места и обживать земли вдали от родных пепелищ, продвигаясь на север, северо-запад, запад и восток — в гущу финно-угорского (коренного) населения: на правобережье Волги, в Приказанье, Заказанье и Приуралье. В географическом пространстве, включающем территорию современной Чувашии, а также приказанско-заказанского района, к концу XV в. произошло окончательное формирование чувашского этноса. Его основные компоненты составили болгары и сувары, а также часть горных марийцев. Долгий путь чувашей в историческом, географическом и социокультурных пространствах Евразии оставил многочисленные «отметины» в их культуре: языке, мифологии, религиозных верованиях, музыке, фольклоре и т.д.

Мирное вхождение чувашей в состав Московии открыло новую страницу в их истории. Переважившись в котле российской цивилизации, они стали составной частью многонационального и поликонфессионального общества. С его многочисленными народами они включились в процесс заселения и хозяйственного освоения просторов бескрайней державы, простиравшейся от Балтийского моря на северо-западе до Японского моря на юго-востоке. Уже с последней четверти XVI в., с установлением в средневолжском регионе мирных условий жизни, чувашки стали возвращаться на земли, оставленные ими в лихие годы предыдущих двух столетий. В последующее время география их расселения только расширялась. Доля чувашей, проживавших за пределами нынешней территории Чувашской Республики, в 1719 г. составляла 11%, в 1763 г. — 21,5, в 1795 г. — 33,6, в 1857 г. — 35,9, в 1897 г. — 37,5, в 1926 г. — 40,2%¹. Миграционная парадигма проникла в сознание части этноса. Мотивы, двигавшие переселенцами, спектр их чувств и настроений получили отражение в чувашских фольклорных памятниках. В одной из песен, в частности, находим следующие строки²:

Эпир каятпӑр сӗн сӗре, ой, сӗн сӗре,
акмасӑр тырӑ пулат, тет, ой, тӑвансем.

Мы едем на новое место, ой, на новое место —
без сева хлеб (там) будет, говорят, ой, родные.

Акмасӑр тырӑ пулас сук, ой, тӑвансем,
пирӗншӗн ырӑ кун пулас сук, ой, тӑвансем...

Без сева хлебу не бывать, ой, родные,
для нас доброму дню не бывать, ой, родные...

Труды, где получила отражение миграция чувашей в разные исторические эпохи, в отечественной историографии составляют существенный пласт. Основную их массу роднит то обстоятельство, что переселенческая тема в них не стержневая³. Работ, где в фокус анализа в качестве основного объекта изучения помещены механическое движение чувашей и сопутствующие этому процессу явления, на порядок меньше⁴. Но исследованиями последней группы, что отрадно отметить, обеспечен «прорыв» в разработке названной проблематики. Именно данному разряду научных изысканий принадлежит увидевшая свет в начале двадцать первого

столетия новая обстоятельная монография этнолога В.П. Иванова «Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения» (Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005).

Миграция и расселение чувашей в разные периоды их истории — объемная, многослойная, включающая в себя большое число сюжетов самого разного плана тема. Многие такие вопросы еще только ставятся в историко-этнологической литературе. Адаптация пришлого населения в иной географической и этнокультурной средах — одна из них. Автор данных строк преследует цель ввести в научный оборот документальный материал, проливающий свет на указанный малоисследованный аспект темы.

Поскольку в выявленных нами источниках речь идет о колонизации чувашами территории Уфимской губернии Российской империи, постольку есть необходимость в сжатой характеристике этого социально-экономического и социально-культурного процесса в исторической ретроспективе.

К середине XVI в. башкиры занимали весьма внушительную территорию и пребывали в составе Ногайской Орды, Казанского и Сибирского ханств, а также частично — в составе Астраханского ханства. С покорением Казани и Астрахани русскому оружию на короткий отрезок времени этнос оказался на историческом перепутье. Но выбор вскоре был сделан. Взвешенно оценив складывающуюся геополитическую ситуацию, племена, входившие ранее в Казанское ханство, вступили в переговоры с Москвией и первыми приняли ее подданство. В 60-е годы XVI в. их примеру последовали северо-западные, центральные и юго-восточные башкиры. В последней четверти XVI — начале 20-х годов XVII в. свою судьбу с Россией связали и зауральские башкирские племена.

Заселение и хозяйственное освоение обширных пространств относительно малолюдных башкирских земель во второй половине XVI — начале XX вв. — исключительно сложный динамичный социально-экономический и социально-культурный процесс. Формирование на этой территории многонационального населения происходило в ходе правительственной, монастырской, помещичьей, посадской, горнозаводской, крестьянской и прочих форм колонизаций. В начальном своем этапе переселенческое движение объединяло внутреннюю и внешнюю потоки. (В XVII—XVIII вв. имел место некоторый наплыв мигрантов на башкирские земли извне территории Российской державы, представленный выходцами из Средней Азии, Западной Сибири, Казахстана и Приволжья: казахами, калмыками, ногайцами, туркменами, таджиками, узбеками и др. народами⁵.) За четыре столетия на уральский регион хлынуло несколько потоков мигрантов, порожденных масштабными событиями в жизни страны, в частности, насаждением на присоединенной территории русской администрации, строительством здесь военных поселений и крепостей, принятием ряда законодательных актов, направленных на мобилизацию земель башкир-вотчинников, карательными акциями властей против участников восстаний, массовой христианизацией «иностранцев», отменой крепостного права и столыпинской аграрной реформой и др. Уже в конце XVIII в. на башкирских землях пришлое население стало преобладать над коренным⁶.

Подобно реке, питающейся водами десятков и сотен ключей и речек, внутреннее миграционное движение в Приуралье складывалось из контингента лиц разной сословной, этнической и конфессиональной принадлежности вследствие множества причин и обстоятельств: кто по долгу службы, кто, покоряясь выпавшей судьбе, кто в поисках лучшей доли и т.д., переселявшихся в эти края практически из всех уголков Европейской России. Спустя столетие после принятия многочисленными башкирскими племенами и родами российского подданства в составе населения этого колонизируемого региона чувашей еще было относительно немного. Вместе с тем отдельные местности здесь уже в то время новопоселенцами (в том числе и чувашами) были заселены достаточно плотно. Как явствует из грамоты Приказа Казанского дворца за [дата отсутствует] сентябрь 1694 г., «Уфимского уезда Осинской, Казанские, Сибирские и Ногайские дорог башкирцы» жаловались царям Иоанну и Петру Алексеевичам, что «пришлые русские люди, и татары, и чуваша, и черемиса, и вотяки» в их «старинных вотчинах многия деревни поселили»⁷.

В XVIII в. приток чувашей на башкирские земли стал массовым явлением. Их удельный вес в составе населения Оренбургской губернии за этот период неуклонно рос, претерпев некоторое уменьшение лишь в конце столетия. На основе материалов ревизий населения В.М. Кабузаном получена следующая кривая, характеризующая этот процесс: в 1719 г. — 0,1%, 1744 г. — 2,3, 1762 г. — 7,2, 1782 г. — 7,5 и в 1795 г. — 5,2%⁸. По исчислениям С.И. Брука и В.М. Кабузана, только за отрезок времени между II (1744 г.) и IV (1782 г.) ревизиями в Южное Приуралье переселилось 22 тыс. чувашей⁹. К концу XVIII в. основная их масса проживала в уездах Оренбургской провинции, примыкавших к границам Казанской и Симбирской губерний¹⁰. Поток мигрантов исходил главным образом из Среднего Поволжья. Так, по приблизительным данным, полученным В.М. Кабузаном, в 1744—1762 гг. в Южном Приуралье осело 7000 душ мужского пола самовольных переселенцев из чувашей. Контингент новопоселенцев исходил из следующих уездов: Симбирского — 2101 душа мужского пола (30,1%), Свияжского — 1086 (15,5%), Казанского — 805 (11,5%), Цивильского — 491 (7,0%), Чебоксарского — 355 (5,1%), Пен-зенского — 134 (1,9%), Саранского — 45 (0,6%); не известно — 1983 души мужского пола (28,3%)¹¹.

Значительным оставалось перемещение чувашей на башкирские земли и в XIX в. Материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 г. позволяют определить основные направления движения переселенцев из одной губернии или групп губерний в другие. Для мигрантов Казанской губернии, четвертую часть сельского населения которой составляли чуваша, в пореформенное время Уфимское и Оренбургское направления были основными и занимали в ряду исходящих отсюда переселенческих потоков соответственно вторую и третью позиции. В Симбирской губернии, где из каждых ста сельских жителей одиннадцать являлись чувашами, Оренбургское и Уфимское направления миграции по числу переселенцев находились на втором и пятом местах¹². Со времени отмены крепостного права до 1897 г. в Уфимской губернии (учреждена в 1865 г.) водворились 190944 переселенца, в том числе из Казанской губернии — 4428 чел., из

Самарской — 3045, из Симбирской — 2522 чел. За отрезок времени с 1861 г. по 1893 г. в Оренбургской губернии осело 125313 мигрантов. В число местностей, откуда исходил основной поток новоселов в названную административно-территориальную единицу, и здесь входила Казанская губерния¹³. После 1861 г. в Уфимской губернии численность чувашей с 1870 г. по 1897 г. выросла почти вдвое — с 31919 чел. до 60228 чел.¹⁴ Увеличение численности чувашского населения на башкирской земле в XIX в. шло как за счет их естественного прироста, так и оседания здесь все новых и новых мигрантов.

Согласно далеко не полным данным Н.В. Никольского, полученным им путем рассылки анкет в волостные правления административно-территориальных единиц уральского региона, в 1911 г. в Уфимской губернии проживало 73392 чуваша, в том числе в Белебеевском уезде — 39150 чел. (53,3%), Стерлитамакском — 27053 (36,9%), Уфимском — 4290 (5,9%) и Мензелинском — 2899 чел. (3,9%). В Оренбургской губернии чувашей на порядок было меньше — 3523 чел., в том числе в Орском уезде — 3183 (90,3%), Оренбургском — 333 (9,5%) и в Челябинском — 7 чел. (0,2%)¹⁵. Прирост чувашского населения в Башкирии в начале XX в. был обусловлен и осевшими здесь за данный отрезок времени мигрантами. Принятые самодержавным государством за первое десятилетие нового столетия законодательные акты несколько улучшили условия для переселений на малонаселенные земли. Импульс механическому движению населения был дан также указом 9 ноября 1906 г. и законом 14 июня 1910 г. Теперь, укрепив и распродав свои наделные земли, потенциальные переселенцы могли выручить так необходимые для водворения на новых землях средства.

Переселение в другой географический регион и погружение в иную этнокультурную среду, естественно, становились серьезным испытанием для мигрантов, водворявшихся в Башкирии. Чтобы как-то отгородиться от воздействия чужого мира и обеспечить себе в сложившихся условиях максимально возможный психологический комфорт, на новом месте жительства чувашаи стремились основывать собственные, этнически «чистые» поселения. Но, вследствие множества обстоятельств и условий, в регионе, колонизируемом мигрантами различной национальной и конфессиональной принадлежности, рано или поздно основная часть их этнически однородных населенных мест становилась многонациональной. Чувашские сельские общества принимали к себе представителей других народов. В свою очередь и сами чувашаи водворялись в инонациональные населенные места. Так, в начале XX в. в д. Ильтерьяково Уфимского уезда и губернии бок о бок с чувашами проживали одна семья русских и одна семья башкир. В 1917 г. общество мордовского села Петряево Уфимского уезда и губернии, к примеру, включало в свой состав одну чувашскую семью с восемью душами обоего пола¹⁶.

Часть чувашей, нашедшая вторую малую родину на башкирской земле, находясь длительное время в окружении коренного населения, ими постепенно была ассимилирована. Длительные контакты с окрестным населением не могли не отразиться и на жизненном пространстве чувашей, сохранивших в инонациональном окружении свою этническую идентичность. Священник с. Кубово Уфимского уезда и губернии Гавриил Осипов

в начале XX в. своих прихожан-чувашей находил сильно обрусевшими: «Русский сарафан и пиджак здесь в моде, а киремет все-таки свою оставляют; многие женятся на русских, так как чувашей ближе 60 верст нет»¹⁷. Основатели д. Ефремино (Стерлитамакский уезд Уфимской губернии) — новокрещенные чуваша — «по душе были такими же язычниками, какими они были до крещения». Водворившись же в среду башкир, спустя некоторое время здесь «многие чуваша стали даже и между собой изъясняться на татарском языке, брить усы, петь татарские песни и т.д.»¹⁸.

Этническая карта местностей Уфимской губернии с чувашским населением может быть воссоздана на основе цифровых данных, характеризующих национальный состав каждого отдельно взятого населенного пункта. Подобные сведения за 1917 г. в научный оборот введены современным историком М.И. Родновым. Национальная принадлежность их (сел и деревень) жителей им установлена по подворным карточкам Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., отложившимся в Центральном государственном историческом архиве Республики Башкортостан. Обратимся к материалам по Белебеевскому уезду, где была сосредоточена основная масса чувашского населения Уфимской губернии. Здесь переписью 1917 г. зарегистрировано 127 населенных мест с чувашским населением. В 25 из них жители составляли исключительно чуваша, а в остальных бок о бок с ними жили представители разных народов. Число этносов в 102 селениях со смешанным национальным составом варьировало от 2 до 16. В обществе своих соплеменников проживало 20,8% чувашского населения. Совместное сельское общество с представителями двух и трех народов были объединены 56,3% чувашей (см. табл. 1).

Таблица 1

**Группировка населенных мест Белебеевского уезда Уфимской губернии
по характеру расселения в них чувашей в 1917 г.¹⁹**

Число этносов в поселениях (с учетом чувашей)	Число поселений с чувашским населением		Численность чувашского населения	
	населенных пунктов	в %	душ обоого пола	в %
Один (чуваша)	25	19,7	8789	20,8
Два	33	26,0	13750	32,6
Три	30	23,6	10017	23,7
Четыре	16	12,6	3982	9,4
Пять	9	7,0	4317	10,2
Шесть	7	5,5	1218	2,9
Семь	1	0,8	8	0,0
Восемь	1	0,8	8	0,0
Девять	1	0,8	11	0,1
Десять	1	0,8	11	0,1
Тринадцать	1	0,8	36	0,1
Четырнадцать	1	0,8	3	0,0
Шестнадцать	1	0,8	27	0,1
Итого	127	100	42177	100

Соседями чувашей в этнически неоднородных населенных пунктах в 85 случаях являлись русские, в 34 — украинцы, в 27 — башкиры, в 23 — татары, в 23 — мордва, в 19 — тептяри, в 18 — белорусы, в 12 — мишари, в 10 — поляки, в 7 — немцы, в 3 — евреи, в 3 — мари, в 3 — эстонцы, в 2 — цыгане, в 2 — чехи, в 1 — австрийцы, в 1 — греки, в 1 — голландцы, в 1 — латыши, в 1 — литовцы, в 1 — лезгины, в 1 — турки, в 1 — удмурты, в 1 — швейцарцы, 1 — «мусульмане» (так в источнике)²⁰. Здесь нелишнее следующее пояснение. Число этносов в селениях Приуралья к 1917 г. увеличилось за счет беженцев с территорий западных губерний империи, оккупированных неприятелем в годы Первой мировой войны. Здесь были водворены также так называемые гражданские пленные — интернированные подданные воюющих с Россией государств.

Произведенные нами расчеты высвечивают весьма любопытную этническую ситуацию в национально-смешанных населенных пунктах Белебеевского уезда. Наблюдаем следующую закономерность. С увеличением числа народов в селах и деревнях, как правило, растет и их людность: от 596 чел. в двухнациональной до 3283 чел. в шестнадцати-национальной. Удельный вес чувашских жителей в этнически неоднородных населенных местах с увеличением в них числа народов, напротив, падает. Так, в селениях с двумя народами их доля составляла 69,9%, с тремя — 49,6, с четырьмя — 41,6% и т.д. (см. табл. 2). Как видим, в условиях колонизируемого многими народами страны региона лишь относительно небольшая часть чувашских переселенцев проживала в обществе исключительно своих соплеменников. Вместе с тем не наблюдаем здесь и их чрезмерного смешения с представителями других народов, ибо в многонациональных селах и деревнях чуваша, как правило, составляют компактную массу.

Таблица 2

**Чувашское население этнически неоднородных поселений
Белебеевского уезда Уфимской губернии в 1917 г.²¹**

Число этносов (с учетом чувашей)	Число поселений	Численность жителей, душ обоего пола		Доля чувашей в % к числу всех жителей	Число жителей на одно поселение, душ обоего пола
		всего	в их числе чувашей		
Два	33	19681	13750	69,9	596,4
Три	30	20184	10017	49,6	672,8
Четыре	16	9572	3982	41,6	598,3
Пять	9	10803	4317	39,9	1200,3
Шесть	7	9952	1218	12,2	1421,7
Семь	1	285	8	2,8	285
Восемь	1	1798	8	0,4	1798
Девять	1	1000	11	1,1	1000
Десять	1	2529	11	0,4	2529
Тринадцать	1	3720	36	0,9	3720
Четырнадцать	1	3396	3	0,1	3396
Шестнадцать	1	3283	27	0,8	3283
Итого	102	86203	33388	38,7	845,1

Вводимые в научный оборот источники отложились в рукописном собрании Н.В. Никольского. Место хранения — Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Н.В. Никольский (1878 — 1961) — одна из крупных фигур в чувашеведении. Он является ученым-гуманитарием широкого профиля, духовным и светским просветителем чувашей, общественным деятелем. Собранные им в течение полувека исторические источники, включающие огромный массив материалов самого разного плана, сегодня являются бесценным достоянием его соплеменников. Осознавая значимость выявленных документов для изучения прошлого чувашей и других поволжских народов, Н.В. Никольский прилагал определенные усилия и по введению их в научный оборот²².

Н.В. Никольский был масштабно и трезвомыслящим ученым. Взвалив на свои плечи изыскания в самых разных отраслях чувашеведения, он уделял огромное внимание созданию для исследовательской работы необходимой источниковедческой базы. Исключительно результативным оказался примененный им собирательский прием. Публикуя разработанные программы-вопросники для сбора исторических и фольклорно-этнографических материалов, он сумел мобилизовать сотни добровольных корреспондентов из числа учителей, священников и грамотных крестьян. Активная общественно-просветительская деятельность, заключавшаяся прежде всего в издании на чувашском языке газеты «Хыпар» (Вести) и ежегодника «Султалăк кёнеки» (Календарь), также приковывала внимание соплеменников к личности Н.В. Никольского. Круг лиц, вступавших с ним в переписку и присылавших полевой материал, в первые два десятилетия XX в. множился с каждым годом. Авторы публикуемых нами документов — также представители многочисленной корреспондентской братии из гущи народа.

Предлагаемое научной аудитории сочинение под названием «Возникновение деревни Ефремкиной, Денисовой тож, Дуван-Табынской волости Стерлитамакского уезда Уфимской губернии» (документ № 1) вышло из-под пера священника Стефана Ефремовича Ефремова. Оно датировано 13 августа 1914 г. Местожительство корреспондента — село Ефремкино Дуван-Табынской волости Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. В своем очерке автор на основе бережно сохраненного жителями д. Ефремкино (церковь в нем появилась в начале XX в.) документального материала — целой связки «довольно ветхих, полуистлевших бумаг» — прослеживает историю населенного пункта с момента появления первых его жителей (1780 г.) до 1870 г., уделяя особое внимание факту много-трудного водворения чувашских переселенцев Средней Волги на башкирской земле. Отношение новоселов и башкир-вотчинников — сквозной сюжет очерка. Как явствует из материалов составленной «летописи», оно в течение длительного времени было достаточно напряженным. Ефремкинцы вынуждены были не единожды заключать договоры с башкирами-вотчинниками о припуске на их земли. Правда, подобная ситуация в Приуралье в эпоху его интенсивной колонизации не являлась исключительным явлением. Так, у чувашей с. Кубово Уфимского уезда и губернии было четыре подобных акта, которые они бережно хранили²³. Кстати, их копии еще в досоветское время были введены в научный оборот²⁴.

Вывод автора рукописи о непростых отношениях новоселов со старожилами округа не может быть подвергнут сомнению. Земельные отношения башкир-вотчинников и переселенцев, оседавших на их землях, объективно не могли быть беспроblemными. Сведения о недружелюбном поведении коренного населения Приуралья к мигрантам — не редкость в исторических источниках. Так, по свидетельству Шуматовского волостного правления, в 1871—1884 гг. многие чувашские крестьяне вынуждены были оставить свою затею переселиться в Уфимскую губернию: отправленные ими ходоки нашли условия аренды башкирских земель стеснительными, а отношение башкир к переселенцам — «дурными»²⁵.

Публикуемый документ нами был подвергнут источниковедческой критике. В ее ходе выяснилось, что все перечисленные С.Е. Ефремовым в рукописи населенные пункты с разной степенью точности могут быть идентифицированы на современные карты субъектов Российской Федерации: Чувашской Республики, Республики Башкортостан и Самарской области. И еще один любопытный факт. Волостной старшина Утяган Мунгашев, о котором идет речь в рукописи, под именем «Утеган Муашев» фигурирует в архивных документах, введенных в научный оборот российскими историками. Так, как старшина Дуван-Табынской волости Ногайской дороги он упомянут в заемной записи башкира Ногайчуры Салдатова татарину Бакью Абдулгазизеву от 25 января 1779 г. и в купчей башкир Кутурбая Ялмаметева «с товарищами», данной ими 15 февраля 1787 г. статскому советнику А.И. Чирикову на земли по реке Белой²⁶.

Предпринятый нами поиск позволил выявить следующую информацию о личности автора публикуемой рукописи. Свою национальную принадлежность С.Е. Ефремов определил формулой «природный чувашин»²⁷. В письме, направленном Н.В. Никольскому 15 мая 1913 г., он сообщает адресату свой послужной список: учитель школы Братства святителя Гурия — 7 лет; учитель церковноприходской школы — 4 года; псаломщик — 10 лет, в том числе в сане диакона — 3,5 года (с 1909 г.); законоучитель школы Братства святителя Гурия — 3,5 года (с 1909 г.); законоучитель церковноприходской школы — более года (с 1 сентября 1911 г.)²⁸. Предположительно, он являлся уроженцем одного из населенных пунктов Цивильского уезда Казанской губернии. С мая 1906 г. до переезда в Уфимскую губернию состоял псаломщиком в с. Можарки²⁹. С лета 1913 г. стал служить в с. Ефремкино. Летом того же года, надо полагать, был рукоположен в сан священника. В письме Н.В. Никольскому за 15 мая 1913 г. Стефан Ефремов обозначает себя псаломщиком в сане диакона³⁰, а за 21 августа 1913 г. — священником³¹. Горячий сторонник богослужения на чувашском языке. Перевел на чувашский язык и издал тиражом 1200 экземпляров брошюру о первых казанских святителях³². По рекомендации Н.В. Никольского, 22 октября 1913 г. был принят в пожизненные действительные члены Общества археологии, истории и этнографии при Казанском императорском университете³³. По-видимому, при его же содействии на страницах церковной периодики опубликовал небольшое сообщение о конфессиональной ситуации в Цивильском уезде Казанской губернии³⁴.

«Летопись» с. Ефремкино — не единственное сочинение С.Е. Ефремова. В рукописном собрании Н.В. Никольского отложился ряд других

его этнографических зарисовок: «Состояние села Можарок», «Раздоры раскольников», «К вопросу о почитании огня» и неозаглавленное сообщение о чувашских наговорах; письмо-очерк о чувашской юмзе Пелагее, жительнице д. Кармалы Цивильского уезда³⁵.

Документ № 2 — источник личного происхождения. Из письма крестьянина поч. Новая Мусирма Нагаевской волости Уфимского уезда и губернии И.С. Казакова этнологу Н.В. Никольскому от 24 апреля 1911 г. предстает довольно детальная картина повседневной жизни чувашских переселенцев столыпинской волны на башкирских землях. Из него в разноцветье бытовых красок предстают нелегкие будни новоселов. Сама природа испытывает их на прочность: переселенцы переживают наводнение. (В своем письме от 10 июня 1911 г. корреспондент сообщает адресату о падеже скота и вымерзшей осенью, вследствие, надо полагать, ранних заморозков, урожая картофеля³⁶.) Некоторые из них с трудом привыкают к местным климатическим условиям: по полгода болеют лихорадкой. В полиэтнической среде чувашам дискомфортно: их почти не трогает богослужение в окрестной церкви на малопонятном «славянском» языке. Из-за языкового барьера не могут они сколько-нибудь свободно общаться со своими соседями: русскими, татарами, немцами, поляками и латышами.

Автор письма — уроженец д. Мусирма Староарабосинской волости Цивильского уезда Казанской губернии. Окончил местную школу Братства святителя Гурия, отслужил в армии. Чуваш. Имел семью³⁷.

Публикация осуществляется в соответствии с «Правилами издания исторических документов» (М., 1990). Текст воспроизводится по современным правилам орфографии, с сохранением стилистических и языковых особенностей подлинников. Пропущенные в документах и воспроизведенные по смыслу слова, а также сокращения воспроизводятся в квадратных скобках. Погрешности текста, не имеющие смыслового значения, устранены без оговорок в примечаниях.

Литература и источники

¹ *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. С. 50, 153.

² Цит. по: *Песни средненизовых чувашей* / Сост. *М.Г. Кондратьев*. Чебоксары, 1993. С. 268.

³ *Кузнецов И.Д.* Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары, 1963; *Каховский В.Ф.* Происхождение чувашского народа. Основные этапы этнической истории. Чебоксары, 1965; *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древнейших времен до середины XIX века. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993; *Ягафова Е.А.* Самарские чуваша (историко-этнографические очерки). Конец XVII — начало XX вв. Самара: ИЭКА «Поволжье», 1998; и др.

⁴ *Димитриев В.Д.* К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии // *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). Чебоксары, 1986. С. 294—325; *Иванов В.П.* Чувашский этнос. Проблемы истории и этногеографии. Чебоксары, 1998; *Ягафова Е.А.* Чуваша Урало-Поволжья: история формирования и традиционная культура этнотерриториальных групп чувашей. Чебоксары, 2007; и др.

⁵ См.: *Рахматуллин У.Х.* Население Башкирии в XVII—XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М.: «Наука», 1988. С. 81, 82.

⁶ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века. Уфа: «Китап», 1996. С. 266.

- ⁷ Материалы по истории Башкирской АССР. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Часть I. С. 82.
- ⁸ Кабузан В.М. Народы России в XVIII в. Численность и этнический состав. М.: «Наука», 1990. С. 246.
- ⁹ Брук С.И., Кабузан В.М. Миграция населения в России в XVIII — начале XX века (Численность, структура, география) // История СССР, 1984. № 4. С. 47.
- ¹⁰ Кабузан В.М. Указ. соч. С. 246.
- ¹¹ Там же. С. 127.
- ¹² См.: Николаев Г.А. Сельское народонаселение Казанской и Симбирской губерний в конце XIX — начале XX веков // Состав и положение населения Чувашии в XVIII — начале XX веков. Чебоксары, 1990. С. 83, 84.
- ¹³ Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60 — 90-е годы XIX в. М.: «Наука», 1981. С. 72, 74, 76.
- ¹⁴ Иванов В.П., Кондратьев М.Г., Матвеев Г.Б. и др. Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы. Чебоксары, 1989. С. 23.
- ¹⁵ [Никольский Н.В.] Наиболее важные статистические сведения об инородцах Восточной России и Западной Сибири, подверженных влиянию ислама. Казань, 1912. С. LX, LXIV.
- ¹⁶ Западные башкиры по переписи 1795—1917 гг. / Сост. А.З. Асфандияров, Ю.М. Абсалимов, М.И. Роднов. Уфа: «Китап», 2001. С. 582, 587.
- ¹⁷ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 177. Инв. № 5092. Л. 421.
- ¹⁸ Там же. Ед. хр. 280. Инв. № 6034. Л. 68.
- ¹⁹ Там же. Подсчет наш.
- ²⁰ Подсчитано по: Западные башкиры по переписям 1795—1917 гг. С. 485—533.
- ²¹ Там же. Подсчет наш.
- ²² См.: Быт и верования мордвы Симбирской губернии в 1783 г. (Из записок Мильковича) // Тамбовские епархиальные ведомости, 1905. № 18. С. 815—831; Быт и верования татар Симбирской губернии в 1783 г. (Из записок уездного землемера Мильковича) // Известия по Казанской епархии, 1905. № 15—16. С. 454—467; Этнографический очерк Мильковича, писателя конца XVIII в., о чувашах. С предисловием Н.В. Никольского // Известия Общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете (ИОАИЭ). Казань, 1906. Т. XXII. Вып. 1. С. 34—67; Владенная память 197 (1689) года Свияжского уезда деревни Андреевой безыасачной чуваше Иштыбайке Ахтубаеву с товарищами на урочища и угодыя по рр. Черемшану, Атасу // ИОАИЭ. Казань, 1910. Т. XXVI. Вып. 5. С. 489—493; и др.
- ²³ Н.Н. Несколько документов конца XVIII в. о земельных отношениях башкир и чуваш // ИОАИЭ. Казань, 1912. Т. XXVIII. Вып. 6. С. 585—592.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ См.: Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Уезд Ядринский. Казань, 1890. Вып. 9. С. 25.
- ²⁶ Материалы по истории Башкирской АССР / Сост. Н.Ф. Демидова. М., 1960. С. 81, 203.
- ²⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 166. Инв. № 4848. Л. 55.
- ²⁸ Там же. Ед. хр. 239. Инв. 5842. Л. 385—386.
- ²⁹ Там же. Ед. хр. 166. Инв. № 4848. Л. 68.
- ³⁰ Там же. Ед. хр. 239. Инв. № 5842. Л. 387.
- ³¹ Там же. Ед. хр. 251. Инв. № 5920. Л. 401—402.
- ³² См.: Жития святых Гурия, Германа и Варсонофия, просветителей Казанских / Изд. диакона села Можарок Цивильского уезда Казанской губернии С. Ефремова. Казань, 1910. 16 с. На чуваш. яз.
- ³³ ИОАИЭ. Казань, 1915. Т. XXIX. 1—3. С. 39, 70.
- ³⁴ См.: Ефремов С.Е. О язычниках Цивильского уезда // Известия по Казанской епархии, 1913. № 23—24. С. 711—714.
- ³⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 166. Инв. 4848. Л. 57—68; инв. № 4899. Л. 237—240; ед. хр. 173. Инв. № 4981. Л. 55—57; ед. хр. 215. Инв. № 5656. Л. 97—102.
- ³⁶ Там же. Ед. хр. 209. Инв. № 5613. Л. 426.
- ³⁷ Там же. Л. 424.

1914 г. августа 13. — Очерк-приложение к письму священника с. Ефремкино Дуван-Табынской волости Стерлитамакского уезда Уфимской губернии Стефана Ефремова сотруднику Переводческой комиссии Православного миссионерского общества Н.В. Никольскому о первых чувашских переселенцах — основателях деревни, водворившихся к башкирам, об их жизни в их среде.

Возникновение деревни Ефремкиной, Денисовой тож, Дуван-Табынской волости Стерлитамакского уезда Уфимской губернии.

[Л. 7] Деревня Ефремкина¹, она же Денисова тож, существует с 1780 года и название свое она получила от основателя деревни Ефремкиной некоего новокрещенина² из чуваш Ефрема Васильева, как о том свидетельствуют сохранившиеся у общества крестьян деревни (ныне села) Ефремкиной копии с разных подлинных документов, относящихся к возникновению деревни Ефремкиной. До настоящего времени сохранилась у общества³ крестьян упомянутой деревни Ефремкиной целая связка довольно ветхих, полуистлевших бумаг, в которой заключаются, главным образом, копии с прошений, подававшихся основателем сей деревни, крестьянином Ефремом Васильевым в разное время, начиная с 1781 года, в местные провинциальные канцелярии, копии с указов, выдававшихся последними, и самое первое договорное письмо⁴ о покупке земли от башкир, заключенное в июле месяце [в] 1780 году. Из этих бумаг видно, что основателем деревни Ефремкиной был некто из новокрещенных чуваш крестьянин Ефрем Васильев с товарищами [в составе] двадцати дворов, вышедший в 1780 году из Самарской губернии⁵ Бугульминского уезда деревни Ватюгановой Верхнее Ярмаковой тож⁶ по недостатку к извороту своей пахотной земли и других угодий. Впоследствии они приняли к себе крестьянина Казанского наместничества⁷ Ядринской округи деревни Илькевой⁸ Василия Иванова и других новокрещенных чуваш, в числе тринадцати душ, за плату по десяти рублей с каждой души по приемному письму 1795 года января 24 дня. В том же году июня 1 дня приняты на жительство по приемному письму новокрещенные чуваш: Казанского наместничества Ядринской округи деревни Караевой Алкеева тож⁹ Иван Андреев и товарищи его с семьями, всего 8 душ мужского пола; деревни Кибек¹⁰ Иван Ильин с товарищами и семьями; деревни Торбиковой Сугут [Л. 8] тож¹¹ Степан Иванов; села Первого Турунова¹² Михаил Феодоров с товарищами, в числе шести душ; и Симбирского наместничества¹³ Буинской округи деревни Верхней Атиковой¹⁴ Прохор Захаров с товарищем. Первое приемное письмо написано в 1795 году января 24 дня и подписано вместо неграмотных ефремкинцев, по их просьбе, отставным секретарем Василием Суслениковым, а второе написано в 1795-[м] же году июня 1 дня и подписано солдатским сыном Василием (фамилия стерта). Оба приемны[х] письма хранятся в целости. Перво-начально Ефрем Васильев и его товарищи (20 дворов) поселились на земле, купленной по договорному письму в июне 1780 года у старшины¹⁵ Дуван-Табынской волости¹⁶ Утягана Мунгашева и товарищей его —

башкир, в Стерлитамакской округе, при урочище, называемом «Иски Леканды» и отстоящем от настоящего места в 15 верстах, приблизительно, где они по четвертой ревизии¹⁷, как видно из копий документов, в сказках и показаны. Но, по неведомой для ефремкинцев причине, как выражается Ефрем Васильев в своей жалобе, недолго пришлось им жить на упомянутом месте. В 1781 году башкиры деревни Тюкуновой¹⁸ лишили их собственных домов, скота и птиц и разграбили у них разные вещи, избили их и прогнали с той земли, так как купленная ими у упомянутого старшины Мунгашева и товарищей его земля была не их собственная, а общая с башкирами деревни Тюкуновой, как оказалось впоследствии при расследовании дела судебной властью, а потому старшина Мунгашев и товарищи его не имели права продать землю при упомянутом урочище «Леканды» без согласия башкир деревни Тюкуновой. Из первого договорного письма видно, что земля была куплена на оброк¹⁹ для вечного и потомственного владения за плату по 20 копеек с каждого двора ежегодно, а из других бумаг, подававшихся в разные учреждения, видно, что Ефрем Васильев с товарищами (20 двор[ов]) поселился на земле, купленной за 300 рублей на 85 лет, при урочище, называемом «Леканды». Из этого можно заключить, что договор был заключен не один только раз, но остальные договоры, кроме первого, почему-то не сохранились до нашего времени. Количество земли ни в одной бумаге не [Л. 9] [у]казано.

Ввиду притеснения и причинения им обид и оскорблений со стороны башкир деревни Тюкуновой и, не находя никакого способа выйти мирным путем из тягостного и печального положения, Ефрем Васильев вынужден был обратиться с жалобой на действия башкир к господину генерал-поручику, правящему должность Уфимского и Симбирского генерал-губернатора Оренбургского драгунского полка шефу и разных орденов кавалеру барону Осипу Андреевичу Игельстрому²⁰, в которой он, Васильев, и просил его произвести о причиненных ему и его товарищам притеснениях и обидах, чрез кого надлежит, следствие и приказать башкирам удовольствоваться их по данному договорному письму землею из собственных дач в другом месте. Господином генерал-поручиком Осипом Игельстромом было предложено Уфимскому наместническому²¹ правлению по этой просьбе кому принадлежит приказать исследовать и, кому точно оная земля принадлежит, ко владению ею и допустить и буде старшина Мунгашев с товарищами отдал в наем землю не собственную их, а чужую, то чтобы приказать старшине Мунгашеву и товарищам его — башкирам — по договорному о той земле письму удовольствовать просителя Ефрема Васильева и товарищей его из собственных их дач в другом месте хлебопахотную землю, сенокосными и лесными угодьями, дабы они не могли придти в вящее разорение. Но так как по расследовании дела оказалось, что старшина Мунгашев и товарищи его башкиры действительно продали землю не свою собственную, а общую с башкирами деревни Тюкуновой, то по учиненной в упомянутом наместническом правлении резолюции, посланной из оного правления в Стерлитамакский нижний земский суд, указом велено старшине Мунгашеву и товарищам его, продавцам башкирам, объявить, чтобы они по договорному о той спорной земле письму новокрещенных упомянутых чувашей удоволь-

ствовали пахотной землею, сенокосными и лесными угодьями в другом месте из своей собственной земли. На основании сего указа старшина Утяган Мунгашев с согласия других башкиров вместо прежде данной спорной земли дал частоупоминаемым чувашам пустолежащую и никем не заселенную в урочище при лесе близ Денисова озера землю, о которой тогда еще никакого спора [Л. 10] ни с кем не было, а также согласились башкиры отдать Ефрему Васильеву во владение и собственную их мельницу, состоящую по речке Карламане со всеми к ней принадлежащими инструментами. Пользовался ли этой мельницей Ефрем Васильев когда-либо, о том ни в одной бумаге не упомянуто. В настоящее время оная мельница находится в пользовании башкир-татар деревни Кармаскалов²² на их собственной земле. Земля близ Денисова озера осталась навсегда в пользовании чуваш — крестьян деревни Ефремкиной, и озеро в настоящее время находится среди села. Почему это озеро называется Денисовым, никаких письменных доказательств на это не имеется, а сохранилось лишь темное предание, что в этом озере когда-то утонул некто башкирин, по имени Денислам, и с того времени оно стало называться Денисовым озером, а деревня стала называться «Ефремкина-Денисова тож», по-чувашски «*Тинёс кюль*»²³, что значит по-русски Денисово озеро, или море-озеро. Озеро имеет круглую форму, оно довольно глубокое и большое, в нем имеются небольшие рыбы: леши, караси и пр. Говорят, что башкирин Денислам, утонувший в озере, был человек знаменитый и известный всем башкирам Стерлитамакской округи, а потому в настоящее время башкиры и чуваша здешнего края называют село «*Тинёс кюль*», а не «Ефремкино». Мне, составителю сей летописи, пришлось нанимать в ямщики башкиров на постоялом дворе в гор[оде] Уфе²⁴ для поездки в село Ефремкино в июне месяце 1913 года. Ямщиков башкиров было много, но ни один из них не знал, где находится село Ефремкино, а когда им сказали, что мне нужно ехать в «*Тинёс кюль*», то все в один голос загалдели, что они «*Тинёс кюль*» знают очень хорошо. Из этого можно предположить, что село Ефремкино впоследствии получило свое название «*Тинёс кюль*» от имени утонувшего известного башкирина Денислама, а потому башкирам и известно более название «*Тинёс кюль*», а не «Ефремкино».

На новом месте, близ Денисова озера, Ефрем Васильев и товарищи его первоначально обзавелись только тремя домами и, как видно из разных копий с документов, обзавестись полным хозяйством, ввиду притеснений со стороны [Л. 11] башкир, они боялись, так как башкиры, несмотря на данный им договор, не перестали делать им притеснения, и они (чуваша) терпели от них (башкир) разные оскорбления и обиды. «Приезжая в деревню нашу не в малом количестве, башкирцы деревень Мукеевой²⁵ и Куляровой²⁶, — пишет в своей жалобе Ефрем Васильев, — принуждают нас совсем с той ныне заселенной земли съезжать, угрожают дома наши и строения вовсе разломав разбросать и, если в самом деле от них, башкиров, сие нежеланное приключение нам причинено будет, то мы, лишаясь всего своего имущества, можем претерпеть горестное страдание и дойти до всеконечного разорения, а паче по нынешнему зимнему времени со своими семействами и скотом где жительство иметь и каким

образом спастись, не находим никакого способа». По оной жалобе было произведено расследование дворянским заседателем Барановым, который при этом, как видно, допустил некоторые неправильности, а именно: не допросил свидетельской стороны по делу о причиненных чувашам обидах, и на действие господина Баранова в 1788 году Ефремом Васильевым была подана в Уфимское наместническое правление жалоба. Какое последовало распоряжение со стороны наместнического правления по поводу жалобы Ефрема Васильева на неправильное действие дворянского заседателя Баранова, не известно, так как из документов никаких дальнейших распоряжений по этому делу со стороны наместнического правления не видно, а имеются только лишь копии с прошений, из которых можно вывести заключение, что вышеупомянутая жалоба [была] оставлена без удовлетворения. В 1794 году Ефремом Васильевым было подано прошение на имя Ее императорского величества государыни императрицы Екатерины Алексеевны²⁷, прося защиты от притеснений и обид, причиняемых ефремкинцам башкирами. Какой результат получился от этой жалобы, о том не имеется никаких документальных доказательств, а лишь только можно предположить, что просьба Ефрема Васильева императрицею Екатериною Алексеевною была удовлетворена, так как из копий документов видно, что жалобы с просьбой об оставлении их близ Денисова озера и с просьбой защитить их от притеснений башкир более не подавались. Башкиры получали за землю от новокрестьян плату ежегодно натурою и деньгами. Башкиры, как видно по документам [Л. 12], были люди грубого и дикого характера и с испорченными нравами, к тому же приучались от них постепенно и упомянутые чуваша. Особенно развит был у башкир порок пьянства, и порок этот перешел от них и к чувашам деревни Ефремкиной. Находясь под давлением башкир, ефремкинские чуваша должны были во всем подражать им. Башкиры ежегодно требовали с них вина и водки. В расходе, употребленном за землю в 1836 году, значится, что башкирам выдано за землю 495 руб. 50 коп., в том числе выдано: 1) на 15 руб. один бык на съедение, 2) на 15 руб. водки и вина и на 7 руб. 50 коп. — 500 яиц. Как тогда еще башкиры без вина ничего не делали, так и ныне они, а вместе с ними и чуваша, без вина почти ничего не делают. В прежнее время чуваша во многих случаях до-вольствовались своим домашним пивом²⁸ и квашеным медом²⁹, ныне же водка совершенно почти вытесняет этот домашний напиток и является главным угощением чувашина. Этому злу подвержены в настоящее время в одинаковой степени и башкиры, и чуваша, а потому чуваша деревни Ефремкиной живут бедно. При экономическом обеднении чуваш и при неумении их зарабатывать средства к существованию, помимо земледелия, пьянство в той степени, в какой встречается среди них, приносит очень чувствительный вред их материальному благосостоянию, не говоря уже о его вредных нравственных последствиях. Вообще, не легко жилось ефремкинцам, а особенно тогда, когда они платили башкирам за землю ежегодно натурою и деньгами и, кроме того, башкиры насильно увозили от них домашних птиц и скот. С 1870 года чуваша сняли с себя некоторую тягость. В этом году казна отняла у башкир землю³⁰, имевшуюся сверх определенной пропорции душевого надела, и отдала чувашам, и обложила

их выкупными платежами наравне с прочими государственными крестьянами. 16 сентября 1870 года по указу Его императорского величества³¹, государя императора Александра Николаевича³², самодержца Всероссийского и прочая, и прочая, и прочая, утверждена межа и сочинена межевая книга, по поручению Уфимского губернского по крестьянским делам присутствия, межевого корпуса, землемера 1-го разряда надворным советником Александром [л. 13] Порошиным на участок дачи Уфимской губернии³³ Стерлитамакского уезда Тюкунь Кситабынской и Дуван-Табынской волостей, образовавшейся по специальному размежеванию под названием деревни Ефремкиной, поступивший в надел башкирских припущенников³⁴ из чуваш государственных крестьян по числу душ 7-й ревизии³⁵. Участок сей, согласно разделного акта, вымежеван из общей дачи вышеписанных волостей деревни Верхней Тюкуновой с прочими. В этом участке по межевой книге значится земли всего удобной и неудобной 1694 десятины и 1581 сажень, а за исключением неудобных мест было одной удобной земли 1680 десятин 479 сажень. В той же межевой книге значится, что по X ревизии³⁶ в деревне Ефремкиной дворов было 74, а жителей: мужского пола 189, а женского пола 180, а ныне налицо (т.е. в 1870 г.): мужского пола 210 человек, а женского 194 человека.

Села Ефремкина Стерлитамакского уезда Уфимской епархии священник Стефан Ефремов.

НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 256. Инв. № 5947. Л. 7—13. Подлинник. Рукопись.

Примечания

¹ Современное название населенного пункта — Ефремкино (*Тинёскүль*). Жители — чуваш. Центр одноименного сельского поселения. Входит в Кармаскалинский район Республики Башкортостан.

² Новокрещены — 1) принявшие крещение иноверцы; 2) в исторической литературе: контингент приверженцев православия из коренных волжских народов, принявших крещение после издания указа 11 сентября 1740 г. о массовой христианизации иноверцев.

³ Здесь административная и поземельная единица.

⁴ В своем письме (от 13 августа 1914 г.) к Н.В. Никольскому автор рукописи сообщает, что «первый договор в переводе с татарского языка написан интересным почерком». См.: НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 256. Инв. № 5947. Л. 3.

⁵ Самарская губерния — административно-территориальная единица России. Возникла 1 января 1851 г. Сформирована из частей Симбирской (Самарский, Ставропольский уезды), Оренбургской (Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский) и Саратовской (Николаевский, Новоузенский) губерний. Центр губернии — г. Самара. В первом десятилетии XX в. включала в себя 7 уездов: Бугульминский, Бугурусланский, Бузулукский, Николаевский, Новоузенский, Самарский и Ставропольский. В 1928 г. преобразована в Средневолжскую область. В 1780 г., как видим, Самарской губернии еще не существовало. Указываемый автором рукописи Бугульминский уезд также учрежден только в 1781 г.; входил в состав Уфимского наместничества. С 1796 г. он стал частью Оренбургской губернии и лишь с 1851 г. оказался в составе впервые учрежденной Самарской губернии. Надо полагать, что составитель «летописи» с. Ефремкино не располагал подобными сведениями. Не исключено, что идентификацию д. «Ватюгановой Верхнее Ярмаковой тож» он проводил на административную карту первого десятилетия XX в.

⁶ Идентификация названного населенного пункта затруднена. Часть сел, возникших в степном краю в феодальную эпоху, из-за набегов кочевых орд прекратила свое существование. Бугульминский уезд в разные периоды своей истории входил в состав Казанской, Оренбургской и Самарской губерний, а также в Уфимскую область Уфимского наместничества. Предположительно в рукописи речь идет о с. Большое Ермаково (*Ярмакель*), ныне входящем в Кошкинский район Самарской области. Жители — чуваш и русские.

⁷ Казанское наместничество — административно-территориальная единица Российской империи. Образовано в 1781 г. на основе территории, ранее входившей в Казанскую провинцию. Просуществовало недолго — в 1796 г. оно вновь было преобразовано в одноименную губернию. Включало в свой состав 13 уездов: Арский, Казанский, Козьмодемьянский, Лаишевский, Мамадышский, Свияжский, Спасский, Тетюшский, Чебоксарский, Чистопольский, Царевококшайский, Цивильский и Ядринский.

⁸ Надо полагать, что здесь речь идет о д. Аликеева (Алкеево) Убеевской волости Цивильского уезда, зарегистрированного в переписных книгах 1719 и 1747 гг., а также и в других источниках XVIII в. В настоящее время потомки жителей названного населенного места, вероятнее всего, проживают в д. Сормхири (*Суръмхёрри*) Караевского сельского поселения Красноармейского района Чувашской Республики. Жители — чуваш. См.: *Димитриев В.Д.* Чувашские материнские селения Свияжского, Кокшайского, Чебоксарского, Козьмодемьянского, Цивильского, Ядринского, Курмышского и Симбирского уездов первой половины XVIII в. Справочник. Чебоксары, 2006. С. 37; *Никольский Н.В.* Собрание сочинений. Труды по истории христианизации и христианского просвещения чувашей / Сост. *Г.А. Николаев*. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. С. 259.

⁹ В материалах Генерального межевания по Ядринскому уезду Казанской губернии данное населенное место зарегистрировано как «с. Аликеевой Караево тож». Современное название населенного пункта Караево (*Карай*). Жители — чуваш. Входит в Красноармейский район Чувашской Республики. См.: НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 205. Инв. № 491. Л. 26.

¹⁰ В настоящее время в число потомков данного населенного места предположительно могут входить жители одного из нижеперечисленных чувашских поселений Чувашской Республики: д. Кибеккасы (*Кипеккасси*) Ишаковского сельского поселения Чебоксарского района; д. Вурман-Кибекы, Вурманкас-Кибекы (*Върман Кипек, Върманкас Кипек*) Ойкас-Кибекского сельского поселения Вурнарского района; д. Ойкас-Кибекы (*Уйкас Кипек*) одноименного сельского поселения Вурнарского района; д. Нижние Кибексы (Анатри Кипексе) Рындинского сельского поселения Цивильского района; д. Байдуши (*Пайтуши*) Малоянгорчинского сельского поселения, в состав которой в 1964 г. вошла д. Верхние Кибексы (Тури Кипексе).

¹¹ Современное название населенного пункта — Сугут-Торбиково (*Сăкăм*). Жители — чуваш. Входит в состав Сявалкасинского сельского поселения Вурнарского района Чувашской Республики.

¹² Современное название населенного пункта — Туруново (*Тăрăн*). Жители — чуваш. Потомками новопоселенцев с. Ефремкино в настоящее время в Чувашской Республике могут являться жители с. Туруново Туруновского сельского поселения Чебоксарского района или д. Туруново Байгильдинского сельского поселения Канашского района. Автор рукописи мигрантов 1795 г. называет выходцами из *села*. Надо полагать, данное слово им употреблено как синоним к слову «деревня». Ни в одном из указанных населенных мест в 1795 г. не было церкви. Православный храм в с. Туруново появился только в 1810 г. И с. Туруново, и д. Туруново в историческом прошлом носили название *Первое Туруново*. См.: Крестьянское землевладение Казанской губернии. Цивильский уезд. Казань, 1907. Вып. 9. С. 24; Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачева в Чувашии. Сборник документов / Сост. *П.Г. Григорьев, В.А. Нестеров*. Чебоксары, 1971. С. 44, 150, 223, 243, 265; *Браславский Л.Ю.* Православные храмы Чувашии: Справочное издание. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1995. С. 266, 267.

¹³ Симбирское наместничество — административно-территориальная единица России. Образовано в 1780 г. на основе территории, ранее входившей в Симбирскую провинцию Казанской губернии. Просуществовало недолго — в 1796 г. преобразовано в одноименную губернию. Включало в свой состав 13 уездов: Алатырский, Ардатовский, Буинский, Канадейский, Карсунский, Котляковский, Курмышский, Самарский, Симбирский, Сенгилеевский, Ставропольский, Сызранский и Тагаевский.

¹⁴ Современное название населенного пункта — Верхнее Атыково (*Çăл Атăк*). Жители — чуваш. Входит в состав Шаймурзинского сельского поселения Батыревского района Чувашской Республики.

¹⁵ Здесь должностное лицо, стоявшее во главе башкирской волости. В их компетенцию входило решение ряда вопросов, касающихся административной и поземельной единицы, каковой являлась волость. Сдача земельных угодий в оброчное пользование, припуск в вотчины переселенцев — одна из них. Одновременно, вследствие специфики башкирской волости, волостные старшины являлись и предводителями своих родов.

¹⁶ Волостная административная система на башкирских землях стала формироваться после их вхождения в состав России. В основу их организации был положен этносословный принцип. Статус волостей получили крупные племена и роды башкир. Небашкирское население региона образовывало свои волости. Стержневые основы башкирской волости: общность происхождения их жителей; совместное общинное владение на правах частной собственности вотчинами. Делились на более мелкие составляющие — тюбы (аймаки), которые в свою очередь состояли из аулов. К середине XIX в. волости стали больше административно-территориальными образованиями (единицами), чем сословными. Их внутренняя «природа» изменилась: произошла постепенная замена родоплеменных связей соседскими. См.: *Шакурова Ф.А.* Башкирская волость и община в середине XVIII — первой половине XIX века. Уфа, 1992; и др.

¹⁷ Ревизии — переписи населения — в феодальную эпоху обычно растягивались на несколько лет. В исторической литературе их принято датировать по году обследования, когда была учтена наибольшая масса населения. Для четвертой ревизии таковым является 1782 г.

¹⁸ Их потомками в настоящее время, надо полагать, являются жители двух башкирских деревень: Верхний Тюкунь и Нижний Тюкунь. Оба входят в состав Камышлинского сельского поселения Кармаскалинского района Республики Башкортостан.

¹⁹ Здесь форма платы за припуск на земли башкир.

²⁰ Осип (Иосиф) Андреевич Игельстром (?—1817) — российский военный и государственный деятель, представитель известного ливонского рода, барон, впоследствии граф и генерал от инфантерии. В 1784—1792 гг. занимал пост генерал-губернатора Симбирского и Уфимского, а в 1796—1798 гг. являлся Оренбургским военным губернатором. Участник русско-турецкой и русско-шведской войн.

²¹ Уфимское наместничество учреждено 23 декабря 1781 г. Центр — г. Уфа. Включало Уфимскую и Оренбургскую области. Первая делилась на 8 уездов, вторая — на 4. В 1796 г. Уфимское наместничество преобразовано в Оренбургскую губернию.

²² Современное название населенного пункта — Кармаскалы. Жители — татары. Центр одноименного сельского поселения и района Республики Башкортостан.

²³ Так в рукописи. Правильно: «*Тинёс кўль*».

²⁴ В настоящее время административно-политический, экономический, научный и культурный центр Республики Башкортостан. Столица субъекта Российской Федерации. Начало городу положила крепость, построенная в 1574 г. С 1586 г. город. В XVII — XVIII вв. город-крепость постепенно превращается в политический и экономический центр Башкирского Приуралья. В разные периоды своей истории входила в состав Казанской и Оренбургской губерний, являлась центром одноименных провинции и наместничества. С 1805 г. — Уфа губернский город с резиденцией гражданского губернатора и губернских учреждений. С раз-делением в 1865 г. Оренбургской губернии на две административные единицы — Оренбургскую и Уфимскую губернии — она стала центром одноименной губернии. С июня 1922 г. Уфа — столица Башкирской АССР.

²⁵ Современное название населенного пункта — Мукаево. Жители — башкиры. Входит в состав Новокиешкинского сельского поселения Кармаскалинского района Республики Башкортостан.

²⁶ Населенный пункт сохранил прежнее свое название. Жители — башкиры. Входит в состав Ефремкинского сельского поселения Кармаскалинского района Республики Башкортостан.

²⁷ Государыня императрица Екатерина Алексеевна — Екатерина II.

²⁸ Пиво (*сăра*) — традиционный хмельной напиток чувашей. При его приготовлении использовались хмель, ржаная мука или ячменный солод, а также пивные дрожжи. Пиво варили практически в каждой семье. Оно, в зависимости от предназначения, изготавливалось разной крепости.

²⁹ Надо полагать, что здесь имеются в виду традиционные чувашские хмельные напитки на медовой основе: *сим пыл* и *кăрчама*.

³⁰ 10 февраля 1869 г. император Александр II утвердил мнение Государственного совета «О размежевании башкирских дач для наделения землею башкир-вотчинников и их припущенников, и о порядке продажи и отдачи в оброчное содержание общественных башкирских земель», что повлекло изменения в землепользовании башкир-вотчинников и их припущенников. См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе (ПСЗ — II). № 46750.

³¹ Здесь ошибка. 16 сентября 1870 г. Александр II подписал указ «Об учреждении стипендии в Коммисаровский Технической школе». Надо думать, что автор рукописи здесь имел в виду указ, подписанный императором 17 сентября 1870 г. «О назначении в Уфимское губернское по крестьянским делам присутствие особого члена по размежеванию башкирских земель». См.: ПСЗ — II. № 48724; № 48727.

³² Государь император Александр Николаевич — Александр II.

³³ Создана в 1865 г. в ходе раздела Оренбургской губернии на две административно-территориальные единицы.

³⁴ Категория населения на башкирских землях, сформировавшаяся в результате припуска на их вотчинные владения. Первыми припущенниками были башкиры, лишившиеся вследствие разных обстоятельств вотчинного права на землю. Вытесненные из общины, они селились на определенных условиях к соплеменникам своей или чужой вотчины. С XVII в. названная социальная группа стала пополняться пришлым населением. Суть припуска новопоселенцев на вотчинные владения заключалась в сдаче им на определенных условиях в аренду земельных угодий. В пользу башкир — владельцев вотчин припущенники платили оброк, выполняли разные повинности, совместно с ними платили казне ясак. В сословном и этническом отношениях они являли собой пеструю массу. Их численность с приходом все новых переселенцев на башкирские земли неуклонно росла.

³⁵ Основная масса населения в ходе седьмой ревизии учтена в 1815 г.

³⁶ Основная масса населения в ходе десятой ревизии учтена в 1857 г.

№ 2

1911 г. апреля 24. — Письмо крестьянина-переселенца поч. Новая Мусирма Ново-Петровского общества Нагаевской волости Уфимского уезда Уфимской губернии И.С. Казакова сотруднику Переводческой комиссии Православного миссионерского общества Н.В. Никольскому о жизни чувашских переселенцев в основанной ими на башкирской земле деревне.

ЭЙ, ПИРЕ СҮТАТСА ТҘРАКАН ИЗДАТЕЛЬ!¹

Эпё сиртен, халӑхра кирлӗ ырӑ сүтта сиртен ыйтсассӑн, эсир вӑл сүтта пире каласа кӑтартсассӑн, сирӗн каласа кӑтартни пире питӗ калама сук пысӑк уй кӳрекен сүтӑ пулӗччӗ тесе ӗненсе, эпӗ сиртен пӗтӗм чӗререн тархасласа, пожалуйста, виҫӗ экземпляр чӑваш чӗлхипе ҫаптарӑ «Сүталӑк кӗнеки»² ҫак 1911-мӗш сүлшӑн ҫапнине ман патӑма ырӑрччӗ тесе йӑлӑнатӑп.

Унтан тата вӗсемпе пӗрлех ман патӑма яма сирӗн пире интереслӗ кӗнекесем сук-и? Тата сире хӑвӑра пиртен кирлӗ хыпарсем кирлӗ мар-и? Эпӗ сирӗн патра хамӑр епле пурӑннине тата хамӑр районри хыпарсене те сирӗн патра ҫырса ярса пӗлтерӗп.

Эпир халь, чӑвашсем, ырӑс, хохол³, поляк, латыш, нимӗсче тутарсем хушшинче пурӑнатпӑр. Эпир, чӑвашсем, ҫав тӗрлӗ халӑхсенчен ыйтса каласма пултарайманран, нимӗн хыпар илтмесӗр-пӗлмесӗр, тӑн-пуҫ выҫсипе выҫӑхса пурнатпӑр.

Ҫавӑнпа эпӗ сиртен тӑн-пуҫамӑра тӗттӗмрен сүтта кӑларӑрччӗ тесе пӗтӗм чӗререн йӑлӑнса сүтӑ ыйтса пӗлӗмлӗхе вӗренме кӗнекесем ыйтатӑп.

Эпӗ ыйтса йӑлӑннине ырӑна хурӑр, ан пӑрахӑр пире, тӗттӗмре пурнакансене, тесе йӑлӑнатӑп сире.

Эпир хамӑр ялта 19 кил пурнатпӑр. Пирӗн ялӑн ҫӗр нумаях мар, мӗн пурӗ те 206 тесетине⁴ анчах. Эпир ҫак ҫӗре кашни киле харпӑр хӑйӗн вӑйӗ ситнӗ таран, укҫа парса илнӗ ҫӗнӗ ҫӗрте пурнатпӑр. Пирӗн ял ятне агент страхового общества починок Нов[ая] Мусирма⁵ тесе ҫырчӗ (Нагаевской волости Уфимской губ[ернии]⁶ и уезда).

Эпир сак Уфа кёпёрнине сёне сёре пуранма Хусан кёпёрнин⁷ Сёрпу уйес Арапус кантурён⁸ Муфирма⁹ ятл ялтан кусса кайса, сёне сёрте 4-мёш сул пурнатпяр. Халё эпир пурнакан сёне сёрте, пирён ял, Шур Атала¹⁰ кёрекен Сим¹¹ ятл пысак шыв улахёнче, шыв хёрнех пырса ларнй. Шывё сарлака юхатъ, сул[л]а шыв чакса ситнё вяхатра, сарлакэш 40 чалаш¹² ытларах, таранаш 7—8 шитрен¹³ кая мар юхатъ. Шыв асма сак Сим шывнех пырассё. Шывё ёсме пит аван и [тата] тяр, пятранчак мар. Пирён сёр пётёмнех улах ыранта, саванпа пирён сёр синче кулёсем те пур. Вёл кулёсенче пуласем тытатпяр, пуллисем 3-шер кёрепенкё¹⁴ ытларахсёсене те тыткалатпяр. Ывт¹⁵ сулмалла сарансем те пур, хашё-хашё сав ырансенех клеверсем, тимофеевка кураксем акса кашни сул 2-шер хут сулса илессё. Унтан тата тыр акакан сёрсем те пур. Сёрёне хёрлёрех хамар хайярлй тйпрасем нумайтарах, ыранёпе хура тйпрасем те пур. Тыр аван пулатъ, кирек епле тыр аксан та пулатъ. Тыр акакан сёрсем пирён ялан кашни килле 2-шер тесетинран ытла тасатайман-ха, мёншён тесен ытти вара пирён сёр пётёмпе вйрманлйх. Пирён ял сёрёнци вйрманта тёрлй йывёсsemех пур, акй саксем: юман, хурама, сйка, авёс, хуран. Ку йывёсsemенчен пурт-хуралтйсем тйватпяр. Пуринчен ытла сйкасенчен хамйра кирлй япаласем тйватпяр; самрак сйкасен хупписенчен сйпатасем тйватпяр. Унтан вара шултра сйкасен хуппинчен хуййрёсене савасемпе саваласа хйпартса хупсем тйватпяр. Йывёс сыв пулсан вёсенчен пёренесем тата кёресем тйвассё. Йывёсё хавёл пулсан сават-сапасем тйвассё. Сйкан тйрринчен касса вётё турачсёсене милёк пек туса, хёлле суралнй сурйх путеккисене сав сйка милёк сулсине ситерессё. Кунта эпир сйка хупписене йывёсsemенчен хйпартнй кунах айш вяхатра шыва кайса хутсан, курак хупсем шывра 2 ёрне ыртсан, мунчали пулсан кйларса сурёмёр. Мунчалине Иглино станцине¹⁶ илсе кайса пйтне¹⁷ 60-шар пуса сутрамйр. Вёл мунчаласене Сибире [Сёпёре] ячёс. Унтан тата пирён вйрманта тирексем, сирёксем, палансем, сёмёртсем пур и [тата] йёлмесем пур. Кунти чйвашсем сёмёрт хунавёсенчен авса пёчёксё тимёр пйтасемпе сапса пукансем тйвассё. Аня вёсем чукун сул сине Иглино станцине кайса сутассё. Иглино станцинче сав лармалла пукансене 25-шер пусран 60-шар пуса ситеччен илессё.

Иглино станци (Самаро-Златоус[товс]к[ой] ж[елезной] дор[оги]) пирён ялтан хёвел анйспе сурсёр хушё енелле 30 сухрамйр¹⁸. Шур Атёл хёрёнци Нов[ая] Троицки¹⁹ пристань пирён ялтан кйнтйрла енче 25 сухрамйр. Пирён Нагай вулёс кантурё пиртен хёвел анйспе кйнтйрла хушши енче 40 сухрамйр. Яхан пуль. Уфа кёпёрни хули пирён ялтан хёвел анйс енелле 60 сухрамйр.

Малта эпё пирён ял ыранё Шур Атёла кёрекен Сим ятл пысак шыв хёрринче тесе сырнйчё. Сак Сим шывне эпир 4-мёш сул пурана пусланйранпа сырёнчен шыв тухса, суркунне пётём улах шыв сырёнчен тухса ял хушшинче сурейми шыв тулнине курманчё. Кйсал суркунне, шыв сыранёнчен тухса пётём улах сёрне шыв тулса юхрё, тикёс ырансенче шыв таранашё сур аршйана²⁰ яхан пулчё. Тыр акнй ырансем, сарансем, кёрхи йёпе хыссан пите сивёпе сёр аван шйанса юлнипе, суркунне шыв тулса юхнй чух та, сёр шйанё ирёлменрен, пирён аня-сарансене нимён сиен те пулмарё.

Шыв хай сырёнчен тухса пёр талйк ытларах анчах тулса юхрё. Сынсем хашё-хашё хайсен килёнчен тухса сурлёрех ырансенче пурнакансем патне

кусса кайса пурәнчәс. Лутрарах ыраңсенче пурнакан сынсен пұрчә[сен] урай хамисене шыв илсе пұртре сўреме юрами шыв тулчә. Ун чухне вара ыльахсене хашә сўлө ыраң туса, хашә тырә хуракан клетсене, хашә тата хайсем пурнакан пұрте те кўтрәс. Ун чухне пёр сұлхи пәру шыва кайса вилчә. Сак шыв апрелән 5-мәш кун тула пусласа 7-мәш кунәнче чакса пётрә.

Пиртен инсә мар, 3 сұхрамри с. Кальтовка²¹ ятлә ыраңс яләнче, чиркў пур. Турра келтума сав ялти чирккўве каятпәр, вёсен приходәнче чавашсем пур, анчах та сахалтарах, саванпа вёсен чирккёвәнче Турра славянсен чөлхипех келтәвассә. Эпир ун чухне, нимән аңланаймасәр, малалла Турашсем синелле пәхкаласа тәратпәр. Юрласса та питә начар юрлассә. Эпә пёрре хамаран чаваш чөлхипе кәнтәрлахи келә умәнхи сехет келлисене вулама тесе ыйтрам та, пачашкә вулама чарчә те, эпә унти чавашсене вуласа катартайманшан кәмәлсәр пулса чиркўре тәнә сёртех питә шухаша кайрам. Пачашки те, тиечукә те — ыраңс.

Суркунне юр пётсен, сёр типеймесёр пылчакланса тәнә вәхәтра, кунта пирән ялта сиввә чирёпе²² аптраса хашә-хашә суршар сула яхан чирлесе пурәнассә. Хаш хәрарәмсем хайсене юмәс²³ карчаксем вёрентсе пелнипе темән те пёр хәтланассә. Пёрре пёр самрак арам сиввә тыта пусларә, сапла сиввә тытнә вәхәтра, ку самрак арамән амашә, хай хөрәнчен нумайрах пелнипе, хай хөрне хөрхенсе йепле те пулсан хай пелнипе хөрин сиввә чирне тўрлетме тәрәшнә. Сапла ёнтә пёрре хай самрак арам патне ирхине ирех сёмёрт хуллипе пырса сиввә чирёпе асапланса ыртакан хөрне, ыраңә синчен туртса антарса, сиввә чирне хәнетәп тесе хай хөрне хай сёмёрт хулапа сапса хәнесе пәрахрә²⁴. Хөрә тем пек уласа йёрсе юлчә. Амашә сиввә чирне хәнерәм тесе килнелле кулкаласа кайрә. Сиввә чирә ун хөрә сүмәнчен пушших кайман, тата ытларах сиввә тыта пусларә. Хайхи айван карчак та урәх майлә әс тупнә та, тепёр 2 кунтан сывмар ыртакан хөрә патне ирхине ирех темән төрлө васкаса сўрен пек туса, әс кунта мәншән ыртатән, часрах тухса тар ку пұртрен, тулта сирән пұрт сунатә вёт, әс те кунта сунатән, тух хәвәтрах тула тесе, хөрне тула сётёрсе тухсанах, карчак каллах сиввә чирне вутпа хәратрам-ха ёнтә тесе, хөрне пәрахсах килнелле кулса кайрә. Хөрә унән ултавне курсан пұртне кёрсе, сывмар хальлөнөх хайән ыраңә синөх ыртнә. Сиввә чирне хәратса ярасшан аңа карчак сиввә шывпа та витрепех пус тәрәх сапса та пәхрә²⁵, тата урәх төрлө те нумай хәтланчә те, сапах та карчакан пелни нимёскер усси те пулмарә. Унән хөрә сур сұлсәр сывалаймарә.

Тата сав сиввә чирне хәвалакан карчакан хайән хәрах кусә суккәр, шур илнә²⁶. Сак карчакан тепёр кусә те пәсәла пусланә-мән. Хайхи карчак тастан наркәмәш (сулема²⁷) тупнә та ликартсә кирек мәнле сурана та тўрлетә тесе пәсәлнә кусә сак наркәмәша сәпата тәвакан шешлөпе сёмёркелесе сапнә. Наркәмәш кунән кусә питә ыраттара пусласанах ман патәма унән пёчиккә хөрә пирән анне вилет тесе йёрсе чупса та ситрә. Эпә ку арам мән пулнә-ши ёнтә тесе хәраса васкаса пырса кётәм пұртне. Пұртәнче пётәм сөмийпех йөрессә. Вара эпә мән пулни синчен хәвәтрах ыйтрам та, вёсем мана куә наркәмәш янине каласа катартрәс. Анчах аңа тўрлетме манән әсәм суккипе нимән әмел те сукран, хайсенченөх ёне сөчә ыйтса илсе, кусә наркәмәш ан пәстәр тесе, кусә сав ёне сөчөпе сур

сехете яхӑн суса тӑтӑм, унтан уӑн куҫӑ шыҫса кайнипе, уӑн куҫне уҫайми пулсан сума чарӑнтӑм та киле таврӑнтӑм, карчӑка шыҫнӑ куҫӑ сине сиввӑ шывпа йӑпетнӑ шурӑ таса тутӑр витсе тӑма хушса хӑвартӑм. Сапла тусан сав суккӑр карчӑкӑн наркӑмӑш янӑ куҫӑ 2 талӑкрӑн пӑр сиен юлмасӑр тӑрленчӑ.

Эсир ман патӑма малта каласа сырӑн 3 экзем[пляр] чӑвашла календарсене ярас пулсан халь Иглино станцине ярӑр, унта манӑн хурӑнташ сынӑм пурӑнать: Петр. И[ван] С[тепанов]. Савӑнпа ун патне адрес сапла сырса ярӑр: Ст[анция] Иглино Самаро-Златоуст[овс]кой жел[езной] дороги, дом Базелева, Петр Николаевичу, Г-ну Николаеву.

Эпӑ сире питӑ пысӑк хисеппе хисеплесе, сиртен йӑлӑнса ыйтакан Иван Степанов Казаков.

С[ело] починки Нов[ая] Мусирми²⁸ Ново-Петровского общества Нагаевской волости Уфимского уезда и губернии. 24-го апреля 1911 г.

НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 208. Инв. № 5604. Л. 575—580. Подлинник. Рукопись.

*Перевод**

О, СВЕТОМ ОЗАРЯЮЩИЙ НАС ИЗДАТЕЛЬ!

Я хочу просить от вас необходимый народу добрый свет, если вы этот свет нам разъясните, то веря, что сказанное вами станет светом, приносящим огромную пользу, пожалуйста, я прошу вас, умоляя от всего сердца, выслать мне три экземпляра чувашского календаря «Султалӑк кӑнеки» за 1911-й год.

И еще. Нет ли у вас для высылки вместе с ними ко мне интересных книг? И не нужны ли вам от нас интересующие вас известия? Я могу сообщать вам сведения о нашей жизни, вести с нашей округи.

Нынче мы, чуваша, живем среди русских, хохлов, поляков, латышей, немцев и татар. Мы, чуваша, страдаем оттого, что не можем общаться с разными народами, не знаем, что происходит [в мире], испытываем голод в знаниях.

Поэтому, желая, чтобы вы просветили нас, дали свет и знание, с сердечной мольбой прошу книги.

Молю вас, уважьте мою просьбу, не оставляйте нас во тьме.

В нашей деревне 19 дворов. Земли у нас немного, всего 206 десятин. Эти земли мы купили столько, сколько смог осилить каждый двор, и переселились на новое место. Агент страхового общества зарегистрировал наше поселение как починок Нов[ая] Мусирма (Нагаевской волости Уфимской губ[ернии] и уезда).

Сюда, на новое место в Уфимской губернии, мы переселились из д. Мусирма Арабосинской волости Цивильского уезда Казанской губернии, живем здесь 4-й год. На новом месте, где мы живем, наша деревня расположена в пойме большой реки Сим, впадающей в реку Белая, прямо на побережье. Река широкая, летом, когда спадает вода, ширина более 40 сажень, глубина не меньше 7—8 пядей. За водой ходим на Сим. Вода очень вкусная и прозрачная, без мути. Наши земли в долинной местности,

* Перевод выполнен автором данной публикации. Выражаем искреннюю признательность кандидату филологических наук Г.А. Дегтяреву за труд по его коррекции.

поэтому здесь есть и озера. Там мы ловим рыбу, попадаются весом и более 3-х фунтов. Есть сенокосные луга, некоторые в этих местах, сея клевер и тимopheевку, получают по два укоса. Есть и пахотные угодья. Преобладают участки с почвой, содержащей примесь красно-оранжевого песка, но встречается и чернозем. Земля родит хорошо, любые хлеба дают хороший урожай. Пашню для посева в нашей деревне еще не расчистили более 2 десятин на двор, ибо все остальное занято лесом. В лесных угодьях нашей деревни произрастают разные деревья, вот какие: дуб, вяз, липа, осина, береза. Из этих деревьев строим избы и хозяйственные постройки. Больше всего из липы изготавливаем нужные себе вещи; из лыка молодой липы плетем лапти. Из коры больших лип, очищая рубанком, получаем луб. Из свежих деревьев делаем бревна и лопаты. Из дуплистых деревьев изготавливают посуду. Из мелких веток липовых верхушек вяжут липовые веники, их листьями зимой кормят полученный приплод — ягнят. Отделенную от липы кору мы в тот же день кладем в теплую воду, где замачиваем две недели и получаем мочало. Мочало повезли на станцию Иглино и продали по 60 копеек за пуд. Это мочало отправили в Сибирь. Еще в нашем лесу произрастают тополь, ольха, калина, черемуха и ильм. Здешние чуваша из черемуховой поросли, используя мелкие гвоздики, изготавливают плетеные стулья. Они их везут на железную дорогу, продают на станции Иглино. На станции Иглино эти стулья покупаются за 25—60 копеек.

Станция Иглино (Самаро-Златоус[товс]кой железной дороги) находится в северо-западной стороне в 30 верстах от нашей деревни. Новотроицкая пристань на реке Белой расположена на южной стороне деревни в 25 верстах. Наша Ногайская волостная контора отстоит от нас где-то в 40 верстах в сторону юго-запада. Центр Уфимской губернии расположен в 60 верстах в западную сторону.

В начале я уже писал, что наша деревня расположена на побережье реки Сим, впадающей в реку Белую. Живем здесь уже 4-й год, до недавнего времени не видели, чтобы весной его воды вышли из берегов и заливали всю долину, улицы деревни, делая их непроходимыми. Этой весной вода вышла из берегов и залила всю долину, на ровных местностях глубина воды достигала до пол-аршина. Засеянные поля и луга, хорошо промерзшие после осенних дождей, весной, даже когда пришла большая вода, благодаря тому, что мерзлая земля не таяла, нисколько не пострадали.

Вода, выйдя из берегов, заливала окрестности чуть более суток. Некоторые люди, оставив свои дома, на время переселились к тем, кто живет на возвышенных местах. В домах, расположенных на низинах, вода залила пол. Тогда одни поместили свой скот на спешно сооруженных земляных возвышениях, другие загнали свою живность в клетки для хранения зерна, а некоторые — и в жилое помещение. Тогда утонул один годовалый теленок. Большая вода пришла 5 апреля и 7-го постепенно ушла.

Недалеко от нас в 3 верстах в русском с. Кальтовка есть храм. Молиться мы ходим в тот храм, но в их приходе мало чувашей, поэтому службу ведут на славянском языке. Посещая храм, службу мы не понимаем, стоим и рассматриваем иконы. И поют неважно. Однажды попросил

священника разрешить мне прочитать на чувашском языке перед обедней часослов, но батюшка не разрешил; я очень огорчился, что не смог донести слово Божье тамошним чувашам на родном языке, прямо в церкви впал в глубокое раздумье. И батюшка, и диакон — русские.

Весной, когда сходит снег и кругом непролазная грязь, в нашей деревне некоторые люди заболевают лихорадкой и по полгода болеют. Некоторые женщины, следуя советам юмзей, чего только не вытворяют. Как-то одна молодая женщина заболела лихорадкой, так во время ее болезни мать молодой женщины, более опытная своей дочери в врачевании, жалея свое чадо, опираясь на свои познания, во что бы то ни стало решила ее вылечить. Так вот однажды она пришла ранним утром к болеющей молодой женщине, стащила ее с постели, представив, что изгоняет из нее болезнь, отхлестала свою дочь черемуховыми прутьями. Молодая женщина стала рыдать от боли и продолжала реветь после ее ухода. Мать, полагая, что вытравила болезнь дочери, довольная ушла к себе домой. Лихорадка не отступила, больной стало еще хуже. Наивная старуха, наслушавшись советов, через 2 дня, как будто в большой спешке, явилась к больной рано утром и начала тормозить ее, говоря: «что ты здесь лежишь, скорей покинь этот дом, ваша изба горит, и ты сгоришь вместе, быстро выходи отсюда», — выволокла свою дочь во двор, и сразу же, опять полагая, что отпугнула лихорадку огнем, бросила больную, довольная ушла к себе домой. Ее дочь, поняв, что ее обманули, превозмогая боль, сама вошла в жилище и легла в постель. Желая изгнать лихорадку, старуха пробовала обливать больную с головы до ног холодной водой и еще делала что-то подобное, но все старушкины методы врачевания оказались безрезультатными. Полгода ее дочь не могла выздороветь.

Еще у той изгоняющей лихорадку старухи один глаз не видит, закрыт бельмом. И другой глаз у старухи начал болеть. Так вот старуха раздобыла где-то сулему и, полагая, что это вещество лечит любую рану, раскрыла больной глаз кочедыком и посыпала на больной орган этим ядом. Когда от яда, попавшего в больной глаз, старуха начала испытывать невыносимую боль, ее маленькая дочь прибежала ко мне вся в слезах и сообщила, что умирает мать. Опасаясь за эту женщину, спешно прибыл в их избу. В доме все режут. Тогда я быстро узнал, в чем дело: они сообщили о яде, насыпанном в глаз больной. Не имея познаний в врачевании подобных случаев и не имея никаких лекарств, попросил у них коровьего молока и, чтобы яд не повредил глаз, в течение около получаса промывал пострадавший орган. А потом, когда глаз распух и перестал открываться, прекратил эту процедуру и вернулся домой, посоветовав старухе положить на распухший глаз чистый белый платок, смоченный холодной водой. После этой процедуры у той слепой старухи через 2 суток пораженный ядом глаз восстановился без всяких последствий.

Если вы ко мне решите отправить 3 экземпляра чувашского календаря по адресу, сообщенному выше, то вышлите их на станцию Иглино, там живет мой родственник: Петр. И[ван] С{тепанов}.

Поэтому к нему адрес напишите вот так: Станция Иглино Самаро-Златоуст[ов]ской железной дороги, дом Базелева, Петр Николаевичу Г-ну Николаеву.

С большим уважением, просящий с мольбой вас Иван Степанов Казаков.

С[ело] починки Нов[ая] Мусирма Ново-Петровского общества Нагаевской волости Уфимского уезда и губернии. 24-го апреля 1911 г.

Примечания

¹ Так в рукописи. Выражая свое почтение к личности Н.В. Никольского, корреспондент свое обращение к нему написал прописными буквами.

² «*Султалк кёнеки*» — ежегодное просветительское издание на чувашском языке для широких слоев населения, календарь. Буквально: «Книга года». Издавалось этнологом-просветителем Н.В. Никольским в годы работы в Переводческой комиссии Православного миссионерского общества. С 1906 по 1914 гг. увидело свет 9 книг. Знакомило читательскую аудиторию знаниями по астрономии, географии, агротехнике, агрокультуре, медицине, гигиене, санитарии и прочей полезной для повседневной жизни информации.

³ *Хохол* (*хăхăл*) — украинцы. Этноним употреблялся в разговорной речи в среде многих народов России, в том числе и чувашей.

⁴ *Тешетни* — казенная десятина. Мера поверхности, равная: до 1835 г. — 11197,44 кв. м, после — 10925 кв. м.

⁵ В подворных карточках Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. находим следующую информацию о населенном месте. Название поселения — Мусерьма (Мусюрма). Входит в Кальтовскую волость Уфимского уезда Уфимской губернии. Жители — чувашки. Число хозяйств — 16, в том числе 12 с посевами до 4 дес. на двор и 4 беспосевных. Число жителей — 94. Имели 6,48 дес. посевов, 11 рабочих лошадей. Сведениями о последующей истории названного поселения не располагаем. См.: *Роднов М.И.* Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997. С. 92; Западные башкиры по переписям 1795—1797 гг. / Сост. *А.З. Асфандияров, Ю.М. Абсалямов, М.И. Роднов*. Уфа: «Китап», 2001. С. 597.

⁶ Уфимская губерния — административно-территориальная единица России. Образована в 1865 г. Центр — г. Уфа. В первом десятилетии XX в. включала в себя 6 уездов: Белебеевский, Бирский, Златоустовский, Мензелинский, Стерлитамакский и Уфимский. Упразднена в 1922 г.

⁷ Казанская губерния (*Хусан кёпёрни*) — административно-территориальная единица России. Образована в 1708 г. Центр губернии — г. Казань. Первоначально ее территория простиралась по правому и левому берегам Волги от Нижнего Новгорода до Астрахани. В XVIII в. из ее состава в самостоятельные административные единицы выделились Симбирская, Нижегородская, Пензенская и Астраханская губернии. В 1781 г. преобразована в наместничество, а с 1796 г. вновь стала губернией. В первом десятилетии XX в. включала в себя 12 уездов: Казанский, Козьмодемьянский, Лаишевский, Мамадышский, Свияжский, Спасский, Тетюшский, Царевококшайский, Цивильский, Чебоксарский, Чистопольский и Ядринский. Упразднена в 1920 г.

⁸ *Кантур* — контора. *Арапуç кантурё* — буквально: Арабосинская контора. Слово автором рукописи употреблено в значении волость. Правильно: Арабосинская (Староарабосинская) волость.

⁹ *Мусирма* (*Мӓнсырма*) — Мусирма. В настоящее время входит в состав одноименного сельского поселения Урмарского района Чувашской Республики. Жители — чувашки.

¹⁰ *Шур Атӓл* (*Шор Атӓл, Шурӓ Атӓл*) — буквально: Белая Волга. Чувашами так назывались реки Приуралья Кама и Белая. Здесь речь идет о реке Белая.

¹¹ Сим (*Сим*) — река, приток р. Белой.

¹² *Чалӓш* — здесь чувашская мера длины, равная сажени. Буквально: кривой; кривая. По утверждению В.Д. Димитриева, в разные исторические периоды имел разную величину: 213,6 см; 216 см; 248 см. См.: *Димитриев В.Д.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа. Сборник статей. Чебоксары, 2004. С. 211—212.

¹³ *Шит* — пядь. Мера длины, равная 18—23 см. См.: *Димитриев В.Д.* Указ. соч. С. 212.

¹⁴ *Кёрепенкё* (*кёренке*) — фунт. Мера веса, равная 409,512 г.

¹⁵ Так в рукописи. Правильно: утӓ.

¹⁶ В 1917 г. при ст. Иглино размещался 61 двор со 320 душами обоего пола. Население: русские, белорусы, украинцы, поляки, татары и латыши. См.: Западные башкиры по переписям 1795—1917 гг. С. 592.

¹⁷ *Пӓт* — пуд. Мера веса, равная 16 кг.

¹⁸ *Сухрәм* — верста. Мера длины, равная: до 1835 г. — 1080 м, после — 1066,8 м.

¹⁹ Так в рукописи. Правильно: Троицкая.

²⁰ *Арийн* — аршин. Мера длины, равная: до 1835 г. — 72 см, после — 71,12 см.

²¹ В настоящее время с. Кальтовка входит в состав одноименного сельского поселения Иглинского района Республики Башкортостан. Население — русские.

²² *Сив-чир* (*сивчир*, *сиве́ чир*) — чувашское название болезни. Буквально: холод-болезнь. Правильно: лихорадка.

²³ *Юмăç*, *юмçă*, *йăмçă* — ворожей, лекарь, знахарь, прорицатель.

²⁴ По представлению чувашей, *сивчир* имел душу. Магические способы лечения ими этой болезни заключались в проведении особых обрядов. См.: *Салмин А.К.* Народная обрядность чувашей. Чебоксары, 1994. С. 171, 172.

²⁵ В чувашской народной медицине *сивчир* лечился разными настоями на разных основах: полынь, цветы подсолнечника, малина, овес и др. Проводили и особые лечебные процедуры. Обливание холодной водой — одна из них. См.: *Никольский Н.В.* Труды по этнографии и фольклору чувашского народа / *Сост. Г.Б. Матвеев*. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 313, 314.

²⁶ *Шур илне* — чувашское название глазной болезни. Буквально: белью покрылся. Правильно: бельмо.

²⁷ Сулема — ядовитый белый порошок хлористой ртути. Чувашами использовалась в народной медицине.

²⁸ Так в рукописи. Правильно: Мусирма.

G.A. Nikolayev. The Chuvash migrants on Bashkir lands in XVIII — in the beginning XX centuries and their adaptation.

Migration and settling of the Chuvash in different historical periods is a large, multi-level, consisting of various plots topic. Some of these questions started to be viewed only recently in the historic and ethnological literature. Adaptation of incoming nation to new geographical and ethnic-cultural environment is one of them. The aim of publication is introduction into science documentary material, revealing this little investigated aspect. The research object is Chuvash migrants, who settled on Bashkir lands in XVIII — in the beginning XX centuries.

ЧГВ, 2007 г., № 1

© В.Г. Егоров. Рец. на: **Omeljan Pritsak. Tschuwaschische Pluralsuffixe** // *Studia Altaica. Festschrift für Nikolaus Poppe*. Wiesbaden, 1957. S. 137–155.

Чувашский язык, как один из древнейших тюркских языков, с давних пор привлекает к себе внимание тюркологов многих стран. В настоящее время за рубежом исследовательская работа по чувашскому языку ведется в Венгрии, Финляндии, Федеративной Республике Германии и Соединенных Штатах Америки. В Чебоксарах получена работа профессора Гамбургского университета Омельяна Прицака «Суффиксы множественного числа в чувашском языке». Она представляет отдельный оттиск из журнала «*Studia Altaica*» за 1957 г., август. Настоящее исследование О. Прицака является весьма ценным достижением в области чувашского языкознания. Автор здесь обстоятельно анализирует и устанавливает этимологии чувашских и древнеболгарских аффиксов множественного числа, из которых только три аффикса известны были до него, а остальные пять-шесть аффиксов выявил сам автор в своей работе. Рассмотрение их проф. Прицак начинает с аффикса *-сем*. Вслед за Н.И. Ашмариным он считает, что первоначальной формой этого аффикса была *-сен*. В доказательство приводятся те же аргументы, что и у Н.И. Ашмарина: во-первых, в некоторых падежах аффикс *-сем* имеет на конце звук **н**: *-сен-ён*, *-сен-е*, *-сен-че*, *-сен-чен*; во-вторых, в пределах самого чувашского языка в некоторых селениях Урмарского района (с. Ковали, Старые Урмары и др.) этот аффикс до сих пор и в основном падеже сохранился с конечным *-н*: *ачасен* «дети», *лашасен* «лошади»¹.

Первоначальная форма *-сен* нынешнего чувашского аффикса *-сем*, по мнению автора, ясно видна и из наличия в камасинском диалекте ненецкого языка аффикса множественного числа *-сен*²: *абес* — *абес-сан* «жрецы» (чув. *апӑссем*), *козан* — *козан-сан* «зайцы» (чув. *койансам*) и т.д. Ненцы могли заимствовать этот аффикс в древние времена только из чувашского языка, как впервые указал на это еще более ста лет тому назад финский ученый М.А. Кастрен (*Grammatik der samojedischen Sprachen*. S.-Pb., 1854. S. 184—186).

Проф. Прицак, исходя из основ алтайского языкознания, рассматривает *-сем* как сложный аффикс, состоящий из двух древних

Василий Георгиевич Егоров (1880—1974) — доктор филологических наук, исследователь чувашского языка, тюрколог.

аффиксов множественного числа *-се/-са/*, *-ин*. Существование аффикса множественного числа *-се/-са/* он подтверждает следующими фактами языка. Имена существительные в чувашском языке в родительном падеже имеют двоякое окончание: *-сен-ён/-сан-ён* и *се-н/-са-н/*: *ача-сен-ён — ача-сен*, в Сундырском районе *ача-санён — ача-сан*. Автор считает спорным и сомнительным, чтобы форма *-сен* в родительном падеже множественного числа получилась путем отпадения конечного *-ён* или выпадения слога *-не* в аффиксе *-сенён*: */-сен/ён* или *-се/нё/н*. По его мнению, мы здесь имеем дело с двумя аффиксами множественного числа: *-сен* и *-се*; первый в родительном падеже дал форму *-сенён* а второй *-сен*. В подтверждение своего предположения автор ссылается на существование в говоре нескольких чувашских селений быв[шего] Тетюшского уезда стяженной формы дат.-вин. падежа множественного числа на *-се* вместо *-сене* (*лашасе* «лошадей, лошадям», *ёнесе* «коров, коровам») и приводит примеры из следующих чувашских песен:

- (1) Кўлтёмёр-ске лашасе
Кайри ури сакӑльне;
Илтёмёр-ске хӑнасе
Хура калемпёр куслисе.
- (2) Серем синчи чавкапус
Ана эпир таптани;
Сав кас хёрсен усалӑх
Ёсе эпир ятлани
(Ёсе здесь вместо ёсене (вёсене))³.

Опираясь на эти данные и усматривая в словах на *-се* форму винительного падежа множественного числа, сходную с формой именительного падежа, проф. О. Прицак полагает, что в древнечувашском языке существовал особый аффикс множественного числа имен *-се*.

Насколько состоятельны доводы проф. Прицака о существовании аффикса *-се* в чувашском языке, мы скажем несколько ниже, а теперь рассмотрим его соображения о наличии в древнечувашском языке особого аффикса множественного числа *-ин*, путем присоединения которого к *-се* будто бы получился нынешний аффикс множественного числа *-сем*. Для разрешения этого вопроса автор пользуется следующими данными. В Именнике болгарских князей, памятнике VIII в., имеется слово *Угаин*, являющееся названием рода или племени. Этимологию этого слова проф. Прицак раскрывает следующим образом. В истории уйгуров и караханидов встречается титул *ora*, а *-ин* представляет здесь суффикс собирательности (Kollektivsuffix) алтайских языков.

В доказательство правильности предлагаемой этимологии автор указывает имеющиеся в сочинениях средневековых арабских писателей формы *аль-булкадин* и *суварин* в значении «булгары» и «сувары» (мн. ч.). Слово «булкадин» встречается в «Путешествии» Ибрагима ибн Якуба (X в.). Слово это нужно читать здесь «булкарин». Из арабской палеографии известно, что в древнее время у арабов **д** и **р** (ﺩ, ﺭ) писали почти одинаково и часто их смешивали. Якуб булкадин 'ом называет дунайских болгар. Слово «суварин» несколько раз упоминается в словаре Махмуда Кашгарского

(XI в.) в значении одного из племен волжско-камских болгар. Отсюда автор делает вывод, что в языке болгар был общеалтайский аффикс *-ин*.

Проф. Прицак склонен видеть аффикс *-ин* и в сохранившемся в качестве пережитка от древних эпох чувашского слова *атсемр-ин*⁴; где, по его мнению, налицо два аффикса множественного числа *-семёр* и *-ин*.

О наличии в чувашском языке аффикса собирательности (множественного числа) *-семёр/-самёр* проф. Прицак заключает на основании имеющихся в языке форм, как *ачсемёр*, *атсемри*, *ачсемрин*, *ахусамёр* и др. Он приводит следующие весьма характерные стихи из песни, записанной в Абызове:

Турачёмёр хай майла:

Сулчисемёр сил майла⁵.

По словам автора, аффикс *-самёр (-семёр)* встречается в чувашском языке и при спряжении глаголов, а именно во 2-м лице множественного числа повелительного наклонения для выражения вежливого обращения (Art Benediktiv): *парсамёр* «дайте», *илсемёр* «берите».

Относительно аффикса *-р* проф. Прицак пишет, что он соответствует общетюркскому суффиксу *-з* и появляется только в первом и втором лице множественного числа в следующих случаях:

(1) в личных местоимениях:

1. ед. ч. эпё «я»	мн. ч. эпё- <i>р</i> «мы»	тюрк. би-з
2. “ эсё «ты»	“ эсё- <i>р</i> «вы»	“ си-з

(2) в притяжательных аффиксах:

1. -ам «мой»	-ам- <i>ёр</i> «наш»
2. -у (<*ыг ср. др.-тюрк. ыг/твой - <i>ёр</i> <*ыг-ыр, ср.др.-тюрк. ыг-ыз «ваш»)	

(3) в спряжениях глаголов:

а) в повелительном наклонении:

1. ед. ч. киле-м «давай приду»	мн. ч. киле- <i>р</i> «давай придем»
2) “ кил «приди»	“ кил- <i>ёр</i> «придите»

б) в изъявительном, сослагательном и уступительном наклонениях⁶.

По словам автора, этот же аффикс выступает в некоторых именах, обозначающих парные предметы:

кёк- <i>ёр</i>	др.-тюрк. кёк- <i>з</i>	«грудь»
йёкё- <i>р</i> «парный»	“ икки- <i>з</i>	«близнецы»
сёва- <i>р</i>	“ агы- <i>з</i>	«рот (губы)».

Столь обстоятельно излагает проф. Прицак сведения об аффиксе *-с* и его разновидностях *-ёс*, *-сё* и диал. *-чё*. Аффикс этот выступает при спряжении глаголов исключительно только в 3-м лице множественного числа. Напр., в уступительном наклонении: ед. ч. *килин* «пусть он идет» — мн. ч. *кил-ёс-ин* «пусть они идут»; в отрицательной форме прошедшего категорического времени изъявительного наклонения: ед. ч. *килмерё* «он не пришел» — мн. ч. *килмерё-с* «они не пришли». В говорах Сундырского района и в прошедшем неопределенном времени: ед. ч. вёл *илнё* «он взял» — мн. ч. вёлсам *илнё-с* «они взяли», вёл *кайман* «он не пошел» — мн. ч. вёлсам *кайманёс* «они не пошли».

Вокализованное -с в форме -сё, диал. -чй: -чё ассимилирует стоящий перед собой звук т: вёсем *каяссё* < *каят-сё*: диал. вёсам *кайчё*: *кайччё* < *каят-чё*.

Этимологию аффикса -с/-сё, -чё/ проф. Прицак раскрывает следующим образом. По его мнению, чувашское й между гласными и в конце слова восходит к первоначальному -ч. Следовательно, то же самое нужно сказать и об аффиксе -с /-сё, -чё/, в интервокальной позиции он выступает здесь в своей древней форме -ч. По словам автора, чувашский аффикс -ч, перешедший позднее в -с, среди алтайских аффиксов множественного числа стоит не изолированно. В монгольском языке имеется сложный аффикс -чуд, состоящий из двух первичных аффиксов: *чи* и аффикса мн. ч. -чуд: *йалагу-чуд* «молодежь, юношество». Автор говорит, что -чи в данном случае имеет собирательное значение, его не следует сме-шивать с аналогичным аффиксом действующего лица -чи: модучи «плотник».

В тюркских языках также имеется аффикс собирательности -ч, он сохранился в племенных названиях по тотемному животному: *бугра-ч* от бугра «верблюд», *тонга-ч* и др.

Проф. Прицак справедливо замечает, что прочное установление аффикса множественного числа -ч позволяет нам без труда объяснить не поддававшиеся до сего времени объяснению звуковые изменения в глагольной форме 3-го лица множественного числа повелительного наклонения: вёл вула-тёр: вёсем вулаччёр < *вула-т-чёр* (здесь типичная для чувашского языка прогрессивная ассимиляция) «они пусть читают».

Проф. Прицак уделяет большое внимание и аффиксам принадлежности в чувашском языке и освещает их несколько по-новому. Он верно отмечает, что притяжательный аффикс -йшё, -шё, -ш < *-si выступает только в словах, обозначающих старших родственников, а в названиях младших родственников — обычный аффикс -ё. Напр[имер]:

старшие родственники	младшие родственники
ашшё «его отец»	ывёлё «его сын»
амйшё «его мать»	хёрё «его дочь»
пиччёшё «его старший брат»	шёллё «его младший брат»
аккашё «его старшая сестра»	йамакё «его младшая сестра»
мучайшё «старший брат его отца»	кинё «жена его сына
	или младшего брата» и т.д.

В чувашском языке аффикс -йшё, -шё, восходящий к -si, в данном случае, по мнению автора, является аффиксом вежливости, учтивости, как бы множественным числом, известным под именем *pluralis majestatis*.

В своем первоначальном значении аффикс -шё выступает в собирательных числительных: *иккёшё* (тюрк. *ики-си*), *виссёшё...*, *вуннйшё*, *сёррёшё* и т.д. «двое, трое, десятеро» и т.д., а однозначный с ним аффикс -с (< *-si) — в другой группе собирательных числительных: *ик-с-ёмёр* «мы оба», *ик-с-ёр* «вы оба», *тават-с-амёр* «мы четверо», *тават-с-ёр* «вы четверо», *пур-с-амёр* «мы все», *пур-с-ёр* «мы все».

Проф. Прицак указанный аффикс -шё < *-si рассматривает также в небольшой группе чувашских местоимений: *хйшё*: *хйш* (< * хйси) «который из них», *лешё*, *леш* (< *ле-си) «тот из них», *нумаййшё* (< *нумай-си) «многие из них».

Серьезного внимания заслуживают также соображения проф. Прицака о проявлении у луговых марийцев аффикса множественного числа *-шамыч*. И до него некоторые лингвисты находили, что это заимствованный чувашский суффикс *-сем/-сам*, но они не могли указать, откуда в нем появился лишний слог *-ыч*. Проф. Прицак после тщательного исследования аффиксов в алтайских языках убедительно доказал, что этот аффикс в форме *-самыч*, состоявший из двух аффиксов множественного числа (*-сам + -ч*), заимствован из древнечувашского (болгарского) языка. Начальное же *с* перешло в *ш* на марийский почве согласно фонетическим законам марийского языка.

Проф. Прицак подробно трактует в своей работе также и об аффиксах множественного числа в языке волжских болгар *-зъ, -ар, -т, -ла*, но поскольку они имеют отдаленное отношение к чувашскому языку, мы их здесь рассматривать не будем. В заключении своей работы приходит к выводу о том, что в чувашском языке, как и в других алтайских языках, имеются не аффиксы множественного числа, а аффиксы собирательности. Делит он их на первичные и сложные и, перечислив десять аффиксов, включая сюда и древнечувашские (волжско-болгарские), правильно замечает, что в современном чувашском языке живыми являются только три аффикса множественного числа: *-сем, -р, -с*. Аффикс *-сем* выступает при именах, *-р* — в местоимениях 1-го и 2-го лица множественного числа, а *-р* и *-с* — в глаголах; при этом *-р* — в 1-м и 2-ом лице множественного числа, а *-с* — в 3-м лице множественного числа.

В своей работе автор поставил ряд проблемных вопросов и оригинально разрешил их. Все изложено здесь ясно и исчерпывающей полнотой. Особенно ценным для нас оказалось здесь открытие автором в чувашском языке аффикса *-с ~ -ч*. Открытие это легко разъяснило трудные фонетические явления, служившие раньше камнем преткновения для исследователей чувашского языка, напр[имер], в глагольных формах происхождения окончания *-сçё* в 3-м лице множественного числа настоящего времени изъявительного наклонения и *-чйр* в 3-м лице множественного числа повелительного наклонения. В работе много и других ценных соображений и выводов.

Воздавая должное тонкой наблюдательности проф. Прицака, его способности легко подмечать ускользающие от других исследователей частности и его желанию исчерпывающе объяснить их, мы все же не можем всецело согласиться с его доводами о существовании в древнечувашском языке аффиксов множественного числа *-се* и *-ин*. Приводимые им данные в подкрепление своих утверждений нам кажутся недостаточно убедительными. Например, стяженная форма дательно-винительного падежа *лашасе* место *лашасене* легко могла возникнуть и от быстрого темпа речи, а в стихах — от строгого соблюдения правила о семисложном стихе. Окончание родительного падежа *-сен* из *-сенён* одинаково можно объяснить и выпадением одного из сходных слогов *-ен, -ён* (гаплогия). Случаи выпадения из слова целого слога наблюдаются в языке довольно часто. Напр[имер]: *каян* «иду», *каян* «идеешь», *каятйр* «идем» вместо *каятйп, каятйн, каятйр*.

Относительно форм *болгарин*, *суварин* можно сделать и другое предположение, что они восприняты от славян и что суффикс *-ин* здесь обозначает не множественность и не собирательность, как в алтайских языках, а единичность: *ин* «один». Дунайские болгары к X в., к моменту собирания о них сведений географом Ибрагимом Якубом, уже ославянились, и последний на каждом шагу мог слышать от своих осведомителей слово «*болгарин*» (сам он был только у западных славян). Не понимая точного значения этого слова, он пустил его в оборот в значении целого народа. То же самое нужно сказать о слове «*суварин*», названии одного из болгарских племен, известного под именем «*сувар*». Среди болгаров на Волге жило много торговцев из восточных славян (русских). Они каждого человека из племени *сувар* называли *суварином*. Поэтому вполне возможно, что здесь было в употреблении название этого племени и в форме «*сувар*» по произношению самих болгар, и в форме «*суварин*» по произношению русских. Например, автор указывает, что в словаре Махмуда Кашгарского, памятнике XI в., слово это в форме «*сувар*» встречается три раза, а в форме «*суварин*» — пять раз.

Что касается слова *Угаин*, то оно тоже не может иметь большой доказательной силы в вопросе о существовании в чувашском языке аффикса множественного числа *-ин*. Нам кажется, что его можно рассматривать не как аффикс, а как самостоятельное слово *ини* «младший брат»; *ага* ≈ *ога* «старший брат»; *ога ини* «братья»; ср. кирг. *агайын* «братья»; казах. *агайын* «родственник, сородич», ккалп. *агайын* «брат». Следовательно, *Угаин* (*Огаин*) болгарского Именника можно понимать как «род, происшедший от старшего и младшего брата, от братьев».

Поскольку соображения автора о существовании в древнечувашском языке аффиксов **-se* и **-in* являются не вполне убедительными, постольку же приходится признать несколько шатким и предположение его о сложном составе аффикса *-сем* (**-se* + **-in*). Все эти вопросы нуждаются в дальнейшем исследовании⁷.

Аффикс *-самър* (*-семёр*), встречающийся в повелительном наклонении, по нашему мнению, нельзя отождествлять с сложным аффиксом множественного числа *-семёр*, *-самър*, как это делает автор. Между ними, кроме второй части их (*-ър*, *-ёр*), одинаково являющейся аффиксом множественного числа, нет ничего общего. Первый аффикс представляет собой самостоятельную частицу, не имеющую генетической связи с аффиксом множественного числа *-сем*. Она употребляется и в единственном числе для смягчения просьбы: *-сам*, *-сама*, *-сем*, *-семе*: *парсам*, *парсама* «дай, пожалуйста», *илсем*, *илсеме* «бери (возьми), пожалуйста». Эту же частицу с тем же значением в форме *-сана*, *сәнэ* мы находим и в некоторых других тюркских языках, например, в татарском: *ачуланмасана* «не сердись, пожалуйста», *бирсәнэ* «дай, пожалуйста»⁸. В татарском частица эта (форма *-сана*, *-сәнэ*) и по своему звуковому составу, и по значению далеко стоит от аффиксов множественного числа.

Можно отметить и некоторые опечатки в тексте: *чулли* вместо *чулэ* (§ 11), «Ермолинский» (свод летописи) вместо «Ермолаевский» (§ 24), диссертация Шотта «*De lingua tschuwaschorum*» помечена под 1843 г., а

фактически она появилась в 1841 г. (См. Allgemeine Bucher-Lexikon. Т. IX. Ч. 2. 1849. S. 263).

В общем, рассматриваемая работа проф. Прицака, как мы и выше заметили, представляет большую научную ценность, она заслуживает серьезного внимания тюркологов. Мы, чувашеведы, приветствуем появление этой работы и желаем автору и впредь с таким же творческим успехом работать по исследованию чувашского языка параллельно с алтайскими.

Литература

¹ Вне республики это явление зафиксировано в Неверкинском районе Пензенской области, а также в селениях Слакбаши и Аделькино Белебейского района Башкирской АССР.

² н — заднеязычное н с призвук г (н) -н.

³ Ашмарин Н.И. Чăваш сĕмахĕсен кĕнеки. Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1929. Т. IV. С. 137.

⁴ Он же. Указ. соч. Казань, 1929. Т. II. С. 249; Чебоксары, 1929. Т. III. С. 37.

⁵ Он же. Указ. соч. Т. II. С. 249.

⁶ Другие примеры см.: «Русско-чувашский словарь». М., 1951. С. 885—888.

⁷ В пользу автора, т.е. в пользу существования аффикса множественного числа *-ин*, отчасти говорят имеющиеся в современном чувашском языке собирательные числительные наречного характера на *-ён*: *иккён* «нас двое, вдвоем», *виççён* «втроем», *вуннён* «нас десятеро, вдесятером», *сирёмён* «в числе двадцати (человек)» и т.д. Звук *ё* в окончании *-ён* можно рассматривать как редуцированное *и*: *-ин* > *-ён*. Но здесь не исключена возможность трактовать эту форму как реликтовую форму древнего инструментального падежа, совпавшего с нынешним родительным падежом.

⁸ Хангильдин В.Н. Татар теле грамматикасы. Казан, 1954. С. 242, 333; Газизов Р. и др. Татарско-русский словарь. Казань, 1950. С. 210.

* * *

Печатается по рукописи, переданной редакции журнала профессором В.Д. Дмитриевым. На чувашском языке в сокращенном варианте под названием *Tschuwaschische Pluralsuffixe von Omeljan Pritsak (Hamburg)* она была опубликована в журнале «Ялав» за 1960 г. (№ 10. С. 30—31). Авторская редакция и пунктуация сохранены. Пропуски знаков препинаний и опечатки исправлялись без оговорок в примечаниях. Восстановленные редактором части сокращенных слов даны в квадратных скобках. Отдельные элементы чувашского текста, для лучшего их визуального восприятия, выделены курсивом.

РЕЦЕНЗИИ

ЧГВ, 2007 г., № 1

© В.Г. Харитонова. Рец. на: **Предпринимательство Поволжья: истоки, традиции, проблемы и тенденции развития**. Материалы научной конференции, 23—24 июня 1997 г. Чебоксары, 1998. 336 с.; **Поволжье в системе всероссийского рынка**. Материалы научно-практической конференции, 5—6 октября 1999 г. Чебоксары, 2000. 372 с.; **Мир предпринимательства Поволжья в исторической ретроспективе**. Материалы научной конференции, 15—16 ноября 2001 г. Чебоксары, 2002. 260 с.

История российского предпринимательства, его состояние и тенденции развития в настоящее время вызывают широкий интерес в обществе. Подобная ситуация вполне закономерна, ибо корни современных процессов и явлений лежат в глубине веков. Отрадно отметить, что изучением этой большой и многогранной темы, далеко не популярной в силу известных причин в недавнем прошлом, сегодня заняты многие исследователи. Событием в отечественной историографии стало появление ряда книг по истории предпринимательства России — от средневековья до начала XX в. — подготовленных сотрудниками Института российской истории РАН¹. В ряду подобных изданий свою нишу заняли и региональные исследования. В данном случае мы имеем в виду книги, увидевшие свет в Чебоксарах. В отличие от столичных изданий, которые задуманы как обобщающие коллективные монографии, публикации Чувашского государственного института гуманитарных наук являют собой материалы научных конференций, состоявшихся здесь 23—24 июня 1997, 5—6 октября 1999 и 15—16 ноября 2001 гг.

Учитывая определенный интерес современного делового мира к этим проблемам, в подготовке и проведении данных конференций и издании их материалов деятельное участие приняли Министерство по развитию предпринимательства, торговли и ремесел Чувашской Республики, Министерство экономики Чувашской Республики, предприниматели. Отметим, что успешно реализуемый, на наш взгляд, региональный проект уже получил в прессе положительный отклик².

Изданные сборники статей составлены по тематическому признаку и раскрывают различные аспекты одной проблемы — истории и современного состояния предпринимательства. Освещаемые хронологические рамки книг охватывают период от средневековья до современности. Авторами работ являются ученые из Чебоксар, Йошкар-Олы, Самары, Казани, Москвы, Тольятти, а также предприниматели, работники министерств и ведомств Чувашской Республики.

Организаторы данного проекта справедливо отмечают, что «возвращение России в лагерь государств с рыночной экономикой породило острый интерес в обществе к ее досоветскому прошлому». Они вполне правомерно считают, что «потребность в этом лежит и в практической плоскости: опыт капиталистической эволюции многонациональной империи во второй половине XIX — начале XX вв. в известной мере действительно полезен для постсоветской эпохи»³.

В зеркале проведенных исследований, охватывающих многовековой отрезок времени, предпринимательство как одна из составляющих социально-экономической действительности предстает динамичным явлением. Авторы анализируют различные формы товарно-денежных отношений. Их подход к объекту исследования существенно разнится, что выразилось прежде всего в трактовке самой дефиниции «предпринимательство»⁴.

Изучению торговых отношений в средневековом Поволжье и роли торговых связей волжских болгар в развитии экономики Золотой Орды и Руси в XIII — первой половине XV вв.

Валентина Григорьевна Харитонова. См. с. 70.

посвящены работы А.Х. Тухватуллина (Казань) и А.Ю. Жукова (Чебоксары). Развитие торговли в Чувашии в первой половине XIX в. получило отражение в работе Е.П. Погодина (Чебоксары). На большом фактическом материале показаны вывоз и ввоз товаров, создание условий для названной деятельности. Автором охарактеризованы центры местной торговли: торговые села, ярмарки, базары. Вывод же автора о том, что хлеботорговля в первой половине XIX в. достигала 7—8 млн пудов (а ранее указывалось до 2-х млн пудов⁵), требует на наш взгляд, дальнейшего уточнения.

Большое внимание в сборниках уделено купечеству. Центральное место в них занимают статьи А.Г. Иванова (Йошкар-Ола), посвященные торговому сословию уездных городов Среднего Поволжья в середине XVIII в. Автором раскрыты основные факторы, определявшие развитие предпринимательства уездного купечества, политика правительства в отношении данного сословия, обозначены причины, тормозившие их деятельность в сфере промышленности и торговли. В отличие от своих предшественников, А.Г. Иванов на основе анализа содержательного исторического источника — депутатских наказов в Уложенную комиссию 1767—1768 гг. — раскрывает внутренний мир и поведенческие стереотипы купечества, эволюцию данного сословия в XVIII в. Зарождению и развитию казанского татарского купечества на рубеже XIX—XX столетий, его общественным занятиям и благотворительной деятельности, посвящена работа Ф.Ф. Нигамедзинова (Казань). Особенности предпринимательской деятельности купечества Удмуртии освещены в статье Н.П. Лигенко (Ижевск). Автор выделяет основные этапы в эволюционном развитии данного сословия в Вятско-Камском регионе, каждому из них дает подробную характеристику. Формирование купеческого сословия в Удмуртии шло за счет местного населения: на начальном этапе в основном из крестьян, в пореформенный период — из среды мещан, что составляло региональную специфику. Статьи В.В. Орлова, А.В. Изоркина, Н.В. Герасимовой (Чебоксары) проливают свет на предпринимательскую деятельность купечества Чувашии в XIX — начале XX вв., позволяют составить их социальный портрет.

Следующие блоки вопросов, освещенные исследователями — условия для предпринимательской деятельности в социокультурном пространстве России; характерные черты и особенности развития предпринимательства в Поволжье. Эти сюжеты в той или иной степени погружения в тему рассмотрены в статьях Л.Н. Гончаренко (Чебоксары), Е.П. Погодина (Чебоксары), Н.Ф. Тагировой (Самара), Н.Л. Клейн (Самара), И.Н. Слепнева (Москва) и Р.У. Амирханова (Казань). Формированию рынка труда в Поволжье и его функционированию во второй половине XIX в., показу влияния объективных и субъективных факторов на развитие предпринимательства посвящены исследования Л.Н. Гончаренко. Вывод автора: «Существовавшие во второй половине XIX в. внешние и внутренние социально-экономические и политические условия благоприятствовали развитию предпринимательской деятельности в регионе, способствовали динамичному росту его экономики». Данное заключение во многом перекликается с обобщениями и других авторов.

Известный специалист в области экономической истории Н.Л. Клейн освещает роль государства в развитии предпринимательства Поволжья. Она находит в данной сфере социально-экономической действительности региона ряд отличительных черт: демографическую ситуацию, аграрный характер производства, аспект многонациональности. И.Н. Слепнев в своих работах подробно характеризует становление и налаживание системы эксплуатации российских железных дорог, показывает влияние железнодорожной сети на товаризацию зернового производства в стране во второй половине XIX в. Н.Ф. Тагирова анализирует формирование, традиции и механизм действия регионального рынка, находит возможным возрождение этих традиций в рамках «Ассоциации Большая Волга». Исследователь отмечает зачатки начинавшегося территориального и общественного разделения труда в Поволжье, появление в регионе таких новых экономических центров как Самара и Царицын, указывает на значение железнодорожного строительства в развитии экономики и отмечает ряд моментов изменения рыночной конъюнктуры.

Состояние предпринимательства в Чувашии в первой половине XIX в. достаточно подробно освещено в статье Е.П. Погодина. Основное внимание им уделено юридическим, правовым и экономическим аспектам в положении всех разрядов крестьян, средствам и условиям крестьянской торговли. Более низкий уровень развития товарно-денежных отношений у чувашей автор объясняет специфическим «менталитетом чувашского народа». Исследователем рассматривается и вопрос об основных формах предпринимательской деятельности. Занятия ремеслами Е.П. Погодин относит к предпринимательской деятельности, что достаточно спорно. В работе Г.А. Николаева (Чебоксары) прослеживается связь между мировосприятием и хозяйственной деятельностью чувашского крестьянства. Заключение

автора звучит следующим образом: «Природа непредприимчивости чувашей имела не только историческую, но и очень глубокую психологическую основу. По своему мировосприятию чувашские хлебопашцы ... являли собой неблагоприятную среду для капиталистических отношений»⁶. Источниковедческую основу исследования составили устное народное творчество и этнографические наблюдения. Таким образом, пожалуй, впервые в региональной историографии сделана попытка рассмотреть менталитет чувашских крестьян как фактор, оказывавший существенное влияние на их хозяйственно-экономическую деятельность.

Достаточно внушительная часть опубликованных работ посвящена крестьянскому предпринимательству. Г.И. Григорьева вводит в научный оборот материалы о торгово-предпринимательской деятельности крестьянства Мордовии в первой половине XIX в. Фермерские хозяйства чувашей Уфимской губернии стали объектом исследования М.И. Роднова. На обширном фактическом материале, впервые вводимом в научный оборот, им прослежена хозяйственная деятельность чувашских фермеров. По мнению автора, чувашское крестьянство в отличие от ряда этносов Уфимской губернии входило в число наиболее «капиталистически развитых» народов⁷. Деловой мир средневожской многонациональной деревни второй половины XIX — начала XX вв. помещен в фокус анализа в статье Г.А. Николаева. В другой работе данного автора рассмотрены происходившие в условиях капиталистической модернизации перемены во внутренней жизни чувашского крестьянского сообщества. В единой связке им изучаются рынок и община, явления, как он подчеркивает, несущие в своей основе полярные начала: «индивидуализм и коллективизм, личная ответственность и круговая порука, предприимчивость и иждивенчество и т.д.». Взгляды представителей русской аграрно-экономической науки на общину, в целом подчеркивающих стабилизирующий фактор названного института в условиях капитализма, получили освещение в работе А.А. Карлиной (Самара). Достижения отечественной историографии второй половины XIX — начала XX вв. в изучении кустарной промышленности получили отражение в статье С.В. Максимова (Арзамас). Автор приходит к заключению, что «первые десятилетия изучения мелкой промышленности в России оказались самыми плодотворными»⁸. Деятельность Московского общества сельского хозяйства в конце XIX — начале XX вв. рассмотрена А.А. Карлиной. Работа Ю.В. Гусарова примечательна тем, что в ней поставлена весьма важная тема — деятельность иностранных предпринимателей в чувашском крае. Автором введен в научный оборот достаточно внушительный материал, характеризующий деятельность некоторых зарубежных фирм в крае в начале XX в. в сфере яичной торговли.

Наименее разработанной в историографии проблеме — организации ипотечного кредитования сельских предпринимателей, анализу деятельности поволжских отделений Крестьянского поземельного банка — посвящены исследования Н.А. Устиной (Самара). Тема влияния банковской системы на предпринимательство освещено также в статье В.В. Орлова (Чебоксары). Он рассматривает деятельность городских общественных банков Чувашии во второй половине XIX — начале XX вв. В статьях И.И. Демидовой (Чебоксары), В.Н. Большакова и Н.А. Ивановой (Москва) анализируются источники по рассматриваемой проблематике. Некоторые стороны хозяйственной жизни православной церкви в Чувашии в эпоху капитализма освещены в статье Л.А. Таймасова (Чебоксары). Предприниматели и развитие отечественной культуры — предмет анализа в статьях И.И. Демидовой, Ю.В. Гусарова. Кооперативное движение в Самарской губернии и вопросы политической истории потребительской кооперации рассмотрены О.А. Безгиной (Тольятти) и Ю.Р. Тихоновым (Арзамас).

Советский период в сборниках представлен рядом исследований. Отдельные аспекты предпринимательства в годы новой экономической политики освещены в работах В.Н. Клементьева (Чебоксары), В.Ю. Морозова (Самара), К.А. Назиповой (Казань) и С.Б. Царьковой (Тольятти).

Стратегия развития регионального предпринимательства, механизмы его регулирования в условиях переходной экономики (конец XX — начало XXI вв.) — тема научных изысканий Т.В. Погодиной, А.М. Воронникова, Ю.С. Егорова, А.Г. Аксакова, В.Е. Федорова, В.А. Федорова, В.И. Елагина, М.Н. Ергачева и Л.Н. Дмитриевой (Чебоксары). В их работах содержится ряд предложений по формированию устойчивой системы развития региона в современную эпоху.

Не остались без внимания духовно-нравственные и социальные компоненты, присущие новым социально-экономическим отношениям. И.Е. Ильин (Чебоксары) предпринял попытку определить важнейшие черты социального портрета современного предпринимателя. Поставлена также такая специфическая проблема, как бизнес и здоровье. С.Б. Казаков и А.Б. Козлов сделали попытку проследить динамику и структуру заболеваемости лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью.

Таким образом, мы наблюдаем широкий, информационно насыщенный подход к пониманию предпринимательства, путям, формам, региональным и национальным особенностям его развития. Авторы различают разный подход к теме. Исследование многих аспектов предпринимательской деятельности дает достаточно емкую картину об этом явлении.

В заключение хотелось бы отметить достаточно высокий для регионального издания художественный и полиграфический уровень оформления сборников.

Литература

- ¹ История предпринимательства в России. Вторая половина XIX — начало XX века. М.: РОССПЭН, 1999. Кн. 1; 2000. Кн. 2.
- ² Васильева О. Чувашская Республика. Модель этнологического мониторинга. М., 2000. С. 113.
- ³ Поволжье в системе всероссийского рынка. Материалы научно-практической конференции, 5—6 октября 1999 г. Чебоксары, 2000. С. 3.
- ⁴ Предпринимательство Поволжья: истоки, традиции, проблемы и тенденции развития. Материалы научной конференции, 23—24 июня 1997 г. Чебоксары, 1998. С. 4.
- ⁵ История Чувашской АССР. Чебоксары, 1983. Вып. 1. С. 136.
- ⁶ Николаев Г.А. Богатство и богатые люди в представлениях средневожского чувашского крестьянства второй половины XIX—XX вв. // Мир предпринимательства Поволжья в исторической ретроспективе. Материалы научной конференции, 15—16 ноября 2001. Чебоксары, 2002. С. 38.
- ⁷ Роднов М.И. Фермеры-чуваши Уфимской губернии в начале XX в. // Там же. С. 174.
- ⁸ Максимов С.В. Российский кустарь (Опыт исследования досоветской историографии) // Там же. С. 163.

ЧГВ, 2007 г., № 1

© В.Д. Димитриев. Рец. на: П.Т. Тихонов. **Лесное хозяйство Чувашии в XX веке: Исторический опыт и уроки развития.** Чебоксары: ЧГИГН, 2001. 224 с.

По вопросам истории лесного хозяйства Чувашии П.Т. Тихоновым опубликован ряд брошюр, статей и сборник документов¹. Рецензируемая монография является результатом многолетних исследований автора по названной теме. В ней он поставил цель «показать развитие лесного хозяйства Чувашии в XX веке и извлечь уроки из пройденного этапа» (С. 5).

Чувашия издавна слыха как лесостепной край. В конце XVIII в. леса занимали 49% ее территории, в XX в. — немногим более 30%. Леса Чувашии имели большое значение в экономике и всей России, и в особенности — региона, в жизни его населения, в решении топливных и строительных вопросов, задач обороны, а также в сохранении экологии и климата. Поэтому исследование истории лесного хозяйства одного из регионов России — Чувашии — представляет значительную научную и политическую актуальность как для российской, так и региональной истории.

В I главе монографии автор по существу впервые в чувашской историографии квалифицированно, как крупный специалист лесного хозяйства и историк, с использованием большого количества источников исследует историю лесного хозяйства Чувашии со времен Петра I до образования Чувашской автономии в 1920 г. В ней достаточно полно раскрыт процесс развития лесного хозяйства Чувашии, показаны становление органов управления данной отрасли экономики, эксплуатация и охрана лесов. Из ее текста следует, что строгие лесохозяйственные законы Петра I, причисление при нем значительной площади лесов Чувашии в разряд корабельных сыграли положительную роль в охране и сбережении лесов. При Екатерине петровские законы о лесоохране были отменены. Это обстоятельство, а также развитие хищнического капитализма привели к тому, что за XIX столетие лесная площадь Чувашии сократилась на 15—18%. Автор показывает, что создание в 1798 г. Лесного

Василий Димитриевич Димитриев — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения и архивоведения Чувашского государственного университета.

департамента России, образование позднее лесничеств и введение корпуса лесничих, начало лесоустроительных работ с 40-х гг. XIX в. и подготовка лесных специалистов сыграли позитивную роль в развитии названной отрасли народного хозяйства. Положительный опыт в организации лесного хозяйства, накопленный до XX в., был использован в последующем столетии, уже в советское время.

Основной задачей автора является многоплановое исследование истории лесного хозяйства Чувашии с 1920 по 2000 гг. Она решается в выделенных по хронологическому принципу главах, где анализируемые вопросы исследуются по предметно-тематическому принципу. Все разделы монографии написаны на основе использования достоверных, наиболее качественных архивных и опубликованных источников.

Во II главе, названной «Создание государственности чувашского народа и лесное хозяйство республики», исследуется история лесного хозяйства Чувашии с 1920 г. (частично с 1917 г.) до начала 1941 г. Здесь тщательно проанализирован и синтезирован фактический материал по проблемным блокам: органы управления лесами, лесной фонд и лесоустройство, лесоиспользование и лесной доход, лесовосстановление и организация ухода за лесом, охрана леса, наука и лесное хозяйство, специалисты лесного хозяйства. Импонирует исследовательский подход автора рассматривать поставленные вопросы в ракурсе «недостатки — достижения». Подобный прием позволил ему воссоздать картину реальной действительности во всей ее противоречивости и многогранности. В годы Первой мировой и Гражданской войн лесное хозяйство Чувашии было расстроено. Первые 10 лет после создания автономии были нелегкими. Финансирование лесного хозяйства было недостаточным, объемы лесовосстановительных и лесохозяйственных работ были невелики. Должная охрана леса от самовольных порубок не обеспечивалась. В последующем ситуация еще более усугубилась. Передача лесного фонда (1929 г.) в состав лесной промышленности привела к резкому росту порубок леса. Восстановление лесничеств, образование лесхозов, вывод их из состава лесной промышленности, организация самостоятельного органа управления лесами СССР по постановлению правительства страны в 1936 г. положительно сказались на развитии лесного хозяйства. В Чувашии возросли объемы лесовосстановительных и других работ, улучшилось материальное и научное обеспечение лесного хозяйства.

Исследуя в III главе вопрос о лесном хозяйстве в годы Великой Отечественной войны и в период послевоенного восстановления, автор приходит к выводу о том, что лесное хозяйство в военное лихолетье служило Победе: трудящиеся Чувашии обеспечили выполнение всех оборонных заказов на продукцию лесной отрасли. При этом невозможно было соблюдать лесоводственные правила, были свернуты все лесохозяйственные, лесокультурные и другие лесные работы. Лесозаготовки велись сверх расчетных лесосек более чем в 2,5 раза, на удобных местах, вблизи дорог, что привело к ухудшению состояния лесного фонда, лесного хозяйства. С образованием Министерств лесного хозяйства СССР и РСФСР в 1947 г. коренным образом улучшилось хозяйствование в лесах. За 6 лет в республике возросли в 2 раза площади ежегодных лесовосстановительных работ, усилились темпы лесоустроительных работ. Сталинский план преобразования природы (1948 г.) также плодотворно сказался на темпах лесоразведения в республике. Но намечившаяся положительная тенденция развития лесного хозяйства была прервана очередной реформой лесопромышленного управления — передачей в 1953 г. лесного хозяйства в состав Министерства сельского хозяйства.

В IV главе исследуется состояние лесного хозяйства Чувашии в 1959—1990 гг.: лесная и деревообрабатывающая промышленность, лесопользование и уход за лесом, лесовосстановление и лесоразведение, охрана леса, изменения в лесном фонде, деятельность Чувашского лесохозяйственного территориального производственного объединения. Исследователь приходит к заключению, что проведенная в 1959 г. очередная реформа — объединение двух самостоятельных отраслей: лесного хозяйства и лесной промышленности — привело к тому, что доминирующее положение заняла лесозаготовительная и деревообрабатывающая промышленность, а лесное хозяйство оказалось на втором плане. Такое положение сохранялось в течение почти 30 лет. Объединение двух отраслей отрицательно сказалось на состоянии лесного фонда республики: уменьшились площади спелых насаждений дуба, липы, ели, снизились показатели продуктивности лесных угодий. Образование в 1988 г. Чувашского лесохозяйственного территориального производственного объединения позволило увеличить финансирование лесного хозяйства республики в 1,8 раза. Как видно из монографии, в истории лесного хозяйства республики за 1959—1990 гг. было немало и положительного: была заложена база лесного семеноводства на селекционно-генетической основе, созданы базисные питомники, достигнуты максимальные уровни механизации на лесовосстанови-

тельных, лесохозяйственных и лесозаготовительных работах, создана материальная база для борьбы с лесными пожарами.

У глава посвящена изучению состояния лесного хозяйства республики в условиях рыночного общественно-экономического строя. Автор показывает, что за последние десять лет лесное хозяйство республики претерпело ряд перемен в статусе и названиях, что привело лишь к дополнительным расходам. В 1994 г. организован Комитет по лесному хозяйству. В отличие от многих субъектов федерации, где происходит расхищение лесного фонда, полный хаос в лесном хозяйстве, в Чувашии эта отрасль не подверглась столь сильному разрушению и приспосабливается к рыночным механизмам хозяйствования.

Основной вывод, сделанный автором, сводится к тому, что леса России могут быть сохранены, лесное хозяйство может получить дальнейшее развитие только в том случае, если лесное богатство страны останется в государственной собственности и государственное управление лесным хозяйством будет сохранено. В монографии выводы исследователя и его рекомендации по дальнейшему функционированию и развитию лесного хозяйства Чувашской Республики изложены в 13 пунктах. Предложения по оптимизации названной отрасли сводятся к следующему: увеличить лесистость территории республики на 3—5% в основном за счет облесения действующей овражно-балочной сети; сохранить структуру лесопользования: она должна быть стабильной, консервативной; нельзя менять нумерацию кварталов, границы обходов, лесничеств, лесхозов, их наименования; следует добиться сохранения и увеличения удельного веса ценных пород культур леса: дуба, сосны, ели, лиственницы, кедра; сокращать площади осинового и березового насаждений, занять эти площади дубом, сосной, лиственницей; добиваться выполнения закона равномерного, непрерывного и неистощительного лесопользования; прекратить истощительные рубки запасов спелых ценных древесных пород (дуб, сосна) ради сохранения их для потомков; обеспечить естественное лесовозобновление, сократив объем применения дорогостоящего метода искусственного выращивания лесных культур; предотвращать лесные пожары, обеспечив высочайшую ответственность всех работников лесного хозяйства за сохранность вверенного участка леса; в лесозащите обеспечить лесопатологический мониторинг, борьбу с вредителями и болезнями леса; обеспечить выполнение экологического, ресурсного и финансового подхода при проведении лесохозяйственных, лесозащитных и лесокультурных работ; повышать экологическую роль лесов (С. 183—188). Очень важны следующие вывод и рекомендация автора о работниках лесного хозяйства: «В ведении лесного хозяйства большая роль принадлежит кадрам. Обеспечение отрасли высококвалифицированными, культурными и преданными лесу кадрами — одна из главных задач руководства отрасли. Как правило, больших успехов добиваются лесничие, проработавшие в лесничестве 10—15 и более лет. Поэтому необходимо всемерно поощрять и поддерживать труд лесничих в одном лесничестве, заключать контракты на длительный период работы ... Работники лесного хозяйства живут в лесу, в условиях достаточно трудных, поэтому должна быть обеспечена постоянная забота об улучшении условий их жизни и труда» (С. 188).

В своем исследовании П.Т. Тихонов убедительно показал, что он хорошо владеет методологией и методикой научного исследования, искусством анализа и обобщения исторических фактов. История лесного хозяйства Чувашии им впервые исследована на широкой источниковой базе, исследование проведено объективно, правдиво. Автор выявлены действительно имевшие место ошибки и недостатки в организации деятельности лесного хозяйства Чувашии. Он, не прибегая к очернению прошлого, аргументированно показал все положительное, что было в названной отрасли за последние 80 лет. Позитивный опыт организации лесного хозяйства республики, обстоятельно, компетентно исследованный автором монографии, должен послужить ориентиром в дальнейшем его функционировании в современных условиях.

Литература

- ¹ Тихонов П.Т. Корабельные дубравы Чувашии. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1997. 63 с. В соавторстве; Тихонов П.Т. Шумерлинский лес. Шумерля, 1998. 57 с. В соавторстве; Лесное хозяйство Чувашии. 1798—1998. Два века в датах, событиях, фактах и цифрах (книга первая) / Сост. Г.И. Григорьева, О.В. Игнатьева, Р.И. Петрова, П.Т. Тихонов. Чебоксары: Изд-во «Чувашия», 1998. 366 с.; Тихонов П.Т. Первый лесхоз Чувашии. Чебоксары: Изд-во «Чувашия», 2000. 109 с. В соавторстве; Тихонов П.Т. Лесное хозяйство Марийско-Посадского района: исторический очерк. Чебоксары: Изд-во «КЛИО», 2001. 78 с.; и др.

ЧГВ, 2007 г., № 1

© Д.А. Захаров. Рец. на: **Подвиги уроженцев Чувашии на фронтах Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. — май 1945 г.). Сборник документов: извлечения из наградных листов** / Сост. В.М. Михайлов. Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2005. 412 с.

Привлечение на рубеже XX—XXI вв. новых исторических источников, содержащих информацию о Великой Отечественной войне, предопределило усиление интереса исследователей к изучению темы войны 1941—1945 гг. В распоряжении историков оказались документальные материалы из зарубежных архивов, рассекреченные отечественные источники. На их основе многие эпизоды войны стали пересматриваться. Как следствие, наряду с традиционной, героико-патриотической формулировкой основных этапов Великой Отечественной войны, возникли новые подходы к освещению проблематики, зачастую уничижительные по отношению к советским воинам. В этой ситуации сборник документов, составленный В.М. Михайловым, приобретает особую важность. Книга призвана показать беспримерный подвиг и героизм участников Великой Отечественной войны — уроженцев Чувашии, отстоять благородный образ советского солдата. У читателя появилась прекрасная возможность сформировать свое мнение не на основе книг псевдоисториков, а на документальных материалах.

Настоящее издание является логическим продолжением работы автора, которую он вел несколько раньше по данной тематике. В 1987 г. исследователь подготовил и обеспечил выход в свет содержательного сборника документов, составленного также из извлечений наградных листов. В него были включены наградные материалы на уроженцев Чувашии и на лиц длительное время до Великой Отечественной войны проживавших в республике. Но ограниченный объем книги вынудил автора включить в сборник материал лишь на Героев Советского Союза и лиц, награжденных в основном тремя и более орденами¹.

Опубликованное издание обладает несомненной научной новизной, которая определяется как привлечением широкого массива источников, ранее не опубликованных, так и новым тематическим структурированием документов. Сборник документов представляет собой публикацию извлечений из 419 наградных листов на 211 чел., выявленных В.М. Михайловым в Центральном архиве Министерства обороны, Центральном военно-морском архиве Российской Федерации. Обращение составителя к наградным документам представляется оправданным, так как их содержание позволяет нарисовать яркую картину боевых действий, героизма и личного самопожертвования солдат и офицеров Красной Армии. Рецензируемая книга отличается строгим соблюдением правил археографии. Структура сборника документов глубоко продумана. 419 документальных материалов хронологически сгруппированы по трем разделам в соответствии с общепринятой периодизацией Великой Отечественной войны. В первый раздел вошли документы, относящиеся к событиям на советско-германском фронте с 22 июня 1941 г. по 18 ноября 1942 г., во второй — с 19 ноября 1942 г. по конец 1943 г., третий — с января 1944 г. до 9 мая 1945 г.

Сборник документов содержит обширное Предисловие. Здесь дан анализ системы государственного поощрения граждан Советского Союза в годы Великой Отечественной войны, что представляется важным: нынешнее молодое поколение не имеет четкого представления о наградной системе советского периода. Вполне уместен в нем и справочный материал о количестве награжденных орденами и медалями уроженцев Чувашии, о первых орденосносцах. В Предисловии указывается также специфика привлеченных письменных источников, проводится источниковедческий анализ наградных листов.

Публикация документов сопровождается научными комментариями, в которых раскрываются основные биографические эпизоды упомянутых в сборнике участников войны. Научно-справочный аппарат книги дополняет список сокращений.

На наш взгляд, в сборник можно было поместить географический указатель или географические комментарии, которые позволили бы читателю точнее узнать место свершения подвига. В Предисловии следовало пояснить важную специфику документов данной группы, которая заключается в содержащейся в наградных листах информации. Ни

Дмитрий Анатольевич Захаров — кандидат исторических наук, заместитель декана исторического факультета Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева.

на минуту не подвергая сомнению массовый героизм советского народа в годы войны, следует все же отметить, что определенные количественные показатели, присутствующие в некоторых наградных листах, требуют критического осмысления, так как далеко не всегда, например, летчик-истребитель мог с уверенностью утверждать, что сбитый вражеский самолет результат его работы, а не, скажем, зенитчиков. Артиллеристы тоже могли ошибиться, приняв за подбитую машину немецкий танк, который, с целью отвлечь от себя огонь, выпускал дымовую завесу. Качественные показатели военной техники противника также должны рассматриваться с критических позиций. Не секрет, что Pz VI «Тигр» артиллеристы и пехотинцы могли легко спутать с Pz IV последних модификаций, увешанных броневыми листами и получивших близкую по калибру пушку. Однако уничтоженный «Тигр» ценился выше и, соответственно, за него давали более высокую награду. Подобный анализ обогатил бы содержание сборника, направил неискушенного читателя на более глубокие размышления.

В целом, сборник документов подготовлен на высоком научном уровне, что позволяет широко использовать его как в учебно-воспитательном процессе, так и при разработке тех или иных тем, связанных с войной 1941—1945 гг.

Литература

¹ Уроженцы Чувашии на фронтах Великой Отечественной войны. Сборник документов: извлечения из наградных листов / Сост. В.М. Михайлов. Под ред. И.И. Бойко. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1987. 262 с.

© ЧГВ, 2007 г., № 1

Ю. Дмитриева. Рец. на: Клара Адягаши. Ранние русские заимствования тюркских языков Волго-Камского ареала I // Studies in Linguistics of the Volga Region. Vol. II. Debrecen, 2005. 216 p.

Рецензируемая работа является первой частью одноименной монографии, задуманной в двух томах. Она является переработанным и дополненным изданием на русском языке кандидатской диссертации автора, которая была защищена в 1993 г. под названием «A Volga-vidéki türök nyelveket írt korai orosz hatás» [Раннее воздействие русского языка на тюркские языки Поволжья]. Целью кандидатской диссертации было, с одной стороны, определение историко-диалектологических особенностей русских лексических единиц, заимствованных непосредственно чувашским, татарским и башкирским языками, а с другой — изучение процессов исторической фонетики и структурных изменений поволжских тюркских языков. В центре настоящего исследования, как это определяет автор, стоит реконструкция исторической фонетики поволжско-тюркских языков на основании последовательности изменений определенных русских диалектных форм в процессе их заимствования (С. 215). Существовавшие до данной работы монографические обработки русских заимствований перечисленных языков не учитывали то обстоятельство, что в период перехода ранних русских заимствований в рассматриваемые тюркские языки русский литературный язык еще не существовал. По словам автора, «такой подход к предмету не учитывал глобальных и региональных исторических изменений фонетической и фонологической системы русского языка и не позволил разграничение разных хронологических пластов русских заимствований в этих языках на основании фонетических критериев» (С. 13—14). Этот пробел восполняет данная монография К. Адягаши, которая впервые выделяет 5 больших хронологических пластов ранних русских заимствований в разных исторических этапах: 1) чувашского языка; 2) центрального диалекта казанско-татарского языка; 3) нукратского диалекта казанско-татарского языка; 4) мишарского диалекта казанско-татарского языка; 5) башкирского языка. При периодизации русского, волжско-булгарского и чувашского, а также поволжско-кыпчакских языков автор опирается на работы предшественников, а именно Р.И. Аванесова, А. Рона-Таша и А. Берты.

Работа состоит из небольшой вводно-теоретической и более объемной практической частей. В первую часть входят: «Введение», «Теоретическое обоснование и методы исследования», «Принципы построения словарных статей», «Источники», «Литература»,

Юдит Дмитриева — кандидат филологических наук, доцент Югорского государственного университета (г. Ханты-Мансийск).

«Принятые сокращения». Раздел «Теоретическое обоснование и методы исследования» включает в себя волнующие многих лингвистов и историков вопросы: «Исторические основы русско-поволжско-тюркских языковых контактов», «Характеристика волго-камского языкового ареала» и «Особенности лексического воздействия русского языка на языки волго-камского ареала». Вторая практическая часть работы — это собственно «Этимологические словарные статьи». Тогда как в кандидатской диссертации было выявлено и проанализировано 168 лексических единиц русского языка, в настоящей работе этимологизируется 206 слов. В большинстве случаев одно и то же слово проникало в несколько тюркских (и финно-угорских) языков, что оправдывает параллельное рассмотрение ранних русских заимствований в рамках одной монографии.

В разделе «Исторические основы русско-поволжско-тюркских языковых контактов» автор монографии отмечает, что «...тюркские народы не являются аборигенами волго-камского междуречья» (С. 17). По ее мнению, на основе археологических источников можно считать, что первыми тюркоязычными народами Среднего Поволжья являлись волжские булгары. А фонетические особенности булгарских глосс, записанные Ибн Фадланом, свидетельствуют о том, что язык волжских булгар отражает фонетические особенности системы согласных фонем «г-тюркских языков, названных впоследствии именно как булгарские критерии» (С. 20—21).

К. Адыгаши в своих исследованиях, проведенных уже после защиты кандидатской диссертации, разработала вопрос о принципах выделения фонетических критериев разных диалектов волжско-булгарского языка, вступивших в контакты с русским языком. Сопоставив системы гласных фонем языка волжско-булгарских надписей и проанализировав чувашские слова булгаро-тюркского происхождения, булгаро-тюркские заимствования в марийском, казанско-татарском и пермских языках, она доказала, что ко времени монголо-татарского нашествия волжско-булгарский язык существовал на уровне трех диалектов. Диалекты отличались друг от друга по количественному признаку системы гласных фонем. Результаты анализа автор кратко излагает в данной работе, определяет и местоположение каждой диалектной группы территориально. Далее она с периодом существования Волжской Булгарии (с IX в. до 1236 г.) соотносит две эпохи восточнославянской истории. Вопреки мнениям, существовавшим до недавнего времени, автор считает, что восточнославянские племена к началу VIII в. не создали себе общий праязык — древнерусский. На основе исследований последних десятилетий в области славистики она придерживается точки зрения, согласно которой «...восточнославянская народность до первой половины XIII в. разговаривала на территориальных разновидностях восточнославянского диалекта праславянского языка» (С. 24). Экономическая экспансия восточнославянского населения на Севере и Северо-Востоке Восточной Европы к XIII в. привела в языковом отношении к образованию диалектов древнерусского языка. Их особенности, по словам автора, будут представлены во втором томе монографии. Далее в работе анализируются последствия монгольского нашествия в Восточной Европе, в частности, Среднем Поволжье в плане политической, этнической и языковой ситуаций. Положению трех волжско-булгарских диалектов она дает краткую характеристику. Носители диалекта «волжско-булгарского I» рассеялись отчасти на правом берегу Волги, отчасти на земле черемисов. Там они не смогли сохранить своего булгаро-тюркского диалекта, в связи с чем произошла смена языка. Многие особенности их прежнего диалекта позже появились как субстратные явления в марийском языке. Носители диалекта «волжско-булгарского II» (булгаро-тюркская элита, обитавшая в центральных частях Волжской Булгарии) постепенно перешли на кыпчакский язык, что повлекло за собой распространение ислама в их кругу. Носители древнечувашского диалекта (волжско-булгарского III) компактно переселились на правый берег Волги, сохраняя и в дальнейшем автономию своего булгаро-тюркского языка. Далее автор касается и положения носителей древнерусских диалектов после монгольского нашествия и вплоть до взятия Казани в 1552 г. С точки зрения характера русско-поволжско-тюркских языковых контактов на основании того, что изменилась география обитания носителей языковых групп, автор монографии выделяет три исторических ситуации. В первых двух ситуациях отмечаются ею малозначительные контакты русскоязычного и тюркоязычного населения (с IX в. до 1552 г.). А третья по счету эпоха, на ее взгляд, — после взятия Казани русскими до настоящего времени и в рамках Русского государства — является благоприятной для более интенсивных языковых контактов. Так как ранее воздействие русского языка касалось извне всех участников ареала и известные результаты этого влияния показывают общие черты изменений фонетического и структурного характера, исследование ранних русских заимствований в рассматриваемых

поволжско-тюркских языках целесообразно проводить в рамках ареальной лингвистики, как считает автор (С. 30).

В следующем разделе монографии дается характеристика волго-камского языкового ареала. Под волго-камским языковым ареалом вслед за Г. Березки понимается языковой союз, членами которого являются 4 финно-угорских (мордовский, марийский, удмуртский, зырянский) и 3 тюркских языка (чувашский, татарский, башкирский). Последние исследования К. Адягаши доказывают, что в раннем этапе сложения волго-камского языкового ареала направление распространения языкового изменения шло от прамарийского языка в поздне-древнечувашский, а оттуда дальше в татарский и башкирский языки (С. 33). Позже, правда, только до татарского нашествия волжско-булгарский язык фигурировал в ареале как живой доминантный язык. После татарского нашествия приблизительно до XV в. субстратным доминантным языком ареала выступал один из трех диалектов волжско-булгарского языка, а именно кыпчакский язык. «С XVI века благодаря значительному преобладанию кыпчакоязычного населения и их ведущей политической роли доминантным языком выступает казанско-татарский», — отмечает автор (С. 34—35).

Особенности лексического воздействия русского языка на языки волго-камского ареала, по мнению К. Адягаши, осуществлялись двумя способами: либо через прямые заимствования из русского языка в отдельные языки ареала, либо через посредство доминантного языка. Среди особенностей упоминается ею и разница в структурном построении русского и поволжско-тюркских языков.

Вторая практическая часть монографии представляет собой этимологический словарь ранних русских заимствований в тюркских языках волго-камского ареала. В нем этимологизируется 206 лексических единиц, распространенных в разных диалектах поволжско-тюркских языков до середины XVII в. Из них, по нашим подсчетам, 80 слов было заимствовано и чувашским языком. Лексический материал расположен в алфавитном порядке русских литературных форм. За ними следуют диалектные и исторические данные каждого русского слова, указывается их этимология. После данных русского языка схематически изображается распространение ранних русских заимствований в тюркских языках волго-камского ареала. В данной части словарных статей показано историческое изменение русского слова начиная с древнерусского периода до конца старорусского горизонтально. Вертикальные стрелки указывают на то, какие русские формы в какую именно эпоху были заимствованы конкретным поволжско-тюркским языком. Для облегчения фонологического анализа данных в квадратных скобках прилагается их фонологическая интерпретация. После истории русского слова и схематического изображения его распространения в поволжско-тюркских языках приводятся их литературные и диалектные формы, а также данные письменных источников чувашского, татарского и башкирского языков. В конце словарных статей прилагаются марийские и мордовские диалектные соответствия русских заглавных слов, что, по мнению автора монографии, послужит в качестве базы данных для дальнейшей ареальной и этимологической обработки русских заимствований в марийском языке (С. 42).

Для наглядности предлагаем читателю два фрагмента двух этимологических очерков из монографии.

Распространение русского слова в тюркских языках Волго-Камья:

др. р. *kapusta* > [kapūsta] > ст. р. С. диал. [kapūsta] ср. р. лит. [kʌ pūstə]
 ↓
 волжско-булг.₂ *kāpistā* поздне-ср. чув. *kāpista* > В *kopāsta*, А *kupāsta*
 ↓
 ср. башк. *kāpistā* > башк. *kābēṣ tā*
 ср. тат. *kāpistā* > (Ц. тат.) *kābēstā*

Распространение русского слова в тюркских языках Волго-Камья:

др. р. *rusь* > [rusʲ] > ст. р. [rusʲ] > р. лит. [rus]
 ↓
 др. чув. **orus* > В *vurās*, А *vīrās*
 ↓
 волжско-булг.₂ **orus*
 ↓
 ср. тат. **orus* > (Ц. крш.) *ur̥*
 ср. башк. **orus* > (Ю./Иниар.) *ur̥*

Обработанный лексический материал позволяет автору определить основные семантические группы русских заимствований тюркских языков волго-камского ареала, список которых завершает монографию. Автор выделяет 22 такие группы (хлебопашество, стойловое животноводство, рыболовство, пчеловодство, охота, строительство, религия и др.). Эти тематические группы, по ее мнению, заимствовались не только всеми поволжско-тюркскими диалектами, но и финно-угорскими языками данного ареала.

Вся монография в целом, в том числе и ее научный аппарат (Источники, Литература, Принятые сокращения), свидетельствуют о большом профессионализме автора. Используемая ею литература охватывает историческую фонетику и морфологию как русского языка, так и поволжско-тюркских и поволжско-финно-угорских языков. Проведенная ею огромная многолетняя работа, результатом которой является данная монография, по-видимому, только избранным, таким, как она, так как для решения этноязыковой истории Волго-Камья необходимы многогранные знания, как в области русистики, так и в области истории чувашского и марийского языков, которыми она владеет в совершенстве.

Монография венгерского исследователя, публикуемая на русском языке, читается с огромным интересом. Она по своим масштабам и научной ценности не уступает работам своих великих венгерских предшественников в области чувашских исследований.

ЧГВ, 2007 г., № 1

М.Н. Губогло. Рец. на: Иванов В.П. Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2005. 383 с.

Три особенности характеризуют монографическое исследование В.П. Иванова и позволяют отнести его в разряд трудов, вносящих крупный вклад в современную не слишком богатую тюркологию, как часть некогда выдающегося отечественного востоковедения. Во-первых, сквозной характер этнодемографической истории народа, с охватом почти в тысячелетний период. Во-вторых, дважды междисциплинарный подход исследования, выполненного на границе предметных областей таких гибридных (междисциплинарных) направлений, как этнодемография, этногеография, этноистория и этносоциология. В-третьих, новаторский характер, вытекающий из необычного соединения реквизитов этнодемографического и этнопсихологического свойств и официальных попыток объяснить демографические (биосоциальные по природе) явления психологическими факторами, связанными с сохранением и утратой этнической идентичности. Благодаря указанным достоинствам, вместе с впервые введенным в научный оборот материалом, его тщательным и профессиональным анализом, исследование попадает в разряд трудов, пополняющих копилку отечественной тюркологии.

Об этом следует сказать особо, так как вот уже несколько поколений в отечественной этнологии и в ряде других научных дисциплин не реализуются проекты со сквозной проблематикой, посвященной учению тюркоязычных народов России, как важнейших факторов на этнодемографической и этнокультурной карте евразийского пространства. Во всяком случае, в нынешней историографии нет инициатив, подобных тем, что были предложены в 1920-е гг. академиком В.В. Бартольдом по характеристике истории тюркских народов как такого сложного историко-культурного процесса, в ходе которого генетически родственные по языку, но порой различные по уровню своего социально-экономического развития народы на протяжении не менее 2-х тысячелетий прошли путь самостоятельного этносоциального, этнокультурного и этноязыкового развития. Путь, который в конечном итоге в ряде случаев приводил к созданию устойчивых национальных и государственных образований в различных регионах евразийского пространства.

Однако, прежде чем ставить масштабные задачи по изучению сквозной истории народов, составляющих тюркский мир России и шире — евразийского пространства, понятно, должны быть написаны «сквозные», в том числе этнодемографические и этногеографические истории каждого из более чем четырех десятков тюркских народов.

Михаил Николаевич Губогло — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра изучения межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН.

Для правильного понимания их современной этнополитической истории, их численности и расселения требуется, как пишет В.П. Иванов, солидаризируясь с авторитетным казанским исследователем Д.М. Исхаковым, «подходить исторически» (С. 6). Я бы добавил, не только «исторически», но и «критически», особенно в части доверия и интерпретации некоторых статистических данных, полученных в крайне политизированных и идеологизированных условиях.

Так, например, не сильно задумываясь над достоверностью данных Всероссийской переписи населения 2002 г., В.П. Иванов пишет, что чуваши по своей численности среди народов России в 2002 г. по сравнению с 1989 г. переместились на 5-е место. Позволим себе в этом усомниться. Численность чувашей, по данным этой переписи, составила 1637094 чел., а без 383996 лиц, не указавших, что они владеют чувашским языком и того меньше — 1253098 чел.

Но, по данным той же переписи, 480439 башкир не владели башкирским языком. Более того, 524399 башкир указали, что владеют татарским языком. Не исключено, что часть татарского населения северо-западных районов Башкортостана, как считают некоторые уфимские эксперты, была записана башкирами. Следовательно, численность чувашей, считающих себя чувашами и владеющих чувашским языком, составляла 1253098, в то время как численность башкир со знанием башкирского языка составила 1192950 чел., т.е. на 60148 чел. меньше. Не вдаваясь в детальное выяснение причин башкирского этнодемографического и этноязыкового парадокса, вернее все-таки считать, что среди тюркских народов России второе место по численности занимают не башкиры, а чуваш.

Во всяком случае, я полностью разделяю сожаление В.П. Иванова в том, что попытки некоторых чиновников и экспертов исключить из переписного бланка переписи 2002 г. фиксацию родного языка сильно обеднило источниковую базу по комплексному изучению взаимосвязи этнодемографических и этнопсихологических процессов. Если бы перепись 2002 г. фиксировала не один, а два этнических определителя, как это было во всех предыдущих переписях советского времени, то было бы ясно, что несколько сотен тысяч башкир с родным татарским языком — это скорее татары, чем башкиры.

Изучение исторической динамики численности, особенностей расселения и формирования этнотерритории чувашей представляет научную и практическую значимость. Вопросы расселения и динамики численности чувашского народа в их совокупности и в достаточно длительной исторической перспективе до сих пор не были предметом специального исследования. Более того, такого рода работ нет и по другим российским этносам. Между тем, как подчеркивается В.П. Ивановым, в ряду российских народов чуваш выделяются рядом рельефно выраженных специфических этногеографических и этнодемографических характеристик, которые сложились у них в условиях весьма непростого и еще до сих пор в полной мере не выясненного этноисторического процесса.

Особую актуальность рецензируемой работе придает тот факт, что в последние годы среди чувашского населения ряда регионов страны активизировалась национально-культурная деятельность, которая требует внимания со стороны государственных органов и общественных объединений как Чувашской Республики, так и соответствующих субъектов Российской Федерации. Для адекватного определения приоритетов при проведении государственной национальной политики как в Чувашской Республике, так по отношению к диаспорным группам чувашского этноса, выработки реалистических и обоснованных решений в этой сфере важно иметь как можно более полную и конкретную информацию о чувашском населении всех регионов Российской Федерации, о динамике его численности и особенностях расселения в городской и сельской местностях, на территориях отдельных республик, краев и областей. Исследование В.П. Иванова в полной мере отвечает решению указанных задач.

Пространственно-временная и численная характеристика чувашского населения России в различные периоды истории в соответствии с задачами исследования сформулированы в конкретной форме и нашли аргументированное освещение.

Источниковой базой для работы стал большой круг архивных и опубликованных материалов, прежде всего данные 10 ревизий податного населения, осуществленных с 1719 по 1856 гг., переписей 1897, 1920, 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 и 2002 гг. К заслугам автора следует отнести тот факт, что он широко и умело использует материалы из текущих архивов органов статистики около 30 регионов Российской Федерации. Комплексный характер работы усилен тем, что в ней привлечены также данные различных этностатистических и этносоциологических исследований и этнографических экспедиций. Общественно значимые результаты исследования, характеризующие его новизну, убеждают в оригинальности, актуальности и объективности.

Каждая глава монографии В.П. Иванова, в т.ч. первая, посвященная теоретико-методологическим подходам к изучению проблематики, характеристике природно-географического фактора; вторая, где речь идет об особенностях расселения чувашей в период Волжской Булгарии, монгольского ига, Казанского ханства и присоединения Чувашии к России в середине XVI в.; третья, посвященная исследованию расселения и изменения численности чувашей во второй половине XVI — начале XX вв., основным факторам этих процессов, важным вопросам формирования этнографических и этнотерриториальных групп чувашского народа, влиянию конфессиональных факторов на изменение его демографии; четвертая, в которой анализируются особенности динамики расселения и численности чувашей в советскую эпоху и в целом в XX столетии, заканчивается конкретными выводами. В заключительной части содержатся сводные выводы по всем главам. Здесь автор монографии дал четкую периодизацию исторической динамики расселения чувашей, обозначил основные факторы этого процесса.

Большую ценность представляют материалы Приложения, в котором впервые дана статистическая характеристика особенностям расселения чувашей в конкретных регионах России. Весьма положительным качеством монографии, свидетельствующим о высоком профессионализме ее автора, является наличие в ней 42 различных диаграмм и картосхем.

Численность этноса В.П. Иванов рассматривает «как число этнофоров, т.е. индивидуальных носителей определенной этнической культуры, представителей какого-либо этноса» (С. 11). Уязвимость этой парадигмы заключается в том, что она допускает замещенное отнесение лиц к той или иной этнической общности на основе каких-то материализованных элементов «этнической культуры». Между тем окончательный ответ позволительно давать не «со стороны», а непосредственно самим человеком, самостоятельно определяющим свою этническую идентичность, или нескольких идентичностей в случае маргинальных ситуаций.

Остается все же неясным, в каком контексте употребляется и по каким критериям различаются между собой термины «болгары» и «булгары» применительно к средневековой истории чувашей.

Выделив пять исторических этапов территориального размещения чувашей, в том числе I. Булгарский (VIII—XIII вв.), II. Ордынско-ханский (вторая треть XIII — середина XVI в.), III. Имперско-колониальный (середина XVI — начало XX вв.), IV. Советский (1920-е — 1990-е гг.), вероятно, следовало бы их хронологически соотнести с принятым в языкознании: древнебулгарским (IV—XI вв.), среднебулгарским (XIII—XVI вв.) и новобулгарским, начавшимся после падения Казанского ханства (1552 г.).

Будучи, как ученый и как эксперт по проблемам межнациональных отношений, автором проекта Концепции государственной национальной политики Чувашской Республики и Программы мероприятий по ее реализации на 1998—2005 гг., В.П. Иванов несет особую ответственность за выделение двух измерений в реализации национальной политики: внутренней «с целью создания необходимых условий для полновесной реализации прав и устремлений чувашского народа ... и удовлетворения национально-культурных потребностей всех живущих здесь этнических групп...», и внешней, состоящей «в обеспечении моральной и материальной поддержки национально-культурного развития диаспорных групп чувашей ... в целях сохранения целостности и этничности народа» (С. 310). Соглашаясь в принципе с каждым из выделенных измерений (точнее было бы сказать направлений) национальной политики, необходимо добавить, что речь может и должна идти не только о «сохранении», но и о «развитии» этничности, т.к. акцент только на сохранение может означать застой, особенно в связи с концептуальной неразработанностью понятия «этничность» и ассоциированным с ним понятием «самобытность».

Исследование В.П. Иванова имеет большое научно-практическое значение. Она может заинтересовать работников органов исполнительной и законодательной власти как Чувашской Республики, так и других регионов Российской Федерации в качестве этнополитического материала в процессе выработки и коррекции национальной, демографической и миграционной политики, при разработке региональных программ, направленных на предотвращение межнациональных конфликтов и укрепление федеративных отношений в России.

Собранный и систематизированный в представленном исследовании фактический материал и сделанные на основе их анализа выводы могут послужить (а частью уже служат) добротной базой для создания трудов по истории, этнографии, культурологии, географии и демографии чувашей и других народов Волго-Уралья, а также в целом России, полезным пособием для проведения лекционных курсов и семинаров по соответствующим темам для

учащихся школ и студентов высших учебных заведений не только Чувашской Республики, но и других регионов, прежде всего Поволжья и Приуралья.

В.П. Ивановым выполнена обстоятельная, многоаспектная работа, в которой впервые целостно, комплексно и в строгой исторической последовательности исследованы актуальные вопросы исторической динамики численности и расселения чувашского этноса в России. Суждения, обобщения и выводы автора отличаются доказательностью и новизной подходов.

Таким образом, работа В.П. Иванова является оригинальной и фундаментальной научной работой. Сделанные выше замечания и пожелания не умаляют ее достоинств. Она соответствует современному уровню исследования проблемы в рамках этносоциальной и этнокультурной истории России и имеет существенное историко-теоретическое, научно-практическое и прикладное значение.

ЧГВ, 2007 г., № 1

© Р.К. Рахимов. Рец. на: Г.Б. Матвеев. **Чувашское народное зодчество: от древности до современности**. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2005. 256 с.

Выход в свет монографии, посвященной основному составляющему народного зодчества чувашей — жилищу, в известной мере заполняет пробелы в исследовании этого круга проблем. Рецензируемое издание является итогом многолетних исследований автора. Оно состоит из четырех глав.

Первая глава посвящена ранним сведениям о чувашском народном зодчестве. Здесь прослеживаются исторические предпосылки формирования и становления традиционных форм жилища. Опираясь на различные источники, автор обобщает имеющийся материал о древних типах жилища и планировке поселений, бытовавших у народов Северного Кавказа и Поволжья, в том числе у болгар и суваров — предков современных чувашей. Основным жилищем этих народов были переносные юрты (шатры), которые наиболее полно отвечали их кочевому образу жизни. Автор приводит материалы (фольклорный, лексический, иллюстративный — отражение шатра в орнаменте вышивки) о бытовании у предков чувашей переносного жилища. С переходом к оседлости появились стационарные жилища, построенные из плетня, обмазанного глиной, сырцового кирпича, дерева и камня, а в Поволжье и Прикамье, богатых лесом, появились срубные постройки из бревен. Большую научную ценность представляют приведенные в данном разделе сведения о способах возведения жилища, их внутреннем убранстве, планировке поселений. Рассмотрена эволюция жилища от юрты и землянки до срубного жилища. При описании жилища волжских болгар автор опирается на археологический материал и данные средневековых авторов.

Во второй главе, посвященной чувашскому народному зодчеству середины XIX—начала XX вв., автор подробно характеризует организацию жилой среды, планировку двора, эволюции жилища, применяемые строительные материалы и конструкции, украшения жилища. Отмечается, что в рассматриваемый период впервые в истории развития народного зодчества на бытовавшие планировочные традиции было оказано внешнее воздействие, в результате чего эти традиции стали утрачивать самобытность. Таким внешним фактором явилось распоряжение властей о перепланировке поселений, которое вышло в 1830 г. В ходе реализации данного распоряжения традиционную кучевую застройку постепенно стала вытеснять уличная застройка, что, в свою очередь, привело к изменению и планировки жилого дома и двора. Несомненная заслуга автора — описание архитектурно-художественных приемов оформления жилищ, их интерьера и внутреннего убранства. Автор уделит внимание глухой, барельефной, пропильной резьбе. В частности, он отмечает, что традиции глухой резьбы оказались наиболее глубокими и живучими в северо-западной Чувашии, где они сохранились до второй половины XX в. Дробно-узорные мотивы, напоминающие орнамент вышивки, были перенесены на пропильную резьбу.

Исследователь обратился к поиску параллелей в орнаментальных мотивах традиционных воротных украшений чувашей, которые восходят к ранней средневековой эпохе. Проследил связи чувашского орнамента с доисламской культурой народов Дагестана. Отмечается, что в орнаменте воротных столбов чувашей и татар Закавказья имеется много

Радий Каримович Рахимов — главный архитектор Проектного института «Чуваш-гражданпроект».

сходных черт в конструкции и украшении ворот. Орнамент воротных столбов проиллюстрирован отдельной таблицей. Старинные типы ворот выявлены им в ряде районов северной Чувашии. В этой главе значительное внимание уделено распространению новых архитектурных элементов, новым тенденциям в развитии интерьера жилища. Автор пользовался как архивными источниками, так и выявленным им полевым материалом. В разных районах Чувашии им зафиксированы дома начала XX в., которые являются памятниками народного зодчества. Освещены разные типы печей и мебели, показано вытеснение одних форм другими, выявлены особенности этого процесса у разных этнографических групп, взаимодействия элементов украшений и внутреннего убранства дома чувашей, татар и русских. Единообразие, наблюдавшееся истари в конструкции и интерьере жилища, в начале XX в. уходило в прошлое: появилось многообразие, дифференциация типологических признаков. Раздел завершается анализом типов связи двора с домом, описанием хозяйственных построек у различных социальных групп, типов ограды и ворот. Автор обобщил тенденции в развитии народного зодчества на данном этапе, отметил преобладание зональных признаков над этническими.

В третьей главе рассматриваются вопросы эволюции конструктивно-морфологических характеристик жилища, архитектурно-декоративного оформления сельского дома Чувашии второй половины XX — начала XXI вв., а также современные тенденции в развитии народного зодчества. Материал подан по географическому и тематическому признакам. Специфика народного зодчества прослежена по районам (по географическим параметрам, в то же время этнографическим зонам). В частности, рассмотрены юго-восточные, юго-западные, восточные, центральные, северо-западные, западные районы, отдельно выделен Чебоксарский район. Тексты отдельных параграфов краткие, лаконичные. Отмечены наиболее ярко выраженные особенности форм народного зодчества. В этот период в жилищное строительство на селе стали проникать совершенно новые, неиспользуемые ранее строительные конструкции и приемы: сборный и монолитный железобетон, керамзитобетон, многослойные стеновые панели, асбестоцементные листы. Много новых домов строилось по типовым проектам, что не только нивелировало специфические особенности подворья разных зон Чувашии, но вообще исключало самобытность чувашского жилища. Статистика показывает расширение индивидуального строительства в 1990-е — 2000-е гг. Автор убедительно говорит о поступательном развитии народного зодчества, отмечает преемственность развития многих архитектурных форм, особенностей резьбы, орнаментальных мотивов.

В четвертой главе рассматриваются этнотерриториальные комплексы жилища чувашей Урало-Поволжья, сложившиеся в течение XX в. В основу характеристики этих комплексов автор принял такие признаки, как планировочные типы жилищ, используемый строительный материал, приемы возведения домов, форма крыш, расположение домов по отношению к улице, планировка двора и хозяйственных построек. Он отмечает, что в этот период появился новый тип жилья, который не является традиционным для чувашского народа. Это — коттеджный тип, привнесенный извне и являющийся распространенным типом английского дома. Справедливо указывается, что принципиальная разница между жилищем чувашей и жилищем других народов, населяющих территории Урало-Поволжья, отсутствует, поскольку эволюция жилища шла путем взаимопроникновения лучших приемов планировки и оформления усадеб.

Рассматриваемая работа представляет собой значительный научный труд, который призван обогатить современные знания о чувашском народном зодчестве новыми сведениями и материалами. Достоинствами работы являются: scrupulous систематизация и обобщение имеющихся разрозненных сведений о чувашском народном жилище, его эволюции с древнейших времен до наших дней; широкая география изучаемого материала, охват территорий как Чувашской Республики, так и с компактно проживающим чувашским населением Поволжья, Присурья и Приуралья; изложение материала языком, доступным не только для специалистов, но и для широкого круга читателей. Этому в значительной степени способствует приведенный в конце книги глоссарий.

Прослеживая историко-эволюционное развитие жилища, автор уделяет пристальное внимание типологизации жилища, в частности, характеризуются конструктивно-морфологические признаки каждого из выявленных типов. Преобладание определенного типа в данной местности — результат сознательного выбора, отвечающего хозяйственным, социальным, эстетическим и престижным соображениям. Факторами, влияющими на развитие жилища, являются изменяющиеся социально-экономические условия жизни, государственное нормирование и регулирование планировки и застройки поселений, широкое распространение информации о новых прогрессивных объемно-планировочных решениях

в строительстве жилых домов, появление возможности использования нетрадиционных для чувашского народного зодчества строительных приемов и конструкций, систем инженерного оборудования и т.д. Эти сюжеты, на наш взгляд, требуют большего внимания. Желательно было проиллюстрировать также и приводимые описания планировки поселений, дворов, жилых домов и построек, поскольку в архитектуре эти сведения представляют не меньшую ценность.

Книга содержит большое количество цветных и черно-белых иллюстраций. Много ценных образцов чувашского народного зодчества автором выявлено в экспедициях. Использован иллюстративный материал, хранящийся в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. Выполненная работа является существенным вкладом в этнологию чувашского народа.

ЧГВ, 2007 г., № 1

© **Т.Г. Пантелеева**. Рец. на: **Е.В. Федотова. Истоки и формирование жанров чувашской литературы XVIII—XIX вв.** Чебоксары, 2006. 144 с.

Тема монографии Е.В. Федотовой актуальна и весьма перспективна. В настоящее время проблематика становления жанров национальных литератур как предмет научного исследования приобретает особую значимость. В создавшихся после краха советской общественно-политической системы условиях появилась возможность заново осмыслить, всесторонне и глубоко изучить наше богатое культурное наследие. В своей работе автор особое внимание уделяет переводной религиозно-просветительской литературе, о которой в недавнем прошлом в силу известных причин умалчивалось. Решение Е.В. Федотовой исследовать религиозно-просветительский материал как компонент, который сыграл важную роль в становлении национальной чувашской литературы и де-факто выполнял подобную функцию, на наш взгляд, является бесспорным и заслуживает всяческой поддержки и поощрения.

Методологической основой выполненного сочинения послужили общетеоретические работы известных российских литературоведов, а также научные труды, написанные исследователями региона¹. В работе широко и весьма умело использованы сравнительно-сопоставительный, конкретно-текстовый методы анализа источников. Нельзя не признать уместным и историко-генетический подход к выбранному объекту исследования.

Первая глава монографии посвящена освещению истоков и показу формирования жанров лирической и лироэпической поэзии. Для выявления общей картины становления лирических жанров автор исследует истоки их формирования. Таковыми являются пантегирики одической формы, написанные в высоком стиле и вобравшие в себя определенные элементы фольклорных произведений: заговоры, молитвословия, благопожелания. Е.В. Федотова утверждает, что в творчестве Я. Турхана отразилось влияние христианской религии. Как ею показано, особенно оно проявилось в стихах, где наблюдаются переложения библейских сюжетов. По мнению автора, они относятся к жанру духовных стихов.

Показу становления жанра поэмы посвящен второй раздел первой главы. Исследуя творчество М.Ф. Федорова, Е.В. Федотова приходит к выводу, что его произведение «Леший» знаменует собой появление в чувашской словесности нового жанра — поэмы. Данное творение основывается на устной народной поэзии и на мифологическом мировоззрении чувашей. Автор обоснованно считает, что произведение М.Ф. Федорова продолжает идейные традиции его современников (Игн. Иванова, И.Я. Яковлева), но в то же время отличается от них формой и композицией. М.Ф. Федоров впервые вносит в поэзию схему дидактических рассказов и концовку дает имплицитно, косвенно, а в дидактических рассказах — эксплицитно, в готовом виде. Этим и отличаются его поэмы от всех произведений, написанных чувашскими поэтами до него, как делает вывод автор.

Опираясь на теоретические основы А.Н. Веселовского, Е.В. Федотова выделяет поэму «Вару́сси» Я. Турхана как балладу, и с этими ее доводами нельзя не согласиться. Третий раздел первой главы посвящен показу становления жанра басни. Повествовательная часть

Тамара Григорьевна Пантелеева — кандидат филологических наук, доцент Удмуртского государственного университета.

басни, утверждает Е.В. Федотова, сближена со сказками о животных, ибо в них изложены действия и речи птиц.

В жанре стихотворной басни, как следует из сочинения Е.В. Федотовой, творили и братья Турханы — Яков и Федор. Как и в классических баснях, большое место в их произведениях занимает диалогическая речь, констатирует она, и, анализируя басни «Три воробья» и «Дерево с шипами» Ф. Турхана, приходит к выводу, что они являют собой развернутые пословицы: как во всех баснях, в них есть мораль — она представлена косвенно, имеется дидактическое наизидание.

Во второй главе анализируется становление канонических — эпистолярного и онтологических — жанров. Их появление автор связывает с массовой христианизацией чувашского народа, и она, бесспорно, права в этом. К эпистолярному жанру ею отнесено письмо-прошение Охадера Томеева в Синод от имени населения Чебоксарского уезда, которое не без основания считается первым чувашским литературным памятником. В нем, по ее мнению, ярко выражено авторское сознание, чем и обусловлена оценка этого текста как литературного.

К эпистолярному же жанру относит автор и написанные во второй половине XIX в. С.М. Михайловым письма к редактору «Казанских губернских ведомостей» А.И. Артемьеву, а также к историку М.П. Погодину. И свой вывод она аргументирует тем, что их как целостные художественные произведения характеризует единство темы, круг адресатов и т.п., и в них, как в художественном произведении, обрисован образ автора, владеющего особым, характерным языком, насыщенным эпитетами, сравнениями, риторическими фигурами.

Во втором разделе главы Е.В. Федотова исследует становление онтологических жанров — проповедей и житий. Автор считает, что проповедь на чувашском языке представлена в виде бесед и поучений. (Они переводились в Казанской переводческой школе в начале XIX в.) Правда, ею не упоминаются тексты Слова — разновидности проповеди, которые имеются, как мне стало известно, в фондах архива Чувашского государственного института гуманитарных наук. Е.В. Федотова детально исследует «Катехизические беседы...» священника В. Громова, что весьма импонирует. В то же время вызывает сожаление, что такой ценный источник до сих пор не опубликован. Этот «памятник письменности», на наш взгляд, интересен как для литературоведов и языковедов, так и для историков и этнографов.

Далее в тексте рассматриваются истоки и формирование жанра жития. При определении жанра жития автор опирается на теорию Е.В. Хализева. Из сочинения узнаем, что переводчиками житий были Н.И. Золотницкий и Г. Филиппов. Автором выделены особенности чувашских житий. Исследователь доказывает, что жанр житий характерен не только для христианской культуры, но и для традиционной дохристианской культуры чувашей. Она, вне сомнения, права в том, что древний мотив магии заверщенного цикла — жития растений и вещей — лежит в основе чувашской народной словесности: загадках, молитвословиях. Позже он лег в основу повествовательных произведений, способствовал развитию и становлению жанра повести.

В третьей главе исследователь анализирует становление очерка, истоки и формирование повествовательных жанров рассказа и повести. Первый ее раздел посвящен освещению становления жанра очерка. Замечательно то, что при исследовании становления жанра очерка от взора автора не ускользнули сочинения учеников чувашских школ, написанные ими в 1884—1889 гг. Е.В. Федотова утверждает, что стержневой основой для их сочинений послужили чувашские поверья. Особо выделены как подвид жанра путевой, автобиографический, портретный очерки.

Во втором разделе главы Е.В. Федотова исследует истоки и формирование жанра рассказа и приходит к выводу, что устные народные рассказы становятся основой для формирования повествовательных жанров чувашской письменной словесности. В заключительном разделе главы весьма подробно освещено становление жанра повести. Автор по праву первым произведением названного жанра считает «Записки чувашина о своем воспитании» (1889) Н.М. Охотникова. На ее взгляд, это еще не «чистая» повесть, так как в ней присутствуют и элементы очерка. Она убеждена в том, что это произведение знаменует становление жанра повести в чувашской литературе. Исследователь доказывает, что повесть О.Г. Романова «Страждущим Бог помогает» является почти зеркальным отражением структуры сказок о мачехе и падчерице.

Е.В. Федотовой скрупулезно изучен имеющийся богатый фактический материал, мобилизовано большое количество научных трудов ведущих теоретиков в области литературоведения. Тексты произведений ею анализируются исходя из современности. Выводы

автора убедительны, научно достоверны и вызывают доверие. Отрадно отметить, что современная гуманитарная наука пополнилась еще одним основательным трудом.

Литература

¹ *Пропи В.Я.* Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: «Наука», 1976. 325 с.; *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М.: «Наука», 1979. 360 с.; *Чернец Л.В.* Литературные жанры (Проблемы типологии и поэтики). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 192 с.; *Мелетинский Е.М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М.: «Наука», 1986. 320 с.; *Хусаинов Г.Б.* Место и роль творчества сэсэнов в истории башкирской литературы / Из истории башкирской литературы. На башк. яз. Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1975. 256 с.; *Васильев А.В.* Становление и развитие жанров в дореволюционной чувашской литературе XVIII—XIX вв. // Чувашская литература: тенденции развития, стилистические поиски. Сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1983. С. 3—29; *Федоров Г.И.* Некоторые проблемы становления и развития повествовательных форм в ранней чувашской литературе // Проблемы письменности и культуры. Сб. ст. / ЧНИИ. Чебоксары, 1992. С. 45-53; *Родионов В.Г.* Чувашская литература XVIII — первой половины XIX вв.: Учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1999. 172 с.; *Идельбаев М.Х.* Изустная литература в системе башкирской словесности. Автореф. дис. докт. филол. наук. Уфа: ред.-издательский центр Башк. ун-та, 2001. 82 с.; и др.

ЧГВ, 2007 г., № 1

© **М.В. Голубчикова.** Рец. на: **М.Г. Кондратьев. Композиторы Воробьевы.** Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2006. 336 с.

Чувашское книжное издательство выпустило в свет новую книгу «Композиторы Воробьевы»¹. Монография вышла из печати в преддверии 120-летия со дня рождения Василия Воробьева, дополнив галерею «научно-исторических портретов личностей-первопроходцев»² музыкальной культуры Среднего Поволжья.

Полиграфическое богатство книги — в духе подарочно-альбомных изданий — впечатляет благородным дизайном, прекрасным качеством бумаги, обилием фотографий и репродукций в черно-белом и цветном форматах. Впрочем, это издание привлечет взгляд читателя не только роскошными «внешними данными», обусловленными, очевидно, принадлежностью к престижной президентской серии³, но и именем автора — доктора искусствоведения Михаила Григорьевича Кондратьева.

Известный в кругу коллег широтой научных интересов и основательностью исследований, он являет собой редкое и счастливое для региональной науки сочетание в одном лице этномузыковеда, теоретика и историка музыки. Около 400 его публикаций отражают едва ли не весь спектр научно-теоретических проблем, возникающих в процессе изучения самобытной и богатой культуры чувашского народа: в их числе, наряду с фундаментальным трудом «О ритме чувашской народной песни» (Москва, 1990), несколько монографий, десятки научно-исследовательских и музыкально-критических статей, а также научные комментарии к публикациям чувашских народных песен.

Задача создания композиторских биографий актуализировалась в российском региональном музыкознании в последнее постперестроечное десятилетие, когда, с одной стороны, образовалась достаточная временная дистанция для объективной оценки достижений первых профессиональных национальных композиторов, с другой — появилась масса новой информации, позволяющей устранить искажения и пробелы в отечественной истории и культуре первой половины XX в. О необходимости этого говорил в свое время и сам автор⁴.

Обращение М.Г. Кондратьева к жанру научно-популярной монографии о чувашском композиторе при кажущейся неожиданности представляется неизбежным этапом в его научной биографии, так как позволяет обобщить и развить богатый и многообразный материал прежних исследований в указанном направлении. Новая книга — второй опыт музыковеда на этом пути⁵.

Марина Валентиновна Голубчикова — музыковед, преподаватель Саранского музыкального училища им. Л.П. Кирюкова.

Жизнь и творчество Василия и Геннадия Воробьевых не были обделены вниманием специалистов: список публикаций о них, как сообщает автор, насчитывает более 100 наименований, часть из которых принадлежит самому М.Г. Кондратьеву. Ценность новой работе придает ее значительно расширенная и обновленная база данных, сформированная автором в течение почти 30(!) лет и включившая множество ранее не востребованных или по разным причинам недоступных материалов: из домашнего архива Воробьевых, из секретных фондов государственных архивов, из личного архива автора.

Знакомство с текстом книги ошеломляет не только объемом и разнообразием использованных документов, но и мастерством работы с ними, подтверждающим (в который раз) высокую научную репутацию музыковеда. О скрупулезности и точности исследователя свидетельствуют списки произведений Василия и Геннадия Воробьевых, помещенные в конце книги: в них вошли не только сохранившиеся, но и упоминавшиеся произведения, как завершенные, так и дошедшие до нас в виде эскизов (например, в виде рукописи вокальной строчки), указаны существующие варианты, авторы стихов, имена переводчиков, литературные или фольклорные источники текстов в случае их вторичности. Дополнение в виде солидного списка чувашских наименований с русскими переводами исключает возможность языковых неясностей.

Мощная документальная база заставляет автора изменить привычное соотношение своего и чужого текста в книге. Фрагменты из церковных книг и протоколов судебных заседаний, выдержки из служебных записок и публичных выступлений, программы и афиши концертов и отклики прессы на них, стенограммы собраний и тексты официальных документов, личные, благодарственные, «защитные» и «покаянные» письма, строки из дневников, нотные черновики произведений, лица друзей и коллег — все эти и другие подлинные свидетельства в виде цитат или фоторепродукций обращены к читателю буквально с каждой страницы. В них — факты из истории страны, из жизни главных героев и людей, с которыми их сводила судьба, события культуры и общественной жизни, интересные детали творческой практики тех лет, заблуждения, надежды, разочарования. Вместе с ними в книгу проникают живые, неповторимые интонации и противоречивые краски советской эпохи. Рядом с голосами композиторов Воробьевых звучат голоса их неизвестных современников и крупнейших деятелей отечественной культуры — Максима Горького, Генриха Литинского, Иосифа Люблина, Степана Максимова, Николая Мясковского, Федора Павлова, Николая Пейко, Александра Свешникова, Константина Симонова, Серафима Туликова, Ильи Тхти...

Помещая каждый документально выверенный факт жизни музыкантов в сложный многоплановый контекст гражданских, политических, культурных, бытовых событий, также реконструированный на основе документов, автор добивается впечатления абсолютной достоверности, почти хроникальной документальности. Общую атмосферу исторической правды удается сохранить даже в тех редких случаях, когда недостаток прямой информации приходится возмещать косвенными свидетельствами современников или воображаемыми диалогами.

Органично встраиваясь в авторский текст, цитаты часто сопровождаются комментариями, затрагивающими вопросы не только чувашской, но и советской музыки, а также образования, церковных и народных традиций, истории, политики. Свойственное ученому стремление к абсолютной исчерпанности в раскрытии любой темы обеспечивает книге такую информативную емкость, которая позволяет ей соперничать с энциклопедическими изданиями.

(Если учесть, что приток документов продолжался и в процессе работы над монографией, то рекордно короткие сроки (1 или 1,5 года²⁶) интеллектуальной обработки такого огромного информационного пласта уже заслуживают восхищения.)

В новом труде впервые предпринята попытка осмыслить судьбы композиторов Воробьевых в неразрывном единстве и взаимной обусловленности. В соответствии со спецификой поставленной задачи — «создать “двойной портрет” — отца и сына»: Василия и Геннадия Воробьевых — избранная хронологическая модель монографии приобрела полифонические черты. Этапами параллельного показа их жизни и творчества становятся 12 глав вместе с Предисловием и Послесловием. Костяк повествования составляет биография старшего — Василия Воробьева, рядом с ней зарождается и постепенно набирает силу самостоятельная по рисунку «линия судьбы» младшего.

Нельзя не заметить ювелирной текстологической работы музыковеда. Для извлечения информации из текста, а порой и из подтекста (и даже из контекста) отдельных документов от исследователя требовались не только наблюдательность и внимательность эксперта, но и недюжинная эрудиция и психологическая чуткость. Итогами этой работы становятся уточнение

даты рождения Геннадия Воробьева, обнаружение психологических комплексов Василия Воробьева, превращенных автором в своеобразные «лейтмотивы» биографического повествования, реконструкция творческого процесса и многие другие открытия.

Шаг за шагом, следуя за своими героями по кругам их жизни, М.Г. Кондратьев раскрывает значение их деятельности в отечественной культуре и драматизм их неповторимых и нерасторжимых судеб. Характерно, что тональность рассказа о каждом из них также подсказана документами.

Оказавшиеся в распоряжении ученого многочисленные автографы Василия Воробьева обусловили исповедальные черты его биографии. Максимально привлекая документальный текст, М.Г. Кондратьев дает возможность герою самому рассказать о своей жизни. Перед нами встает яркий психологический портрет советского интеллигента первого поколения времен сталинской эпохи. Мы узнаем, как этот «самородный музыкальный талант», выдвинутый в ряды чувашской художественной интеллигенции событиями 1917 г., постепенно шел к осознанию роли, порученной ему историей; переживаем вместе с композитором минуты творческих радостей, горечь недооцененности и боль предательства, становимся свидетелями процесса «распрямления личности» в борьбе с психологическими комплексами «псаломщика» и «неуча» и другими жизненными испытаниями. Опираясь на факты, автор показывает, как, будучи причастным ко многим общественно значимым событиям в чувашской культуре того времени, В. Воробьев всю жизнь словно бы расплачивался за свой «незаконный» прорыв из «низов» общества в его творческую элиту, с роковой неизбежностью получая удары то от системы, которой он преданно служил, то от самой судьбы. Напомним самые «чувствительные» из них: увольнение из Музыкальной школы и арест как служителя религиозного культа, отстранение, а потом и изгнание из созданной им Капеллы, арест сына, лишение почетного звания «Заслуженный деятель искусств Чувашской АССР», смерть сына, отказ в издании фольклорного сборника. И только непреодолимый «соблазн творчества», неистребимая жажда познания, инициативность и незаурядные организаторские способности, ответственность и упорство в достижении поставленных целей, преданность родной чувашской культуре помогли ему, «почти самоучке», не сломаться и подняться от простого школьного учителя до крупнейшего музыкального деятеля Чувашии. Итогом его жизни стали около 800 записанных чувашских песен, более 100 хоров а капелла, многие из которых сегодня признаны классикой, организация издания крупнейшей антологии произведений композиторов Чувашии в Москве (1949), создание двух ведущих про-фессиональных хоровых коллективов — Чувашской государственной капеллы и Вокального ансамбля Чувашского радиокомитета, но главное — признание чувашского народа.

Творческий портрет младшего — Геннадия Воробьева — окрашен в иные — более объективные и светлые тона. Его помогают создать многочисленные характеристики и воспоминания современников — родных, друзей, педагогов. Не перешагнув за порог юности, он все-таки успел «хлебнуть» из горькой чаши: ему довелось более жестко, чем отцу, соприкоснуться с системой. Но он пребывал в том счастливом возрасте, когда о многих вещах всерьез еще не задумываются. Нарастивая от главы к главе информацию о Геннадии, автор придает наглядность стремительному и неудержимому росту уникального для Чувашии музыкального таланта: начало систематических музыкальных занятий в 6 лет, первые композиторские опыты в 8 лет, с 16 — обучение в лучшей в стране — Московской консерватории в классах выдающихся музыкантов — Г. Литинского, а затем Н. Мясковского. Итоги его невероятно короткой — всего 7—8 лет — композиторской биографии по результативности лишь немногим уступают отцу, а по жанровому охвату, по многообразию и яркости музыкальных идей и образов превосходят, как утверждает автор, все, что было создано тогда в чувашской музыке. Г. Воробьевым написано около 100 произведений хоровой, вокальной, инструментальной музыки. Его имя вошло в историю чувашского музыкального искусства как имя классика, автора первых художественно полноценных образцов в важнейших академических жанрах: фортепианного цикла, сонаты, романса, струнного квартета, симфонической миниатюры и, наконец, симфонии, ставшей, по воле рока, вершиной и последней точкой творческого и земного пути музыканта.

Почему Василий Воробьев, чье песенно-хоровое творчество в 20-е годы по смелости и успешности экспериментов иногда опережало опыты его более образованных коллег, не смог реализовать в полной мере заложенные природой творческие возможности? Кого винить в трагически нелепой смерти Геннадия Воробьева, чья, по выражению Г. Литинского, «изумительно могучая творческая сила» не успела раскрыться во всей полноте? Автор не дает ответов на эти вопросы, да и есть ли они? Но «внутренние импульсы и внешние давления — формообразующие силы судьбы» исследованы музыковедом с максимальной полнотой.

Самостоятельный план книги составляют ее музыкально-аналитические страницы. Нотные примеры, вынесенные автором в отдельное Приложение, свидетельствуют о серьезности этой части монографии. Действительно, здесь, может быть, наиболее отчетливо проявляется узнаваемый «почерк» ученого, основанный на сочетании глубокого и точного знания конкретного материала с творческим применением богатого арсенала исследовательских методов, накопленных мировой научной мыслью. Привлекательна принципиальная непредвзятость и подлинная научность автора в подходе к творчеству «своих» композиторов. Не отказываясь от актуализации знаков «самости», исследователь настойчиво ищет точки соприкосновения чувашского музыкального искусства с русскими, советскими, европейскими традициями. Умение раззять музыкальную материю на «молекулы», а затем подняться до широких и убедительных обобщений позволяет М.Г. Кондратьеву не только выявить неповторимые черты чувашского музыкального искусства, но и позиционировать его как неотъемлемую часть целостной системы отечественной и общеевропейской художественной культуры.

Отбор образцов для аналитических этюдов по принципу их художественной или исторической ценности позволяет, вместе с тем, очертить диапазон достижений каждого из композиторов. Анализируя сочинения В. Воробьева, автор опирается на доскональное знание чувашской народной и советской массовой песни (этим жанрам автор посвятил в общей сложности более трех десятков работ). Вынося научно обоснованные оценки, он отделяет подлинные достижения от неудачных опытов, открывает читателю глубинные проявления народности музыкального языка В. Воробьева, выявляет признаки эволюции его песенного стиля и объясняет причины популярности его произведений.

Плодотворным оказывается применение метода компаративного (сравнительно-исторического) исследования, апробированного автором в применении к фольклору. Стоит заметить, что обращение к нему «оправдано» как личной позицией Василия Воробьева, стремившегося сверять свои успехи с образцовыми достижениями в профессии, так и столичным композиторским образованием Геннадия. М. Кондратьев обнаруживает интересный пример приближения В. Воробьева к модному в искусстве 20-х годов стилистическому течению — конструктивизму — в хоровой пьесе «Тăпачă юрри» («Подражание молотбе», 1927). Близкое инструментальным композициям А. Онеггера, А. Мосолова по воплощению образа созидательной энергии, произведение оригинально нетипичным для конструктивизма объединением рациональной ритмической идеи с крестьянской, а не индустриальной (урбанистической) темой, к тому же в условиях не инструментальной, а хоровой музыки. Это выдвигает провинциального композитора (с точки зрения советской административно-культурной иерархии — композитора «третьего эшелона» после столичных и музыкантов союзных республик) в число самых смелых отечественных экспериментаторов. Подобные открытия будоражат сознание читателя, вызывая в первый момент протест или удивление, но чаще — восхищение. Параллели с творчеством А. Мосолова и Д. Шостаковича, В. Захарова и Н. Мяковского, М. Глинки и Р. Шумана, А. Онеггера и Г. Эйслера дают возможность объективно оценить реальные художественные достоинства исследуемых сочинений и, в конечном счете, создать более полную, более объемную и точную картину советской музыкальной культуры того времени. Возникает острое желание услышать эти сочинения. И остается лишь сожалеть о том, что книгу не удалось (как предполагалось) сопроводить аудиоприложением. Сегодня такие приложения могли бы стать нормой для изданий о музыке и музыкантах, тем более, когда речь идет о сочинениях, достойных по-настоящему широкой известности — как, например, симфония Г. Воробьева, «Тăпачă юрри» и «Октябрь сұл» В. Воробьева.

Отдельные аналитические статьи могут служить примерами профессионального, но увлекательного и доходчивого «слова о музыке», обращенного к широкой аудитории. Это музыковедческие этюды о незавершенной пьесе на тему «Вера» и о фортепианной пьесе «Карусель» в шестой, о фортепианной сюите «Праздник в колхозе» — в восьмой, о симфонии в десятой главах. Не перегружая текст специальной терминологией, автор делает акцент на образно-ассоциативной стороне музыки, находя для этого убедительные основания в нотном материале и проявляя незаурядное литературно-художественное мастерство.

Еще одним неоспоримым достоинством музыковедческого труда является изумительный русский язык, каким написана монография: современный, живой, эмоционально-выразительный, образно-яркий, он становится одним из факторов, увлекающих читателя. Стиль монографии, сочетающий подлинную научность содержания с естественной и непринужденной интонацией живой беседы, как и книга в целом — великолепный образец современной изящной словесности. Трудно удержаться от цитирования некоторых

необыкновенно точных, ассоциативно емких выражений и метких характеристик, демонстрирующих остроту мышления автора и передающих его неповторимую интонацию: «одемянивание» (от имени знаменитого пролетарского поэта Демьяна Бедного) музыкального искусства или «Александр Безыменский — «комсомольский бард» своего времени». Эти и подобные им выражения способны стать «крылатыми».

Можно с уверенностью утверждать, что новый глубокий труд ученого о чувашских композиторах Воробьевых в полной мере реализовал естественное право на народную память тех, кто совершал первые «выходы» в открывшийся перед народами страны Советов «космос» мировой художественной культуры. Вместе с тем книга имеет особую ценность и для специалистов, т.к. в ней предлагается современная методология исследования творчества профессиональных национальных музыкантов, которая, без сомнения, будет востребована в условиях многонациональной России. И в этом смысле новый труд Михаила Кондратьева можно без преувеличения признать бесценным вкладом не только в музыкальное чувашеведение, но и в российскую музыкальную науку в целом, а в конечном счете — в духовную культуру нашего Отечества.

Примечания

¹ Кондратьев М.Г. Композиторы Воробьевы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. 336 с., илл.

² Маклыгин А.Л. Музыкальные культуры Среднего Поволжья: Становление профессионализма // Казанская государственная консерватория. Казань, 2000. С. 18—19.

³ Биографическая серия «Замечательные люди Чувашии» утверждена Указом Президента Чувашской Республики Н.В. Федорова.

⁴ Кондратьев М.Г. На подступах к изучению подлинной истории // Музыкальная академия, 1996. № 1. С. 84—89.

⁵ Первая монография «Степан Максимов. Время. Творчество. Масштаб личности» выпущена Чувашским книжным издательством в 2002 г.

⁶ Время работы над текстом обозначено автором на последней странице: «Февраль 2005—октябрь 2006 гг.».

ЧГВ, 2007 г., № 1

© Л.А. Таймасов. Рец. на: **История сел и деревень Республики Марий Эл. Горномарийский район: Сборник документальных очерков** / Автор-сост. А.Г. Иванов. Йошкар-Ола: Комитет Республики Марий Эл по делам архивов, Государственный архив Республики Марий Эл, Администрация муниципального образования «Горномарийский район», 2006. 648 с., илл.

Рецензируемое издание открывает серию документальных очерков истории сел и деревень Республики Марий Эл. Начинание весьма важное и актуальное. Историки региона не раз ставили задачу создания подобных серий, но каждый раз начало работ по ряду объективных причин и обстоятельств откладывалось. Хочется надеяться, что успешное начинание марийских коллег получит продолжение не только в Республике Марий Эл, но и в других поволжских субъектах Российской Федерации. Очерки написаны на основе архивных и опубликованных источников, воспоминаний, свидетельств современников, имеющейся литературы. В сборнике впервые дается системное изложение истории каждого населенного места Горномарийского района с момента их возникновения до настоящего времени. «Портрет» сел и деревень соткан из сведений историко-демографического, социально-экономического, культурно-бытового плана, памятных фактов и событий, эскизов жизни людей разных эпох.

Авторский коллектив сборника представлен весьма внушительным коллективом и насчитывает 47 чел. Среди них есть известные ученые, руководители местных администраций, учителя, краеведы. Надо отдать должное инициатору проекта доктору исторических наук, профессору А.Г. Иванову, сумевшему настроить, организовать людей разных профессий на выполнение такой важной и специфической работы, направить их творческий потенциал

Леонид Александрович Таймасов — доктор исторических наук, проректор Чебоксарского кооперативного института.

на решение поставленных задач. Несомненно, проделан огромный труд, воплотившийся в фундаментальное издание, которое стало самым весомым подарком не только Горномарийскому району в годовщину его 85-летнего юбилея, но всему многонациональному населению Республики Марий Эл.

Книга представляет огромный интерес для специалистов, занимающихся исследованием истории и культуры марийского и других народов Волго-Вятского региона, содержит массу полезной информации для краеведов, учителей, студентов и учащихся, работников госучреждений. Она тепло будет встречена широкой читательской аудиторией и имеет все шансы стать настольным сочинением.

Рассматриваемое издание имеет хорошо продуманную структуру и состоит из следующих составных частей: Слово к читателю, Предисловие, документальные очерки о 301 селении Горномарийского района, в том числе о существующих ныне 242 населенных пунктах. В Приложении представлены картографический материал, фотографии, принятые сокращения слов, алфавитный указатель названий населенных мест, список участников проекта, перечень использованных источников и литературы.

В обращении к читателям глава администрации Горномарийского района Л.З. Кубеков очень верно заметил, что «в судьбе каждого селения отразились все основные события и факты российской истории», что очерки «впервые позволяют читателям составить целостное представление об истории сел и деревень района, вспомнить о славных сынах и дочерях Отчизны, живших и трудившихся до нас и сделавших многое для развития и процветания родного края».

Большую информационную нагрузку несет Предисловие, где приведена географическая характеристика района и сделан достаточно детальный и глубокий экскурс в историческое прошлое. В нем отражен ход подготовки и издания сборника. По словам автора-составителя и научного редактора сборника, профессора А.Г. Иванова, разработка проекта начиналась на кафедре отечественной истории Марийского государственного университета в 1988 г. В целях систематизации работы по выявлению и сбору различных типов и видов исторических источников преподавателями вышеназванной кафедры А.Г. Ивановым и В.Ф. Абрамовым в 1993 г. были составлены и изданы методические указания «История деревень и сел Республики Марий Эл». Они стали основой для подготовительного этапа по сбору сведений истории селений всех районов республики. По разработанным учеными исторической кафедры рекомендациям и методическим указаниям в сборе первоначального материала и подготовке сборника к изданию принял участие широкий круг лиц: преподаватели, студенты, аспиранты, учителя, научные сотрудники, работники музеев и библиотек, культурно-просветительных учреждений, архивов, государственных органов, ветераны войн и труда, журналисты, краеведы, представители общественности. Общее организационно-методическое руководство осуществлялось республиканским Координационным советом по подготовке и изданию серии документальных очерков «История сел и деревень Республики Марий Эл», предложения которого воплощались в практической деятельности районного редакционного совета и в работе автора-составителя.

При написании истории конкретных селений материалы очерков значительно дополнялись профессором А.Г. Ивановым. Им широко использовались архивные и опубликованные документы, периодическая печать, анкетные данные, свидетельства, воспоминания, предания, материалы полевых археографических экспедиций и камеральных архивных записей, а также справочная и историко-краеведческая литература, сообщения путешественников, историко-этнографические описания Горномарийского района XIX — начала XX вв. Особую ценность представляет информация, извлеченная А.Г. Ивановым из писцовых, переписных и ландратских книг и ревизских сказок XVIII—XIX вв., из материалов Генерального межевания Козьмодемьянского и Васильурского уездов, хранящихся в различных фондах Российского государственного архива древних актов в Москве, а также источники, выявленные в хранилищах Государственного архива Республики Марий Эл.

При оформлении текста очерков автор-составитель придерживался историко-тематического и системного принципов, что позволило изложить материал в структурированной логической последовательности. В очерках указывается официальное название населенного пункта на русском и марийском языках с объяснением их происхождения, приводится краткая историческая справка, указывается его географическое расположение с описанием окружающего ландшафта.

Очерки дают возможность представить динамику численности, социальный и этнический состав населения, принадлежность его к административно-территориальным единицам и церковным приходам, отражают основные хозяйственные занятия жителей

(земледелие, животноводство, промыслы), их культурный и бытовой уклад, рассказывают о достопримечательностях, известных уроженцах, участниках войны и труда. Весьма примечательным штрихом служит указание о распространенных фамилиях. Объем очерков во многом обусловлен полнотой собранного материала. Документальные очерки расположены в алфавитном порядке в соответствии с административно-территориальным делением Горномарийского района в рамках сельских администраций по состоянию на 2005 год.

Тексты многих очерков даны в авторском изложении составителей. Работу значительно дополняют и усиливают ее зрительное восприятие иллюстраций из отечественной и зарубежной литературы, фотографии из личных фондов Г.Р. Левенштейна, А.В. Муравьева, Г.А. Сепеева и ряда других участников проекта.

Издание позволяет реконструировать не только историю сел и деревень Горномарийского края, уходящую своими корнями в глубь веков, но и через судьбы отдельных людей, коллективов, конкретных учреждений и организаций представить многогранную, богатейшую историю великой России. В этом смысле рассматриваемая работа выполняет такие основополагающие функции исторического труда, как формирование социальной памяти и патриотическое воспитание населения.

Рецензируемая работа является во многом новаторской. Естественно, она может быть дополнена и углублена. Глава Горномарийского района Л.З. Кубеков справедливо заметил, что «...это лишь начало большой работы, и со временем интерес к истории родного района, своих сел и деревень, своей семьи и родословной только будет возрастать». Действительно, положено начало новому направлению историко-этнографических исследований, имеющему важное государственное и общественное значение. Хочется надеяться, что это начинание получит достойное продолжение и в других субъектах Российской Федерации.

ЧГВ, 2007 г., № 1

© А.М. Егоров. Рец. на: **Михайловский М.А., Лаврентьев Ю.Л., Демидов М.В. Внешний государственный финансовый контроль в Чувашии.** Чебоксары: ГУП ИПК «Чувашия», 2007. 360 с.

Рецензируемая книга посвящена исследованию системы внешнего государственного финансового контроля в одном из субъектов Российской Федерации — в Чувашской Республике. Это, пожалуй, первый опыт монографического изучения функционирования названного института в динамичных условиях современности.

Как известно, в эпоху модернизации сколько-нибудь удовлетворительное управление социально-экономическим развитием общества не представляется возможным без организации эффективной и всеобъемлющей системы государственного контроля. Эта задача в высшей степени актуальна, ибо успешное движение по пути прогресса любой страны напрямую зависит от наведения должного порядка во всех сферах жизни и, в первую очередь, в финансово-экономической. В любом государстве должен функционировать эффективный механизм, определяющий, кто и как от лица всего общества, от лица народа должен осуществлять контроль над финансовыми ресурсами и государственной собственностью. Здесь позиция авторов однозначна: они твердо стоят на почве объективных ценностей представительной демократии и именно под этим углом зрения оценивают важность подконтрольности исполнительных органов власти перед парламентом за распоряжением общественными ресурсами.

В силу ряда объективных причин непосредственно органам законодательной власти в полном объеме затруднительно самим осуществлять такой контроль. Поэтому они создают специальные органы внешнего государственного финансового контроля — контрольно-счетные органы. Авторами монографии была поставлена задача исследовать становление и развитие внешнего государственного финансового контроля в Чувашской Республике. В ходе ее решения ими в той или иной мере освещается и функционирование названного института в социокультурном пространстве Российской Федерации.

Александр Михайлович Егоров — кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Чебоксарского филиала Нижегородской академии МВД Российской Федерации.

Структурно коллективная монография состоит из четырех глав. По сути самостоятельный раздел в ней являют и Приложения, включающие правовые акты, легшие в основу выполненного исследования: «Лимскую декларацию руководящих принципов контроля», «Декларацию принципов деятельности контрольно-счетных органов Российской Федерации», «Этический кодекс сотрудников контрольно-счетных органов Российской Федерации», Закон Чувашской Республики «О Контрольно-счетной палате Государственного Совета Чувашской Республики» и Закон Чувашской Республики «О регулировании бюджетных правоотношений в Чувашской Республике». Представленные документы имеют также и прикладное значение: они исключительно важны для организации практической деятельности аппарата, призванного обеспечить внешний финансовый контроль.

Предисловие к монографии написано Председателем Счетной палаты Российской Федерации, доктором юридических наук, профессором, академиком РАЕН С.В. Степашиним. В нем отмечается научная значимость проведенного исследования и выражается надежда, что его результаты будут востребованы для совершенствования государственной системы управления и контроля.

В первой главе работы ключевое место уделено характеристике системы внешнего государственного финансового контроля в целом по России. Приступая к анализу, авторы весьма уместно дают определение понятия финансовый контроль и раскрывают сущность внешнего государственного финансового контроля. В данном разделе дан квалифицированный анализ правовой основы деятельности контрольно-счетных органов в Российской Федерации, раскрыты принципы организации их деятельности.

Вторая глава монографии посвящена подробному исследованию процесса становления института внешнего государственного финансового контроля в Чувашии, показу его внутренней структуры, полномочий, организации практической деятельности и планирования работы Контрольно-счетной палаты Государственного Совета Чувашской Республики. Правомерен подход авторов к выбранному для анализа объекту: последний рассмотрен и в исторической ретроспективе. Их выводы о том, что основным действенным органом, непосредственно осуществляющим контрольные функции парламента в области исполнения бюджета, является Контрольно-счетная палата Государственного Совета Чувашской Республики, подтверждены и аргументированы конкретными материалами.

Сфера деятельности Контрольно-счетной палаты Государственного Совета Чувашской Республики и ее сотрудничество с другими контрольно-счетными органами всесторонне и детально проанализированы в третьей главе монографии. В функцию Контрольно-счетной палаты, прежде всего, входит осуществление контрольно-ревизионной и экспертно-аналитической деятельности. Именно эти сюжеты авторами подвергнуты системному изучению. Ими последовательно рассмотрены перечень мероприятий, составляющих данные направления работы, порядок и процедура их проведения, правовые акты, регламентирующие контрольные операции. Из проведенного анализа следует, что деятельность Контрольно-счетной палаты Государственного Совета Чувашской Республики в реализации своих функций в двух этих секторах была достаточно плодотворной и результативной. В активе исследователей и выделение проблемных мест в сфере внешнего государственного финансового контроля. Они, в частности, правомерно отмечают, что назрела необходимость в принятии специального федерального закона «О финансовом контроле», где была бы дана четкая нормативная основа для правового регулирования финансового контроля.

Специальный подраздел выделен авторами для показа взаимодействия и сотрудничества Контрольно-счетной палаты с другими контрольно-счетными органами. В условиях отсутствия законодательно закрепленных общих принципов функционирования контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации Контрольно-счетная палата Чувашской Республики совместную работу с органами финансового контроля страны строила на основе договорных отношений. Из изложенного материала предстает детальная картина сотрудничества Контрольно-счетной палаты Чувашской Республики с органами финансового контроля разных уровней и типов. Показаны механизм взаимодействия с ними, перечень проведенных совместных мероприятий и их результаты.

Четвертая глава монографии включает два содержательных раздела. Первый из них посвящен освещению роли Государственного Совета Чувашской Республики в повышении эффективности внешнего государственного финансового контроля в республике. При разработке данного блока вопросов авторами использована та же апробированная в предыдущих главах схема подачи материала: показ основных функций парламента, анализ правовой основы, с опорой на которую строится его деятельность в сфере контроля, рассмотрение полномочий представительного органа, освещение конкретной работы

Государственного Совета в осуществлении контрольных функций и т.д. Изложенный материал не оставляет сомнений в том, что на рубеже XX—XXI вв. парламент Чувашии проводил эффективную работу и на очерченном поприще.

Процесс становления и организационного укрепления замыкающего звена в системе внешнего финансового контроля — органов внешнего муниципального финансового контроля — нашли отражение во втором разделе четвертой главы. На сегодня, как показано в сочинении, в Чувашии во всех ее 317 муниципальных образованиях уже функционируют контрольные органы — ревизионные комиссии. Последние, за исключением контрольно-счетного органа г. Чебоксары, включающего в свой состав исключительно профессионалов-контролеров, сформированы только из числа депутатов местного самоуправления. Авторы считают, что такая организационная схема оптимальна для условий республики. Несомненный ее плюс — экономия средств местных бюджетов, ибо, согласно принятым правовым актам, муниципальные органы осуществляют свою деятельность на общественных началах. Исследователями проанализированы и первые шаги некоторых ревизионных комиссий. Ахиллесова пята муниципальных органов контроля — их кадровый состав. Нельзя не согласиться с утверждением авторов, что лишь при условии формирования ревизионных комиссий квалифицированными, обладающими соответствующими знаниями в области финансов, права и экономики специалистами будет достигнут необходимый результат.

На наш взгляд, выполненное сочинение — серьезный научный труд, полезный как для юристов и экономистов, так и для государственных служащих, занятых в сфере управления и финансового контроля. Выводы и практические рекомендации, содержащиеся в монографии, не сомневаемся, будут востребованы и найдут применение на практике.

ЧГВ, 2007 г., № 1

© А.П. Хузангай. Аннотация на книгу: Arto Moisio, Eduard Fomin, Jorma Luutonen. *Tšuvassilais-suomalainen sanakirja / Чăвашла-финла словарь // Publications of the Department of Finnish and General Linguistics of the University of Turku, 76. Turku: Vammalan Kirjapaino Oy, 2007. — XIII + 290 s.*

Настоящий словарь является вторым в истории чувашской лексикографии двуязычным словарем с иностранным языком. Первым же был изданный в 1908 г. в качестве приложения к венгерскому журналу «Nyelvtudományi Közlemények» XXXVII—XXXVIII чувашско-венгерско-немецкий словарь «Csuvasz szójegyzék (Vocabularium Lingae Cuvassicae)» финского же ученого, лингвиста, фольклориста и этнографа Хейкки Паасонена.

Работа над подготовкой «Чувашско-финского словаря» была начата старшим научным сотрудником Научно-исследовательского центра языков (kotimaisten kielten tutkimuskeskus) Финляндии Арто Мойсио и в начале 2000-х гг. был подготовлен первоначальный вариант рукописи. В 2004 г. работа над словарем была утверждена в качестве проекта Сектора поволжских языков университета Турку (Volga alueen kielten tutkimusyksikkö, Turun Yliopisto). Получив стипендию Финского центра международного обмена кадрами (СМО) Эдуард Фомин, старший преподаватель Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, в 2005 г. провел редактирование рукописи. На заключительном этапе к работе подключился исследователь Сектора Йорма Луутонен и осуществил окончательную редакцию текста.

Основными источниками словаря были: «Чăвашла-вырăсла тата вырăсла-чăвашла словарь» (Чебоксары, 1999; авторы — М.И. Скворцов, А.В. Скворцова), а также большой «Чувашско-русский словарь» (М., 1982; под редакцией М.И. Скворцова). Состав словника был расширен и добавлена новая лексика (по терминологии авторов *неологизмы и неорхаизмы*) по материалам «Чăваш чĕлхин сĕнелĕх словарь I: А—П» (Шупашкар, 2003; автор — Г.А. Дегтярев) [Неологического словаря чувашского языка]. В словарь также включены активно употребляемые в чувашской речи заимствования из русского языка и лексемы, вошедшие

Атнер Петрович Хузангай — кандидат филологических наук, заведующий отделом языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук.

через его посредство из других иностранных языков. Был использован в качестве источника и последний по времени «Чăваш чĕлхĕн орфографи словарĕ» (Шупашкар, 2002) [«Орфографический словарь чувашского языка»].

Структура словарной статьи и большая часть языковых примеров, в основном, соответствуют названным выше источникам. При заглавном слове и некоторых формах слов даются, хотя и не совсем последовательно, грамматические пометы, выделяются омонимы, приводятся варианты слов, указывается на сферу употребления отдельных лексем.

«Чувашско-финский словарь» содержит около восьми тысяч слов и отражает современное состояние лексики чувашского языка, авторы стремились представить наиболее частотные слова повседневного узуса.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ХАРИТОНОВА ВАЛЕНТИНА ГРИГОРЬЕВНА

(К 50-летию со дня рождения)

1 апреля 2007 г. исполнилось 50 лет со дня рождения известного исследователя истории Чувашской Республики, кандидата исторических наук, заместителя директора по научной работе Чувашского государственного института гуманитарных наук Валентины Григорьевны Харитоновой.

В.Г. Харитоновна родилась в д. Синьялы Чебоксарского района Чувашской АССР, там же окончила в 1974 г. среднюю школу, а спустя пять лет, в 1979 г., историко-филологический факультет Чувашского государственного университета им. И.Н.Ульянова по специальности «Историк. Преподаватель истории и обществоведения». В годы учебы проявляла интерес к древней истории чувашского народа, особенно периода Волжской Болгарии: выезжала на археологические раскопки.

С августа 1979 г. по настоящее время В.Г. Харитоновна трудится в Чувашском государственном институте гуманитарных наук (до мая 1994 г. Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР): младшим научным сотрудником отдела истории, старшим научным сотрудником, ученым секретарем (1996—1999), с июня 1999 г. — заместителем директора по научной работе.

В 1983—1990 гг. Валентина Григорьевна обучалась в аспирантуре Института истории СССР АН СССР (Москва) без отрыва от производства, где под руководством известного историка, профессора Ивана Митрофановича Волкова подготовила и в 1994 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Сельское хозяйство Чувашии в 1950-е годы». Главный вывод ее диссертационного исследования состоит в том, что крестьянство в 1950-е гг. ждало перемен и было готово к ним. Но послевоенные реформы, по мнению В.Г. Харитоновой, были ограниченными, непоследовательными, не устраняли коренных пороков колхозной системы, ибо сохранялось неоправданное вмешательство в деятельность общественных хозяйств, навязывание им надуманных реорганизаций. «Колхозы, — заключает автор, — не были подлинными кооперативными объединениями, а все больше приближались к государственным предприятиям».

Не понаслышке представляя себе, что такое тяжкий крестьянский труд, обладая земной практичностью, огромным трудолюбием, В.Г. Харитоновна вполне закономерно избрала основным направлением своей научной деятельности исследование истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашской Республики в XX в. По аграрной проблематике В.Г. Харитоновой к настоящему времени написано и опубликовано более 20 научных публикаций, в том числе две главы коллективной монографии «Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии» (Чебоксары, 1989).

В 1990 г. увидел свет сборник документов «Сельское хозяйство и крестьянство Чувашской АССР. Осуществление коллективизации (1920—1937 гг.)», в котором была предпринята попытка (и она удалась) ввести в научный оборот новые, рассекреченные архивные материалы. В.Г. Харитоновна выступила одним из составителей данного издания.

Как член редакционного совета, заместитель главного редактора «Краткой чувашской энциклопедии» (Чебоксары, 2001) В.Г. Харитоновна координировала работу авторов, рецензентов и редакторов статей по географии, истории, филологии и культуре. В качестве редактора-консультанта она отредактировала и внесла авторские дополнения почти в 250 тематических и биографических статей, является автором около 70 энциклопедических статей. За работу по изданию «Краткой чувашской энциклопедии» В.Г. Харитоновна удостоилась звания лауреата Государственной премии Чувашской Республики в области науки (2001).

В.Г. Харитоновна — всегда на острие прогресса, вносит большой вклад в организацию научных исследований, совершенствование издательской деятельности института, активно участвует в развитии творческих связей института с другими научно-исследовательскими

организациями, проводит основную работу по подготовке и проведению научных сессий и конференций, по внедрению проектно-грантовой культуры в институте. Она — автор и руководитель проектов Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), ярмарок социально-культурных проектов «Саратов — 2001», «Тольятти — 2002» Приволжского федерального округа.

В начале 1980-х гг. В.Г. Харитонова принимала участие в подготовке сводного труда Института истории СССР «Хроника культурной жизни СССР». В плане разработки проблем культуры В.Г. Харитонова выступила одним из составителей и редактором библиографического указателя «История Чувашской Республики. 1775 — 1990» (Чебоксары, 1996. 401 с.), где представлена опубликованная литература с 1775 г. по январь 1990 г. на русском и чувашском языках. Этот указатель является своего рода зеркалом истории народа и Чувашского государственного института гуманитарных наук, деятельность которого есть часть истории науки и культуры Чувашии.

За многогранную и плодотворную деятельность во благо гуманитарной науки В.Г. Харитонова отмечена званием «Заслуженный работник культуры Чувашской Республики» (2000).

К настоящему времени В.Г. Харитонова является автором более 40 научных работ, выполненных на основе анализа широкого круга источников, а потому выводы их серьезно аргументированы. Докладывались они автором на целом ряде республиканских, региональных, всесоюзных и международных конференций.

В.Г. Харитонова является редактором сборников научных статей и библиографических указателей. Она — участник этносоциологических экспедиций.

Научно-исследовательская деятельность В.Г. Харитоновой тесно связана с общественной жизнью. Так, изучая и раскрывая взаимоотношения Советского государства и православной церкви, Валентина Григорьевна выявила и опубликовала списки служителей культа, репрессированных в 1920—1930-х гг. Она ведет активную общественную работу на посту заместителя Председателя Чувашского республиканского отделения Общероссийского общественного движения «Россия Православная». Ее заслуги на этом поприще отмечены медалью Общества Православная Россия «За жертвенное служение» (2005).

Основные научные труды

Деятельность машинно-тракторных станций Чувашской АССР в 1946—1953 годах // Вопросы аграрной истории Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1981. С. 102—118.

Развитие животноводства в Чувашской АССР в 1946 — 1953 годах // Вопросы аграрной истории Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1981. С. 119—130.

Социалистическое соревнование на селе в послевоенные годы // Вопросы аграрной истории. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1981. С. 131—141.

Деятельность машинно-тракторных станций Чувашской АССР в 1954—1957 годах и их реорганизация // Вопросы истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1983. С. 72—90.

Социалистическое соревнование в колхозах и совхозах Чувашской АССР в 1953—1958 годах // Вопросы истории сельского хозяйства Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 94—109.

Развитие общественного животноводства в Чувашской АССР в 1953—1958 годах // Вопросы истории социалистического преобразования и развития сельского хозяйства Чувашской АССР. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 111—146.

Развитие материально-технической базы сельского хозяйства Чувашской АССР (1953—1959 гг.) // Вопросы истории сельского хозяйства Чувашской АССР. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 72—91.

Трудовые ресурсы и их использование в Чувашской АССР в 50-х годах // Проблемы истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 64—77.

Восстановление и развитие сельского хозяйства Чувашской АССР в послевоенный период (1946—1952 гг.) // Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Чебоксары, 1989. Часть I. С. 226—254.

Особенности развития сельского хозяйства и крестьянства Чувашии в 1953—1958 гг. // Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Ч. I. Чебоксары, 1989. С. 256—289.

Колхозное крестьянство Чувашской АССР в 1946—1958 годы: численность, состав, трудоустройство // Исследования по аграрной истории Чувашии. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1989. С. 36—56.

Сельское хозяйство и крестьянство Чувашской АССР. 1920—1937 гг. Осуществление коллективизации: Сб. документов / Сост. В.Г. Ткаченко, А.М. Мурышкина, В.Г. Харитонова. Отв. ред. А.М. Шорников. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. 432 с.

Организационно-хозяйственное укрепление колхозов Чувашской АССР (1950—1958 гг.) // Из истории Чувашии советского периода. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1991. С. 106—123.

История Чувашской Республики. 1775—1990. Библиографический указатель. Сост.: К.Д. Дмитриев, С.К. Дмитриев, В.Д. Кочетков, Е.П. Погодин, В.П. Рожнов, В.В. Тимофеев, В.Г. Харитонова / Под ред. И.И. Бойко, В.Г. Харитоновой. Чебоксары, 1996. 401 с.

Указ от 2 июня 1948 г. о выселении крестьян и его реализация в Чувашии // Из истории аграрных отношений Чувашии и Среднего Поволжья в XIX—XX веках: Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. С. 55—64.

Преобразования в аграрном секторе экономики Чувашии в советскую эпоху и их итоги // Аграрный сектор экономики Чувашии XX века: преобразования, проблемы и перспективы развития. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1997. С. 73—85.

И.И. Бойко. Рабочие Волго-Вятского региона: опыт и уроки социально-экономического развития (1960—1985 гг.). Чебоксары, 1997. 256 с. // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 2001. Вып. 2. С. 271—274. Рецензия.

Об отношениях государства и православной церкви в 1920—1930-х гг. (На материалах Чувашской Республики) // Общество. Государство. Религия. Материалы научно-теоретической конференции. Чебоксары: ЧГИГН, 2002. С. 86—95.

Список служителей культа, репрессированных в 1920—1930-х гг. // Общество. Государство. Религия. Материалы научно-теоретической конференции. Чебоксары: ЧГИГН, 2002. С. 112—126.

Научный отчет по проекту «Чуваши Приволжского федерального округа» / Ред.- сост. В.Г. Харитонова. Чебоксары, 2002. 192 с., илл.

Крестьянский двор Чувашии в XX веке: некоторые аспекты изучения // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья. Сб. материалов VI Региональной научной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья (г. Йошкар-Ола, 22—23 ноября 2001 г.). Йошкар-Ола: МарГУ, МарНИИ, 2002. С. 370—378.

Чувашия // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад, 2001. М., 2002. С. 139—147. В соавторстве.

Чувашия // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад, 2002. М., 2003. С. 163—173. В соавторстве.

Чувашская Республика // На пути к переписи. М., 2003. С. 509—527. В соавторстве. Этнография переписи в Чувашской Республике // Этнография переписи — 2002. М., 2003. С. 381—388. В соавторстве.

П.Т. Тихонов. Лесное хозяйство Чувашии в XX веке. Исторический опыт и уроки развития. Чебоксары, 2001. 224 с. // Лесное хозяйство, 2003. № 4. С. 21. Рецензия.

Чувашия // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад, 2003. М., 2004. С. 203—216. В соавторстве.

Аграрная политика государства и судьба единоличных крестьянских хозяйств в послевоенные годы (по материалам Чувашской АССР) // Крестьянство и власть Среднего Поволжья. Саранск: НИИГН при Правительстве РМ, 2004. С. 394—400.

Формирование этнокультурного мировоззрения: некоторые подходы // Духовность общества: проблемы формирования и пути их решения. Материалы республиканской научно-практической конференции. Чебоксары, 2004. С. 67—71.

Общинное и индивидуальное сознание в культуре Чувашии 1920-х годов // Художественная культура Чувашии: 20-е годы XX века. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. С. 92—105.

Чувашия // Этническая ситуация и конфликты в государствах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад, 2004. М., 2005. С. 275—286. В соавторстве.

Социально-экономическое положение крестьянства Чувашии в послевоенные годы (1946—1953 гг.) // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа: Сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2006. Вып. 4. С. 144—162.

История и культура народов Чувашии как потенциал духовного развития общества // Воспитание гуманности у учащейся молодежи в сфере межличностных и межнациональных отношений: вопросы теории и практики. Сборник материалов Межрегиональной научно-практической конференции. Чебоксары, 2006. С. 57—61.

Чувашия // Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад, 2005. М., 2006. С. 179—188. В соавторстве.

Крестьянское хозяйство Чувашии в аспекте взаимоотношений деревни и города // Не-земледельческая деятельность крестьян и особенности российского социума. XXX сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы докладов и сообщений. Тула, 19—23 сентября 2006 г. Москва, 2006. С. 137—138.

Перепись 2002 года в Чувашской Республике: организация, этническая идентичность, родной язык. Чебоксары, 2006. 68 с. В соавторстве.

Чувашская Республика: социокультурный портрет (вопросы организации исследования) // Опыт апробации типовой методики «Социологический портрет региона». Сборник материалов Всероссийской научно-методической конференции. Тюмень, 2006. С. 206—208.

Миграционные и языковые процессы в Чувашской Республике: некоторые итоги переписи населения 2002 г. // Гуманитарные проблемы миграции: социально-правовые аспекты адаптации соотечественников Тюменской области: Материалы II международной научно-практической конференции. Тюмень, 9—11 октября 2006. Ч. II. Тюмень: Издательство «Вектор-Бук», 2006. С. 48—56. В соавторстве.

История и культура народов Чувашии как потенциал духовного развития общества // Духовно-нравственное просвещение и воспитание молодежи: история и современность. Сб. статей Международной научно-практической конференции. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. С. 311—318.

Крестьянский двор Чувашии в XX веке: некоторые итоги изучения // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований. Материалы 1-й Всероссийской (9-й межрегиональной научно-практической конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. 12—13 мая 2006 г.). Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 460—467.

Е.П. Погодин.

ПЕТРОВ ЛЕОНИД ПОРФИРЬЕВИЧ

(К 50-летию со дня рождения)

*Пархатар курса пурӑн... (Живи во благе)**

15 апреля 2007 г. исполнилось 50 лет

чувашскому языковеду, кандидату филологических наук, доценту Петрову Леониду Порфирьевичу.

Л.П. Петров родился в дер. Буртасы (Тулти Пӑртас ялӑ) Вурнарского района Чувашской Республики. Уже во время учебы в средней школе у него пробуждается интерес к чувашской словесности, и он с жадностью читает новые произведения чувашских и русских писателей, живо интересуется историей и до сих пор с благодарностью вспоминает своих учителей по этим предметам И.Т. Никитину, А.М. Белова, П.И. Щукина и др. В 1975—1980 гг. учится на чувашском отделении историко-филологического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (ЧГУ). В студенческие годы в составе университетского актива сумел побывать несколько раз в Москве, Ленинграде, а также в течение двух лет во время летних каникул поработать на ударной комсомольской стройке — на БАМе (г. Нерюнгри).

Как молодой специалист, по направлению с 1980 г. начинает работать в должности младшего научного сотрудника отдела языка Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук — ЧГИГН). В институте Л.П. Петров разрабатывал проблемы чувашской орнитонимии и антропонимии, описательной диалектологии, был участником комплексных научных экспедиций в Ульяновской и Самарской областях, Татарской АССР (1984), Оренбургской области и Башкирской АССР (1987). В 1985 г. выступил с докладом на очередном рабочем совещании тюркологов-этимологов в Алма-Ате, в 1989 г. — на VI конференции по ономастике Поволжья в Волгограде.

* **Пархатар** (Чувашско-русский словарь. М.: 1985: «1. благо, добро; благополучие, счастье. 2. польза, толк. 3. благородство, достоинство, величие. 4. достояние». С. 273) является знаковым словом для Л.П. Петрова.

В 1989—1993 гг. прошел обучение в аспирантуре ЧГУ по заочной форме (научный руководитель — доктор филологических наук, профессор И.А. Андреев); с 1990 г. — преподаватель, доцент (с 1997 г.) кафедры чувашского языкознания названного вуза. 21 июня 1996 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Чувашская орнитонимия и история ее формирования».

В Чувашском государственном университете Л.П. Петров вел курсы «Современный чувашский язык (лексикология, морфология)», «Введение в языкознание», «Введение в НИР» и др., долгое время был заместителем декана факультета чувашской филологии и культуры, несколько лет проработал куратором представительства вуза «Ульяновский учебно-консультационный пункт». Он является автором ряда учебных программ, методических пособий и библиографических указателей по читаемым курсам, а также заданий и методических указаний для абитуриентов. При его непосредственном участии были впервые разработаны тестовые задания для Единого государственного экзамена (ЕГЭ) по чувашскому языку (2002), он является автором конкурсных заданий Всероссийской игры для школьников «Чёвёлти Чёкеç — 2004».

С октября 2005 г. Л.П. Петров работает старшим научным сотрудником отдела языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук. В коллективе сотрудников трудится над составлением «Толкового словаря современного чувашского языка», продолжает свои исследования по чувашской антропонимии в сравнительно-историческом аспекте, разрабатывает тему «Чувашский дохристианский антропонимикон Поволжско-Уральского региона», активно участвует во всех научных конференциях, а также в других мероприятиях института.

Он — член Комиссии по присвоению наименований объектам города Чебоксар (при администрации).

Л.П. Петров, помимо сугубо научных публикаций, часто выступает на страницах республиканских газет и журналов со статьями-размышлениями, рецензиями, персоналиями, приуроченными к юбилеям своих коллег. Его научно-популяризаторское творчество многожанрово, он владеет разными стилистическими регистрами родного языка, не чураясь даже поэтического слога. С целью расширения потенциальных потребителей гуманитарного (филологического) знания Л.П. Петров в 2007 г. инициировал проект «Пархатар» и издает бюллетень под одноименным названием (издано уже 7 выпусков). Красной нитью через все им написанное проходит мысль об уважении к чувашскому языку, который определяет нашу картину мира, является ведущим духовным вектором гуманитарной культуры и знания в целом. Он глубоко убежден, что язык и чувашское языкознание должны занять достойное место в современной социокультурной парадигме, в жизни общества XXI в.

Основные научные труды

К этимологии чувашских орнитонимов. I // Исследования по лексикологии и фразеологии чувашского языка: Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1982. С. 56—74.

Этимологии некоторых чувашских орнитонимов // Советская тюркология, 1982. № 6. С. 64—76. В соавторстве.

К этимологии чувашских орнитонимов. II // Исследования по исторической лексикологии чувашского языка: Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1983. С. 27—52.

Из истории чувашских дохристианских имен // Вопросы традиционной и современной культуры и быта чувашского народа: Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 60—77.

К этимологии чувашских орнитонимов. III // Этимологические исследования по чувашскому языку: Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 55—85.

К этимологии чувашских орнитонимов. IV // Вопросы истории чувашского языка: Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1985. С. 73—90.

Из истории чувашских названий хищных птиц // Советская тюркология, 1986. № 6. С. 25—32.

К этимологизации чувашских орнитонимов // Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка: Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 159—163.

Личные имена закамских чувашей-язычников (А—К) // Быт и культура низовых чувашей: Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 74—87.

К этимологии чувашских орнитонимов. V // Чувашский язык: проблемы исторической лексикологии: Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 27—42.

К этимологии чувашских орнитонимов. VI // Чувашский язык: история и этимология: Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 83—104. В соавторстве.

Этимология чувашских дохристианских имен. Ч. 1 // Вопросы фонетики, грамматики и ономастики чувашского языка. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 72—89.

Вокализм закамских говоров низового диалекта чувашского языка (По материалам комплексной научной экспедиции 1984 года) // Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии чувашского языка: Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1988. С. 65—78.

Из истории чувашских дохристианских имен // Советская тюркология, 1988. № 4. С. 21—25.

Фонетическая система закамских говоров низового диалекта чувашского языка // Вопросы фонетики, грамматики и лексики чувашского языка: Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1988. С. 65—78.

Чувашские орнитонимы марийского происхождения // Межъязыковое взаимодействие в Волго-Камье. Чебоксары, 1988. С. 127—130.

Этимология чувашских дохристианских имен. Ч. 2 // Исследования по этимологии и грамматике чувашского языка. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1988. С. 19—35.

Чувашские обычаи и обряды, связанные с личными именами // VI конференция по ономастике Поволжья. Волгоград, 1989. С. 49—50.

Личные имена закамских чувашей-язычников (Л—Я) // Чувашский язык: история, этимология, фонетика: Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1991. С. 47—65.

Этимология чувашских дохристианских имен. Ч. 3 // Чувашский язык: история, этимология, фонетика. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1991. С. 32—46.

Из истории чувашских орнитонимов // Чувашский язык и алтаистика. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 1995. С. 107—108.

Роль и место трудов Г.Е. Корнилова в изучении чувашской антропонимики // Чтения по вопросам этимологии и ономастики, посв. 60-летию акад. Г.Е. Корнилова. Чебоксары, 1996. С. 12—13.

Традиционные чувашские обычаи наречения имени ребенку // Чăваш филологийĕпе культура институтĕн наци кадрĕсем хатĕрлес ёсри вырăнĕ тата пĕлтерĕшĕ. Шупашкар, 1996. С. 62—64.

Исконная и заимствованная орнитолексика чувашского языка // Материалы по чувашской диалектологии: Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары: Руссика, 1997. Вып. V. С. 94—113.

Татарские заимствования в лексике чувашей Приуралья. // Материалы по чувашской диалектологии: Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, Руссика, 1997. Вып. V. С. 61—93.

Состояние и перспективы национальной терминологии // Чувашская филология и культура. Материалы научной конференции. Чебоксары, 1998. С. 39—41.

Чĕлхе пĕлвĕн кÿртĕмĕ. Тенчерĕ анлă сарăнлă чĕлхесен классификацийĕ: Методика кăтартавĕсем. Шупашкар, 2003. — 36 с.

Чувашско-русский и русско-чувашский словарь орнитонимов (названий птиц). Чебоксары, 2001. — 28 с.

Патшалăх статусĕллĕ чăваш чĕлхи // Ашмаринские чтения: Материалы межрегиональной научной конференции / Сост. и науч. ред. Г.И. Федоров. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С. 170—176.

Унăн сутă сăнар. // Ашмаринские чтения: Материалы межрегион. науч. конф. / Сост. и науч. ред. Г.И. Федоров. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С. 388—400.

Чăваш чĕлхинчи словарьсем: Библиографи кăтартакăшĕ // Чăваш патшалăх ун-чĕ. Шупашкар, 2004. 16 с.

Чĕвĕлти Чĕкеç — 2004: Чăваш чĕлхин Пĕтĕм Раççейри вăйă конкурсĕ: Ыйтусем, хуравсем, информаци, статистика // Шупашкар: Руссика, 2004. — 72 с. В соавторстве.

Чĕлхемĕр пархатарĕ: ĕслайсем, шухăш-вĕçевсем, ĕспарулăхсем, саламсем, хаклавсем. Шупашкар: «Новое время», 2006. 207 с.

Антропонимическое наследие в чувашском языке // Актуальные проблемы филологии: Сб. статей по материалам Всероссийской научной конференции, посвященной памяти академика М.М. Михайлова. Чебоксары, 2005. С. 59—68.

Ėненĕлĕхе пурăнать (Кĕске хаклав: П. Яккусен «Çĕн уйăх çути»). Шупашкар, 2006. — 157 с.) // Ялав, 2006. Çу—ĕртме. № 5—6 (921—922). С. 136—137.

Регионально-этническое в чувашском фольклоре (На материале личных имен) // Проблемы культуры в современном образовании: глобальные, национальные, регионально-этнические: Сб. научных статей: В 3 ч. Ч. 2. Чебоксары: Чувашгоспедуниверситет им. И.Я. Яковлева, 2006. С. 138—142.

Çĕнĕ ёмĕр: ĕслăлăхпа чĕлхемĕр аталанăвĕ // Цивилизация народов Поволжья и Приуралья: Сб. научных статей по материалам Международной научной конференции

«Проблемы языка и этноса на рубеже веков». Чебоксары: Чувашгоспедуниверситет им. И.Я. Яковлева, 2006. С. 102—113.

Чăвашсен авалхи ячĕсем тата В.К. Магницкий // Чăваш чĕлхипе литератури. Теори тата методика. 4-мĕш кăларăм. Статъясен пуххи. А.Е. Горшков суралнăранпа 75 çул çитнине халалласа. Шупашкар, 2006. С. 102—107.

Чăвашсен ячĕсем (В.К. Магницкий кĕнеки тухнăранпа 100 çул çитрĕ) // Тăван Атăл, 2006. № 4. С. 68—70.

Аякри сывăх тăвансем патĕнче... (е диалектологи экспедицийĕнче кĕскен сырса пынисенчен) I // Чăваш диалектологийĕн ыйтăвĕсем. Шупашкар: ЧГПУ, 2007. С. 46—56.

А.П. Хузангай.

БОЙКО ИВАН ИВАНОВИЧ
(К 60-летию со дня рождения)

Исполнилось 60 лет Ивану Ивановичу Бойко — видному ученому, известному специалисту по социально-экономической истории Чувашии и Волго-Вятского региона, доктору исторических наук, главному научному сотруднику, заведующему отделом чувашской энциклопедии Чувашского государственного института гуманитарных наук.

И.И. Бойко родился 31 мая 1947 г. в совхозе «Кооператор» Добринского района Воронежской (ныне Липецкой) области. В 1952 г. их семья переезжает в Чувашию: отец И.И. Бой-ко, работавший в местном махорочном совхозе, переводится главным зоотехником на аналогичное предприятие в Алатырский район. С этих пор судьба Ивана Ивановича неразрывно связана с волжским краем. Окончив 7 классов Стемасской средней школы, юноша поступает в Чебоксарский электромеханический техникум. С 1965 г. начинается трудовая деятельность Ивана. По действовавшему в то время положению, его, вместе с другими учащимися четвертого курса техникума, переводят на вечернее отделение: днем молодые люди трудились на профильных предприятиях, а вечерами повышали свое образование в родном учебном заведении. В трудовой книжке будущего ученого появилась первая запись: слесарь-сборщик Чебоксарского завода электроисполнительных механизмов (ЗЭИМ). Место работы ответственное — участок по сборке оборудования для Белоярской атомной электростанции.

Получив среднее техническое образование, в 1966 г. окончил электромеханический техникум по специальности «Электроприборостроение», Иван работал на машиностроительном заводе г. Арсеньев Приморского края. Вскоре, в 1967 г., был призван в ряды Вооруженных Сил СССР. Военскую службу проходил на «краю земли» — во Владивостоке. Отслужив в армии, вернулся в г. Чебоксары, на предприятие, где получил первую трудовую записку, — ЗЭИМ. Здесь трудился сначала электриком, затем старшим техником-конструктором.

Прожив определенный отрезок жизни, пожалуй, каждый из нас критически переосмысливает прошлое. Сильные личности при этом достаточно часто круто меняют свою судьбу. В 1971 г. И.И. Бойко поступает в Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова. Им выбирается не технический факультет, а историко-филологический (!). В течение пяти лет Иван Иванович в гуще студенческой жизни. Ему легко даются и учеба, и общественная работа. Успевают только на «отлично», комсомольский активист: комсорг группы, секретарь бюро ВЛКСМ факультета, заместитель секретаря комитета ВЛКСМ университета, боец студенческих строительных отрядов, душа коллектива.

После окончания университета (1976 г.) И.И. Бойко распределяют в Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук — ЧГИГН), где до поступления в аспирантуру И.И. Бойко работал младшим научным сотрудником, ученым секретарем. В 1978—1981 гг. обучается в аспирантуре Института истории СССР АН СССР, где под руководством доктора исторических наук, профессора В.Е. Полетаева готовит диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Научную деятельность успешно сочетает с работой: все годы учебы трудится дворником в Союзе обществ Красного креста и Красного полумесяца СССР. (Послевоенное поколение студентов и аспирантов не желало быть обузой семье и само содержало себя). После окончания учебы в Москве И.И. Бойко возвращается в Чебоксары — в научно-исследовательский институт на должность ученого секретаря. В 1986 г. назначается заведующим отделом истории.

В 1982 г. защитил кандидатскую диссертацию «Рабочие Чувашии в годы 9 и 10 пятилеток». В 1993—1994 гг. работал заведующим информационно-аналитическим отделом правительства Чувашии, в 1994 г. вернулся в институт и был назначен заместителем директора по научной работе. Работая на должностях заведующего отделом истории, ученого секретаря и заместителя директора, И.И. Бойко проявил себя как эффективный организатор науки, значителен его вклад в проведение научных семинаров и конференций, в повышение качества трудов сотрудников института. Его личное обаяние и доступность создавали и создают особую творческую атмосферу в коллективе. Объективный и принципиальный, любой назревающий конфликт он гасит еще в зародыше. Работоспособности Ивана Ивановича можно позавидовать.

В 1998 г. И.И. Бойко защищает докторскую диссертацию «Рабочие Волго-Вятского региона: опыт и уроки социально-экономического развития (конец 1950-х — первая половина 1980-х годов)». В 1999 г. переводится на должность ведущего, в 2001 г. — главного научного сотрудника, затем назначается заведующим отделом чувашской энциклопедии. Одновременно преподает в Чувашском государственном университете им. И.Н.Ульянова, с 2000 г. — профессор кафедры отечественной истории XX и XXI вв.

Сфера его научных интересов — региональные проблемы развития индустрии, рабочего класса, создание региональных энциклопедий, современные этнополитические процессы. В монографии «Рабочие Волго-Вятского региона: опыт и уроки социально-экономического развития (конец 1950-х — первая половина 1980-х годов)», изданной в 1997 г., автор на основе материалов статистики, социологических исследований, а также математической обработки сведений, извлеченных из более 5 тысяч личных учетных карточек рабочих 26 предприятий ВВЭР, проанализировал взаимосвязи основных компонентов производственного потенциала тружеников индустрии. Он определил роль и место каждого из них в рассматриваемой структуре, их влияние на уровень эффективности использования рабочих в индустриальном производстве. Принципиальным является его вывод о нарастании диспропорций между уровнем образования, с одной стороны, квалификацией и содержанием труда, с другой, особенно у молодежи. Консервация технологического уклада в экономике СССР привела к тому, что повышение уровня общего образования рабочих выше среднего не давало ожидаемого экономического и социального эффекта, что порождало серьезные негативные последствия.

Со второй половины 1990-х гг. И.И. Бойко активно занимается подготовкой чувашской энциклопедии. Он являлся заместителем главного редактора «Краткой чувашской энциклопедии», вышедшей в 2001 г. и положительно встреченной специалистами и широким кругом читателей. Участвовал в разработке концепции данного издания, был одним из непосредственных руководителей подготовки энциклопедии. Для этого издания им написано более 70 тематических и биографических статей. И.И. Бойко была подготовлена и концепция многотомной чувашской энциклопедии. Он осуществляет руководство составлением словника, написанием и редактированием статей. Большое внимание уделяется им соблюдению принципов системности, полноты и объективности подготовленных статей. В конце 2006 г. вышел в свет первый из четырех томов этого универсального справочного издания. Значительный вклад в работу над изданием внес заместитель главного редактора И.И. Бойко.

С 2000 г. И.И. Бойко является членом Сети этнополитического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN) — общественной неправительственной организации, созданной в 1993 г. под руководством директора Института этнологии и антропологии РАН, члена-корреспондента РАН В.А. Тишкова. Сеть объединяет более 40 экспертов из России, стран СНГ и Балтии. В ее изданиях регулярно публикуются обзоры с анализом этнополитических процессов в Чувашии, написанные И.И.Бойко и его коллегами.

Всего им написано около 120 научных трудов, в том числе 6 монографий, монографических сборников статей, подготовлен ряд сборников документов. Он является специальным редактором 20 монографий, сборников статей и сборников документов.

Одновременно Иван Иванович проводит большую общественную работу. Он — член специализированного совета по защите докторских диссертаций в Чувашском государственном университете им. И.Н.Ульянова, член Комиссии по государственным премиям при Президенте Чувашской Республики, член Общественного совета МВД Чувашской Республики.

Заслуги И.И. Бойко в области науки отмечены высокими наградами и почетными званиями. Он заслуженный деятель науки Чувашской Республики (2000). За большой вклад в подготовку «Краткой чувашской энциклопедии» в 2002 г. ему присуждена Государственная премия Чувашской Республики в области науки и техники. Награжден медалью «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения».

Основные научные труды

Организация наставничества на промышленных предприятиях Чувашской АССР // Совершенствование организации и управления в промышленности и строительстве Чувашской АССР. Труды НИИ ЯЛИЭ. Чебоксары, 1977. Вып. 76. С. 139—164.

Наставничество как форма коммунистического воспитания молодежи и его проблемы // Вопросы социологии и демографии Чувашской АССР. Труды НИИ ЯЛИЭ. Чебоксары, 1978. Вып. 85. С. 29—76.

Культурно-технический уровень воспитателей рабочей молодежи на промышленных предприятиях Чувашской АССР // Актуальные проблемы истории рабочего класса автономных республик РСФСР. Межвузовский сб. Чебоксары, 1980. Вып. 3. С. 97—107.

Об определении понятия «культурно-технический уровень рабочего класса» // Совместная научная сессия молодых ученых институтов истории Академий наук Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР, посвященная 60-летию установления Советской власти в Закавказье. Ереван, 1980. С. 20—22.

Вопросы подбора и обучения наставников на промышленных предприятиях Чувашской АССР // Современные социальные и этнические процессы в Чувашской АССР. Труды НИИ ЯЛИЭ. Чебоксары, 1980. Вып. 104. С. 3—25.

Развитие рабочего класса Чувашии в 70-е годы // Социально-территориальные различия в советском обществе и их преодоление: Материалы Всесоюзной конференции. Таллин, 1981. С. 34—36.

Движение наставников рабочей молодежи // История промышленности и рабочего класса Чувашской АССР. Чебоксары, 1982. Часть II. С. 239—244. В соавторстве.

Социальный облик рабочих Чувашии — участников движения за коммунистическое отношение к труду (70-е годы) // Социалистическое соревнование рабочих автономных республик РСФСР в условиях развитого социализма. Межвузовский сб. Чебоксары, 1982. С. 29—37.

Развитие наставничества в Чувашии в годы девятой и десятой пятилеток // Подготовка и воспитание рабочего класса автономных Республик РСФСР в условиях развитого социализма. Межвузовский сб. Чебоксары, 1983. С. 132—137.

Колхозное крестьянство как источник пополнения рабочего класса Чувашии // Статистико-этнографические исследования в Чувашской АССР. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 52—58.

Некоторые черты духовного облика современных рабочих Чувашии // Проблемы управления трудовым коллективом. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 3—22.

Социалистическое соревнование и развитие социального облика индустриальных рабочих // Вопросы совершенствования и подготовки кадров в народном хозяйстве Чувашской АССР. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 3—26.

Выравнивание показателей социального развития индустриальных рабочих Чувашии в 70-е годы (национальный аспект) // Роль русского рабочего класса в формировании рабочего класса автономных республик РСФСР. Межвузовский сб. Чебоксары, 1984. С. 99—104.

Источники пополнения рабочих коллективов Чувашской АССР (70-е годы) // Рабочий класс в условиях развитого социализма. Источники и формы пополнения. 1960—1980 гг. Сб. статей Института истории СССР АН СССР. М., 1984. С. 142—161.

Предисловие // Промышленность и рабочий класс Чувашской АССР. Часть 1 (1920—1950). Сб. документов. Чебоксары, 1985. С. 3—14.

Изменения в профессиональном составе и образовательном уровне рабочих Чувашии в 70-х — первой половине 80-х годов // Социально-экономические проблемы использования трудовых ресурсов. Сб. статей ЧНИИ. Чебоксары, 1986. С. 3—8.

Предисловие // Промышленность и рабочий класс Чувашской АССР. Сб. документов. 1951—1980 гг. Чебоксары, 1987. Часть II. С. 3—13. В соавторстве.

Некоторые вопросы развития технического творчества рабочих // Социально-экономические факторы повышения эффективности труда в народном хозяйстве ЧАССР. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1987. С. 47—58.

Численность и отраслевой состав рабочих промышленности Волго-Вятского экономического района в 1960 — первой половине 1980-х годов // Социально-экономические проблемы совершенствования человеческого фактора. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1989. С. 81—86.

Индустрия и рабочий класс Чувашии за 70 лет // Чувашской АССР — 70 лет. Чебоксары: ЧГИГН, 1990. С. 35—63.

Индустриализация в Чувашии // Изучение проблем индустриализации и коллективизации в курсе истории родного края. Чебоксары, 1990. С. 4—13. В соавторстве.

Численность и половозрастной состав индустриальных рабочих ВВЭР в начале 60-х — середине 80-х годов // Из истории Чувашии советского периода. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 83—95.

Т.С. Сергеев. Культура Советской Чувашии. Чебоксары, 1990 // История СССР, 1990. № 6. С. 151—152. Рецензия.

Динамика культурно-технического уровня рабочих Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в 1960 — первой половине 80-х гг. // Социально-экономические проблемы совершенствования образа жизни советских людей. Сб. статей / ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 74—80.

Национальный состав рабочих Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в 1960—1985 гг. // Роль рабочего класса в этносоциальных процессах. Сб. статей Института истории, языка и литературы Башкирского научного центра Уральского отделения АН СССР. Уфа, 1991. С. 77—90.

Образовательный уровень рабочих и проблемы его использования в 60-х — первой половине 80-х годов // Политические процессы и движения в национальных республиках Поволжья и Приуралья. История и современность. Материалы межвузовской конференции. Чебоксары, 1994. С. 121—124.

Предвыборная ситуация в Чувашской Республике М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994. 27 с. В соавторстве.

Предвыборная ситуация в Чувашской Республике (осень—зима 1993 года) // Развивающийся электорат России. Этнополитический ракурс. Т. 2. Выборы—93. М.: Центр по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН, 1995. С. 79—107. В соавторстве.

Этнополитическая ситуация в Республике Чувашия накануне и после декабрьских выборов 1995 г. // Развивающийся электорат России. Этнополитический ракурс. Выборы—95. М.: Центр по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН, 1996. Т. 3. Вып. 1. С. 208—245. В соавторстве.

Рабочие Волго-Вятского региона: опыт и уроки социально-экономического развития (конец 1950-х — первая половина 1980-х годов). Чебоксары, 1997. 256 с.

Предисловие // Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Чебоксары, 2000. С. 3—11.

Об эффективности использования общего образования рабочими индустрии ВВЭР в конце 50-х — первой половине 80-х годов // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Вып. 2. Чебоксары, 2001. С. 194—218.

Чувашская Республика (вводная статья) // Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары, 2001. С. 9—46. В соавторстве.

Чувашия. Этнополитическая ситуация // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. Январь—февраль 2001. № 35. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. С. 65—67.

Чувашия. Этнополитическая ситуация // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. Март—апрель 2001. № 36. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. В соавторстве.

450 лет в составе России // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. Май—июнь 2001. № 37. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. С. 66—67. В соавторстве.

Политические будни Чувашии // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. Май—июнь 2001. № 37. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. С. 67—69.

Чувашия // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад, 2000. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. С. 151—157.

К проблеме становления гражданского общества (на примере истории Чувашской Республики) // Исследования социально-политической истории Чувашии XX столетия. Сб. статей / ЧГИГН. Чебоксары, 2002. С. 77—92.

Чувашия // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах. Ежегодный доклад, 2001. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 139—148. В соавторстве.

Всероссийская перепись населения 2002 г. Чувашия // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. Июль—август 2002. № 44. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 24—28. В соавторстве.

Пятый съезд Чувашского национального конгресса // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. Сентябрь—октябрь 2002. № 45. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. С. 74—76. В соавторстве.

Чувашия. О развитии языков // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. Ноябрь—декабрь 2002. № 46. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2003. С. 25—27. В соавторстве.

Чувашия // Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад, 2002. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2003. С. 163—173. В соавторстве.

Чувашская Республика // На пути к переписи. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN), 2003. С. 509—527. В соавторстве.

Чувашская Республика // Этнография переписи-2002. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2003. С. 381—388. В соавторстве.

Чебоксарцы о межэтнических отношениях // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. Июль—август 2003. № 50. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2003. С. 54—55. В соавторстве.

Чувашия // Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад, 2003. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2004. С. 275—286. В соавторстве.

Государственная политика регулирования этнокультурных процессов в Чувашской Республике (На примере разработки нового закона «О языках в ЧР») // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. Сентябрь—октябрь 2003. № 51. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2003. С. 14—15.

Взаимодействие власти и общества // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. Март—апрель 2004. № 54. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2004. С. 83—86.

О судьбе чувашского языка /Этноконфессиональный мониторинг. Чувашия // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. Ноябрь—декабрь 2004. № 58. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2004. С. 101—102.

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Субъекты Приволжского федерального округа. Чувашия // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. Ноябрь—декабрь 2004. № 58. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2004. С. 23—26. В соавторстве.

Чувашия // Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад, 2004. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2005. С. 275—286. В соавторстве.

О ходе реализации закона о языках / Этноконфессиональный мониторинг. Чувашия // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. Январь—февраль 2005. № 59. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2005. С. 76—79.

Обсуждаются судьбы чувашского народа / Этноконфессиональный мониторинг. Чувашия // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. Март—Апрель 2005. № 60. М., Институт этнологии и антропологии РАН, 2005. С. 93—96. В соавторстве.

Проблемы этнической идентичности татар Чувашии // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. Сентябрь—октябрь 2005. № 63. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2005. С. 40—41. В соавторстве.

О проблемах чувашского языка // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. Ноябрь—декабрь 2005. № 64. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2005. С. 40—42. В соавторстве.

Промышленность Чувашии в середине 1960-х — конце 1970-х гг.: Поиски путей повышения эффективности производства и качества продукции // И.Д. Кузнецов — ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30—40-х годов XX века. Сб. статей Всероссийской научной конференции историков (Чебоксары, 15—16 июня 2006 г.). Чебоксары, 2006. С. 441—456.

Перепись 2002 года в Чувашской Республике: организация, этническая идентичность, родной язык. Чебоксары, 2006. 68 с. В соавторстве.

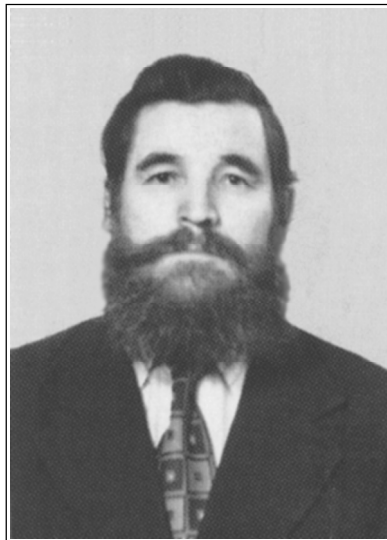
Чувашия // Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад, 2005. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2006. С. 179—188. В соавторстве.

Миграционные и языковые процессы в Чувашской Республике: некоторые итоги переписи населения 2002 г. // Гуманитарные проблемы миграции: социально-правовые аспекты адаптации соотечественников в Тюменской области / Материалы II Международной научно-практической конференции. Часть II. 9—11 октября 2006 года. Тюмень, Тюменская областная дума. Институт гуманитарных исследований Тюменского государственного университета. Тюмень: «ВекторБук», 2006. С. 48—56.

О судьбах чувашского языка // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. Бюллетень. Январь—февраль 2007. № 71. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2007. С. 47—50.

Г.А. Николаев.

ПАМЯТИ КОЛЛЕГ

КАПИТОН ДМИТРИЕВИЧ ДМИТРИЕВ
1930—2006

6 сентября 2006 г. после продолжительной болезни скончался кандидат исторических наук, доцент, педагог и исследователь политической и социально-экономической истории Чувашской АССР второй половины XX в. Капитон Дмитриевич Дмитриев.

К.Д. Дмитриев родился 28 июля 1930 г. в д. Ойкасы Вурнарского района Чувашской Республики в семье чувашских крестьян-колхозников. Когда Капитону было 12 лет, его отец погиб на фронте Великой Отечественной войны. После окончания Азимсирминской семилетней школы он поступил в Калининское педагогическое училище, которое окончил в 1948 г.

В 1960—1965 гг. он заочно учился на историческом факультете Московского государственного педагогического института и успешно окончил его, получив специальность учителя истории и обществоведения. В 1973—1976 гг. также заочно обучался в аспирантуре при кафедре истории КПСС Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ), в 1976 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Деятельность Чувашской областной организации КПСС по совершенствованию руководства промышленностью республики в годы восьмой пятилетки». В 1982 г. ему присвоено ученое звание доцент.

42 года жизни К.Д. Дмитриева прошли в непрерывном труде: в обучении и воспитании молодежи, научно-исследовательской работе. В 1948—1949 гг. он работал воспитателем детского дома в с. Калинино и инспектором Калининского РОНО, в 1949—1955 гг. — учителем начальных классов, математики и истории Чирш-Хирлепской восьмилетней и Юманайской средней школ Калининского района, в 1955—1961 гг. — директором районного Дома пионеров в с. Калинино и с. Кугеси Чувашской АССР. В связи с учебой в Московском государственном педагогическом институте и окончанием его, а также по семейным обстоятельствам в течение 10 лет ему приходилось трудиться вне пределов Чувашии: в 1961—1967 гг. — директором восьмилетних школ в Курганской и Калужской областях, в 1967—1968 гг. заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации Боровского РК КПСС Калужской области и директором школы-интерната в с. Ермолино, в 1968—1971 гг. — заведующим Боровским РОНО. В мае 1971 г. он возвратился в Чувашию, полгода работал директором средней школы

в Чебоксарах. С декабря 1971 г. по август 1978 г. К.Д. Дмитриев работал старшим научным сотрудником отдела истории Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, с сентября 1978 г. по август 1990 г. — старшим преподавателем, доцентом кафедры истории КПСС Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. Выйдя на пенсию в 1990 г., он с семьей переехал в Москву, продолжал работать почасовиком на кафедрах общественных наук МГУ. Тяжело заболев, в 2004 г. вернулся с семьей в Чебоксары.

К.Д. Дмитриев основную часть своей трудовой деятельности посвятил обучению и воспитанию молодежи в средней школе, подготовке высококвалифицированных специалистов в высшем профессиональном учебном заведении. Он был замечательным педагогом, прекрасным лектором, добрым и отзывчивым человеком.

Будучи добросовестным исследователем истории, он пополнил фонд исторической науки объективными исследованиями политической и социально-экономической истории Чувашии второй половины XX в. Главные его труды посвящены исследованию индустриального развития Чувашской АССР. Его перу принадлежат статьи «Экономическая реформа и борьба за технический прогресс на промышленных предприятиях Чувашской АССР в годы восьмой пятилетки», «Развертывание социалистического соревнования на промышленных предприятиях Чувашской АССР в 1966—1990 гг.», «Деятельность партийных организаций Чувашии по дальнейшему развитию демократических основ управления производством в 1966—1970 годах», «Деятельность Советов Чувашской АССР в послевоенный период (1946—1958 гг.)» и ряд других. Он участвовал в подготовке коллективных монографий «История промышленности и рабочего класса Чувашии», «Очерки истории культуры Чувашии советского периода» (работа не издана), библиографического указателя трудов по истории Чувашии.

К.Д. Дмитриев принимал активное участие в общественной работе.

Светлая память о Капитоне Дмитриевиче Дмитриеве навсегда останется в сердцах его коллег и учеников.

В.Д. Дмитриев.

АРСЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ИЗОРКИН
1932—2006

1 декабря 2006 г. после тяжелой продолжительной болезни ушел из жизни известный чувашский историк, блестящий журналист, литературовед, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры Чувашской Республики Арсений Васильевич Изоркин. Ему шел 75 год.

Он родился 6 июня 1932 г. в д. Сеткасы Ядринского района Чувашской АССР в семье колхозника. Его детство совпало с тяжелой военной порой, переживаемой страной. Юный Арсений, как и его сверстники, рано вынужден был погрузиться в полную забот и испытаний взрослую жизнь. Закончив семилетку, сразу же пошел в «рабочие люди»: трудился на Ядринском маслобойном заводе, в Ядринском городском колхозе, в Московском строительном тресте.

Учение — свет, неученье — тьма. Будучи рабочим человеком, юноша не расставался с мыслью о продолжении своего образования. В 1951 г., в 19-летнем возрасте, он вновь садится за школьную парту: становится учеником восьмого класса Балдаевской средней школы Ядринского района Чувашской АССР. В октябре 1954 г., получив желанный аттестат, А.В. Изоркин призывается в Советскую Армию. Здесь молодой солдат, уже имевший опыт публикации статей в периодической печати, начал сотрудничать с редакцией газеты Прикарпатского военного округа, стал военкором. В 1957 г., досрочно демобилизовавшись из рядов Вооруженных Сил страны для учебы в вузе, младший сержант запаса Изоркин стал студентом факультета журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Успех окрыляет. Будучи студентом-выпускником, Арсений Васильевич консультируется с Чувашским научно-исследовательским институтом языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР (ЧНИИ) в отношении темы будущего дипломного сочинения: студент-выпускник хотел связать свою работу непременно с историей родного народа и республики. Помощь в определении направления исследовательских поисков последовала: желательно освещение зарождения и развития партийно-советской печати Чувашии. Данный контакт в судьбе будущего ученого-историка будет иметь благоприятные последствия. Окончив университет в 1962 г., молодой специалист с головой окунулся в журналистскую деятельность: работал в редакции Ядринской районной газеты «Знамя труда». Но его неуемная натура жаждала и исследовательской работы. С 1963 г. А.В. Изоркин стал внештатным научным сотрудником ЧНИИ. Первая его научная работа — «Боевые органы местных Советов» — увидела свет в 23 выпуске «Ученых записок» института в 1963 г. До 1970 г.

успешно реализовывал себя и в журналистике (сотрудник Чебоксарской районной газеты «Ленинец», газет «Коммунизм ялаве», «Ульяновец»), и в исследовательской работе, опубликовав ряд научных работ. К счастью, в А.В. Изоркине верх взял исследователь. С 30 декабря 1970 г. он стал исполняющим обязанности старшего научного сотрудника отдела истории и археологии ЧНИИ. С журналистикой он не расстанется до конца своих дней: ежегодно публиковал на страницах разных газет и журналов десятки зарисовок, очерков, рассказов и статей. С 1 октября 1971 г. по 12 ноября 1975 г. А.В. Изоркин исполнял обязанности ученого секретаря института. 23 июня 1972 г. без прохождения аспирантуры успешно защитил диссертацию на тему «Зарождение и становление партийно-советской печати Чувашии (1917–1925 годы)» на соискание ученой степени кандидата исторических наук. В 1970-е гг. продолжал публиковать статьи, посвященные разным вопросам истории местной печати.

В начале 70-х гг. А.В. Изоркин выпустил первые брошюры: «Издательству и полиграфии Чувашии — 50 лет» (в соавторстве с А.П. Петровым), «Печать Чувашской АССР», «Материалы для Чувашского краеведческого словаря» (в соавторстве с Ф.Е. Ефимовой и М.И. Петровой). У Арсения Васильевича регулярно стали появляться и литературоведческие статьи. Со 2-й половины 1970-х гг. диапазон его исследовательской деятельности приобретал более широкие масштабы и глубину. До конца 80-х гг. внимание А.В. Изоркина привлекали события периода Февральской и Октябрьской революций, Гражданской войны, истории Чувашии первой трети XX в., роль личностей в этот период. Он объективно и всесторонне стремился изучить историю возникновения и деятельности первых Советов, перемены в экономике и сельском хозяйстве, культуре, решение национального вопроса. Стал одним из авторов и руководителем авторского коллектива монографии «История промышленности и рабочего класса Чувашии» (в 2-х частях, вышли в свет в 1978 и 1982 гг.), соавтором монографии «Центр гуманитарных наук Чувашии» (издано в 1980 г.). Под научной редакцией А.В. Изоркина в 1979 г. увидела свет книга А.В. и К.В. Чапаевых и Я.А. Володихина «Василий Иванович Чапаев. Очерк жизни, революционной и боевой деятельности». В данной публикации его перу принадлежат Предисловие, глава восьмая и Заключение. Работая в архивах над материалами о легендарном герое Гражданской войны, исследователь попутно выявил немало документов, имеющих отношение к положению Чувашского края в годы революций и Гражданской войны, к участию наших земляков в событиях тех лет. Эти наработки вылились в целый ряд изданий: сборники статей и очерков «Сыны революционной России» (1983 г.), «Солдаты и матросы Чувашии в Октябрьской революции» (1984 г.), книгу «Наши земляки — герои Гражданской войны» (1984, в соавт. с В.М. Бурмистровым), сборник документов и материалов о бывшем генерале царской армии П.П. Лебедеве «На службе в Красной Армии» (1991 г.), серию сборников биографических очерков об известных уроженцах Чувашии «Они боролись за счастье народное» (в четырех выпусках, 1980–1988 гг.) и «Их имена останутся в истории» (в двух выпусках, 1992 и 1994 гг.). В последних 6 сборниках из 321 очерка более ста написаны руководителем авторского коллектива А.В. Изоркиным. В 1990-е годы для А.В. Изоркина основным направлением в научной работе стала тема «История национально-государственного строительства Чувашской Респ-ублики». Активнейшее участие он принял и в подготовке «Краткой чувашской энциклопедии», вышедшей в 2001 г.: в ней он является автором 274 статей. Не остался А.В. Изоркин в стороне от проблем краеведения. Он создал исторический очерк о г. Ядрин, выпустил книгу о Ядринском спиртовом заводе, написал множество статей по истории своего района и его людям. По делам и почет: в 1990 г. он удостоен звания «Почетный гражданин города Ядрина».

А.В. Изоркин — один из известных современных историков Чувашии. Как автор, руководитель авторских коллективов и специальный редактор он участвовал в создании и издании более 30 книг. Им опубликовано свыше 1000 статей, рецензий и другой печатной продукции. За успехи в научно-исследовательской деятельности, активную пропаганду гуманитарных знаний в 1991 г. А.В. Изоркину было присвоено почетное звание «Заслуженного работника культуры Чувашской Республики». Не меньшую популярность он приобрел в республике как журналист и литературовед, о чем свидетельствует награждение его в 1985 г. журналистской премией им. С.В. Эльгера.

Огромная работоспособность, широкая эрудиция, владение методикой исследовательской работы, умение установить деловые взаимоотношения, способности журналиста-редактора снискали ему заслуженный авторитет. Коллег поражала его искренность, объективность, правдолюбие. Он был своим в любом окружении, прекрасным рассказчиком и внимательным слушателем, всегда готов был прийти на помощь и добрым советом, и конкретным делом; был щедр и хлебосолен к гостям, не терпел высокомерия и надменности. Мир опустел без Вас, Арсений Васильевич!..

Сотрудники отдела истории ЧГИГН.

МЕФОДИЙ ФЕДОРОВИЧ ЧЕРНОВ
1930—2007

Научное творчество Мефодия Федоровича Чернова — одна из объемных и содержательных страниц в истории современной чувашской лингвистики. Его имя в данном плане стоит в одном ряду с именами известных чувашских языковедов-семи-восемидесятников: С.П. Горского, М.Р. Федотова, И.П. Павлова, М.М. Ми-хайлова и др. Об этом видном ученом-филологе, требовательной и эрудированной личности абсолютно не хочется говорить и писать в прошедшем времени. Хотя и находился он в так называемом преклонном достопочтеннейшем возрасте, был всегда полон энергии, творческих замыслов и душевных сил: не болел, на здоровье почти не жаловался. Не раз замечал, как Мефодий Федорович без всякой одышки уверенной походкой поднимался на верхние этажи учебного корпуса Чувашского государственного университета. (На праздничных мероприятиях факультета чувашской филологии еще как здорово плясал!) На мой взгляд, сказала настоящая трудовая и «психоэмоционально-жилистая» закалка, полученная им в годы военного лихолетья. Он, как тысячи и тысячи деревенских чувашских детей, родившихся в ту жестокую пору, до времени стал взрослым, взвалив на свои плечи безжалостно обрушившиеся жизненные тяготы. Видимо, такое предназначение ему было уготовано свыше: родился будущий профессор в год Лошади.

Как-то совсем внезапно покинул старейшина-фразеолог этот бурлящий мир. Это случилось 1 января 2007 г. Частенько до этого, в отчаянные минуты откровений, а приходилось ему в последнее время одновременно заниматься многими животрепещущими вопросами жизни родного университета (член Ученого совета, член профсоюзного комитета сотрудников, председатель Учебно-методической комиссии факультета чувашской филологии и культуры, член Диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20 — «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» и т.д.), то ли всерьез, то ли полущутя, поговаривал: «...Икĕ самрăк хурăн хушшинче хам валли вырăн палăртса хунăха...». В русском переводе можно понимать: «...Я там, на родине, высмотрел для себя местечко между двумя молодыми березками...». На такие высказывания способны только люди упорные, настойчивые, воспринимающие мир трезво и широко. Таким его знали и запомнили коллеги-друзья и соратники-гуманитарии, а также многочисленные ученики. К их числу отношу я и себя, ибо мне посчастливилось трудиться с ним бок о бок более двух десятилетий.

Тернистым и нелегким был путь в большую науку для М.Ф. Чернова. Из прожитых семидесяти семи лет почти полвека он трудился на ниве просвещения, образования и науки. Родился М.Ф. Чернов 28 апреля 1930 г. в деревне Онгапось (чуваш. — *Малти Ункапуç ялĕ*) Чебоксарского района Чувашской Республики, в речи носителей которой явно преобладали фонетические и лексические особенности истинно верховых чувашей: ср.: *аки* «старшая сестра», *апи* «мама», «мать», *халайя* «в город», *олмоçси* «яблоня» и т.д.

Любовь к родной культуре и языку проявилась у него еще в годы учебы в сельской школе. По совету близких родственников он выбрал специальность учителя. Впоследствии, уже на склоне лет, начало своего жизненного пути в одном из своих опубликованных воспоминаний профессор охарактеризовал такими словами: «...*Çавăн пек килсе тухнишĕн кăмăллă, Турра тав тăватăн* (...Весьма доволен, что так случилось, благодарю Бога)». В 1952 г. успешно окончил отделение чувашского языка и литературы, а в 1958 г. — отделение русского языка и литературы историко-филологического факультета Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева. Став филологом, работал учителем чувашского языка и литературы Ишакской средней школы, директором Хыркаксинской семилетней школы Чебоксарского района.

В начале 60-х гг. в республике по многим отраслям гуманитарной науки ощущалась нехватка высококвалифицированных кадров. В 1959 г. М.Ф. Чернов становится аспирантом кафедры чувашского языка и литературы Чувашского государственного педагогического института и в 1962 г. завершает учебу. Затем в 1963 г. в Институте языкознания АН СССР успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Обособленные члены предложения в современном чувашском языке». Получив диплом кандидата наук, полностью отдает себя преподавательской работе: вначале — как старший преподаватель кафедры чувашского языка и литературы, затем — как доцент кафедры русского языка Чувашского государственного педагогического института.

В те годы отдельные республиканские газеты и журналы стали ареной полемики по вопросам чувашского языкознания. Новоиспеченный молодой ученый стал одним из активных участников развернувшейся дискуссии об обособленных членах предложения в чувашском языке. Обстоятельные доводы исследователя не остались незамеченными. Вскоре М.Ф. Чернов был приглашен на должность старшего научного сотрудника в Научно-исследовательский институт ЯЛИЭ при СМ ЧАССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук — ЧГИГН). Почти на протяжении 15 лет он возглавлял здесь отдел языка. В 70—80-х гг. в названном научном подразделении учреждения проводились весьма обширные лексико-грамматические изыскания: готовились академические словари, публиковались монографии и сборники статей почти по всем разделам чувашского языкознания. Тюркский мир до сих пор ценит чувашские сравнительно-исторические изыскания тех времен. Именно в эти годы укрепились связи с венгерскими и болгарскими лингвистами. Основным направлением научных поисков М.Ф. Чернова стал малоизученный раздел чувашской лингвистики — фразеология.

В декабре 1988 г. в Институте языкознания АН Казахской ССР ученый защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему «Фразеология современного чувашского языка». В 1991 г. ему было присвоено ученое звание профессора по кафедре чувашского и русского языков. В 1988—1991 гг. М.Ф. Чернов являлся доцентом, профессором кафедры чувашского и русского языков Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева, а в 1991—1997 гг. заведовал кафедрой чувашского и русского языков пединститута.

С сентября 1998 г. основным местом его работы становится Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова, где вначале он трудится профессором кафедры чувашского языкознания, а в 2003—2004 гг. заведует кафедрой методики преподавания чувашского языка и литературы; с марта 2003 г. — заведующим кафедрой чувашского языкознания и востоковедения им. М.Р. Федотова. М.Ф. Чернову как руководителю учебно-научного подразделения были присущи исполнительность и творческое отношение к порученному делу.

М.Ф. Чернов — видный ученый-лингвист в области теории и практики чувашского языкознания. Его монографии «Фразеология современного чувашского языка» (Чебоксары, 1985), «Современный чувашский язык. Слово, фразеологизм и свободное сочетание слов» (Чебоксары, 1988) и другие работы по фразеологии и лексикологии признаны в ученом мире как научные труды, внесшие значительный вклад в развитие чувашского языкознания и тюркологии в целом. Круг научных интересов М.Ф. Чернова многогранен и широк. В их

числе — вопросы изучения истории чувашского языка, язык художественной литературы, проблемы лексикологии и лексикографии, фразеологии, синтаксиса, пунктуации.

Ученый успешно применял свои теоретические разработки в практике лексикографии и фразеологии. В 1975 г. издал «Краткий русско-чувашский фразеологический словарь», в 1987 г. — «Чувашско-русский фразеологический словарь». Высокую оценку среди специалистов получил его новый большой «Русско-чувашский фразеологический словарь» (Чебоксары, 2003).

М.Ф. Чернов является зачинателем и основателем фразеологии как раздела чувашского языкознания. Он — призванный в тюркологии специалист в области чувашской фразеологии. Ряд его статей был опубликован в центральных изданиях (журналы «Советская тюркология», «Советское финноугроведение»). Рецензии лингвиста увидели свет также в журналах «Советская тюркология» (Издание АН СССР и Азербайджанской ССР) и «Сопоставительное языкознание» (издание Софийского университета в Болгарии).

В последние годы М.Ф. Чернов плодотворно работал в области теории синтаксиса. Он подготовил и обеспечил выход в свет монографии «Современный чувашский язык. Способы грамматической связи в словосочетании» (Чебоксары, 2001). В 2005 г. из печати вышла его монография «Современный чувашский язык. Синтаксис словосочетания». Ученый много внимания уделял также упорядочению и оптимизации пунктуации чувашского языка. Он является составителем учебного пособия-хрестоматии «Развитие чувашской пунктуации» (Чебоксары, 2005).

М.Ф. Чернов — автор 9 монографий и более 170 научных статей. Вот как отзывался о нем известный еще с аспирантских времен его марийский коллега Д.Е. Казанцев (г. Йошкар-Ола): «...Поражают широта охвата фактического материала и глубина его трактовки. Кроме того, мне импонирует стиль изложения ученого. Он очень точный, четкий, без лишних или недостающих слов, подлинно научный. Профессор М.Ф. Чернов — человек с большой буквы и эрудированный ученый. Он являет собой пример, которому должны подражать многие».

М.Ф. Чернов принимал активное участие в общественной жизни республики и университета. Он награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «Ветеран труда» и значком «Отличник народного просвещения РСФСР». В 2006 г. профессор удостоен премии Чувашского госуниверситета им. И.Н. Ульянова в области гуманитарных наук.

Светлая память о Мефодии Федоровиче Чернове навсегда сохранится в сердцах его коллег, учеников и многочисленных воспитанников — учителей чувашского языка и литературы.

Л. Атлай.

НИКОЛАЕВ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ
1939—2007

28 июня 2007 г. после тяжелой болезни скончался видный организатор производства, действительный член Российской академии естественных наук, Российской академии горных наук, Академии технологических наук Российской Федерации, почетный член Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики, заслуженный работник газовой промышленности Российской Федерации, доктор технических наук, профессор Василий Васильевич Николаев.

В.В. Николаев родился 11 февраля в 1939 г. в селе Чувашские Карамалы Аургазинского района Башкирской АССР в крестьянской семье. После окончания Бишкаинской средней школы учился в Салаватском техническом училище. В 1957—1959 гг. работал на предприятиях города Салават. С 1959 по 1962 гг. служил в рядах Советской Армии. В 1962—1967 гг. учился на Салаватском вечернем факультете Уфимского нефтяного института. С 1962 по 1976 гг. работал на Салаватском нефтехимическом комбинате слесарем, инженером, начальником лаборатории, начальником цеха.

Новый этап в жизни В.В. Николаева начался с переездом его по приглашению руководства в г. Оренбург. Здесь он в 1976—1978 гг. работает главным инженером, а затем директором строящегося гелиевого завода Всесоюзного промышленного объединения «Оренбурггазпром». В 1978—1986 гг. он последовательно занимает должности главного инженера, директора Оренбургского гелиевого завода, заместителя начальника Всесоюзного промышленного объединения «Оренбурггазпром». В 1986 г. назначается главным инженером ВПО «Оренбурггазпром», а в 1989 г. — его начальником. После реорганизации объединения в государственное предприятие «Оренбурггазпром» концерна «Газпром» в 1991 г. В.В. Николаев был утвержден на должность генерального директора. В 2002 г. ушел на заслуженный отдых и занялся научно-исследовательской работой.

На всех руководящих должностях его отличали высокий профессионализм и незаурядные организаторские способности. Заслуги В.В. Николаева были отмечены высокими государственными наградами: орденом Почета, медалями; он является дважды лауреатом премии РАО «Газпром», премии НТО НТ имени И.М. Губкина, Национальной общественной премии имени Петра Великого, удостоен звания «Заслуженный работник газовой промышленности Российской Федерации».

В.В. Николаев — один из ярких чувашских ученых. Диапазон его научных интересов был необычайно широк — от проблем извлечения гелия из природного газа, оптимизации

технологии переработки газа и конденсата и их транспортировки до вопросов этногенеза чувашского и других народов, национального художественного творчества чувашей. Достаточно сказать, что он является автором 83 научных трудов, в том числе 9 монографий по истории и культуре чувашей. Кроме того, им сделано 35 изобретений, на которые выдано 23 авторских свидетельства и 12 патентов.

С конца 1990-х гг. он увлеченно занимается изучением малоисследованных проблем этнической истории и традиционной культуры чувашского народа, ведет активную работу по популяризации и пропаганде знаний в этой области. Благодаря его личной инициативе и материально-финансовой поддержке, в 2000 г. был создан некоммерческий Фонд историко-культурологических исследований имени К.В. Иванова (зарегистрирован в г. Москва), который оказывает материально-финансовую поддержку реализации различных научных и нацио-нально-культурных программ.

В.В. Николаев был в высшей степени одарен особым исследовательским чутьем, интуицией, которая позволила ему — специалисту в области естественно-технических дисциплин и не получившему азов исторической науки в вузе, сразу почувствовать вкус к, казалось бы, диаметрально противоположной области науки и, как говорится, «на ходу» быстро и интенсивно овладеть историческими знаниями.

В.В. Николаевым написаны и изданы труды, встреченные с большим интересом научной общественностью, в частности: «Чуваши: этническая история и традиционная культура» (М., 2000, в соавторстве); «Чувашский костюм от древности до современности» (Москва—Оренбург—Чебоксары, 2002, в соавторстве); «Генеалогия чувашского народа» (Чебоксары, 2004); монография «История предков чувашей (XXX в. до н.э. — XV век н.э.)». Он жил планами новых задуманных работ. В последнее время В.В. Николаев энергично работал над подготовкой к изданию семитомной серии «Иллюстрированная история чувашей». Но смерть остановила его целеустремленную научно-просветительскую деятельность на полпути: ему удалось выпустить в свет только три тома задуманной им уникальной в своем роде серии. Буквально в самый последний момент он подписал в печать очередной свой труд — атлас «История чувашей: Древняя эпоха».

Примечательная особенность научно-популяризаторского подвига В.В. Николаева заключается в том, что он, будучи уже в солидном возрасте и находясь на высокой и ответственной должности, сумел увлечься историей народа, и не столько для души и из простого любопытства, а сколько из желания принять активное личное участие в закрытии в ней многочисленных «белых пятен». Более того, ему удалось сразу и безошибочно определить самые «больные» точки в проблематике этногенеза чувашей.

Пожалуй, как никто до него, он придавал исключительное значение выявлению, анализу и введению в научный оборот новых разнообразных сведений и материалов по древней истории чувашского народа, относящихся зачастую к эпохам до нашей эры. Конечно, не все, что опубликовано В.В. Николаевым, принимается исследователями, и это нормально для научной практики. Дискуссии вокруг его работ еще впереди. Но неоспорим тот факт, что книги В.В. Николаева определенно всколыхнули национальное историческое сознание и подстегивают чувашских ученых смелее и активнее браться за научное разрешение многочисленных проблем древней истории народа.

И еще. В.В. Николаев проявил себя не только как глубокий и разносторонний ученый, но и как талантливый издатель, умеющий придать научным изданиям оригинальную художественную выразительность и яркую красочность. В частности, безусловной новизной его работ является широкое использование иллюстративного и картографического материала, которому он придавал огромное значение.

В.В. Николаев внес неоценимый вклад в исследование и популяризацию народного искусства и музейного наследия. Книга «Чувашский костюм от древности до современности», созданная им совместно с искусствоведом Г.Н. Ивановым-Орковым и этнографом, доктором исторических наук В.П. Ивановым, на основе редких коллекций из фондов музеев Санкт-Петербурга, Чебоксар, Казани, Уфы, Саратова, Ульяновска, Оренбурга, Хельсинки и США, стала лауреатом конкурса Ассоциации книгоиздателей России в 2003 г., была представлена и особо отмечена на Международной книжной ярмарке в г. Франкфурт-на-Майне в 2004 г.

Интерес к корням, к историко-культурным истокам своего народа был естественным состоянием В.В. Николаева. Именно умение хранить и чтить прошлое он считал одним из признаков интеллигентности, оно было для него своеобразным строгим мерилем уровня культуры, в том числе и власть имущих. Неудивительно, что исследовательскую деятельность в области истории народа он начал с генеалогии своего большого и славного рода, перейдя затем плавно на родословные всех жителей родной деревни. В 1999—2003 гг.

он в соавторстве с М.Х. Сафиним написал и издал три монументальных иллюстрированных тома «История возникновения и развития деревни Чувашские Карамалы». Надо отметить, что подобных капитальных научных генеалогических исследований нет ни по одному чувашскому роду, как, впрочем, нет их и у других поволжских народов. Данный трехтомник — новаторское явление в современной гуманитарной науке и достоин высокой оценки как актуальное и оригинальное исследование. К сожалению, при жизни В.В. Николаева он остался как-то незамеченным и неотмеченным.

В.В. Николаеву, естественно, не просто как всякому исследователю, а во многих отношениях первопроходцу, очень необходим был заинтересованный отклик на его книги по проблемам этногенеза чувашского народа. Но при жизни, к сожалению, опубликованных рецензий на свои работы он так и не дождался. Наверное, одни его воспринимали как историка-графомана, другие просто боялись «связываться» с уже имеющим солидный научный вес автором, третьим было все безразлично. Будучи человеком тонкой душевной организации, легко ранимым, он нередко испытывал обиду и остро переживал из-за бездушного отношения чиновников к вопросам организации научных исследований по этнической истории народа, популяризации и пропаганды богатого национального культурного наследия.

Василий Васильевич был настоящим патриотом — искренне, порой с болью в сердце любил свой народ, Чувашию и свою малую родину — с. Чувашские Карамалы в Башкирии. Здесь он за счет привлеченных спонсорских средств построил православный храм, сельский рынок, заасфальтировал улицы, помог с реконструкцией Дома культуры, средней школы.

Как меценат и спонсор он оказывал финансовую помощь местным чувашским юношам и девушкам в получении высшего образования, ученым, краоведам и писателям — в издании книг. Ему до всего было дело, касается ли это архитектурного облика Чебоксар, благоустройства чувашских селений, художественного уровня концертных и театральных представлений, проблем экономического развития Чувашии, вопросов организации деятельности Чувашского национального конгресса и чувашских культурных центров в различных регионах России. Он охотно выезжал в другие города страны на встречи с чувашской диаспорой, инициативно и на свои средства привозил туда из Чебоксар концертных исполнителей и деятелей национальной культуры и науки. Так, только в течение 2005—2006 гг. В.В. Николаев выступил с лекциями об этнической истории чувашского народа в Москве, Санкт-Петербурге, Уфе, Тюмени, Красноярске, Таллине, Оренбурге и Чебоксарах. В апреле 2007 г., незадолго до кончины, по его инициативе и на его средства в Оренбурге была проведена научно-практическая конференция «Проблемы истории и современного этнокультурного развития чувашей Оренбуржья», в работе которой приняли участие также ученые и деятели культуры из Чувашии, Башкортостана и Самарской области.

Тем, кому посчастливилось работать рядом с В.В. Николаевым, запомнилась его неукротимая энергичность в достижении поставленной цели. Он был неутомим, делал все с энтузиазмом и подъемом буквально наслаждался творческим процессом. Не может не поразить тот факт, что ему буквально за 7—8 лет активной исследовательской деятельности удалось создать и выпустить в свет огромными тиражами целую серию великолепно оформленных оригинальных трудов.

В.В. Николаев очень дорожил временем, что было отпущено ему судьбой. Даже в дорогу (в самолет) он брал с собой наброски своих очередных книг и продолжал работать над ними. Работал он в основном в Москве и Чебоксарах. В Чувашию приезжал наездами на 10—15 дней и по заведенному им плотному графику планомерно и методично достигал поставленных целей. Все же В.В. Николаев находил время и для встреч с деятелями культуры и науки. Охотно посещал выставки в Чувашском художественном музее, творческие мастерские художников (Ф. Мадурова, В. Нагорнова, Праски Витти, А. Алимасова, А. Бахмисова, В. Агеева и др.), бывал на спектаклях в Чувашском государственном академическом театре им. К.В. Иванова. Он был частым гостем в Чувашском государственном институте гуманитарных наук, а в год празднования 70-летия института в 2000 г. оказал ему солидную финансовую спонсорскую помощь. Были у него интересные и взаимно плодотворные встречи с известными исследователями В.Д. Димитриевым, Н.И. Егоровым, А.П. Хузангаем, Г.И. Та-фаевым, В.С. Григорьевым, А.А. Трофимовым, деканами исторических факультетов ЧГУ им. И.Н. Ульянова Ю.П. Смирновым и ЧГПУ им. И.Я. Яковлева Б.В. Каховским, директором филиала Санкт-Петербургского Института инженерно-экономического университета в Чебоксарах А.С. Никитиным и ректором Института образования Чувашской Республики В.Д. Даниловым и др. Огромное значение придавал В.В. Николаев музейному делу, часто обсуждал с директором Чувашского национального музея Э.К. Бахмисовым концептуальные

проблемы оформления новых экспозиций музея, посетил Музей космонавтики в Шоршелах, родину востоковеда Н.Я. Бичурина и музей его имени в с. Кутеси, музей Н.И. Лобачевского в г. Козловка, Булгарский и Билярский музеи-заповедники (Республика Татарстан) и т.д.

Следует отметить, что каждый раз, находясь в Чебоксарах, В.В. Николаев считал своим долгом лично донести до руководителей республики свои соображения и предложения по оптимизации развития национальной культуры и чувашеведческих наук. Его принимали и обсуждали с ним данный круг проблем и Президент Чувашской Республики Н.В. Федоров, и Руководитель Администрации Президента Э.А. Аблякимов, и руководители Министерств культуры, экономики, образования.

Василий Васильевич был не только талантливым руководителем и ученым. Он был очень обаятельным человеком, обладал тонким юмором, был интересным собеседником, увлекался искусством и охотой. Он не чурался дружеских застолий, без конца мог рассказывать интересные истории из своей богатой событиями жизни, мог порадовать неожиданным веселым экспромтом. Куда бы он ни приезжал, с кем бы ни встречался — он оставлял после шлейф только приятных и добрых впечатлений. Люди тянулись к нему.

За заслуги в развитии науки и весомый вклад в дело изучения и популяризации исторического и культурного наследия народа В.В. Николаев в 1999 г. награжден Почетной Грамотой Чувашской Республики, в 2001 г. ему присуждено звание лауреата Государственной премии Чувашской Республики в области науки, в 2006 г. — в области литературы и искусства. Активная и плодотворная деятельность В.В. Николаева по сохранению национального культурного наследия и формированию в обществе уважительного отношения к исторической памяти народа отмечена вручением ему в 2005 г. юбилейной медали М.А. Шолохова (Москва) и в 2006 г. — Всечувашской премии Фонда им. И.Я. Яковлева (Ульяновск).

Утрата Василия Васильевича Николаева для науки, для чувашского народа и Чувашии невосполнима. Однако он всегда будет жить в своих замечательных книгах, в памяти народа, которому отдал свою жизнь, в памяти всех близких ему людей.

Список трудов В.В. Николаева по истории и культуре чувашского народа

История возникновения и развития деревни Чувашские Карамалы: Генеалогическое древо первопоселенца Никиты Авдокима. Книга I. Оренбург, 1999. 300 с.; илл., карт. В соавторстве с С.Ф. Никитиным и М.Х. Сафиним.

Чуваши: этническая история и традиционная культура. М.: ДИК, 2000. 96 с.; илл., карт. В соавторстве с В.П. Ивановым и В.Д. Димитриевым.

Чувашский костюм от древности до современности. Москва—Оренбург—Чебоксары, 2002. 400 с.; илл., карт. В соавторстве с Г.Н. Орковым-Ивановым и В.П. Ивановым.

История возникновения и развития деревни Чувашские Карамалы: Генеалогическое древо первопоселенца Никиты Авдокима. Книга II. Оренбург, 2002. 552 с.; илл., карт. В соавторстве с М.Х. Сафиним.

История возникновения и развития деревни Чувашские Карамалы. Служение отечеству. Книга III. Оренбург, 2003. 552 с.; илл., карт. В соавторстве с М.Х. Сафиним.

Генеалогия чувашского народа. Чебоксары, 2004. 8 с.; илл., карт.

История предков чувашей. XXX в. до н.э. — XV в. н.э. Чебоксары, 2005. 472 с.; илл., карт.

Иллюстрированная история чувашей. Книга I. Древняя эпоха — до 500 г. до н.э. Чебоксары, 2006. 100 с.; илл., карт.

Иллюстрированная история чувашей. Книга II. Античность—I — с 499 г. до н.э. до 1 г. н.э. Чебоксары, 2006. 144 с.; илл., карт.

Иллюстрированная история чувашей. Книга III. Античность—2 — с 1 г. н.э. до 500 г. н.э. Чебоксары, 2007. 156 с.; илл., карт.

История чувашей: Древняя эпоха. Атлас. Чебоксары, 2007. 80 с.; илл., карт.

В.П. Иванов.

ЭКСПЕДИЦИИ

В 2006 г. Министерством культуры, по делам национальностей, информационной политики и архивного дела Чувашской Республики был сделан заказ Чувашскому государственному институту гуманитарных наук подготовить «Этнокультурный паспорт русского населения Чувашской Республики». Преследуемая цель — получение данных, проливающих свет на социально-культурное состояние и национальное самочувствие русских, характер и особенности происходящих в их среде этнокультурных процессов, выявление позитивных и негативных явлений в их взаимодействии с другими национальностями. (Краткие этнокультурные паспорта других нетитульных национальностей республики — мордвы, татар, мари — были составлены еще в 1990-е гг.) Такой рабочий документ необходим для ведения текущей практической работы по реализации основных направлений государственной национальной политики на территории республики.

Этнокультурный паспорт русского населения был составлен и представлен в Министерство в 2007 г. на основе экспедиционных и иных дополнительных материалов, собранных в июле—декабре 2006 г. сотрудниками отдела этнологии и антропологии — доктором исторических наук В.П. Ивановым, кандидатами исторических наук Г.Б. Матвеевым и П.П. Фокиным, кандидатом политических наук А.Е. Шумиловым. Экспедиционный материал собирался в соответствии со специально разработанной программой в Цивильском, Вурнарском, Шемуршинском, Шумерлинском районах и в г. Шумерля (В.П. Иванов), Алатырском, Мариинско-Посадском, Ибресинском, Комсомольском районах и в г. Алатырь (Г.Б. Матвеев), Поречском, Козловском, Янтиковском и Урмарском районах (П.П. Фокин), Ядринском районе и в городах Чебоксары, Новочебоксарск и Канаш (А.В. Шумилов).

Паспорт объемный (насчитывает 183 стр.), состоит из Введения, 16 разделов, Заключения и 4 Приложений. Его содержание охватывает самые разные темы: история заселения русскими территории Чувашии, численность, расселение и социально-демографические процессы, традиционные занятия и промыслы, религия, образование и воспитание, современная инфраструктура этнокультурной деятельности русских в городах и районах, культурно-просветительская работа, народное художественное творчество, библиотечное обслуживание, музейное дело, бытование традиционных праздников, обрядов, обычаев и фольклора. Особое внимание уделено вопросам места и роли русских в структуре межнациональных отношений в республике, их этнопсихологическому самочувствию. В Приложениях приведены полный и уточненный списки сельских населенных пунктов республики с численно преобладающим русским населением с указанием числа жителей, исторических сведений о некоторых старинных русских селениях, кратких биографических сведений ряда известных представителей русского населения Чувашии.

Экспедиционное обследование показало, что общее этнокультурное состояние русского населения в районах и городах республики удовлетворительное. Ни в одном районе и сельском населенном пункте, которые были обследованы, не было зафиксировано каких-либо жалоб на отсутствие внимания местных и республиканских органов власти к специфическим этнокультурным проблемам русского населения. Вместе с тем и то верно, что отсутствие прямых жалоб (факт сам по себе достаточно примечательный и свидетельствующий о позитивных сдвигах), адресованных в органы власти по поводу негативных моментов в сфере национально-культурной жизни населения республики, еще не говорит об отсутствии соответствующих проблем.

Безусловно, самые широкие возможности для полноценной этнокультурной деятельности в вопросе сохранения и развития национальных начал местного русского населения имеются и обеспечиваются в крупных городах республики — Чебоксарах,

Новочебоксарске, Канаше, Шумерле и Алатыре. Здесь создана соответствующая культурная, образовательная и информационно-коммуникационная структура, накоплен кадровый ресурс и сформировалась необходимая политическая и общественная атмосфера для реализации различных идей и проектов. Этнокультурная составляющая социальной жизни русского населения всей Чувашии поддерживается, по существу, соответствующим потенциалом указанных городов.

Особо важную роль в сохранении и развитии этнокультуры русского населения всей республики играет ее столица — Чебоксары, где проживает 42,5% всего русского населения Чувашии. Безусловно, значительный удельный вес русского населения в Чебоксарах (34,6%) играет огромную роль в активизации национального компонента социально-культурной жизни русских. Тем более, что здесь сконцентрирована вся русская творческая интеллигенция республики.

Русское население районов, на территории которых располагаются крупные города (Чебоксарский, Шумерлинский, Канашский), в этнокультурном плане интегрировано в городскую промышленную культуру, ибо на протяжении десятков лет оно ориентировалось на работу исключительно на городских предприятиях и учреждениях.

Сохраняется и развивается этнокультура у русских тех районов, центрами которых являются города, население которых издавна исторически состояло из русских (Козловка, Цивильск, Ядрин, Мариинский Посад). В таких райцентрах деятельность культурных и образовательных учреждений имеет сугубо двуязычный характер, да и коллективы специалистов и работников состоят из русских и чувашей. Сравнительно несколько пассивная атмосфера характерна для этнокультурной жизни русских тех районов, центрами которых являются поселки городского типа (Вурнары, Ибреси).

В тех же сельских районах, где русское население малочисленно и проживает всего лишь в 1—3 селениях (Янтиковский, Урмарский, Комсомольский, Шемуршинский, Моргаушский), их быт в значительной степени утратил этнокультурное содержание.

В этнокультурном плане особое положение занимают Алатырский и Поречский районы. Алатырь стал своеобразным центром этнической консолидации русского населения. Здесь национальные чувства русских выражаются более активно и последовательно, чем в других городах и районах республики. В указанных двух районах, а также в Чебоксарах и Новочебоксарске, наиболее полно, насколько это возможно в современных условиях, реализуются социально-культурные программы по сохранению и развитию национальной культуры русского населения Чувашской Республики.

Что касается общей атмосферы межэтнического взаимодействия в Чувашии, то, как подтвердили экспедиционные наблюдения, в этом вопросе стержневой, определяющий характер имеют отношения между чувашами и русскими, составляющими вместе 94,3% населения республики. Чувашско-русские отношения исторически характеризуются отсутствием с обеих сторон сколько-нибудь устойчивых и выраженных этнических предубеждений. Эти отношения и сегодня отличаются достаточной стабильностью и предсказуемостью. Обеспечивается это не только взвешенной и довольно осторожной политикой республиканского и местного руководства, но и историческими традициями и культурой межнационального общения чувашей и русских.

В.П. Иванов.

* * *

**Конференции, выставки, презентации,
семинары в ЧГИГН. Хролика**

22—23 января 2007 г. Межрегиональная научная конференция «Педэр Хузангай — поэт и гражданин XX века», посвященная 100-летию со дня рождения народного поэта Чувашии Педэра Хузангая (1907—1970).

26 января. Презентация книг: «Композиторы Воробьевы» и «Ученые».

31 января. Персональная выставка народного художника Чувашской Республики Ф.П. Осипова «Федор Осипов. Графика. Живопись», посвященная 90-летию со дня рождения художника.

8 февраля. Республиканская научно-практическая конференция «Проблемы детства в контексте междисциплинарных исследований».

12—16 февраля. Научная сессия по итогам 2006 года «Научные изыскания. 2006».

16 февраля. Межрегиональная научно-практическая конференция «Изучение истории и культуры родного края и чувашского народа».

2 марта. Презентация I тома Чувашской энциклопедии «Чувашская энциклопедия — универсальный свод знаний».

2 марта. Село Янтиково Чувашской Республики. Презентация монографии «Композиторы Воробьевы», посвященная 120-летию со дня рождения композитора В.П. Воробьева, «В.П. Воробьев в музыкальном искусстве Чувашии».

14 марта. Выездная научно-практическая конференция «Е. Еллиев — создатель больших и ярких художественных образов», посвященная 100-летию со дня рождения Е.В. Еллиева.

15 марта. Семинар «Методика сбора и обработки чувашских фольклорно-топонимических сведений».

2 апреля. Персональная выставка «В.И. Агеев. Графика. Живопись», посвященная 75-летию народного художника Чувашской Республики В.И. Агеева.

5 апреля. Научно-практическая конференция «Проблемы чувашской детской литературы и фольклора».

10 апреля. Семинар-тренинг «Научные русскоязычные ресурсы сети Интернет».

20 апреля. День научной книги, проводимый в рамках V Республиканского фестиваля национальной книги «Между Волгой и Сурой». Презентация трудов института: «Город Новочебоксарск: Исторический очерк. 1960—2005 гг.», «Гуманитарные науки в истории и современном развитии общества» и первого номера журнала «Чувашский гуманитарный вестник».

26 апреля. Выездное заседание отдела языкознания «Ф.Т. Тимофеев и его идеи в современном освещении», посвященное 120-летию со дня рождения Тимухха Хёветёрё (1887—1941) и Дню чувашского языка.

5 июня. Научная конференция «Актуальные проблемы и дискуссионные вопросы истории Поволжья и Приуралья».

А.В. Кузнецов.

Правила для авторов*

1. Материалы для публикации должны соответствовать тематике журнала и представлять оригинальное научное исследование, не издававшееся ранее. Как исключение к печати могут быть приняты сочинения, издававшиеся частично — до 25% объема. Текст представляемой научной продукции должен быть тщательно выверен авторами на предмет наличия орфографических ошибок и опечаток.

2. Представляемые в редакционную коллегию материалы должны иметь титульный лист, содержащий следующие сведения: фамилия, имя, отчество автора; почтовый адрес; адрес электронной почты; номер телефона (домашнего, рабочего, мобильного); место работы; должность; ученая степень и ученое звание; тематика научных изысканий. На первой странице рукописи печатаются: название статьи (сообщения); инициалы и фамилия автора (инициалы перед фамилией). Заголовок набирается строчными буквами. На первой странице под текстом указывается: полное имя, отчество и фамилия автора; ученая степень, ученое звание и должность. Форма: Иванов Иван Иванович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературоведения Чувашского государственного университета.

3. Материалы для публикации должны быть напечатаны в 2 экземплярах, на одной стороне листа. В редакционную коллегию они представляются вместе с электронным вариантом (на дискете). Распечатанный текст должен быть подписан автором (авторами). Основные параметры верстки печатного и электронного текстов: кегль — 14 пунктов, межстрочный интервал — полуторный, формат страницы — А4, выравнивание по ширине (для заголовка — по центру), отступ абзаца — 1 см, все поля 2 см, без переносов, нумерация страниц снизу и по центру листа. Гарнитура Times New Roman. Редактор — MS Word. При наличии таблиц и рисунков они должны быть созданы стандартизированными средствами MS Word и внедрены в текст. Таблицы и рисунки должны иметь собственную нумерацию и названия. В таблицах обязательно указываются единицы измерения величин. Названия и нумерация к ним помещаются над конструкцией и набираются полужирным шрифтом 12. Текст внутри таблиц набирается шрифтом 12. Нумерация и пояснения к рисункам помещаются под конструкцией и набираются шрифтом 12. Формулы располагаются по центру страницы. Шрифт для греческих букв Symbol, для всех остальных — Times New Roman. Число таблиц и рисунков в рукописи не должно превышать 6. Фотографии прилагаются в двух файлах — в тексте рукописи и отдельной единицей — с разрешением 300 dpi в формате TIFF, JPEG.

4. Рукописи в редакционную коллегию авторами предоставляются вместе с двумя рецензиями, написанными кандидатами или докторами наук по профильной научной дисциплине. Они должны быть заверены печатью той организации, где работают рецензенты. Решением редакционной коллегии полученные материалы могут быть приняты к печати, отправлены на дополнительное рецензирование или возвращены на доработку. Возвращение рукописи на доработку не означает, что она принята к печати.

Доработанный текст автор вправе вновь предоставить вместе с первоначальным его вариантом и ответами на замечания в редакционную коллегию журнала.

5. Поступившие в редакционную коллегию рукописи, как принятые к печати, так и отклоненные, а также рецензии и сопутствующие материалы поступают в Научный архив ЧГИГН. Они авторам не возвращаются.

6. В рукописях допускается использование общеизвестных аббревиатур (СССР, РСФСР и др.). В случае оперирования с малоизвестными аббревиатурами в тексте при первом употреблении им должны предшествовать расшифрованные формы. Например: Всероссийский союз городов (ВСГ). Замена ключевых понятий исследования (например, «СО» вместо сельское общество) аббревиатурами не допускается.

7. Структура статьи (сообщения) должна определяться соображениями целесообразности. В ее (его) вводной части (не менее 0,5 стр.) обязательны постановка проблемы

* Положение о научном журнале «Чувашский гуманитарный вестник» опубликовано в № 1 за 2006 г.

и определение исследовательских задач, в заключительной (не менее 0,5 стр.) — полученные в ходе анализа выводы. Статью (сообщение) завершают Примечания и Краткое резюме. Использованная литература и источники указываются в Примечаниях.

8. Ссылки на использованную литературу и источники даются с помощью автоматических номерных сносок в конце текста. Кегль — 14 пунктов. Фамилия и инициалы авторов исследований в сносках выделяются курсивом. Названия архивов даются аббревиатурами. При первом употреблении аббревиатуры должны быть расшифрованы. Форма: Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).

9. Источники, представленные для публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы должны быть оформлены в соответствии с «Правилами издания исторических источников» (М., 1990) и иметь Предисловие, Примечания и комментарии.

10. Ориентировочный объем для публикаций: для статьи — до 30 страниц (55 тыс. знаков), сообщения — до 15 страниц (20 тыс. знаков), рецензий — 7 страниц (12 тыс. знаков), аннотации — до 3 страниц (5 тыс. знаков). В печатный объем входят текст, таблицы, рисунки и список литературы. Источники, представленные к публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, могут иметь объем до 23 страниц (40 тыс. знаков). Объем Краткого резюме к статье (сообщению) — 8—10 строк.

11. Редакционная коллегия вправе вносить в настоящие Правила изменения.

СОДЕРЖАНИЕ

История

<i>Е.П. Погодин.</i> Подряды и откупа купцов в Чувашии в XVII—XIX веках....	3
<i>В.Н. Клементьев.</i> Национальное самоопределение народов Среднего Поволжья и Приуралья в послеоктябрьский период и автономизация чувашей (ноябрь 1917—1919 годы)	23
<i>И.И. Бойко.</i> Чувашская областная (республиканская) организация КПСС (КП РСФСР) в условиях политического противостояния: опыт и уроки 1985—1991 годов	45

Социология и правоведение

<i>В.П. Иванов.</i> Этносоциологические исследования в Чувашской Республике: вехи пройденного пути	61
<i>В.Г. Харитонова.</i> Культурный потенциал населения Чувашской Республики в 1995—2006 годах: опыт апробации методики «Социологический портрет региона»	70
<i>Т.Н. Вязовская.</i> Ипотечное жилищное кредитование в Чувашской Республике: правовое регулирование и механизм реализации	85

Искусствоведение

<i>А.И. Мордвинова.</i> Деревянная церковная скульптура Чувашии (XVIII—XIX века)	101
--	-----

Филология

<i>В.А. Ендеров.</i> Изустная литература в чувашском словесном искусстве: к постановке проблемы	116
<i>А.В. Кузнецов.</i> О типах и функциях формул речевого этикета в чувашском языке	129

Исторические портреты

<i>Ю.В. Гусаров.</i> Анна Ефимовна Алфимова (Анатолия)	142
--	-----

Исторический архив: публикация источников

<i>Г.А. Николаев.</i> Обретение чувашскими переселенцами второй малой родины на башкирских землях в XVIII — начале XX веков	154
---	-----

Научное наследие

<i>В.Г. Егоров.</i> Рец. на: Omeljan Pritsak. Tschuwaschische Pluralsuffixe // Studia Altaica. Festschrift fur Nikolaus Poppe. Wiesbaden, 1957. S. 137—155 ...	180
--	-----

Рецензии

<i>В.Г. Харитонова.</i> Рец. на: Предпринимательство Поволжья: истоки, традиции, проблемы и тенденции развития. Материалы научной	
---	--

конференции, 23—24 июня 1997 г. Чебоксары, 1998. 336 с.; Поволжье в системе всероссийского рынка. Материалы научно-практической конференции, 5—6 октября 1999 г. Чебоксары, 2000. 372 с.; Мир предпринимательства Поволжья в исторической ретроспективе. Материалы научной конференции, 15—16 ноября 2001 г. Чебоксары, 2002. 260 с.	187
<i>В.Д. Димитриев.</i> Рец. на: П.Т. Тихонов. Лесное хозяйство Чувашии в XX веке: Исторический опыт и уроки развития. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. 224 с.	190
<i>Д.А. Захаров.</i> Рец. на: Подвиги уроженцев Чувашии на фронтах Великой Отечественной войны (июнь 1941 г. — май 1945 г.). Сборник документов: извлечения из наградных листов. / Сост. <i>В.М. Михайлов.</i> Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2005. 412 с.	193
<i>Ю. Димитриева.</i> Рец. на: Клара Адягаши. Ранние русские заимствования тюркских языков Волго-Камского ареала I // <i>Studies in Linguistics of the Volga Region. Vol. II. Debrecen, 2005. 216 p.</i>	194
<i>М.Н. Губогло.</i> Рец. на: Иванов В.П. Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2005. 383 с.	197
<i>Р.К. Рахимов.</i> Рец. на: Г.Б. Матвеев. Чувашское народное зодчество: от древности до современности. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2005. 256 с.	200
<i>Т.Г. Пантелеева.</i> Рец. на: Е.В. Федотова. Истоки и формирование жанров чувашской литературы XVIII—XIX вв. Чебоксары, 2006. 144 с.	202
<i>М.В. Голубчикова.</i> Рец. на: М.Г. Кондратьев. Композиторы Воробьевы. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2006. 336 с.	204
<i>Л.А. Таймасов.</i> Рец. на: История сел и деревень Республики Марий Эл. Горномарийский район: Сборник документальных очерков / Автор-сост. <i>А.Г. Иванов.</i> Йошкар-Ола: Комитет Республики Марий Эл по делам архивов, Государственный архив Республики Марий Эл, Администрация муниципального образования «Горномарийский район», 2006. 648 с., илл.	208
<i>А.М. Егоров.</i> Рец. на: М.А. Михайловский, Ю.Л. Лаврентьев, М.В. Демидов. Внешний государственный финансовый контроль в Чувашии. Чебоксары: ГУП ИПК «Чувашия», 2007. 360 с.	210

Новая зарубежная литература

<i>А.П. Хузангай.</i> Аннотация на книгу: <i>Arto Moisio, Eduard Fomin, Jorma Luutonen. Tšuvassilais-suomalainen sanakirja / Чăвашла-финла словарь // Publications of the Department of Finnish and General Linguistics of the University of Turku, 76. Turku: Vammalan Kirjapaino Oy, 2007. XIII + 290 s.</i>	213
Наши юбиляры	215
Памяти коллег	227
Научная жизнь	238
Правила для авторов	241

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Чувашский гуманитарный вестник
2007 № 1
Январь—июнь

Научный журнал

Ответственный за выпуск *Г.А. Николаев*
Редактор *В.А. Прохорова*
Художественный редактор *А.А. Трофимов*
Технический редактор *А.А. Трофимов*
Корректор *Г.И. Алимасова*
Верстка *Э.В. Кириловой*

Публикуемые материалы не обязательно отражают
точку зрения редколлегии
При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Чувашский гуманитарный вестник» обязательна

Адрес учредителя:
428015, Чебоксары, Московский пр., д. 29, корп. 1
тел. 8(8352) 45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05
e-mail: human2000@yandex.ru

Издатель — ГНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»

Подписано к печати 25.12.07. Формат 70 x 100¹/₁₆. Печать оперативная.
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Физ. п.л. 19,8.
Усл. печ. л. 19,99. Уч.-изд. л. 19,4. Тираж 300 экз. Заказ № 43.

Чувашский государственный институт гуманитарных наук
428015, Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1